

Владимир Аркадьевич Мальцев
Пещера мечты. Пещера судьбы

Владимир
МАЛЬЦЕВ

ПЕЩЕРА
МЕЧТЫ
ПЕЩЕРА
СУДЬБЫ

Размышления
спелеолога
в форме
вольного трепа

«АСТРЕЛЬ»

«Пещера мечты. Пещера судьбы. Размышления спелеолога в форме вольного трепа»:
Астрель; Москва; 1997
ISBN 5-7947-0046-7

Аннотация

Уважаемые читатели! Предлагаемая вашему вниманию книга посвящена Кап-Кутану — одной из самых знаменитых пещер, входящих в десятку красивейших в мире. Она написана спелеологом, прошедшим под землей свыше тысячи километров и опубликовавшим около сорока научных работ, посвященных пещерам. В данном произведении, пожалуй впервые в отечественной литературе, предпринята попытка в художественной манере рассказать об исследовании пещер на примере Кап-Кутана и на примере одной из команд спелеологов. Автор не скрывает своей, во многом субъективной, позиции по отношению к описываемым событиям, людям. Это позиция нашла отражение и в выборе стиля изложения, лексики, даже в отношении к некоторым общепринятым грамматическим нормам. Однако мы надеемся, что книга будет интересна и тем, кто увлекался и увлекается спелеологией, и тем, кто просто любит литературу о путешествиях, и тем, кто еще только пытается найти себе дело по душе.

Владимир Мальцев
ПЕЩЕРА МЕЧТЫ. ПЕЩЕРА СУДЬБЫ
Размышления спелеолога в форме вольного трепа
ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ

Книга «Пещера мечты. Пещера судьбы» давно уже стала библиографической редкостью. А учинять новое бумажное переиздание я не буду. Во-первых, по состоянию книжной торговли. На расчетную аудиторию (любопытная неопределившаяся молодежь) она все равно не попадет, а в аудитории сложившихся спелеологов роль ее оказалась неожиданно разрушительной, несмотря на «культовость». Вместо подхлестывания любопытства получилось насыщение каналов остатков онога с весьма закономерным результатом — еще большим уходом тусовки спелеологической в потребительство.

А книга — для тех, кто еще не успел окунуться в занудно-спортивный и глубоко коммерциализированный мир современной спелеологии. И тем самым — имеет шансы. Но только — если имеет любопытство. Активное любопытство. Готовность жертвовать многим ради удовлетворения этого любопытства. Собственно, именно это и задает шансы человека на оставление следа в истории. Вот для них — эта электронная версия и кладется в Интернет. На не особо рекламируемый сайт. Дабы активно любопытный человек — всегда нашел. А остальные обойдутся.

То есть, если вдруг кто захочет выпустить новое бумажное издание, я как бы не против. От книги я дистанцировался, она теперь живет собственной жизнью, почему и переводится на лицензию shareware. Меня при этом спрашивать как бы незачем, гонораров мне тоже не надо. Я для себя нашел в литературе более интересную нишу, и смешивать аудитории не считаю правильным. Единственное — если кто будет выпускать, то либо по тому тексту, который выходил в «Астрели», либо по приведенному здесь, пометив, что это первоначальная версия. Редактировать при этом не следует, хотя корректура допустима. Переводы также свободно разрешены.

Теперь о том, чем данная версия отличается от опубликованной. Это — черновик до его выглаживания с редакторами. Да, он где-то коряв. Но, по-моему, таки чуть посильнее итоговой версии. Наверное, не только по-моему. Не зря же после месяцев работы с редактором она сама, оценив результат, вычистила нафиг из выходных данных информацию о своем участии. Хотя я ей глубоко благодарен. В тексте довольно много опечаток. Хрен с ними. Не просто потому, что лень чистить, а потому, что, правя опечатку, подчас трудно удержаться от соблазна пригладить соседнюю фразу. Не хочу...

На персональном сайте автора (geo-art.ru) найдется и в некотором роде продолжение книги... Называется «Взгляд из-под земли». Когда мы готовили бумажный выпуск, проект,

собственно, планировался двойной — книга плюс фотоальбом. Причем альбом нетрадиционный — с философским текстом вместо описаний, которых и в книге хватает... Написанным тремя годами позже книги, после некоторого осмысления... Альбом тогда не увидел свет из-за дефолта, а потом — проект был остановлен. По вышеизложенным причинам... Так вот об этом тексте и речь. Также в черновой версии. Впрочем, и фотографии, заготовленные к альбому, большей частью можно посмотреть в «фотогалереях» сайта geo-art.ru.

Читайте... Можете даже на свой комп перекачать, или на электронную читалку в формате fb2.

Владимир Мальцев, март 2001.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Пора. Мир наш изменяется стремительно. Спелеология — исследование пещер — еще быстрее. Потому что пещеры — последние «белые пятна» на планете Земля. Последний оплот романтиков, ищущих места, на которые не ступала нога человека. Потому что спелеология — последняя наука, в которой еще возможны случайные открытия и которая может существовать без профессионализма. Потому что спелеология — спорт, в котором не нужно бороться ни с противником, ни с природой, ни даже с самим собой. И потому что всему этому осталось несколько последних десятилетий. Потом новые пещеры просто закончатся.

Смена поколений в спелеологии происходит достаточно быстро и резко. Мое поколение уже практически ушло. Поколение, сделавшее чуть ли не больше всего значимых открытий. Оно же — громче всех остальных заявлявшее о себе. И оно же — не оставляющее после себя практически ничего, кроме карт, отчетов и научных статей.

Предыдущее поколение спелеологов имело своих летописцев. Илюхин, Дублянский, Танасийчук — эти имена известны всем, кто хоть немного интересуется прекрасным и загадочным миром подземелий. Но поколение Дублянского имеет чрезвычайно мало общего с моим, и тем более, с современным. Другие пещеры, другие люди, совсем другая спелеология.

Мое поколение летописцев не имеет. Так что обнаглюю, и первым попробую взять этот труд на себя. И смею надеяться, что небезуспешно. Во всяком случае, до сих пор это получалось. Взявши в руки кинокамеру, на первом же фильме брал призы, взявши фотоаппарат — быстро становился одним из лучших в Европе спелеофотографов, взявши компьютер — делал самую популярную в стране программу для геологов. Так почему бы и не книга?

Главная проблема одна. Если в эпоху, скажем, Кастере, или в эпоху Дублянского, спелеология была просто спелеологией, то теперь она многолика. Более того, она у каждого своя. И книга типа «Вслед за каплей воды» уже просто невозможна — это была бы скучная и никому не интересная энциклопедия.

Потому я и пытаюсь не буду написать капитальный и объективный труд, а просто попробую написать все о спелеологии — но на примере той спелеологии, которой пришлось заниматься мне. Все о пещерах — но на примере тех, которые мне приходилось исследовать. Все о спелеологах — но только о тех, с кем мне приходилось ходить. Нагло воспользовавшись тем, что исследовать мне пришлось самые красивые пещеры континента, а ходить вместе — с чуть ли не самыми интересными людьми среди спелеологов моего поколения. Хотя придется себя слегка и ограничить. В основном — во времени. Как я понимаю, привычная мне спелеология закончилась приблизительно в 1993 году — драматичные события в стране изменили многое, и спелеология не исключение. А новые стили и течения пока еще не настолько сформировались, чтобы приобрести собственную

прелесть, и будут только вносить дисгармонию в повествование.

Итак — спелеология. Место действия — СССР и экс-СССР. Время — с 1975 по 1993 годы. События и действующие лица — реальны. А теперь, как говорится в известном анекдоте о первом полете самого большого в мире авиалайнера, пассажирам пора занять свои места, пилотам пройти в кабину, и мы все вместе посмотрим, как эта штукавина взлетит.

НОЧНОЙ ФУТБОЛ НА ПЕРРОНЕ

Ваш главный недостаток, Арчи, — полное отсутствие сентиментальности.

Рекс Стаут.

- Пас сюда!
- Мочи!
- Погоди, свет сдох, сейчас контакты проверю.
- Взял!
- Черт, опять мяч вдрызг, давай новый!
- Кончились, пошли еще запас собирать.

Холодно. Влезать в спальник и пытаться заснуть не хочется — сказываются и треволения последних суток, и предвкушение ближайших. Наконец, после годичного перерыва, в очередной раз добрались. И не куда-то. На Кугитанг — горный хребет на юго-востоке Туркмении, в котором таятся, наверное, самые большие, и достоверно самые красивые пещеры континента. Своеобразную Мекку спелеологов. Более точно хребет называется, конечно, Кугитангтау, но все, включая местных, пользуются сокращенным названием. Страна теперь тоже называется не Туркменией, а Туркменистаном, но вот не могу ее так называть, и все тут. И не потому, что не признаю ее самостоятельности. Потому, что слишком привык к ней за десятки посещений и полтора десятка лет, да и слишком люблю тамошнюю природу и людей, чтобы привыкать к новому названию. И да простят меня за это современные туркменские власти.

Собственно, до Кугитанга осталось еще полсотни километров. Пока что мы на железнодорожной станции Чаршанга, мимо которой никак не проехать, а все удобные поезда приходят часа за три-четыре до рассвета. Раньше мы ездили поездом от самой Москвы — трое с половиной суток, теперь обычно летим до Карши или Самарканда и садимся на поезд там.

Наши экспедиции проходят или ранней весной, или поздней осенью, или даже зимой — в другие сезоны слишком жарко. Все-таки пустыня. А в сезон — по ночам холод совершенно собачий, и единственный способ согреться — футбол. На бетонном пяточке между вокзалом и перроном, у которого с разных сторон есть две калитки, служащие воротами. В темноте и с фонарями. Мяча с собой, конечно, нет, да и искать его в темноте было бы затруднительно. Выручают какие-то фрукты. Совершенно не представляю, что это такое, ни в одном определителе их нет, местные ничего вразумительного о них рассказать не могут, но усердно обсаживают ими все улицы. А в октябре эти зеленые, пупырчатые и совершенно несъедобные шары осыпаются с деревьев и валяются всю зиму. Большие, прочные, и вполне удобные в качестве футбольных мячей.

* * *

Туркмения, тем более такие глухие ее районы — это нечто особенное. Казалось бы, мы пока еще в пути, но внутреннее ощущение, что добрались, уже наступило. Тихо. Тишина и полное безлюдье на большой железнодорожной станции примерно так же неестественны, как и все то, что ждет нас под землей. Фантастический контраст с городской жизнью, в которой

мы варились еще час назад. Поезд, тем более поезд в Средней Азии, и особенно общий вагон (в другие на проходных поездах билетов просто не бывает) — это еще город со всем его шумом и волнениями. Пограничная проверка при слезании с поезда (еще несколько лет назад Кугитанг был пограничным районом, куда без специальных пропусков не пускали) — тоже. Пограничники ушли — все. Приехали.

* * *

Вспоминать последнюю пару дней и страшно, и весело. В любой экспедиции предвыездная сверка, кто что взял, а кто что забыл, есть великое мучение. В экспедиции, направляющейся под землю — вдвойне. Потому что есть несколько сотен мелочей, от которых столько всего зависит, что их отсутствие или неработоспособное состояние не просто осложняет жизнь, но делает невозможным сам спуск под землю.

Особенно забавны последние сутки — те, что уже в дороге. Опять же из соображений, что в пещеру едем, груза много, и заплатить за него минимум доплаты в самолете — одна из главных проблем всех спелеологов мира. И каждый решает ее по-своему, хотя общие тенденции есть. Например, карманы. У многих для авиапутешествий имеется специальная верхняя куртка типа анорака, в особо устроенные карманы которой можно набить всякого разного килограмм двадцать пять. И все тяжелое идет туда — батарейки, кувалды, аккумуляторы, пакеты с гречкой, всякое железо для лазания по веревке (самохваты, карабины, крючья). Конечно, на магнитных искателях все это начинает звенеть с такой силой, что иногда из потайных дверей начинает выскакивать спецназ с автоматами, но ведь нигде не написано, сколько и чего можно в карманах иметь. А явно запрещенных предметов там нет. И объяснение по поводу того, зачем в кармане кувалда килограмм на семь, типа что это любимый инструмент, который если сдать в багаж, с руки собьется, звучит вполне достойно.

Бывает и еще забавнее. Дров в пещерах из понятных соображений не водится, и кухни организуются на бензине, газу или сухом горючем. Первые два варианта при наличии в авиабагаже подпадают под уголовную статью, и потому в самолетах их никто не возит. Третий — трудно разжигаемые и слабо горящие таблетки — иногда порождает интереснейшие казусы. Раз Андрея Вятчина просто отказались пускать в самолет с ящиком в кармане, на котором был фабричный ярлык о том, что это такое. Ссылаясь на недопустимость провоза горючих материалов. И не пускали до тех пор, пока он не принес контролеру от начальника аэропорта бумагу совершенно потрясающего содержания: «Груз сухого горючего пропустить. Проверил лично. Оно не горит».

Еще одно специальное приспособление — половинка парашюта. Как известно, в камерах хранения два связанных вместе предмета считаются двумя отдельно оплачиваемыми местами багажа. Тем самым нормальный спелеологический рюкзак — металлический станок, на котором привязано десятка полтора мешков, мешочков, и бухт веревок, обходится в круглую сумму. Десяток же таких рюкзаков, обмотанных парашютом и завязанных в узелок, опять становится одним местом. Любопытно, что примерно эту же методику освоили американские спелеологи, так как чуть ли не половина тамошних авиакомпаний требуют доплаты за груз не по весу, а по числу мест. Там, правда, парашют не проходит, и применяются специального изготовления гигантские чемоданищи.

Словом, путь от Москвы до Чаршанги всегда богат приключениями, и скучно не бывает.

* * *

Светает. На юге это даже зимой происходит стремительно. Чуть поблекли звезды — и через пару минут уже светло. И на горизонте, за железнодорожной линией, за безжизненными холмами пустыни, внезапно возникает увенчанный снежными пиками

Кугитанг. Ненадолго. Через час утренний ветер поднимет в воздух достаточно пыли, чтобы видимость потерялась. Этот момент пропустить нельзя. Первый и последний восход солнца за всю поездку — ближе к горам солнце выходит из-за хребта только днем, и вместо утренней свежести моментально обрушивает на головы всю дневную жару. А также первый и последний взгляд на Кугитангские горы. Вблизи полого поднимающийся хребет напрочь закрывает стенками каньонов и мелкими холмиками всю панораму. Его величие — того сорта, что ощутимо только с почтительного расстояния. А ближе чем с двадцати километров даже доминирующих снежных вершин не видно.

Уже не до футбола. Пора переводить стрелку жизненного пути на более размеренный, неторопливый и созерцательный путь. Чай. За полчаса до рассвета в поселке начинают подавать воду, и как раз к рассвету можно успеть вскипятить, заварить, и рассесться на перроне с кружками. Созерцать горы и вживаться в настроение. Мы занимаемся пещерами Кугитанга кто пять, кто десять, а я даже пятнадцать лет, и панорама хребта навеивает бездну воспоминаний. И предвкушений новых открытий, если опять повезет. И предвкушений такого отдыха, какой мало кому приходилось испытать — когда каждая минута наполнена смыслом, каждый день приносит что-то новое, а физическая нагрузка ровно такова, что организм за пару недель обновляется чуть ли не полностью, и при этом еще и умудряется не рассыпаться на запчасти.

* * *

Кугитангские пещеры. Кап-Кутан. Хашм-Ойик. Промежуточная. Таш-Юрак. Геофизическая. Куча более мелких. Пещеры, исследование которых никогда не прекратится. Известные еще с античных времен, пережившие периоды забвения, популярности и даже варварского уничтожения. Но сохранившие до наших времен самые впечатляющие залы нетронутыми. По своей геологии и минералогии не имеющие аналогов в мире. И хранящие свои самые сокровенные тайны на будущее.

Серьезная пещера — она как будто имеет свои собственные соображения на тему, когда ей открываться и какими дозами. Спелеология — отнюдь не изобретение нашего века. Люди, из собственного любопытства исследующие пещеры, были всегда. Но по-настоящему уникальные пещеры стали открываться только во второй половине нашего века, причем очень понемногу. Как бы пробуя, доросли ли люди до того, чтобы не разграбить хрустальные дворцы подземелий, а сохранить их для будущих поколений. Возможно, поэтому две самые фантастические по красоте и разнообразию группы пещер мира имеют настолько разную судьбу. Американские пещеры в Нью-Мексико Carlsbad Cavern и Lechuguilla открыли свои богатства очень быстро и как-то сразу. Возможно, именно потому, что в этой стране вопросы с защитой уникальных пещер от уничтожения уже были в большой степени решены, как на уровне спелеологов, так на уровне туристов, так и на уровне законодательном.

Наша бывшая страна Советов, к сожалению, не отличалась однозначной определенностью, а то, что от нее осталось, не отличается таковой и сейчас. Поэтому определить тот момент, когда пещера может открыть свои главные красоты, нелегко. С одной стороны, наши спелеологи-любители чтут пещеры не в меньшей степени, чем любые другие, а с другой стороны, нет практически никаких ограничений на те или иные варианты коммерческой эксплуатации пещер, и иногда этим начинают безбожно пользоваться. И главная подземная сокровищница — группа пещер Кугитангтау — показывает свои новые залы чрезвычайно медленно. Пожалуй, количество труда спелеологов по прогнозированию и раскопкам новых продолжений на единицу протяженности этих продолжений, на Кугитанге даже чрезмерно велико. Но — оно того стоит.

* * *

В воздухе появляется дымка, постепенно растворяющая вершины Кугитанга. Чаршанга

просыпается — потянуло запахом хлеба, который хозяйки пекут во дворе в специальных печах-тандырах. Заблеяла и закудаhtала всякая домашняя живность. Пора дальше в путь. Скоро будет очередная серия поездов, встречать их опять будет пограничный наряд, поэтому тех, кого мы протащили «контрабандой» — без пропуска в пограничную зону — сейчас придется отправить налегке пешком до переезда, где мы их позже подберем с машиной. Ночью все было просто. Приезжаем в первом от локомотива вагоне — он останавливается за пределами видимости от вокзала, барахла у нас куча, в эту кучу закладываем «нелегалов», и помаленьку во много ходок таскаем все к вокзалу. На третьей ходке пограничники убеждаются, что всех нас уже по три раза видели, и отбывают. Днем же лучше им на глаза не попадаться, хотя ребята они и хорошие.

И уже скоро, когда люди позавтракают, нужно будет идти искать машину. Конечно, есть вариант доехать до Карлюка автобусом, ходящим раз или два в день, и там добираться пятнадцать километров пешком, но шансов вбиться в автобус со всем нашим грузом мало, да и таскать все на себе лениво. Так что остается наем машины. В годы наивысшей популярности пещер перевозка спелеологов была чуть ли не основной статьёй «левого» дохода местных водителей грузовиков, так что все отлажено, и поиск машины занимает не более пары часов. Для большинства других групп, не связывающихся с серьезными проектами типа первопрохождения новых участков — все еще проще. Их достаточно подбросить до предгорий, дальше сами дойдут. Нам же нужен грузовик повышенной проходимости, чтобы доехал почти до входа.

* * *

История пещер Кугитанга длительна, сложна, разнообразна, и в какой-то мере трагична. И нигде хоть с какой-нибудь приемлемой полнотой не описана. Волей-неволей мне придется местами обращаться к истории, хотя цель книги и несколько иная, и хоть отдельными фрагментами, но восполнить этот пробел. Тем более, что история исследования Кугитангских пещер составляет очень важную часть истории становления отечественной спелеологии, истории отечественного движения за сохранение пещер, истории понимания того, что пещеры способны подарить ученым не только курьезы, но и реально самоценные новые сведения для наук о Земле. Нет больше на территории бывшего СССР другого такого карстового района, в котором все было бы настолько необычно, настолько переплетено, и настолько интересно и сложно для понимания и изучения.

Я попробую привести здесь очень краткое изложение общей истории, а дальше, по ходу книги, разверну несколько наиболее примечательных ее фрагментов. Вероятно, это — единственный путь к тому, чтобы не превращать книгу в летопись и в то же время обеспечить читателю возможность понять происходящее.

В истории пещер Кугитанга можно достаточно четко выделить пять главных этапов. Первый и самый длинный из них — древний. Начавшийся, вероятно, еще до нашей эры и продлившийся до середины нашего века. Известны были только пещера Хашм-Ойик и небольшая часть главного этажа пещеры Кап-Кутан. Периодически о них писали. Начиная с Диодора Сицилийского. Путешественники считали за удачу, если получалось туда попасть и полюбоваться. Мы даже как-то нашли в пещере Кап-Кутан бутылку с запиской группы московских путешественников, оставленную в 1934 году. Но никаких систематических исследований не проводилось, и, по всей вероятности, ничего сверх известного тысячелетия назад, найдено не было.

Второй этап целиком и полностью связан с именем ашхабадского геолога Султана Ялкапова. Большинство современных открытий, а также большинство современных проблем связано именно с ним. Первый ученый, понявший ценность пещер Кугитанга для науки, положивший десятилетие на их исследование, расширивший известную часть Кап-Кутана вдвое, и открывший одну из красивейших пещер массива — Таш-Юрак, не говоря уж о множестве мелких полостей, он совершил одну-единственную глупость, имевшую дальние

последствия. И даже не глупость — это была просто инерция геолога-производственника, по штату обязанного во всем видеть возможность нахождения полезных ископаемых. Так или иначе, опубликованная им статья предлагала вариант расценивать пещеры Кугитанга как месторождение мраморного оникса — полосатого кальцита, слагающего натёки и являющегося довольно красивым и дешевым облицовочным камнем.

Министерством геологии статья Ялкапова была воспринята как руководство к действию, и в начале семидесятых начался третий, самый горький этап в жизни пещер Кугитанга. Когда уникальные памятники природы превратились в рудник, и когда за десятилетие были практически уничтожены все известные к тому моменту участки пещер, равно как и несколько новых. И когда к мысли о допустимости разрушения пещер были приучены даже некоторые давно существующие спелеологические группы, посещающие Кугитанг, не говоря уж о многих новообразующихся.

К чести Ялкапова, он первым понял, что натворил, завалил входы во все найденные им пещеры, которые не успел внести в свои отчеты, и практически полностью исчез из дальнейшей истории Кугитанга. Возможно, последнее зря, но возможно также, что он не имел выбора. Зависимость от начальства была слишком велика, и активное включение в противодействие вандализму могло иметь серьезные последствия. А на более поздних этапах борьбы его активность могла бы быть неправильно понята, и он предпочел просто удалиться. Что ж, это тоже путь, и тоже достойный. Многие спелеологи-любители, которым и терять-то было нечего, избрали гораздо менее достойный путь сотрудничества с «Памиркварцсамоцветами», грабящими пещеры.

В это же время появились и первые группы спелеологов-любителей, исследующие пещеры Кугитанга всерьез, и не предоставляющие свои материалы вандалам. Не буду вдаваться в подробности об их достижениях. Полная летопись Кугитанга когда-нибудь будет написана, но не мной. Мое участие в событиях слишком велико для вдумчивого и объективного анализа, особенно в части этого периода, так как моя собственная деятельность на Кугитанге, как это ни прискорбно, началась с работы именно в «Памиркварцсамоцветах». Где мне и довелось изнутри увидеть и понять происходящее в достаточной степени, чтобы развязать самоцветчикам войну не на жизнь, а на смерть. И что во многом определило всю мою дальнейшую жизнь, с этого момента тесно связанную с пещерами Кугитанга.

Война за прекращение этой вакханалии, поддержанная практически всеми спелеологами страны, и стала четвертым этапом нашей истории, а заодно периодом взрывного взлета популярности Кугитангских пещер, предопределившего резкий, но кратковременный подъем темпов и результативности дальнейших исследований. Пещеры оказались слишком сложны, чтобы в них за одно-два-три посещения можно было сделать что-то новое, и потому у большинства спелеологических групп интерес к ним быстро спал.

На чем и начался последний, продолжающийся по сей день этап. Характеризующийся четким разделением многочисленного потока газетельных туристов и гораздо меньшего потока исследовательских групп. Небольшим, но постоянным приростом новых участков пещер. И каскадом чисто научных открытий. И, что гораздо важнее — относительной стабилизацией обстановки вокруг пещер, вселяющей серьезную надежду, что хоть какую-то значимую их часть удастся уберечь от разрушения.

* * *

Дорога через пустыню. Не очень понятно, почему, но в этой заброшенной и довольно бедной глуши много действительно хороших асфальтированных дорог, на первый взгляд кажущихся совершенно неуместными. И вообще контрастов несколько больше, чем положено. Совершенно лунный пейзаж с разноцветными холмиками и горюшками, на которых не растет ни одной травинки, но все геологические формации прямо как с картинки. Сверкающие солончаки равнины, перемежающиеся редкими полянками верблюжьей колючки. До горизонта — ни одного поселка, ни одного человека, ни одного стада овец. И

тут — за очередным поворотом ярко раскрашенные эстрады. От проведенного лет пять назад именно здесь фольклорного фестиваля народов Азии. А за следующим, на развилке дороги — крошечное кафе. В сорока километрах от ближайшего жилого дома. И даже действующее, и даже с пивом. Вещь, понятная сейчас, но совершенно невозможная в нашей стране десять лет назад.

Очень непривычен воздух. Сочетание характерной дымки, даже слегка размывающей солнце, с удивительной прозрачностью нижних слоев, часто приводит к обману зрения. На горизонте появляется длинный холм, «бронированный» с пологой стороны пропластком твердых песчаников в мягких пестроцветах. На крутой стороне пропласток образует обрывчик, от которого в живописном порядке вниз по склону до самой дороги валяются отвалившиеся блоки — «кубики». Дымка дает понять, что все это компактно и близко, но едем пять минут, десять, пятнадцать, а оно не приближается. А когда подъезжаем — «кубики» оказываются величиной метров по тридцать. Природу такой хитрой дымки мне так никто вразумительно и не объяснил. Это — какое-то локальное явление, возможно, вызванное тем, что несущий пыльные бури ветер — «афганец» идет здесь поперек хребтов и тем самым — на большой высоте. Заслоняя солнце, но не посыпая все пылью.

Характерен и неповторим также запах пустыни, сочетающий почти морской отчетливо соленый привкус от пыли, вздуваемой с солончаков, с пряным ароматом степных трав.

* * *

На развилке у кафе отходит дорога на Гаурдак — местный промышленный центр, основанный на крупном серном руднике. Довольно часто туда приходится заезжать, так как там расположена Кугитангская геологоразведочная экспедиция (КГРЭ). С ними необходимо поддерживать по крайней мере хорошие отношения — во многом судьба пещер зависит именно от них. Пока нет прочной законодательной базы, если КГРЭ вдруг почувствует интерес к возобновлению грабежа пещер, их уже будет не спасти. Так что постоянный контакт просто необходим. Причем с изрядной дозой дипломатии, ибо во главе экспедиции стоит политик — С. М. Ташев. Человек очень умный, и в целом честный, хороший и доброжелательный. Но еще раз скажу, что политик. А это значит, что если, скажем, развертывание сувенирного промысла на базе пещер будет единственным путем борьбы с безработицей в районе, и если будет хоть какой-либо шанс, что спелеологи не поднимут немедленно вой на весь мир — он на это пойдет. А пока мир — и геологи спелеологам часто помогают. Машинами и питьевой водой, геологическими и топографическими картами, да и просто содержательными беседами.

Раз уж произнесены слова о геологической и географической информации, необходимой спелеологам, сразу и начну вводить читателя в курс дела о том, что такое Кугитанг, как он устроен, и с чем его едят. Примерно в том же духе, как и с историей — пара маленьких сводных блоков информации в этой главе, и фрагменты по ходу книги. Не думаю, что тем, кто не знает и не хочет знать геологию, на этом стоит отложить книгу — непонятного будет мало. Просто пещеры — объект в первую очередь геологический, и без хотя бы минимальных знаний их не понять. И именно этим минимальным объемом я и собираюсь ограничиться.

Кугитанг с геологической точки зрения устроен чрезвычайно просто. Основная часть хребта сложена полого залегающими пластами известняка верхнеюрского возраста — достаточно растворимой горной породы, чтобы в ней могли образовываться пещеры. Мощностью (толщиной) около четырехсот-пятисот метров. Так как хребет — одна большая складка с осью с севера на юг, практически не осложненная никакой мелочью, пологий западный склон бронирован известняками, то есть поверхность склона практически выровнена по пластам. Получившееся слабонаклонное (около семи градусов) плато постепенно поднимается от подгорной равнины, расположенной на высоте около трехсот метров над уровнем моря, до гребня хребта на высоте чуть больше трех километров. За

гребнем начинается восточный склон — обрыв высотой полкилометра, под которым крутой лесистый спуск к равнине.

В реальности западное плато не совсем слитно. Большими разломами — взбросами оно разделено на разных участках хребта либо на два, либо на три плато. На нашем участке на два — верхнее и нижнее. Под известняками залегают более древние рыхлые флишевые отложения (аргиллиты, алевролиты и песчаники), в которых пещеры не образуются, но которые и не являются водоупором. На обычном карстовом плато это означало бы, что пещеры должны идти практически вертикальными шахтами сквозь все известняки и тупиковаться на переходе во флиши. К счастью, Кугитанг далек от того, чтобы быть нормальным карстовым плато, и его пещеры обычным закономерностям практически не подчиняются.

Сверху на известняках местами сохранились отдельные холмы-останцы еще более растворимых и чуть более молодых гипсовых отложений, и эти же отложения опоясывают хребет вокруг. В них тоже немало пещер, но далеко не таких интересных. Еще выше — мощные залежи пестроцветов мелового возраста — глинистых пород с отдельными слоями белого, красного, желтого, голубого цветов, с пропластками гипса, песчаника и известняка. На самом хребте эти отложения полностью смыты, зато слагают холмы и пригорки на равнине, между которыми мы сейчас и едем.

В плане интересных пещер Кугитангский хребет не совсем одинок в окрестностях. Он является средним из трех хребтов с практически одинаковым геологическим строением, на которые расщепляется западный конец Гиссарского хребта — одного из главных в Гиссаро-Алайской горной системе. В остальных двух хребтах пещеры тоже известны. На хребте Байсунтау — большие и глубокие, а на Гаурдакском хребте, видимом сейчас с машины — красивые. К сожалению, единственная крупная и очень слабо исследованная пещера Гаурдакских гор — Фата-Моргана уже утрачена, и не потому что разграблена, а потому что удосужилась оказаться в одно время и в одном месте с крупным серным месторождением. И была практически целиком съедена карьером.

* * *

Последняя гряда холмов — и дорога вырывается на подгорную равнину. На горизонте опять встает Кугитанг, но теперь он виден уже далеко не полностью, а только его южная часть, в которой и расположены все известные на настоящий момент крупные пещеры. Остальная часть хребта еще только ждет своей очереди на серьезное опозискование.

С этого расстояния из-за пологости склона хребет уже не выглядит монументальной горной цепью, а скорее грядой больших холмов. Впечатление усиливается тем, что перегиб между нижним и верхним плато скрывает за собой большой кусок, и рисующиеся на дальнем горизонте снежные вершины кажутся относящимися не к этой горной цепи, а к какой-то следующей и далекой.

Карлюк. Здесь асфальт кончается — уходит в сторону поселка Свинцовый Рудник, расположенного в центральной части Кугитанга, где действительно имеется небольшое и уже отработанное свинцово-цинковое месторождение, а мы переезжаем на пыльный проселок. После кратковременной остановки у последнего на пути магазина, где можно чем-либо полезным или вкусным поживиться.

Вообще интересное впечатление производят среднеазиатские поселки. Полных руин и остатков былой цивилизации, где на один жилой дом приходится развалины трех. Просто дома строятся в основном глинобитные, без фундамента, и ремонту практически не подлежащие. Пошла после землетрясения серьезная трещина — и проще построить рядом новый, чем чинить старый. Благо места хватает. К тому же не очень принято заботиться о внешнем виде дома. Возможно, это скромность и нежелание выделяться среди соседей, возможно, что-то еще, но почти все жилые дома снаружи выглядят не лучше соседних развалин, а вот внутри — чистые, и подчас довольно богатые.

Ходжак. Последний форпост цивилизации — поселочек на четыре семьи. Недавно он был существенно больше — у Памиркварцсамоцветов здесь была база с пятком вагончиков и парой капитальных домов. Не совсем заброшенная — соседи следят за ней и не допускают разрушения. И чуть ли не главная мечта спелеологов — со временем увидеть здесь научный стационар по координации исследования пещер и концентрации данных. Как это делается в любой уважающей себя стране. Здесь — остановка уже не на пять минут, а на полчаса. Попить чайку у Ижбая — одного из самых колоритных людей во всей окрестности. И единственного, кроме работников КГРЭ, кто не спрашивает спелеологов на второй минуте разговора о том, сколько им платят. Между прочим, именно из-за этого, а также из-за того, что Ижбайское семейство при виде фотоаппарата не вскакивает по стойке смирно и не начинает требовать немедленно их сфотографировать, Ходжак — то место, где можно наконец вывести из подполья иностранных участников экспедиции и окончательно расслабиться. Трудно все-таки объяснить каким-нибудь американцам, что совершенно неприличные с их точки зрения вопросы и просьбы проистекают от дружелюбия, а не от желания взять в оборот.

Ижбай не туркмен, а узбек, как впрочем и большинство населения района. И демонстративно гордится вошедшей в поговорку узбекской хитростью. Я, пожалуй, не видел в нашей бывшей многострадальной и многонациональной стране ни одной другой местности, где межнациональные отношения были бы настолько гармоничны, как здесь. У того же начальника КГРЭ Ташева одна из любимых поговорок — я, мол, бухарский еврей, и меня надуть нельзя.

Впрочем, по отношению к спелеологам хваленая узбекская хитрость Ижбая совершенно не наблюдается. Он всегда и совершенно безвозмездно накормит, и чаем напоит, и свозит, если куда нужно, и даст напрокат ишака с пацаном, если машина в гору не полезла. Осенью, правда уже не безвозмездно, снабдит любым количеством арбузов и дынь — у него довольно большая бахча. У него можно спокойно оставить на хранение пару рюкзаков со снаряжением или записку для другой группы. А главное — он прирожденный миротворец. Бывают периоды, когда различные местные организации развязывают междоусобную драку за контроль над пещерами. Ижбай всегда ладит со всеми. Если контроль у организации, с которой у группы нет контакта, и пещеры на замке — для постоянно едущих групп он всегда достанет ключи.

Конечно, Ижбай, как и все узбеки, слегка циркач, и при отъезде любой группы начинает колоритно выклянчивать у них все вышедшее из строя снаряжение — перегоревшие лампочки, севшие батарейки, прохудившиеся канистры. И, даже не рассмотрев, через полчаса выбрасывает. Нужно же марку фирмы поддерживать.

И еще одно — изо всех местных только у Ижбая хороший чай. Он не довольствуется солоноватой и гнусного вкуса водой из арыка, а привозит из родника ту же самую кристально чистую и изумительно вкусную воду, которую мы пьем в пещерах.

* * *

От Ходжака панорама хребта еще более локализуется. До гор шесть километров. Теперь виден только конкретно наш участок. Белые гипсовые холмы у подножия склона — около них расположены провалы, выходящие на гигантские подводные пещеры, которые в итоге принимают всю дождевую и снеговую воду с хребта. Чуть выше и примерно до половины видимой высоты вся левая часть — пещеры системы Кап-Кутан, к которой относятся практически все известные крупные полости. Общая протяженность лабиринтов самой большей части системы — соединенных пещер Кап-Кутан Главный и Промежуточная — составляет без малого шестьдесят километров. Это — самая длинная пещера бывшего СССР среди заложенных в известняках, и просто самая длинная в Азии. Считая вместе с не присоединенными к системе пещерами поменьше, протяженность возрастает до семидесяти с лишним километров, а если попробовать проэкстраполировать имеющуюся плотность

галерей на площадь блока, занятого системой, получается, что когда пещера будет пройдена вся — ее протяженность составит пару тысяч километров. Впрочем, при современных темпах прохождения на это понадобится пара тысяч лет.

Примерно посередине и слегка наискось виден каньон Булак-Дара, отграничивающий систему Кап-Кутан от следующей, в которой пока известны только небольшие пещеры типа Безымянной и Дальней. Еще правее наклонный обрыв показывает местоположение каньона Аб-Дара, за которым начинается следующая система — Чинджирская. Тоже только с небольшими пещерами. Самый правый фланг, с горой, похожей на кита, выпирающей из хребта в нашу сторону — практически не исследованная часть, хотя у красноярских спелеологов там какая-то недокопанная заморочка имеется.

Верхняя треть панорамы, над выраженным поперечным обрывчиком — начало верхнего плато, на котором тоже пока мало что всерьез исследовано.

Как оно ни удивительно, но это — практически все, что известно. Главная система пещер, Кап-Кутан, настолько велика и красива, а поиск новых пещер настолько тяжел и сложен, что на новые системы мало, кто тратит время. И даже если время на поиск потрачено, пещера открылась, но не предъявила немедленно полномочий на огромные размеры или сказочную красоту — маловероятно, что она будет копаться дальше. Но это — опять длинный разговор, и всему свое время.

* * *

Приближаемся к горам. На равнине появляются следы воды — рытвины и широкие полосы голубоватой гальки. Изредка, примерно раз в десятилетие, происходят такие ливни, что вода пещерами поглощаться не успевает, и в каньонах беснуются селевые потоки, ворочая глыбы в сотни и тысячи тонн весом. Именно сели и выносят на равнину всю эту гальку.

Подъем начинается резко, безо всякого перехода. Вот машина свободно едет по равнине, и вот — уже натужно ревя карабкается вверх. И через две-три минуты происходит первое чудо. Даже от Ходжака хребет кажется маленьким и пологим, а каньоны видны хиленькими ложбинками. Просто нет масштаба, а каньоны идут слегка наискось. С равнины видны только их верхние развалы, но сейчас — картина уже совершенно другая. Вот еще равнина — рукой подать, мы только на первый пригорок поднялись. А вот — под бортом машины уже отвесный обрыв в каньон, который совершенно непонятно, когда успел врезаться метров на семьдесят.

Название «Кугитангтау» состоит из корней узбекского и таджикского языков, и при удалении повторов приблизительно означает «гора тесных ущелий». Название точно до чрезвычайности. Все плато распилено на мелкие кусочки густой сетью совершенно отвесных каньонов глубиной от сотни метров до полукилометра. По красоте, дикости и внушительности ничуть не уступающих знаменитым американским каньонам.

Каньоны совершенно сухи — вся вода мгновенно перехватывается в пещеры. Единственная вода выше пятидесяти метров над уровнем равнины (где выходят родники) — микроисточники, дренирующие маленькие пещеры верхнего этажа системы и имеющие расход буквально несколько капель в час, а также лужи от последнего дождя. Летом луж, конечно, нет, но летом мы на Кугитанг и не ездим.

Практически вся растительность на нижнем плато сконцентрирована в каньонах, где есть хоть какая-то вода, и это добавляет им красоты. Для туристов каньоны Кугитанга — дополнительный, а для некоторых и основной объект интереса. Их вполне можно понять — и красота фантастическая, и зелень, нехарактерная для данной климатической зоны, и масса живности: куропатки, синие птицы, дикобразы, винторогие козлы, ящерицы всякие корявые и экзотические. И спортивная сложность — в днищах каньонов хватает уступов — «сухих водопадов» высотой до сотни метров, непроходимых без специального снаряжения. Проход по каньону, длиной со всеми извилинами тридцать-сорок километров, вполне может оставить

впечатления на всю жизнь.

Для спелеологов же каньоны — настоящий бич. Хоронящий всякую надежду на легкий поиск пещер. И потому, что поперек плато ходить просто нельзя — спуски в каньоны редки, а там где и есть — на переход каньона требуются часы. И потому, что на каждом метре каждой стенки десятки дыр на различной высоте. До каждой из которых добираться те же часы, причем только одна из тысяч ведет в пещеру — все остальные либо непроходимо узки, либо являются маленькими тупиковыми гротами. Наконец — что вдоль каньонов ходить, как я уже отмечал, тоже нелегко. По сути, от каждого поискового лагеря за разумное время можно обследовать только несколько километров правого каньона и столько же — левого. И то обычно не со всеми притоками. И — безо всякой гарантии, что осмотрено все.

Все дороги, поднимающиеся в горы, устроены одинаково, и служат одной главной цели. Они проходят там, где можно между каньонами проехать до верхнего плато, не упершись в «тупик» из двух слившихся притоков. По этим дорогам, которых всего полтора десятка на почти сотню километров протяженности хребта, производится обслуживание скотоводческих летовок — ниже полутора тысяч над уровнем моря вся трава, кроме как в каньонах, выгорает полностью. Естественно, некоторые дороги имеют и дополнительные функции — например, те же самоцветчики «усилили» дороги, поднимающиеся мимо Кап-Кутана, Промежуточной, Хашм-Ойика и Эшек-Ела. Дорога на главный пик хребта — Айри-Бабу — обслуживает телевышку-ретранслятор.

Еще одно, почему мы не любим забрасываться пешком или с ишаками — постоянность и однообразие подъема. По каньону идти приятно, но сложно и далеко. По плато — крайне неприятно. Если бы подъем хоть иногда чередовался с мелкими спусками или хотя бы с горизонтальными участками — все было бы совершенно по-другому. Но ровный тягун с постоянными семью градусами вверх заматывает кого угодно, причем чрезвычайно быстро.

* * *

Площадка разворота перед прорубленным самоцветчиками спуском в каньон. Приехали. Дороги в каньоне уже нет. Природа — штука на удивление упругая и там, где затронута в меру, активно и успешно борется с результатами человеческого вмешательства. Если в развале, по которому проложен спуск, еще виден шрам дороги, то в самом каньоне внизу уже трудно себе представить, что по руслу еще недавно ездили тяжелые грузовики. Единственный за послесамоецетское время сель переместил все глыбы и массы гальки в русле так, что каньон приобрел совершенно первозданный вид. Так что оставшиеся до входа полтора километра пройдем пешком, немного побеседовав о том, что из себя представляют Кугитангские пещеры.

Классическое понятие о карсте — специфическом процессе растворения горных пород — включает в себя фильтрацию дождевых и снеговых вод сквозь поверхность плато, выражающуюся перво-наперво в массах воронок и мелких тупиковых шахт, а потом уже в пещерах. И, если рельеф достаточно расчленен глубокими долинами, выходные части пещер открываются в стенах долин и каньонов. Древние сухие этажи — повыше, современные обводненные — пониже. И ничего этого на Кугитанге нет и в помине. Те воронки, которые когда-то были, если они и были, что тоже не факт, давно съедены каньонами. А многочисленные дыры в стенах, как правило, не ведут ни в какие пещеры.

Кугитангские пещеры — древние. Древнее каньонов. Древнее самих гор. Первоначально они были щелевыми лабиринтами перетока между руслами двух давно исчезнувших рек, почти такими же, как гигантские лабиринты Подолии, разве что в известняках, а не в гипсах. Когда переток идет ниже уровня грунтовых вод, он идет достаточно медленно, чтобы формировать не крупные галереи, а площадные лабиринты. Вода в которых, опять же из-за низкой скорости течения, способна растворять породу, но неспособна переносить крупные частицы. И потому, если врезка русел рек не выносит пещеры достаточно быстро на уровень выше зеркала воды, пещеры полностью забиваются

глиной. Что в нашем случае и предотвратило их обрушение при горообразовании. Подравнинные пещеры были перенесены в горные условия в «законсервированном» виде.

Следующий этап в истории пещер не то, чтобы совсем обычен, но — более понятен. При быстром поднятии плато по водотокам врезались каньоны. Как только каньоны почти дошли до главного уровня пещер, вода стала уходить под землю, освобождая имевшиеся объемы и наращивая новые. Причем это произошло именно с главным уровнем. Более мелкие верхние этажи не были способны на перехват всей воды, а потому каньоны быстро врезались глубже, и эти этажи так и остались узкими до непроходимости и забитыми древней слегка окаменелой глиной. Именно эти этажи и образуют те сотни дыр в стенах, которые видны с каждой точки на дне. На самом деле пещеры имели и другие способы «добывания» воды, кроме отъема ее у каньонов, но об этом дальше.

Настоящие входы в главные пещеры массива выглядят совершенно иначе. То есть в большинстве случаев они никак не выглядят, потому что их нет. Места, в которых вода в каньоне поглощается, усердно забиваются галькой и глиной селевыми потоками, и совершенно неотличимы с виду от остальных участков дна каньона. А если бы и были отличимы — было бы не легче. Прокопаться через нанесенную за сотни тысяч лет гальку все равно невозможно.

Вход, который открыт, или поддается прокопке, всегда расположен на завале. Если непосредственно под каньоном освободился от глин достаточно крупный зал, бывает, что вся его кровля рушится, причем с захватом шире каньона, и на флангах — выше дна каньона. Разумеется, каньон быстро приводит в непроходимое состояние центральную часть завала, но в стенах остаются щели между верхом завала и не рухнувшим известняком, вдоль которых иногда можно пройти или проползти, а несколько чаще — прокопаться.

Последний взгляд вокруг перед спуском в каньон. Если дымка сегодня не очень сильна, на горизонте видна темная полоса Аму-Дарьи, перед которой — Чаршанга, а за которой — Афганистан. Правее река скрывается за гребнем Гаурдакского хребта. Вся равнина, вместе с грядами холмов, со всеми поселками — как на ладони. И — тишина. Слышен даже шум машин, проезжающих где-то совсем на горизонте, километрах в двадцати — тридцати.

* * *

Чернота входного отверстия. Прохлада и ровный мощный ветер из-под земли, волнующий до глубины души любого спелеолога. Включаем свет. Это совсем не значит, что можно сразу идти вниз с первой ношей груза. Спелеология возможна только потому, что человеческий глаз — чрезвычайно тонкий инструмент, который может подстроиться к очень низкому уровню освещенности. Иначе запас питания для ламп был бы просто слишком тяжел. Но, как и любой другой тонкий инструмент, глаз нуждается в подстройке. Прежде чем станет что-нибудь видно, пройдет не меньше получаса. Которые и идут на перепаковку снаряжения, переодевание, и — обед. Силы очень нужны — путь неблизкий. Пока доберемся до подземного лагеря, может пройти и двадцать часов.

ДРУЖНАЯ КОМАНДА ЗАКОНЧЕННЫХ ЭГОИСТОВ

Мало-помалу наши спортивные игры начинают перенимать иностранцы; будем надеяться, что наш пример послужит им предостережением, и они сумеют остановиться вовремя.

Джером К. Джером

Спелеологи. Пещерные люди современности. Стараниями недавнего президента СССР М. С. Горбачева слово «пещерный» было превращено в самое грязное ругательство в политическом лексиконе. За что некоторые из спелеологов абсолютно серьезно собирались подать на одного Горбачева в суд, да так и не собрались — как говаривал еще Христос, не

судите, и не судимы будете. Да и просто времени жалко. А пещерные люди — они же совершенно такого не заслужили, и по идее, слово «политик» должно звучать гораздо более грязным ругательством.

Так что же такое спелеология и что же такое спелеологи? Вопрос трудный, на который пытались вразумительно ответить многие, но никому это толком не удалось. Скорее всего, мне тоже не удастся, но тем не менее — попробую.

Подземный мир — это именно особый изолированный мир со своей особой атрибутикой: совершенно ни на что не похожими ландшафтами, флорой, фауной, звуками, запахами. Мир, лишенный солнечного света, и потому — таинственный. Мир, чуждый обычному человеческому восприятию в гораздо большей степени, чем мир подводный, и примерно в такой же степени, как космическое пространство. Последнее свойство пещер, кстати, широко используется — стрессовая мобилизация человека в пещере примерно соответствует таковой в космосе, и потому пещеры — один из излюбленных полигонов для постановки всевозможных медицинских и психологических экспериментов, проводимых под крышей различных космических агентств. Я ни в коем случае не имею здесь в виду идентичность условий — ее нет и в помине, а только то, что общая степень изолированности и непривычности примерно одинакова. В пещерах нет, конечно, невесомости — но нет света, нет природных ориентиров времени. Зависимость от снаряжения, от систем жизнеобеспечения тоже примерно одинакова. Даже питьевая вода при проведении длительных экспедиций требует солевой коррекции — в большинстве пещер она чуть ли не дистиллированная, и при длительных экспедициях пить такую недопустимо. Порванный же на выходе гидрокостюм во многих случаях может убить с той же степенью надежности, что вышедший из строя скафандр — переохлаждение в двух-трех градусной воде происходит за минуты. Не говоря о полной стерильности условий, за пару месяцев отучающей организм от необходимости борьбы со всякими болезнетворными бактериями, подстерегающими на поверхности.

И в силу своей таинственности и непостижимости подземный мир всегда привлекал к себе людей той особой категории, которым обычный мир тесен. Даже первобытные люди не ограничивали своего использования пещер поселением во входных гrotтах. Еще Норбер Кастере, знаменитый французский спелеолог и археолог, доказал, что люди мадленской эпохи устраивали нормальные исследовательские экспедиции на значительные расстояния от входов, а иногда — оборудовали там капища. Нетипичные люди были всегда, хотя назывались они по-разному и роль в обществе выполняли тоже разную.

Естественно, сфера приложения интересов нетипичных людей разнообразна, и это совсем не обязательно пещеры. Но за последние века количество белых пятен на планете Земля уменьшилось настолько, что даже альпинизм и освоение морского дна уже потеряли последние оттенки романтического исследования, выродившись либо в чистый спорт, либо в чистую науку, либо в чистую технологию. По сути, остались только космос, пещеры, а также всякое мистическое шарлатанство, популярность которого в наше время отчасти и объясняется тем, что нетривиально мыслящие люди не имеют сферы разумного приложения своих возможностей и способностей. Однако космос требует высоких технологий, да и просто пока слишком дорог, чтобы быть полем деятельности индивидуальностей. В итоге — остаются пещеры.

Как единственный мир, в котором можно испытать себя не в войне и не в спорте, не противопоставляя себя никому, даже природе, а проверяя свои способности и возможности «в чистом виде». Это не просто объяснить, но пещеру, в отличие от горы или океанской впадины, действительно нельзя покорить на чистой технике — ее нужно понять, прочувствовать, полюбить наконец — и только тогда она откроется.

Как единственная часть планеты Земля, где можно найти места, в которых не только не ступала нога человека, но и которые не видел ни один глаз — ни человеческий, ни фотографический.

Как единственный мир, в котором остались не сделанные открытия, доступные простой

наблюдательности исследователя, даже не подкрепленной технической базой. И не только географические — практически для любого естественнонаучного специалиста в пещерах есть свой интерес.

Как мир, в котором могут выжить только люди своего же сорта — не склада характера, не интересов, не серии, а именно сорта — не уступающие тебе в широте мировоззрения, в широте умений и способностей, в общей нестандартности — для всех других людей общение с пещерами исчерпается несколькими визитами и прекратится само собой.

* * *

Пожалуй, можно даже еще точнее сформулировать, что представляет из себя тот сорт людей, который лучше всего выживает в пещерах, причем сформулировать на парадоксе. Принято считать, что подземные путешествия, равно как и любые другие, главным образом привлекают классических романтиков. Это, конечно, так — без изрядной доли романтизма, причем того самого бескорыстного романтизма старого доброго жюль-верновского толка, в пещерах делать решительно нечего. Но в общем случае этого не достаточно. То есть достаточно для того, чтобы съездить два-три раза, но не для того, чтобы втянуться в спелеологию всерьез и надолго. А для последнего необходимо совершенно другое качество, на первый взгляд романтизму абсолютно чуждое и даже противоречащее. Мощное самомнение. Не представляю никакой другой области человеческой деятельности, где каждый второй считал бы себя одновременно выдающимся спортсменом, гениальным фотографом и экспертом еще в трех десятках областей. Не будем вдаваться в подробности, в какой мере все оно заслуженно (хотя заведомо в гораздо большей, чем кажется со стороны), отметим лишь как факт. Третий необходимый компонент — технический склад характера. Без него можно и не выжить физически — слишком многое зависит от снаряжения. И вот именно такой противоестественный сплав романтизма, технического универсализма и несколько гипертрофированного самомнения и образует спелеолога. Пусть меня поднимут на смех все психологи, утверждающие, что такой сплав просто невозможен, а если бы и был возможен, то четверо таких людей, будучи оторваны от мира, съели бы друг друга за завтраком на третий день, но это так.

Реально необходимо еще несколько не менее противоречивых, но несколько менее существенных факторов. Например, простой вопрос — каким образом люди вышеописанного сорта умеют уживаться друг с другом в длительных экспедициях — отнюдь не имеет очевидного ответа. Здесь нужна весьма специальная особенность характера. Не у всех она есть, да и названия общепринятого не имеет, но в первом приближении — обостренное чувство этики. Не менее важна способность, и даже любовь к строго индивидуальным действиям. Опять же парадокс. Спелеология — по определению развлечение одиночек и опять-таки по определению, действующих командой. Хотя спелеологи-одиночки в полном смысле слова тоже изредка встречаются. Фанатизм, наконец, абсолютно необходимый для некоторых разновидностей спелеологии. О таких мелочах, как разумное сочетание трусости с храбростью, хорошей дозе нахальства и обо всем таком прочем, пожалуй, даже и говорить не стоит.

Возможно, именно потому, что спелеологией занимаются только яркие индивидуальности, эта книга производит несколько отличное впечатление от другой географической литературы. Главным образом — существенно большей персонализированностью. И даже не в силу наличия у автора из ряда вон выходящего представления о собственной значимости (хотя оно у всех спелеологов именно такое, и автор — не исключение). Скорее, просто потому, что можно несколькими штрихами схематично набросать отдельные черты характеров и интересов коллег-спелеологов, но ни одного из них нельзя описать с той полнотой, которой он в реальности заслуживает. По сути, каждый, кто посвятил спелеологии более десяти лет, вполне достоин отдельной такой книги, как эта. Причем все это верно не только на глобальном уровне, но и на самом что ни на есть

локальном.

Если рассмотреть подробнее любую отдельно взятую подземную экспедицию, можно сразу сделать одно любопытное наблюдение. Четкое разделение интересов общих и интересов частных. Практически единственные четыре вещи, которые объединяют ее участников — это любовь к пещерам, желание открыть новые участки исследуемой пещеры, взаимное уважение и более или менее единое понимание внешней атрибутики экспедиционного быта. Больше, как правило, ничего. У каждого специальные интересы, как в пещере, так и вне ее, строго индивидуальны и весьма разнообразны. Если хотя бы трое из группы имеют близко совпадающие сферы интересов, то это уже удивительно. Такого созвучия интересов, как, скажем, у Хейердала на его плоту Кон-Тики, под землей просто не может быть — пещера есть мир, а не искусственно отграниченный изолят типа того же плота, и диапазон его интересностей, спроецированный на широту мировоззрения участников даже одной отдельно взятой экспедиции, исключает общность интересов.

Еще большая дистанция возникает, если рассматривать разные команды. И еще большая — если разные пещеры. Пещеры не менее индивидуальны, чем спелеологи, и здесь есть сильнейшая обратная связь. Вертикальные и технически сложные пещеры Кавказа привлекают к себе одних людей и создают одну экспедиционную атмосферу. Огромные, но очень просто устроенные лабиринты Подолии — совсем другую. Пещеры Кугитанга, и в особенности Кап-Кутан, исследованию которого практически полностью посвящена эта книга — совершенно особую.

Поэтому книга у нас — очень персональная. О пещерах вообще — но сквозь призму Кап-Кутана. О спелеологии вообще — но сквозь призму спелеологии Кугитангского образца. О спелеологах вообще — но только на примере Кап-Кутанских. Причем главным образом — из моей команды. И все вместе — только через авторское мироощущение. Никак иначе написать о пещерах и спелеологии так, чтобы в полной мере прочувствовалась атмосфера, нельзя — получится либо что-нибудь научно-популярное, либо репортажное. Чего и так написано достаточно.

* * *

Теперь попробуем понять, что же люди делают в пещерах и что же они там ищут. Что делают? Да все то же, что и в любом другом месте. Спорт, туризм, наука, изобретательство, общение, любовь — место есть всему. Как правило — кроме политики. То есть истории известны, конечно, случаи, когда и спелеологи занимались политикой, и я даже этого в паре глав коснусь, но — это не та политика. Это — политика, целью которой является только защита некоторой конкретной пещеры от грозящего ей уничтожения. Или защита спелеологами своих основных прав от государственной бюрократической машины. И — ничего больше. И, во всяком случае, без достижения каких бы то ни было выгод персонально для себя. Спелеологи далеки от коммунистической идеологии точно так же, как и от любой другой, но — категорически не приемлют построения собственного благополучия на руинах общих интересов.

Возможно, правда, что это и есть в некотором понимании идеология, но в таком случае — идеология, ставящая не наносящие ущерба другим интересы индивидуума выше интересов любого коллектива, интересы природы — выше интересов любого государства, и персонализирующая ответственность за любые действия. Словом, что-то, весьма напоминающее рационал-анархизм в понимании Роберта Хайнлайна. Хотя мне больше импонирует аналогия с кодексом какого-нибудь элитарно-интеллектуального клуба.

Причем практически любая крупная пещера и может быть именно такому клубу смело уподоблена. И по замкнутости, но то же время открытости круга ее исследователей, и по особой атмосфере взаимопонимания, взаимоуважения и равенства, и по развитости традиций, вплоть до уникальной лексики. Да и многие традиции чрезвычайно напоминают клубные. Например, в моей команде условия участия в любой из экспедиций таковы. Либо

человек принадлежит к основному составу команды, что автоматически проистекает из участия в трех-четырех экспедициях, и тогда он автоматически может ехать в любую из экспедиций. Либо человек едет со своей собственной программой исследований и никто из основного состава против него не возражает. Либо человек едет как гость — любой член основного состава может взять одного гостя, не советуясь ни с кем.

Разумеется, в большей части экспедиций точное соблюдение этих традиций до добра не доводит. Как известно из психологии, в любой команде должен быть ровно один лидер и ровно один дезорганизатор, иначе — бардак и анархия неминуемы. И они есть. Но — если взять старую хохму о том, что разница между борделем и бардаком заключается в том, что первый является организацией, а второй — системой, приложить к ней теорему о том, что любая система функционирует закономерным образом, и попытаться извлечь из функций одной системы максимум возможной пользы — как раз и получится идеальная организационная схема подземной экспедиции.

Подобное же устройство возникает и на уровне команд. Невозможно исследовать пещеру, не поддерживая как минимум уважительных отношений с остальными ее исследователями, даже если специально планировать экспедиции так, чтобы избежать встреч. Пещера — маленький замкнутый мир, и даже редкие ее посещения означают принадлежность к миру пещеры. И — на равных правах с остальными. Наплевав на существенную разницу интересов и подходов. Тем самым появляется следующий слой традиций — традиции межкомандного общения.

Наверное, клубные традиции просто имеют общее назначение с пещерными — они существуют как нечто искусственное, созданное для сплочения индивидуальностей в коллектив без ограничения их интересов и без вторжения в их частную жизнь.

Тем самым появляется первое определение того, что есть спелеология — это один из вариантов клубного времяпровождения для очень нестандартных и своеобразных людей. Причем не обязательно реализующийся именно в пещере. Пожалуй, ни одна другая группа по интересам (кроме, возможно, хиппи) не имеет столь развитых традиций общения. Ни один спелеолог, попавший в новый для себя город и даже в новую страну, не останется вне общения с местными спелеологическими кругами, если у него есть в записной книжке хоть один, даже полученный через третьи руки, номер «спелеологического» телефона. За минуту организуется и ночлег, и вечер с трепом и слайдами, и приглашение на ближайший выходной в какую-нибудь из ближних пещер. Это имеет вполне естественное объяснение. В пещере обычно невозможно общаться на тему пещер — пещеры слишком много, времени слишком мало, а интересы членов экспедиции слишком различны. И дефицит такого общения естественным образом восполняется на поверхности, причем совсем не обязательно в рамках своей команды. Некоторые спелеологи даже превращают свой дом в подобие явного клуба. Так, в приложении к Кугитангу, чуть ли не четверть всех спелеологов (пара сотен в год) останавливаются по пути на один-два дня у Гриши Пряхина в Самарканде.

* * *

Что ищут — вопрос существенно более сложный. Причем тривиальный ответ, что ищут в основном себя, не годится совсем. Как должно быть совершенно понятно из вышенаписанного, спелеологи — люди себя-то как раз нашедшие. Второй универсальный ответ, что ищут новые ощущения, не годится тоже. Пещеры — штука хоть и очень разнообразная, но отличия достаточно тонки, чтобы восприниматься на уровне ума, реже чувств, но никак не ощущений. Пещеры могут вызвать приятные новые ощущения всего восемь раз — при первом попадании в вертикальную пещеру, обводненную пещеру, лабиринтовую пещеру, красивую натеками пещеру, красивую кристаллами пещеру, подводную пещеру, ледяную пещеру, новую пещеру. Неприятные — еще в паре случаев. Обычно именно по исчерпанию ресурса новых ощущений и уходят из спелеологии «просто романтики». Оставшиеся — подразделяются на несколько типов. Сколько-то лет назад был

весьма популярен бессмысленный спор о том, является ли спелеология спортом или наукой. Отсюда первые два типа спелеологов становятся понятны сразу. Опять же не будем вдаваться в спор о том, взаимоисключающи они или взаимодополняющи. У разных спелеологов — по-разному.

Наиболее известный и популярный вариант — спортивный, родившийся сравнительно недавно как «вывернутый наизнанку» альпинизм. Причем логика его появления очевидна. Во-первых, непокоренные горные вершины поисчезали, а покорение новых склонов старых вершин уже удовлетворяет не всех. Во-вторых, у альпинистов появилась специализация, и — некоторые специальности, не пользующиеся особым спросом в горах, оказались незаменимыми в пещерах. Например — работа на веревках. В горах практически всегда рядом есть хорошая надежная скала, и веревки, кроме как для страховки, используются скорее как исключение. В пещерах же скала обычно покрыта толстым слоем скользкой глины, или ломается и крошится руками — словом, никак не подходит на роль хорошей надежной опоры. Все передвижение по вертикали происходит с использованием веревки (или троса, или тросовой лестницы) как основной опоры. То есть на веревке проводятся не минуты, как в горах, а десятки часов, что предполагает использование гораздо более развитых технических средств работы с веревкой — всевозможных обвязок, самохватов, спусковых устройств, средств навески.

Серьезное отличие вертикальной спелеологии от альпинизма еще и в том, какое несусветное количество снаряжения приходится применять. Отсюда некоторая дополнительная обстоятельность. Серьезный штурм требует километров основной веревки, не считая всяких соплей¹ для оттяжек. То есть утащить все это на себе в один заход все равно невозможно, и это в еще большей степени сдвигает баланс между скалолазным талантом и техникой в сторону техники. Хотя со скалолазанием тоже не все очевидно. Чуть ли не единственный скалолазный прием, применимый (и широко) в пещерах — хождение «в распор», среди альпинистов считается чуть ли не высшим пилотажем.

В вертикальной спелеологии имеется целый ряд технических школ — техника с тросовой лестницей и веревкой, с двумя веревками, металлическим тросом и веревкой, единственной веревкой. Каждая школа имеет совершенно особые требования к индивидуальному снаряжению, технике подъема и спуска, организации навесок. Например, в технике SRT² все определяется заботой о веревке, которая не должна ни в одной точке тереться о стену. Организуются десятки и сотни всевозможных оттяжек, что занимает чуть ли не половину всего штурмового времени, а в индивидуальном снаряжении спелеолога на первый план выходит его приспособленность к бесконечным перестежкам через все эти оттяжки. В технике лестницы с веревкой требования к индивидуальному снаряжению минимальны, расход времени на обработку колодцев тоже, зато гораздо важнее, чем во всех других техниках, индивидуальная натренированность. На веревке или тросе пристегни человека, научи перестегиваться, и — он пойдет, хоть и медленно. На лестнице — более, чем тридцать метров сплошного пролета пройдет только человек, действительно умеющий с ней работать.

К слову. При выборе технической школы иногда возникают и весьма неожиданные аргументы. Каждому приходилось видеть на фасадах зданий людей, выполняющих ремонтные работы с веревок, безо всяких люлек. Занимаются этим, как правило, именно спелеологи, зарабатывающие деньги на очередную экспедицию, и альпинистской эта техника называется по чистому недоразумению. И естественно, что снаряжение используется именно свое привычное — опять же дополнительная тренировка получается. Так вот как-то раз при наших таких подработках из очередного окна высунулась рука с

---

¹ Кусок веревки длиннее 5 метров называется концом, короче — соплей.

² Используется единственная веревка, являющаяся одновременно и рапелью, и страховкой.

ножницами и перекусила веревку Степе Оревкову. К счастью — страховочную. Имевшую место быть только потому, что наша команда SRT не признает.

Спортивная спелеология не исчерпывается спелеологией вертикальной. Имеется сразу два варианта подводной спелеологии. Один из них — штурм сифонов (залитых под потолок участков пещеры) с целью нахождения новых сухих участков, второй — исследование пещер, затопленных полностью, именно как целиком подводных пещер. Любой из этих вариантов еще более техничен, чем вертикальная спелеология, причем часто с ней и сочетается. Акваланги, не говоря уж о всяком вспомогательном снаряжении — вещи и тяжелые, и взрывоопасные, и доставка их, скажем, на километровую глубину, как в кавказских экспедициях недавно погибшего Владимира Киселева — задача чрезвычайно сложная и трудоемкая. Двойная сложность — и пещера, и подвода, двойная оторванность от мира, тройная опасность, четверной уровень необходимой технической подготовки, выделяют спелеоподводников в некоторую особую касту даже среди «сухопутных» спелеологов. Причем касту, для которой характерно и то, что все три главных особенности склада характера оказываются возведенными в квадрат. Что создает серьезные трудности, если штурм сифона вдруг оказывается успешным — открывается новое сухое продолжение. На этом подводники теряют всякий интерес, так как всерьез считают ныряние в сифон самым важным делом во всей спелеологии. А протаскивать их силами «сухопутную» штурмовую команду за сифон возможно далеко не всегда — собственно, оно возможно только в случае совсем несерьезного сифона.

Забавно, но само слово «спорт» в применении к спелеологии принципиально неверно. Спорт подразумевает какое-то соревнование, а с ним-то и тяжеловато. Две команды в одной вертикальной пещере в одно и то же время просто не могут оказаться — всенепременно запутаются друг у друга в навесках и проводах. В одном и том же сифоне — тем более. А через неделю и водопады посильнее или послабее, и на заброску вертолет достать удалось — словом, условия уже совершенно другие. В том же альпинизме вполне возможно естественно и органично устроить соревнования. В пещерах — нет. Любое соревнование с начала и до конца искусственно, хотя поиск возможностей их организации идет с того самого момента, как по чьей-то ошибке было произнесено слово «спорт». И вполне активно. И по ориентированию в лабиринтовых пещерах (чего в реальной спелеологии не бывает — или карта пещеры есть, или ее нет), и по лазанию по лестницам и веревкам, подвешенным на поверхности, и по скорости топографической съемки, и по обычному скалолазанию. Словом, по всему, что не имеет прямого отношения к спортивной спелеологии, ибо за отсутствием стратегии и тактики штурма спелеология исчезает, а остаются лишь выдранные из контекста отдельные ее технические элементы.

Попытки устроить соревнования «на природе» тоже были. Например, по типу альпинистского чемпионата, в котором каждая команда заявляет на год десяток штурмов высокой сложности, а по итогам оценивают результат с учетом как стратегии, тактики и техники, так и нахальства (в смысле предварительно заявленных первопрохождений). И тоже не прошло. Это годится для профессионального спорта, а спелеологи — таки любители. Или с прохождением эталонных пещер на время, что оказалось настолько чуждым самому духу любой спелеологии, что отмерло само собой очень быстро.

И наконец, спелеологи спортивного толка склонны видеть в других командах своих соперников, без чего не может быть никакого спорта, даже в меньшей степени, чем спелеологи научного или первопроходческого толка. Словом, спортсмены-спелеологи на самом деле никакие не спортсмены, а просто технари. В самом высоком понимании этого слова.

* * *

Следующее по известности место занимает спелеология научная. Как самое логичное из видимых со стороны оснований для залезания человека под землю.

И смысл здесь есть, да и не малый. Пещеры действительно часто представляют собой большой научный и даже научно-прикладной интерес. Обычно их исследование может пролить свет на гидрогеологию горного массива, немного реже в них можно найти редкие или даже новые минералы. Чистые и стабильные условия образования минералов приводят к появлению всякой кристаллографической экзотики. Подземные ледники никак не менее интересны, чем горные или антарктические. Стабильный мягкий климат позволил пещерам послужить «убежищем» для некоторых животных на время ледниковых периодов, и часть популяций так и адаптировалась к пещерам, утратив зрение и окраску. О некоторых медицинских фокусах я уже немного писал, а вообще-то их гораздо больше, и преинтересных. А, скажем, для какой-нибудь археологии — так пещеры и просто сущий клад. Словом, сплошная наука на любой вкус.

Более того. Среди спелеологов велик процент людей, имеющих отношение к науке, причем самой разнообразной. А пещера, недогружая каналы восприятия, очень сильно стимулирует мозговую активность. И как результат — вечерний треп на подземном лагере изобилует совершенно парадоксальной чересполосицей из обсуждения бытовых проблем, планов на завтра и научных идей. Любых, и со всевозможными взаимопереходами. От медицины до космологии. Вплоть до подведения строгой физико-математической теории под известную теорему-хохму о том, что бутерброд падает маслом вниз — и немедленной постановки статистического эксперимента теми, кто оных выкладок, которыми был исписан весь глиняный пол, не мог понять. А главным образом такая «спонтанная» наука кренится в сторону медицины. Опять же из-за недозагрузки информационных каналов. Вторым следствием которой является то, что практически каждый начинает обостренно чувствовать все процессы в своем организме, становясь тем самым сущим кладом для попавшего в экспедицию врача с исследовательской жилкой. А всегда имеющиеся под рукой физики, математики и системные аналитики с исключительным азартом подключаются к интерпретации оных наблюдений, доводя дело до полного абсурда.

При всем том научная спелеология распространена гораздо меньше, чем это может показаться со стороны. Серьезные занятия любой наукой — вещь трудоемкая и дорогая. Не зря же народная мудрость гласит, что наука есть способ удовлетворения собственного любопытства за государственный счет. Спелеология — наука по преимуществу любительская, где никакого государственного счета нет в помине, а энтузиасты научных исследований за собственный счет хоть и встречаются, но не в таких уж больших количествах.

Почему государство не финансирует исследований, тоже, в общем-то, понятно. И вполне закономерно. В исследовании пещер тесно переплетаются весьма далекие друг от друга научные отрасли, и это совсем не вписывается в структуры и классификации науки академической. То есть вписать их, конечно, можно, но просто нерентабельно — потраченные на это время и силы любой спелеолог с гораздо большим удовольствием потратит на пещеры.

Прикладная же наука, где со всем этим проще, часто может дать деньги, но настолько однобока и коммерциализирована, что от предлагаемых проектов уже бегут сами спелеологи. Изучить на данных большой и красивой пещеры ту же гидрогеологию горного массива интересно и полезно, но если за исследованиями стоит сформулированная цель, скажем, перехватить туннелем подземную реку и отвести ее на турбины электростанции — это уже получается нечто чуждое природе спелеолога. А это — самый безобидный из вариантов, причем в нашей стране практически не встречающийся — гидротехническое строительство опирается на проекты подешевле. У нас гораздо чаще деньги под исследовательские проекты в пещерах выделяют военные, которых не интересуют ничего, кроме утилизации пещер под всякие склады, геологические ведомства, сводящие все к добыче сувенирно-камнесамоцветного сырья, туристические фирмы, пытающиеся найти новые коммерческие маршруты. Словом — все те, кто за исследование и утилизацию одного аспекта интересности пещеры готовы заплатить уничтожением всех остальных аспектов, а то

и самое пещеры. К чести спелеологов, случаи их подключения к таким проектам единичны. Обычно они как раз занимаются разрушением подобных проектов, одному из примеров чего посвящена вся следующая глава.

Я ни в коем случае не утверждаю, что научная спелеология совсем не поддерживается со стороны. Поддерживается, и немало. Иначе ее не было бы совсем. Но отнюдь не в той мере, в которой она могла бы давать исследователю средства к существованию, не говоря уж об обогащении. А именно в той, когда он, вкладывая в исследования некоторый свой собственный минимум финансирования, получает помощь, позволяющую расширить фронт работ. И такая помощь приходит с самых разных сторон и в самых разных формах.

Обращаясь к опыту моей собственной команды, попробую для примера перечислить, какую помощь мы имели для своих исследований, большей частью геологических, гидрогеологических и минералогических. Моя команда в первой половине восьмидесятых официально была зарегистрирована как спелеологическая секция ВИМСа — Всесоюзного Института Минерального Сырья, а параллельно имела представительство в Геологическом (тогда оно называлось Горным) научно-техническом обществе. Идея здесь была такая: если наша программа исследований включена в план деятельности Геологического общества и оно на эту тему сочиняет бумагу директору ВИМСа, то у того, как одного из учредителей Общества, появляется формальное основание к тому, чтобы позволить очередную поездку в пещеры провести не в отпускное, а в рабочее время. Конечно, без оплаты проезда и командировочных, но и этого уже немало. Естественно, формальное основание не играло бы никакой роли, не имей директор ВИМСа А. Н. Еремеев доброй воли к оказанию подобной помощи. А регулярные наши доклады и вечера со слайдами вполне компенсировали институту такие расходы. Институтская помощь на этом тоже не ограничивалась. Остальное, хоть и не было завязано на прямые деньги, но было еще важнее. Возможность бесплатного пользования кинофотоаппаратурой, безвозмездная помощь различных лабораторий в проведении разнообразных анализов — все это в сумме вносило гораздо более существенный вклад. И опять же это было не все. Большая часть команды работала в других организациях, не только геологических — и везде, куда мы обращались за какой-либо разумной помощью, мы ее получали. Когда видят, что люди делают хорошее дело за свой счет и не ожидая отдачи, помогают все, и с удовольствием.

Раз дошло даже до полного анекдота. В начале восьмидесятых любое использование копировальной техники в нашей стране было обставлено сотнями разнообразных запретов и драконовских правил, вплоть до уголовной ответственности за несанкционированное размножение любого листочка, а любые крупномасштабные карты являлись государственной тайной. Карты пограничной зоны — вдвойне. В день отъезда очередной экспедиции мы обнаружили, что нас подвели — необходимые два десятка экземпляров рабочих карт пещеры Кап-Кутан и поверхности над пещерой отпечатаны не были. Прокатав возможности быстрого (за три часа до поезда) решения проблемы, нашли единственный вариант — пойти в ближайшее отделение милиции, за полчаса объяснить, кто мы, чем занимаемся, что за карты нам нужно размножить и зачем — и уговорить милиционеров размножить их на собственном ксероксе. Что и удалось, причем очень просто.

Конечно, встречаются и более непосредственные варианты частичного финансирования, особенно в последние годы — некоторые научные фонды стали иногда давать гранты под спелеологические исследования. Но это пока скорее исключение, чем правило, и это даже хорошо. Спелеология — чуть ли не последняя из наук, до сих пор оставшаяся на любительском уровне, и потерять ее статус как чудесной отдушины для энтузиастов было бы просто жалко.

Теперь о том, что есть спелеолог научного толка. Как правило, это не узкий специалист, а скорее универсал энциклопедического толка. Пещеры разнообразны, и в них могут быть тесно взаимосвязаны такие, казалось бы, далекие друг от друга вещи, как, например, биология и минералогия. Конечно, энциклопедизм — скорее пожелание, чем данность, в чем читатель убедится, встретив по ходу дальнейшего повествования примеры

того, как недостаток именно энциклопедизма тормозит на годы понимание важных закономерностей. Но в любом случае широта познаний и взглядов, существенно большая, чем это принято в обычной науке, весьма и весьма характерна для всех спелеологов.

Спелеолог научного толка обычно «наследует» в качестве острия своих интересов основную специальность в обычной науке. Но не всегда. Скажем, тот же я, будучи специалистом в геостатистике (один из математических методов подсчета запасов на месторождениях) и в конструировании программного обеспечения профессионального геологического назначения, в пещерах занимаюсь гидрогеологией, геохимией, минералогией и даже немного микробиологией. Хотя то, что последнее время предпочитаю сводить все воедино и на основе этого планировать и раздавать следующему поколению спелеологов новые направления исследований — именно наследие «поверхностной» специальности по конструированию больших программных систем.

Довольно часто наукой в спелеологии успешно занимаются и те, кто наверху не имеет к науке никакого отношения. Известны даже случаи, когда в серьезных научных изданиях публиковались хорошие статьи школьников. В спелеологии пока довольно просто найти «отвилки», требующие чуть ли не нулевого начального уровня знаний и за которые пока просто никто не брался. А несколько месяцев вдумчивой аналитической работы с литературой могут в таком случае вывести на передовой уровень даже полного новичка.

* * *

Весь спор о противостоянии или слиянии науки и спорта в спелеологии имеет своей подоплекой следующую ипостась спелеологии, которую можно рассматривать как самостоятельную, но которая пронизывает и научную, и спортивную спелеологию. Это — спелеология первопрохождений, эра которых в пещерах не только не закончилась, но находится в самом разгаре, и без которой не было бы ни спортивной, ни научной ветвей.

В быту обычно считают, что первопрохождения — один из атрибутов научной спелеологии, но это далеко не так. Просто инстинкт первопрохождения присущ человеческой природе, и во многом именно на нем и держится романтизм. Ощущение, что ты попал туда, где не ступала еще нога человека — одно из самых сильных. Поэтому первопрохождениями пытаются заниматься практически все — и спортивные команды, и научные, и эфемерные романтические. Разве что кроме команд глазетельно-фотографического спелеологического туризма.

С первопрохождений в абсолютном большинстве случаев начинается даже самое знакомство со спелеологией. Пацану, увидевшему узкую дырку на берегу реки и с большим трудом просочившемуся в нее на десяток метров, и в голову не придет, что там уже до него кто-то был. Для него это — новый, таинственный, неисследованный, его собственный клочок земли, не уступающий по привлекательности никакому необитаемому острову. Еще важнее то, что, скажем, какой-нибудь островок в ближайшем пруду может быть реально нехоженым, но он лишен таинственности, так как виден глазу во всех подробностях. Крошечная пещерка — не видна, и определяет ее моральный перевес именно это. И во многих случаях пацан, в реальности не совершив никакого настоящего первопрохождения, но прочувствовав это ни с чем не сравнимое ощущение, заражается навсегда.

Конечно, пример из предыдущего абзаца слишком идеален, чтобы встречаться часто. Более распространенный вариант относится к более старшему возрасту и каким-нибудь катакомбам — заброшенным несколько сот лет назад разработкам известняка, песчаника или чего-нибудь в этом роде. Катакомб много по всей Европе, зачастую они имеют вполне значительные размеры и запутанность, а иногда осложнены завалами, прососами воды с поверхности и прочими быстродействующими геологическими факторами до такой степени, что становятся практически неотличимы от природных пещер. И даже могут сформировать над собой рельеф поверхности, характерный для каких-нибудь высокогорных карстовых плато, а не для нашей средней полосы. И все это — вблизи городов, где молодежи в

максимальной степени нечего делать. Вполне естественно, что «исследование» катакомб там, где они есть, становится весьма популярным, а отсутствие или недоступность их карт опять-таки создает климат первопроходчества. Не буду утверждать, что катакомбенное времяпровождение во всех случаях именно таково. Отнюдь. Исследование того, чем занимаются группы подростков и молодежи, проводящие свое время в ближайшей катакомбе обычно дает весьма интересные, неожиданные и подчас ошеломляющие результаты, вполне заслуживающие отдельной книги. Например, какая-нибудь группа (истинный факт) свободно может устроить в каком-нибудь отвилке самую настоящую кузницу, отковать там самые настоящие рыцарские доспехи и носиться в них по штрекам, лязгая железом, рассыпая фонтаны искр и пугая всех остальных. Или устраивать такие же средневековые застолья. Не говоря уж об виртуозной и не вполне безопасной пиротехнике в адрес друг друга, дающей в замкнутых объемах вполне сногшибательные результаты. Утешает то, что в массе своей эти развлечения гораздо безобиднее развлечений аналогичной публики ночью в ближайшем парке. Элемент романтизма, принудительно вносимый обстановкой, как-то вытесняет элемент агрессивности, да и расход энергии на ползание вполне достаточен.

Среди самих спелеологов первопрохождения, как я уже отмечал, есть непрменный атрибут практически всех ветвей. Но в то же время — достаточно широк круг спелеологов, для которых первопрохождения составляют основной смысл жизни. Именно первопроходческая спелеология на бытовом уровне ошибочно смешивается со спелеологией научной. Это очень разные, хотя и полностью совместимые течения. Единственное очевидное сходство спелеологов-научников и спелеологов-первопроходцев — легкое презрение к спелеологии спортивной. Оба эти типа спелеологов расценивают технику, равно как и встречающиеся в пещерах сложности, адекватно. Не как самоцель, а как средства и препятствия, первые из которых нужны для преодоления вторых. И не более. Менее очевидное, но гораздо более важное сходство — понимание неизбежности вреда, причиняемого пещере любым посещением. Именно это понимание (впрочем, иногда интуитивное) и порождает спелеологию, в основе которой лежит тезис об обязательной компенсации разрушающего воздействия хотя бы привнесом нового знания. То есть — либо научную, либо первопроходческую.

Для спелеологов-первопроходцев нет разницы между пещерой второй или шестой категорий сложности. Если интерес требует дойти до дна — они дойдут, причем без единой аварии. Пещеры — не горы. Они достаточно стабильны и предсказуемы, и единственная реально существующая опасность — опасность внезапного паводка, при котором уровень воды может за минуты подскочить на десятки метров. При правильном планировании техники, стратегии и тактики экспедиции, не ставящем целью скоростную заброску и скоростное прохождение, все остальные опасности исчезают сами собой. Да и паводки в абсолютном большинстве пещер не достанут, если планировка экспедиции предусматривает возможность быстрой эвакуации с аварийным комплектом жизнеобеспечения в не затопляемые участки. Однако все это никак не исключает необходимости технической подготовки. И научные спелеологи, и первопроходцы изобретают новую технику, устраивают всевозможные тренировки и так далее. Но четко понимают, что это — необходимо, но вспомогательно.

Вероятно, именно из-за этого аварийность среди спелеологов научного и первопроходческого толка исключительно низка по сравнению со спелеологами спортивными. Те себя еще в тренировочных лагерях настраивают, что любой колодец, любая узость, любая подземная река есть серьезная сложность, в борьбе с которыми и обретается смысл жизни. И естественно, выработав такую психологию, впоследствии, при попадании в нештатную ситуацию в том же колодце, тихо помирают от переохлаждения, даже не пытаясь бороться. Такие примеры известны десятками, но нет ни одного подобного примера среди не-спортсменов.

Конечно, имеется одно исключение, где без спортсменов ни ученые, ни романтические первопроходцы не сделают ничего. Это сифоны. Подвода опасна реально и не прощает даже

малейших ошибок, как ни настраивайся психологически.

Но самая приятная особенность спелеологии первопрохождений — миротворческая. Если пахнет первопрохождением — в одной экспедиции мирно и без взаимных издевательств соберутся и «научники», и «спортсмены», и «туристы». И все будут относиться с великим пиететом к областям интересов друг друга. Спортсмены даже сходят на пару лекций по методике описания пещеры, а научники — на пару тренировок. И дружно потащат пару километров веревки в район, где максимальная ожидаемая глубина пещер — сотня-полторы метров.

* * *

Наиболее же массовый тип спелеологов — туристы. Не спортивные туристы, к которым по официальной классификации относятся спелеоспортсмены, и не туристы коммерческие, а туристы «дикие» — просто любители природы, избравшие полем деятельности пещеры. Которых не интересуют ни наука, ни техническая сложность, ни новые пещеры. А интересуется посетить побольше известных и красивых пещер, власть пофотографировать, пообщаться друг с другом. Словом — никакой разницы от любых других туристов подобного сорта — хоть водных, хоть горных, хоть каких. И довольно часто они могут одновременно заниматься различными типами туризма.

Разбираться с типами туристов и их побудительными мотивами посещения пещер — занятие неблагодарное абсолютно. Турист — человек своеобразный, и для того, чтобы выяснить, что в реальности им движет, нужны утонченные методы исследования. В приложении к пещерам мне этого не удалось ни разу, но просто в турпоходе — однажды удалось, и результат меня ошеломил. В качестве наживки для ловли душ использовалась ворона, подобранная моей женой в состоянии птенца, и категорически отказавшаяся покидать хозяев. Так и пришлось брать ее с собой на все вылазки в тайной надежде, что где-нибудь в лесу она одумается и улетит. На удивление, реакция окружающих, особенно других туристов, на ворону была разнообразна, глубока и открывала в людях такие черты характера, наличие которых даже заподозрить было невозможно. Вот одна из зарисовок. Вокзал города Тверь. У скамейки лежит куча рюкзаков, хозяева которых пасутся вокруг. На спинке скамейки сидит Машка и хитро поглядывает на всех прохожих. Останавливается старушенция с рюкзачком, минуту или две смотрит на ворону, после чего осведомляется:

— Слушай, подруга, ты что — ручная?

— Карррр!

— А я вот нет! — гордо заявляет бабуса и дефилирует дальше.

Я упоминаю туристов не только потому, что их просто много. Туристы есть неотъемлемая и вполне равноправная часть любой ветви спелеологии. Практически любая команда, затеявшая серьезный и трудоемкий проект, привлекает к нему таких туристов, которые, опять же из романтизма, с удовольствием участвуют в проекте на вспомогательных ролях. Без них не было бы возможно полное прохождение ни одной крупной пещеры, да и экспедиции были бы гораздо скучнее. Не говоря уж о том, что туристы — основная питательная среда для пополнения состава «серьезных» спелеологических групп.

Впрочем, есть некоторый подвид туристов, польза от которых для спелеологии в общем случае равна нулю, сколько усилий к обратному ни прилагается. Это — кинофототуристы. Как и в любых необычных местах, в пещерах фотографируют практически все, и многие — неплохо, но для некоторой части людей фотографирование пещер становится смыслом жизни. Я не хочу сказать, что они бездари — обычно очень даже наоборот, но хороших съемок пещер у них не получается практически никогда. Пещера статична, и фотография большей частью отражает психологический настрой автора. Легко снимать, если идут исследования, или первопрохождение, или даже спортивный штурм. Совсем нелегко — когда происходит безделье. Конечно, всякие тонкие состояния души на фотографии тоже передаваемы, но для этого нужны студия и оборудование, а не природа, в

особенности — если природа технически сложна и недружественна. Самое смешное, что все они это прекрасно осознают, выдвигая всякие теории о необходимости свежести восприятия и соответствующего планирования съемок. Но признаваться не хотят. И искусственно создают подобие штурмовой обстановки, снимая в новых для себя пещерах, которые принципиально посещают без карт и проводников. И только таким образом получают что-то приемлемое.

Собственно, их легко понять. Как уже можно заключить из написанного, спелеологи практически во всех случаях — люди, которым органически необходимо признание. А пещеры не предоставляют практически никаких возможностей для наглядной демонстрации своих достижений ни во время экспедиций, ни после. Кинофотоматериалы — единственное, чем можно похвастаться вне чрезвычайно узкой аудитории спелеологов. И полная концентрация на кинофотодеятельности — это просто линия наименьшего сопротивления. По понятным соображениям особого уважения не вызывающая.

* * *

Наконец, последний тип спелеологов, довольно близкий к предыдущему, но и сильно от него отличающийся, это те, для кого пещеры просто стали образом жизни. Вот не может человек без того, чтобы раз или два в год забраться под землю, и все тут. Причем все равно, в какой компании, даже в одиночку. И все равно, зачем — хотя бы просто недельку там пожить. Хотя от участия в серьезных интересных экспедициях такие спелеологи тоже не отказываются. В моей команде чуть ли не половина переменного состава экспедиций и четверть постоянного состоит именно из таких.

Возможно, я даже не совсем прав, и это не отдельный тип спелеологов, а слегка постаревшие представители научного и первопроходческого течений. Может быть. Спелеология становится образом жизни для многих, а более узкие интересы могут и видоизменяться. К тому же для некоторых людей имеется фактор просто физической зависимости от пещер. Например, для меня. До начала занятий спелеологией я здоровьем совсем не отличался. Даже более того. Врожденная бронхиальная астма удерживала меня в больницах по два-три месяца в году, и большинство врачей твердо обещали мне инвалидность годам к сорока, а если не буду придерживаться правильного образа жизни — то и раньше. Я понял все по-своему, в семнадцать послал врачей подальше, и начал лазить по пещерам. Сейчас мне как раз без ерунды сорок и есть, рюкзак килограмм в пятьдесят-шестьдесят для меня не проблема, стометровый колодец тоже, пара километров ползком тем более. Но если сумма подземного времени за год составляет меньше трех недель, здоровье и форма теряться начинают немедленно и катастрофически. И не один я такой даже в моей собственной команде.

Впрочем, к пещерам как к образу жизни кроме вышеописанной публики относится и еще один распространенный подвид туристов — так называемые «матрасники». Которым абсолютно все равно, что за пещера, лишь бы залезть внутрь, поставить подземный лагерь и просто жить в нем, изредка проводя небольшие вылазки. И которые до появления в природе мурмулей выступали объектом для дружных издевательств всех прочих спелеологов. Впрочем, рассказывать о том, кто такие мурмули, я пока подожду — глубокий философский смысл этого понятия станет доступен для восприятия только ближе к концу книги.

* * *

Перечисляя типы и интересы спелеологов, я практически ни слова не сказал о спелеологах профессиональных — тех, кто исследует и эксплуатирует пещеры в коммерческих целях и в интересах тех или иных организаций. Хотя большинство не-спелеологов твердо убеждены, что практически все спелеологи — профессионалы. Так, местное население на Кугитанге за двадцать лет так этого и не перестало спрашивать

каждую из сотен ежегодных команд о том, сколько им платят и много ли они в пещерах находят кладов, золота и прочих полезных ископаемых — всего того, чего в пещерах не бывает. Впрочем, Кугитанг — тот самый уникальный район, где была зафиксирована единственная достоверная находка клада в пещере. Происшедшая на моих глазах. Собственно, кладом это трудно было даже назвать — груз полусгнивших, хотя когда-то и богатых тканей, забазированных в пещере Хашм-Ойик контрабандистами конца прошлого века и найденных в 1978 году С. Г. Сабановым. И между прочим, что очень показательно — в сотне метров от входа, практически на тропе, по которой ежегодно проходят сотни спелеологов. Это к слову о нечаянных открытиях.

Так вот профессиональной спелеологии в нашей стране, слава Богу, практически не осталось. Она слишком разрушительна для хрупкого мира пещер. Сейчас я вдаваться в это не буду, потому что борьбе с профессионализмом в спелеологии, и особенно — спелеологии Кугитангской, целиком посвящена следующая глава.

* * *

Разобравшись с психологией и типами спелеологов, а заодно и с направлениями, возможностями и стилями в спелеологии, попробуем все-таки кратко ответить на тот извечный вопрос, что же такое спелеология в целом.

Отдых и развлечение? Да.

Наука? И да, и нет.

Спорт? Более нет, чем да.

Искусство? Вероятно.

Техника? Безусловно.

Склад характера? И это тоже.

Романтика первопрохождения? Вне всяких сомнений.

Образ жизни? Тоже да.

И действительно, не зря спелеологи-исследователи каменного века становились либо жрецами, либо художниками. Ничего другого от подобного сплава ожидать нельзя.

ЭПОХА ВАНДАЛИЗМА

... ибо не ведают, что творят

Новый завет

Есть спелеология любительская, связанная с исследованием пещер, а есть профессиональная, тем или иным боком связанная с их освоением. Пещеры представляют интерес для многих ведомств и коммерческих организаций — здесь и туристические возможности, и питьевое водоснабжение, и гражданская оборона. Гораздо реже, но встречается и чисто научный интерес организаций, имеющих финансирование. Многие спелеологи-любители лелеют тайную мечту превратиться со временем в профессионалов, пребывая в блаженной уверенности, что при этом будут заниматься чистыми исследованиями, в то же время приносящими некоторый доход. В этом нет ничего удивительного: все спелеологи — романтики по определению. И, как все романтики, глубоко заблуждаются в понимании некоторых особенностей реального мира. Пещеры — это многогранный мир, очень разнообразный, очень тонко сбалансированный, и потому очень уязвимый. Нарушишь что-то одно — и конец пещере. Нет и не может быть ни одного коммерческого проекта, учитывающего все особенности мира пещеры, поэтому все они в той или иной мере разрушительны.

Если не считать школьных и студенческих упражнений в катакомбах Подмосковья и нескольких вылазок в настоящие пещеры, что было чистой романтикой и не имело никакого отношения к исследованиям, моя спелеологическая карьера продвигалась обратным путем —

из профессионалов в любители. При этом профессиональная спелеология в моем случае предстала, пожалуй, в наиболее мерзкой своей ипостаси. История разрушения величайших памятников природы — пещер Кугитанга происходила у меня на глазах, и даже с некоторым моим участием. К счастью, тогда были известны только небольшие части пещер и пострадали только они. История их спасения и сохранения, ставшая одним из главных достижений отечественной любительской спелеологии двадцатого века, также прошла у меня на глазах и с моим участием и была неразрывно связана с моим переходом из профессионалов в любители.

Когда я, как часто бывает у всех романтиков, пришел к идее поднабраться самостоятельности, поработав годик-другой в достаточно оторванной от мира экспедиции, мне предложили производственную экспедицию «Памиркварцсамоцветы», специализирующуюся по поискам, разведке и добыче пьезокварца и камнесамоцветного сырья на Памире и в некоторых прилегающих районах Средней Азии. Великолепные дикие горы, маленькие мобильные отряды, маленькие участки, полевой сезон 8-10 месяцев в году — словом, то, что нужно. Через месяц после устройства туда определилось, что мне преимущественно придется работать на Карлюкском месторождении мраморного оникса. Мраморный оникс — это полосчатый кальцит, довольно дешевый поделочный и облицовочный камень. Дешевый он из-за своей мягкости — царапается чуть ли не чем угодно, а так весьма и весьма красивый. В пещерах им сложена большая часть натечных кор, сталактитов и сталагмитов. Вместе с тем основная часть промышленных месторождений мраморного оникса с пещерами никак не связана — он часто выполняет трещины и полости в известняках, и даже в вулканических породах.

Про Карлюкское месторождение я тоже к тому времени читал и слышал, и потому согласился на этот вариант с тем большей радостью. Одна из лучших вышедших в нашей стране книг про пещеры — «С фотоаппаратом под землей» Танасийчука, которой, несмотря на ее наивность, зачитывались все, была чуть ли не наполовину посвящена фантастической по своей красоте и необычности Карлюкской пещере, и там отмечалось, что ее входная воронка вскрывала жилы мраморного оникса, послужившие сырьем для отделки некоторых помещений в древних мавзолеях Узбекистана. С точки зрения геологии все, что там было написано как о пещере, так и о месторождении, было полной ахинеей — автор не был геологом даже в первом приближении, но это только подогревало мой интерес — все-таки, на какие-то данные он должен был опираться. Не только мой — в Москве многие как новички в спелеологии, так и опытные спелеологи, слышали про Карлюк и мечтали там побывать, но я не знал никого, кому бы это удалось. И вот я оказался именно там, причем имея достаточно времени, чтобы увидеть все и понять многое.

Конечно, пещеры оказались хоть и в высшей степени необычными, но они были все-таки нормальными карстовыми пещерами, а не «зияющими щелями в некарстующихся гранитах», как об этом писал Танасийчук. И мраморный оникс, про который писал Танасийчук, был не во входной воронке, а в глубине пещеры, и это были никакие не выходы жил, а обычные натечные коры. И даже название «Карлюкская пещера», как оказалось, было неверным — пещер в районе Карлюка просто много, и та, о которой писал Танасийчук, называлась Хашм-Ойик (или Хаши-Муёк — однозначной транслитерации с тюркских языков на русский нет, и одни и те же географические названия в различных русских источниках пишутся по-разному).

Весь мраморный оникс в окрестностях имел исключительно пещерное происхождение. То есть то, чем мы собирались там заниматься (точнее, я, потому что участок уже существовал и действовал и без меня), было тем самым грабежом пещер, который порицается во всех спелеологических кругах, и даже в абсолютном большинстве профессиональных.

Раза два мне уже приходилось этим заниматься, но в несколько иной обстановке. В Хайдаркане, тоже в Средней Азии, есть огромный ртутный рудник, карьеры и шахты которого регулярно вскрывают небольшие карстовые пещеры с очень красивыми и

необычными натеками. Пещеры эти все равно гибнут, поэтому во многих университетах распространено поветрие вывозить туда на практику студентов, а большинство музеев пополняют свои коллекции пещерных образований именно оттуда. И это вполне разумно — минералогия пещер чрезвычайно интересна, и если есть возможность форсированно ее изучать в автоматически обреченных пещерах, этой возможностью обязательно нужно пользоваться.

Здесь была несколько иная ситуация. Пещеры отнюдь не были обречены на уничтожение, были огромны и очень красивы. И было очень много возможностей их не трогать. Например, самое продуктивное на участке проявление оникса — Удача — не имело отношения к «наблюдаемым» пещерам. Породившая его пещера была до потолка забита щебнисто-пылевыми отложениями, и пласт покровного натека на полу брался обычным горнопроходческим методом (штольной), без разрушения каких бы то ни было уникальных образований. Собственно, Удача — не пещера, а бывшая пещера, и под понятие пещерного грабежа и вандализма не попадала никак. И таких было более чем достаточно.

* * *

Геологический участок в пустыне — вещь своеобразная. И классическая серия анекдотов об офицерских собраниях европейцев в азиатских странах не может быть до конца понята людьми, не нюхнувшими подобной обстановки. В быту анекдоты из этой серии трактуются как свидетельства закономерных следствий дурных идей колониализма, расизма и всяких прочих подобных явлений. Так вот ничего подобного. Никакие дурные идеи не могут породить ситуаций, проникнутых тонким юмором, а вот несовпадение культур при временном сосуществовании и полном взаимном уважении — еще как. Но — юмор юмором, каждый индивидуум имеет некоторый предел его восприятия, а за этим пределом начинается откровенная махровая скука. Уже через несколько месяцев наслаждение межкультурными коллизиями проходит, общение с местным населением минимизируется до уровня, отвечающего реальному взаимопониманию, и — остается узкий круг людей, часть которых закостеневают в суровом аскетизме, не свободном от вульгарного пьянства, а остальные старательно и тщетно ищут более осмысленных развлечений на нерабочее время.

А какие развлечения? Охота — за полсотни километров, рыбалка тоже, собратья-геологи — еще дальше. Бензин опять же в дефиците, да и шофер пьян. Жара за пятьдесят. Книги все прочитаны по десять раз, карты и шахматы — надоели. Фотопленка кончилась, местное вино просто гнусное, пиво — еще хуже. Даже приручаемый тушканчик успел сбежать, съевши на дороге ножки у единственной пары приличных стульев.

Собственно, остаются ровно три занятия — пещеры (прохладно и чуток романтично), общение с появляющимися раз в месяц туристами (хорошо, но мало), флотского типа хохмы в адрес друг друга (чем дальше, тем тупее), и — все. На фоне того, что в геологию большинство людей приходит тоже из-за романтики. Которая, разумеется, приложима к полевым сезонам длиною в лето и с передвижениями, но уж никак не к шести-восьмимесячным сидениям на одной точке.

Утро. На плац въезжает газик. Из него появляются два майора и полковник с погранзаставы — приехали к начальнику участка сразиться в карты. Того нет — уехал на точку в горы. Открывается дверь жилого вагончика, и на крылечке возникает главный геолог участка, более известный под кодовым именем Маэстро. Пьяный в усмерть, что, впрочем, можно заметить только по подчеркнuto официальному виду и навешанным на пузо и все бока трем фотоаппаратам, двум компасам и двум планшеткам. Гордо обозрев окрестность, произносит: «Господа, прошу в мой кабинет». А когда ничего не понимающие офицеры подходят ближе, наклоняется и громогласным шепотом сообщает: «Ребята, только тихо. Сейчас зайдем и тяпнем по сто пятьдесят Тройного». Немая сцена.

* * *

Совершенно не стоит обвинять сотрудников экспедиции в преднамеренном вандализме, который начался достаточно скоро. Когда я только устроился в экспедицию, вандализмом еще не пахло. Наоборот, все с большим энтузиазмом и даже отчасти с гордостью отмечали, что эстетическая ценность пещер будет сохранена. Выбираться будут только залежи типа Удачи, а в крайнем случае — покровные натёки в привходовых частях остальных пещер, достаточно уже изуродованных туристами, чтобы никакого дополнительного ущерба не возникло. И все это на фоне того, что министерству геологии на всю научную и эстетическую ценность пещер было глубоко плевать, а командовало все-таки оно. Система была именно такова — если есть полезное ископаемое, пусть дешевое и с мизерными запасами, его следует разведать и со временем добыть. Наплевав на весь побочный ущерб. Так называемый ведомственный подход в чистом виде. Так что если бы экспедиция вынесла проект полного уничтожения всех пещер массива, министерство только бы похвалило за существенный прирост разведанных запасов.

Такая ситуация чрезвычайно опасна — геологическая организация, имеющая земельный и горный отвод на работу в пещерах и полный министерский карт-бланш на любые разрушения, сохранить пещеры не может даже при наличии на то своей доброй воли. Имеющиеся в начале этические тормоза неминуемо постепенно ослабевают и со временем рушатся совсем. Никаких параллелей с другими областями человеческой деятельности здесь провести нельзя. Охотник или земледelec составляет единую систему с объектами своей деятельности. И он может повлиять на дальнейшую судьбу системы, потому что живет с ней в едином масштабе времени. Возможности сократить отстрел животных, прекратить порубку отдельных видов деревьев, сменить политику с удобрениями — все это в его власти. В крайнем случае возможны даже восстановительные меры. У геолога в арсенале ничего подобного нет. Он — вне системы. И он живет в другом масштабе времени. Поэтому его деятельность разрушительна всегда. И та тонкая грань, за которой исчезают оправдания производимых разрушений, в основном лежит в области индивидуальной этики и морали. А это — штука тонкая и деликатная. Если в человеке не воспитывать ощущение этой грани, он ее в жизни не почувствует. Если же оно в нем и воспитано, но прикладываются сосредоточенные усилия для его расшатывания, то оно рушится очень быстро. Что и произошло на Карлюкском участке экспедиции Памиркварцсамоцветы.

Обстановка на участке, немного охарактеризованная выше, никак не располагала к прочности моральных и этических устоев. К тому же — геологическое воспитание. Представить себе геолога-производственника, работающего на месторождении, на котором хоть иногда встречаются красивые коллекционные образцы, и не имеющего при этом собственной коллекции было просто нельзя. Даже если нет к тому собственного интереса — сгодятся на подарки коллегам. Опять же — считалось хорошим тоном предоставлять заезжающим в гости или в командировку геологам, студентам, а то и просто туристам, возможность самим найти по хорошему сувениру. То есть — для поддержки даже просто разговора с любыми визитерами, а в этом практически весь персонал участка нуждался отчаянно — пещеры мало-помалу начинали грабиться.

Дальше — больше. Про красивые сувениры пронюхало всякое разное местное начальство. А это — бензин, вода, электричество. На главной базе экспедиции заинтересовались, а там — сотня геологов. В главке Местное население сообразило ночники из гипсовых «люстр» делать. Классический пример экспоненциального роста. И — экспоненциального же падения этики отношения к природе в заразной форме. Ну какой аргумент можно противопоставить практиканту, отрывающему сталактит для собственной коллекции, если вчера на его глазах один начальник подарил такой же начальнику погранзаставы, а другой — еще более красивый понравившейся девице из заезжей тургруппы? А завтра его же самого (и еще троих) погонят в соседнюю пещеру за стокилограммовым сталагмитом для министерского кабинета. И единственным предметом для вечернего обсуждения после вытаскивания оного будет то, как этим самым сталагмитом

кого-то слегка придавило за весьма чувствительное место.

* * *

Скорее странно, что хоть какие-то тормоза еще держали — некоторые залы практически не крушили. Даже обсуждая гипотетическую возможность открытия новой красивой пещеры, договаривались оставить ее в нетронутом виде. И вот именно с открытием такой пещеры — Промежуточной — все тормоза и слетели окончательно. При разработке залежи оникса в незначительном тупиковом гротике открылась огромная пещера такой красоты, что ничего подобного ранее известно не было. Серьезнейшее испытание для чьей угодно этики. Пещера, которой не было до начала горных работ, как бы автоматически подпадает под те же соображения, по которым грабятся мелкие полости Хайдаркана. Что, естественно, не так, но уж больно тонка грань. А то, что Промежуточная оказалась не меньше и Хашм-Ойика, и Таш-Юрака, и Кап-Кутана Второго (или Главного) — трех известных красивых пещер массива, а также много красивее всех их трех вместе взятых, решило судьбу их всех.

С этого момента все понятия об этике отношений с природой исчезли. Разработки велись по всем пещерам. Где было далеко и трудно добраться через вход — пробивались штольни. Мелкие пещерные красоты, непригодные для распиловки, были объявлены «коллекционным материалом» и тоже подлежали выемке. Что хуже всего — известность пещер росла, и начали массово появляться экскурсанты — геологи, спелеологи, студенты, школьники. Пример, который они видели перед глазами был ужасен по своему психологическому воздействию. Они тоже втягивались в вандализм — при тех темпах разрушения, которые были у них перед глазами, пещеры уже воспринимались как обреченные — и, следовательно, полностью дозволенные к грабежу. Очень и очень немногие находили в себе силы устоять. Разгром нарастал в геометрической прогрессии и то, что все это удалось остановить, было просто чудом, потребовавшим для своего осуществления огромного числа разнообразных совпадений.

* * *

И все-таки, как это ни избито звучит, люди всегда лучше, чем о них можно судить по любой выданной из контекста серии событий и поступков. Все те же моральные устои, прохилость которых я только что распространялся, оказались куда более прочными, чем это можно было себе представить. Практически все, участвовавшие в этой вакханалии, при первом осознании возможности ее прекратить, за эту возможность немедленно уцепились. Не потому, что жареным запахло — очень даже наоборот. Им пришлось кому явно, кому тайно, идти наперекор своему ведомству, что было как раз весьма небезопасно. Тем не менее, как только забрезжила хоть малейшая возможность, она была поддержана. Не всеми явно. Риск был существенно разный. Если сотрудники экспедиции не особо руководящего ранга, как Геннадий Кафанов, Сергей Пертенава и ряд других, могли действовать явно вплоть до писем в газеты (это очень своеобразная мера гражданского протеста, характерная только для СССР, на чем я еще остановлюсь), то руководящий персонал такого себе позволить никак не мог. Они рисковали многим даже если просто не оказывали активного противодействия попыткам спелеологов отбить пещеры. И они его оказывали. Уже много позже я понял, что почти наверняка они были с нами, но не могли этого показать. Собственно, когда спустя несколько лет после всей этой истории я случайно встретился с начальником той партии, к которой относился Карлюкский участок — Эдуардом Меркуловым, он это сказал явно. Несмотря на те широкомасштабные военные действия, которые ему приходилось вести. Не могу ручаться, но по моему представлению начальник участка Вячеслав Маркарянц, с которым шла особо яростная война, думает так же. Этот умный и достаточно умудренный человек просто не мог во время всей этой баталии

совершать такого количества грубых ошибок. Если, конечно, не был в душе на нашей стороне.

* * *

Пожалуй, отметив, что пещеры в итоге были спасены, стоит пока остановиться, придержав рассказ об этом спасении до тех пор, пока читатель не проникнется духом пещеры. А сейчас — закончим разминку, включим свет, и наконец спустимся под землю.

ТРАГЕДИЯ ПЕЩЕРЫ ПРОМЕЖУТОЧНАЯ

*Ты больше извлечешь сейчас красот
За час короткий, чем за долгий год.*

И. В. Гете

В предыдущей главе я немного затронул ту роль, которую сыграло в разгуле вандализма открытие пещеры Промежуточная. Судьба этой пещеры глубоко трагична. Пещеры, вызвавшей гибель остальных известных к тому времени пещер Кугитанга — и погибшей первой. Пещеры, которую знают все — и не знает никто. И само название которой скоро уйдет в историю, так как после соединения ее с Кап-Кутаном Главным это уже не самостоятельная пещера. Возможно, я пристрастен — Промежуточная была первой из очень красивых пещер, которую мне довелось увидеть в нетронутом виде — но я до сих пор уверен, что по своему разнообразию и чувству меры это была красивейшая пещера Кугитанга. Она была практически полностью уничтожена за три года, и очень мало кто из спелеологов видел ее первозданную красоту.

В ней не было гигантских гипсовых лесов, в которых можно часами блуждать между похожими на заснеженные ели сталагмитами. И вообще в ней не было ни одного действительно большого красиво декорированного зала. Да и зачем? Большой красивый зал — в принципе не для спелеологов, которые при своем слабом свете все равно не смогут увидеть его целиком. Такие залы — скорее для тех, кто любит пещерами на фотографиях, а также для будущих поколений туристов, которые смогут все увидеть с оборудованной тропы при ярком освещении.

Зато в Промежуточной не было и километровых пустых участков. В радиусе ста метров от любой точки, кроме, возможно, крайнего юга пещеры, как правило встречался хотя бы один красиво украшенный маленький зальчик, или уголок, или галерейка, который можно было увидеть и ощутить сразу и целиком. Находясь в привычном масштабе предметов и объемов, и потому не теряя с пещерой контакта. Чувствуя себя ее правомерным обитателем, а не каким-то тараканом на футбольном поле. Такое чувство меры — достоинство, встречающееся у пещер чрезвычайно редко, и даже на Кугитанге подобных пещер всего две — Промежуточная и Таш-Юрак, который тоже практически полностью разгромлен, и застать «юность» которого мне не привелось.

Естественно, что во многих пещерах массива, да и в той же Промежуточной, уже найдены новые районы, которые отличаются и красотой, и чувством меры, но район — это все-таки район. Пусть он и размером побольше центральной части Промежуточной, о которой я веду разговор, и пусть он сколь угодно красив, но если до него нужно часами идти через исходно пустые, или разгромленные лабиринты, это уже совсем не то. Промежуточная была совершенным творением природы, гениально исполненным в каждом штрихе, и именно поэтому я хочу рассказать об ее первопрохождении. А еще потому, что на протяжении следующего десятилетия я попадал в нее лишь дважды, оба раза ненадолго, и только в один-два зала. И контраст в ощущениях, возникший когда мы устроили в 1988 году экспедицию непосредственно в Промежуточную, был ошеломляющим.

Началась история Промежуточной с маленького грота в стенке каньона, найденного Ялкаповым. Не знаю, с помощью какого колдовства он увидел под толстым слоем камней и известкового туфа на полу грота лежащий под ними пласт мраморного оникса — ни по каким содержательным соображениям этот грот не отличался от тысяч других. Интуиция хорошего геолога — вещь великая, и даже всякими разными организациями вполне уважаемая. И потому самоцветчики немедленно составили проект на разведку новой «точки», а выкопав пару канав и убедившись в правильности Ялкаповской интуиции — построили спускающуюся в каньон автомобильную дорогу и взялись за дело всерьез. В течение года они тихо-мирно ковырялись, и точка эта радовала глаз тем, что и оникс с нее идет, и пещерам вреда никакого.

Идиллия закончилась внезапно. Однажды утром, в июне 1977 года, после резкого похолодания, машина, как обычно, завезла смену рабочих на точку — и увезла обратно на базу. Потому что из маленькой и ничем не примечательной дырки в дальнем конце грота, в которую даже не пролезал кулак, теперь раздавался мощный рев водопада. Как известно, собака, которая лает, обычно не кусается, но с водой в каньонах Кугитанга шутки плохи. Стоит пройти достаточно сильному дождю, чтобы в каньонах появилась вода (что бывает раз в пять-десять лет) — и эта вода сметает все на своем пути, ворочая гигантские камни. Из страха перед возможным селом рабочие просто отказались остаться на точке.

Воде братья было решительно неоткуда — последний дождь был около двух месяцев назад, да и снеговой покров в высокогорье давно уже сошел. Никакой реальной причины для остановки работ не могло быть, но рабочих нужно было успокоить немедленно. И весь геологический персонал участка немедленно поехал разбираться с источником рева, захватив с собой пару наименее трусливых рабочих. Естественно, ревел ветер — превращение свиста ветра в рев водопада всякими эхо и резонансами — совершенно рядовое явление, не раз обманывавшее и гораздо более опытных спелеологов. Ветер не просто ревел — из дырочки вылетали с вполне приличной силой камешки размером до лесного ореха. Пещера слишком недвусмысленно заявляла о себе, чтобы это можно было оставить без внимания. И пещера открылась практически мгновенно — всего два раза пробуривали шпур и взрывали его аммоналом, благо компрессор, пневматический перфоратор и аммонал были под рукой. Чего под рукой не было, так это света — один единственный фонарь на шестерых. Потому — обследование новооткрытой пещеры пришлось отложить на следующий день, ограничившись на сейчас первой сотней метров. Но даже эта сотня метров обещала, что пещера будет необычной — буквально в пяти метрах за взорванным проходом начиналась щелевая галерея шириной всего метр и высотой десять — и по всей ее правой стене на высоте груди шла полочка с кустами таких геликтитов, каких никто из нас не видел даже на картинках. Как в музее. А дальше галерея выпадала в компактный сферической формы зальчик со снежно-белыми гипсовыми сталагмитами. И в конце зальчика была та самая узость, в которую шестером с единственным светом было лезть совсем глупо.

На следующий день штурм готовился по всем правилам. Конечно, все на участке имели дело с пещерами, но ни у кого, кроме меня, опыта первопрохождений не было. Поэтому весь вечер пришлось объяснять стратегию и тактику, готовить топосъемочный комплект, проверять захваченные из Москвы веревки и веревочную лестницу, учинять тренировку в технике лазания. На первый взгляд лестница кажется совсем тривиальной штукой, но это не так. Если не знать приемов обращения с ней, основная нагрузка будет приходиться не на ноги, а на руки и на брюшной пресс, а это может за десяток метров измотать кого угодно. Веревка еще сложнее — на ней без специальных приспособлений держаться уже никак не возможно. Вся эта подготовка была, конечно, сплошным пижонством — в известных частях пещер Кугитанга на удивление не было ни одного вертикального участка и, соответственно, шансы на то, что мы столкнемся с вертикалями в Промежуточной, были исчезающе малы. Но не похвастаться опытом и снаряжением при таком хорошем поводе — было бы не в моем

стиле.

* * *

Хрен там шансы малы. Вертикали начались ровно в двух метрах от места нашей вчерашней остановки, хотя разматывать лестницы и веревки пришлось еще полусотней метров дальше.

В ту пору мы еще оставались идеалистами и верили в то, что если пещера оправдает надежды и в ней окажутся гипсовые залы, аналогичные покореженным и закопченным туристами и вандалами в пещерах Хашм-Ойик и Таш-Юрак, то мы пещеру отстоим и рушить не дадим. Хотя иллюзий, что ее можно будет сохранить, если она окажется с кальцитовыми натекками, не было уже тогда — сохранить «залежи оникса» на пущенном в разработку ониксовом руднике было в то время невозможно. Но если вдруг вблизи от входа оникса не будет, то сохранение пещеры — уже предмет для обсуждения. К сожалению, как оказалось буквально через несколько часов — только для обсуждения. А перед спуском же дошло чуть ли не до драки — начальник участка Слава Маркарянц отбирал у рабочих, собравшихся с нами на экскурсию, пилы, взятые для того, чтобы «гипс пилить и делать ночники».

Наконец, треп закончился, и — полезли. Узость, остановившая нас в прошлый раз, через два метра оборвалась трехметровым уступом, достаточно, впрочем, узким, чтобы мы могли, не прибегая к лестницам и веревкам, спуститься в распоре. Сразу обрекая на уничтожение один из феноменов пещеры. Внизу вся щель была покрыта толстым слоем пещерного жемчуга — редчайшим типом конкреций, причем такого размера и чистоты, что мне за всю мою практику ничего подобного не попадалось ни до, ни после этого. Коридор так и был назван Жемчужной Щелью. Буквально через три дня вся эта удивительная россыпь была затоптана полностью...

Сразу за Жемчужной Щелью пещера уже открылась во всей своей полноте и неповторимости. Мы стояли на крошечном балкончике здоровенного зала, уходящего колодцем вниз метров на пятьдесят, и вверх на столько же. Зал потрясал воображение. Не натекками — их практически не было. И не размерами — в Кап-Кутане Главном есть залы и побольше. А тем, что характерно именно для Промежуточной — совершенством и необычностью. Все стенки и потолки были округлыми, без единого угла — как будто слились воедино несколько десятков гигантских мыльных пузырей. Все было окрашено в кроваво-красный цвет какой-то очень необычной глиной. В качестве завершающего аккорда — поверх этой глины звездами сияли маленькие кристаллы гипса, блестками отсвечивающие с самых дальних стен.

* * *

Именно в тот момент, когда мы стояли на балкончике, и прозвучали впервые слова «Братцы, а ведь мы где-то на верхних этажах Кап-Кутана!». Не то, чтобы они были особо провидческими — близкое соседство двух крупных пещер просто не оставляло другой возможности — но впервые всерьез пришло осознание грандиозности всей системы пещер. Разбросанные в радиусе нескольких километров Кап-Кутан Главный, Хашм-Ойик и Таш-Юрак до этого момента воспринимались хоть и большими, но все-таки конечного размера пещерами. Обнаружение точно в центре образуемого ими треугольника еще одной крупной полости ставило уже не перед подозрением — перед фактом, что система едина, и что она — одна из крупнейших на планете Земля. И одна из самых труднопроходимых. Знать бы тогда, что паршивый километр до Кап-Кутана Главного придется проходить пятнадцать лет, а стыковка с остальными полостями системы и через пятнадцать лет останется такой же труднодостижимой...

Итак, для дальнейшего продвижения просматривалась единственная возможность — спуститься метрами восемью ниже на следующий балкончик и обойти зал вокруг по узкой

наклонной полочке — на той стороне примерно на нашем уровне чернела арка в следующий объем, и полочка туда, казалось, доходила. Вот здесь и пригодилась лестница — чтобы навеситься до того балкончика, да и веревка — чтобы попытаться организовать хоть какую-то страховку на полочке.

Совершенно не понимаю, почему в течение пары последующих лет, пока не были развернуты мощные горные работы и вся эта часть пещеры не была оборудована деревянными лестницами и балконами, никто с этой полочки не улетел. Скальных крючьев не было, а без них устроить из веревки хотя бы элементарные перила не удавалось. Полочка закруглялась, и была узкой, покатой и скользкой, а зал — достаточно велик, чтобы идущие в связке сдернули друг друга и долетели до низу прежде, чем веревка, привязанная у конца полки, успела бы натянуться. Когда мы в 1988 году после многолетнего перерыва опять воспользовались этим входом (к тому времени в пещеру было пробито еще два), оборудование, выстроенное самоцветчиками, уже сгнило и порушилось, и мы попробовали идти по старинке. После того как в колодец улетело две сепульки и чуть не улетел один человек, пришлось потратить почти сутки на битье крючьев и навеску всевозможных перил — жить-то хочется. А всякие антраша, считавшиеся в молодости нормой, теперь уже выглядели разновидностью русской рулетки.

* * *

За полкой случилась развилка. Тот объем, по которому мы до сих пор шли, несмотря на внушительные размеры, оказался не главной галереей пещеры, а небольшим боковым притоком. Главная галерея проходила здесь — с мощными глиняными холмами, намытыми когда-то прежде протекавшей рекой, с такими объемами, что хоть на подъемном кране разъезжай, и — пустая. Как в Кап-Кутане. То есть без единого натека.

Сначала нам не повезло. Привычка в любой пещере по возможности двигаться по течению подземной реки привела в единственную часть пещеры, полностью лишенную всяких украшений. Но оригинальную. Колоссальных размеров зал, начавшийся сразу за развилкой, противоречил всем нашим представлениям о том, что в пещерах бывает, а чего не бывает. Обычно, если объемы маленькие, то они и есть маленькие, а если уж большие, то по всем направлениям большие. Сама идея зала с плоским, растрескавшимся, как такыр в пустынях, глиняным полом, и плоским же потолком высотой всего три-четыре метра, полностью противоречила его длине мало не в двести метров и ширине за полусотню. Кончался зал не менее дурным образом — плавно растекаясь лабиринтом трубообразных ходов диаметром от метра до полутора, полностью вымазанных полужидкой глиной недавнего паводка. Так что, потратив пару часов на блуждание по этим залу и лабиринту, мы протрубили отбой и переключились на верхнее течение реки.

Между прочим, что интересно, так это откуда берутся паводки. В некоторых частях пещер системы Кап-Кутан и, в частности, в нижнем течении Промежуточной, они, несмотря на полную и безнадежную сухость пещеры, все-таки регулярно бывают, хотя ни одному спелеологу не довелось увидеть их живьем. Тот лабиринт труб, в который мы попали при первопрохождении, уже лет через пять был полностью замыв глиной и от него остался единственный узкий проход в южные районы пещеры, исследование которых началось только спустя десятилетие. И даже этот проход на моей памяти перекрывался глиняными пробками дважды. По всей видимости, паводки не связаны с катастрофическими дождями — группа Голованова была в Промежуточной сразу после дождя, учинившего в каньоне самый большой сель за четверть века, но под землей было сухо. Возможно, воду «вышибает» с обводненных нижних этажей при возникновении в них глиняных пробок, но так это или нет — пока тайна, которую пещера охраняет как-то особо ревностно.

* * *

Путь вверх по реке остался в моей памяти навсегда. Вообще-то я материалист до мозга костей и не верю ни в какие сверхъестественные штучки, но в том, что мы за пять часов смогли пройти все полтора километра главной галереи, не запилившись ни в один тупик, а на обратном пути умудрились сбиться с дороги ровно четыре раза, и все четыре с точным попаданием в четыре самых красивых из боковых залов, была какая-то мистика. Впоследствии я сталкивался с подобным только дважды, и оба раза — на таких же эпохальных первопрохождениях. Это какое-то совершенно особое эмоциональное состояние, делающее интуицию абсолютно безошибочной, близкой к предвидению.

Итак, вперед. Втроем. Слава Маркарянц. Я. И. Хаким — студент Душанбинского университета, проходивший у нас практику. Рабочим такие развлечения уже надоели, и, воспользовавшись возвратом на развилку, они двинули на выход. Пить бурду, которую они считают чаем. Ближайший зал оказался опять же более чем оригинальным. Заваленный почти под потолок каменными блоками, единственным способом передвижения по которым были прыжки козлом с камня на камень (пренеприятнейшая акробатика, если ею заниматься в темноте) — зал явного продолжения не имел. По всему периметру уходили щели вниз, и то, что мы сразу попали в правильную — из области той же удивительной интуиции. В особенности — потому, что этой щелью мы откровенно ушли с главной галереи. И правильно сделали. Потому что на следующем участке главная галерея проходит по мерзейшим подвалам, пройденным только восемь лет спустя, а найденный с первой попытки обход — объемистыми коридорами.

Сразу под щелью — сюрприз. Гипсовые цветы — антолиты, чуть ли не метровой длины, висели по всему потолку, и пришлось здорово изворачиваться, чтобы не посшибать их головами. И в нескольких метрах за ними — зал, который мы назвали Долгожданным. За те самые гипсовые люстры, практически везде уже уничтоженные, которые мы так надеялись найти. И что это были за люстры! В известных пещерах только концевые кристаллы люстр были прозрачными. Здесь же они были как будто целиком выточены из единого куска хрусталя. И — висели не где-то наверху, а здесь, рядом. Любой кристалл можно было потрогать, любую грань можно было просветить фонарем. Это был даже не музей, каким выглядела входная галерея со своей геликтитовой полочкой, а — дворец.

Следующий зал, с большой развилкой, несколько озадачивал. Налево — монументальная арка, за которой луч фонаря терялся в очередном огромном объеме, направо — галерея ничуть не меньше, но — засыпанная почти под потолок щебенкой, в которой мощный древний поток прорыл извилистый каньон. А на самой развилке стояли три гипсовых даже не сталагмита, а черт его знает чего такого, но только по размерам и форме эти предметы являлись абсолютно натуралистично вылепленными унитазами. Просто грех было бы не использовать их по назначению, тем более что нас как раз и было трое.

Опять к теме интуиции. Посовещавшись на развилке, мы пришли к единогласному выводу, что каньон — это дорога в Кап-Кутан, там мы были, и это неинтересно, а вот путь налево обещает нечто новое. Туда мы для начала и пойдём. Про Кап-Кутан, конечно, было сказано шуток ради, но вот как объяснить, что в итоге кратчайшим путем туда именно и оказался этот каньон...

* * *

Зал Снежный с его глыбовыми завалами, припорошенными гипсом. Зал Круглый, по которому в поисках дальнейшего прохода пришлось заложить три круга. И в котором уже на обратном пути нашелся еще один проход, а в последующие годы — один за другим еще четыре. С растущими то здесь, то там группами медово-желтых совершенно прозрачных сталагмитов с человека ростом и толщиной, издающими при ударе кулаком низкий и чистый колокольный звон. Зал Белой Стены с теряющимися в темноте готическими сводами, покрытыми совершенно белой натечной корой. Тупик. Полный, глухой и очевидный.

Тупик? Да быть такого не может. Интуиция твердит, что нет здесь никакого тупика.

Так. Смотрим еще раз. Зал не очень большой. Четыре затыкающиеся щели вперед слишком малы для того, чтобы из них могла выходить река, промывшая эту колоссальную галерею. Наверх. Похоже, что там, в темноте, скрывается какой-то верхний этаж. Все равно веревок нет. И большая часть пола — ровная глина. Не похоже это на котел под водопадом, всегда отмытый дочиستا от всего, что мельче крупных глыб. Левая стена. Щель, похоже, идет к каньону, но по ней большого потока явно не было. Кстати, как мы умудрились без отрисовки топосъемки на расстоянии более километра от входа определить близость к каньону — тоже до сих пор удивляюсь. Пещера была через три года вскрыта штольной именно в этой точке, и длина штольни оказалась всего тридцать метров. Так. Вот это уже интересно. Похоже, что проход дальше под правой стеной, и он замыт глиной. Повнимательнее посмотреть, можно даже лечь на пузо. Ага! А ведь под стеной есть-таки горизонтальная щель. И не до конца замытая. И ведь всего в метре впереди потолок опять повышается!

Подкопали. Проползли. Гроб. Натуральный. В самом прямом смысле. Зал размером с большую комнату, очень строгих очертаний, без всякого убранства, с очень ровным глиняным полом, с одним входом и одним выходом таких габаритов, что только ползком. А посередине — один-единственный камень. По размерам и форме точно соответствующий саркофагам египетских фараонов. И настроение навеивает соответствующее.

Зал Склеп. Хорошее название. Жизнеутверждающее. И не затасканное. Перекур. С перекусом. Несмотря на всевозможные ассоциации, зал удивительно комфортен — вся его архитектура настолько строга и совершенна, что глазу просто не на чем остановиться, и автоматически возникает состояние отдыха. И достаточно мал, чтобы не давить, но достаточно велик, чтобы не возникало чувство стесненности.

* * *

Между прочим, на перекуре вполне приличествует степенно порассуждать о названиях пещер и залов. Например о том, что во всякой околоспелеологической возне распространилось такое отношение к названиям, что и буддийского монаха взбесит. Пожалуй, только треть спелеологов умеют уважительно относиться к названиям, которые дают залам, и даже пещерам, первооткрыватели. Найти в пещере один новый зал, и после этого переименовать всю пещеру — теперь чуть ли не норма. В результате некоторые пещеры известны под двумя, тремя, или даже пятью названиями, а что уж тут говорить об отдельных залах! Более того. Периодически создаются какие-то общественные и полуофициальные комиссии по наименованиям — и раздражаются целыми сериями рекомендаций на тему того, какие названия желательны, какие нежелательны, а какие подлежат обязательной замене.

Бред, господа. Давайте просто уважать друг друга. А также — местное население. Если пещера на момент начала исследования ее спелеологами имеет местное название — оно должно быть сохранено. И если пещера, или новый ее зал, получают название от первооткрывателей — это их право, и право священное. Никто не вправе заниматься переименованиями без согласия тех же первооткрывателей. По счастливой случайности названия, которые мы дали залам Промежуточной, остались в обращении все. Чего совсем нельзя сказать о других пещерах Кугитанга, да и не только Кугитанга. Так, например, известнейшая из оборудованных для туризма пещер бывшего СССР — Анакопийская Пропась — с момента оборудования получила новое название — Новоафонская Пещера, а в момент возникновения первых трений между Грузией и Абхазией все до единого ее залы тоже получили новые названия. Разумеется, абхазские. А на Кугитанге, например, пещеру Геофизическая, пытались переименовать не то пять, не то шесть раз, вместе со всеми ее залами.

* * *

Следующий зал не просто поражал. Пожалуй, ничего равного ему не было найдено на Кугитанге ни до того, ни после того. Уже во входной галерее пещеры мы видели совершенно поразительные геликтиты, но то, что росло в зале Цветочном, ни с чем не шло ни в какое сравнение. Много позже были найдены целые лабиринты узких коридоров, заросшие чем-то подобным, но здесь потолок целого зала, размером чуть ли не в стадион, был густо покрыт ковром снежно-белых и оранжево-красных извивающихся и ветвящихся геликтитов, длиной подчас в пару метров, то растущих ровным слоем, то сплетающихся в многометровые клумбы. И потолок этот был не где-то на границе видимости, а всего на высоте двух-трех метров, то есть виден во всех своих деталях, причем отдельные клумбы спускались практически до полу. И если бы только геликтиты... То тут, то там среди них спускались сталактиты, покрытые причудливыми кораллитовыми кустами. А на полу — блестящая натечная кора, на которой тоже росли всевозможные кусты, и — блестели озера. Не одно, и не два, а десяток.

Сейчас от Цветочного не осталось ничего. Основные горные работы были развернуты спустя три года именно в этом зале, и все великолепие потолка, не растащенное до того времени на сувениры, рухнуло от сотрясения при первом же взрыве. Камень — штука гораздо более хрупкая, чем даже стекло, и ажурные хитросплетения тонюсеньких геликтитов рассыпаются вдребезги, если просто долбануть по соседней стене молотком. Даже рухнувших на пол осколков уже нет — пыль, поднятая теми же взрывами, скрыла под собой все остатки былой роскоши. Теперь этот фантастический дворец выглядит просто заброшенной шахтой — валяются запчасти от механизмов, стальные тросы, заплесневелые бревна, пыль.

* * *

В дальней части зала появились первые признаки близящегося конца пещеры. Она не стала уменьшаться, просто стала совсем другой, а это — всегда признак назревающих проблем. На полу вместо глины появилась галька. Слишком крупная, чтобы быть накатанной пещерной рекой, и в слишком больших количествах — весь пол выстелен толстенными наносами. Пещера явно входила под каньон и засасывала гальку из него, что предвещало ее полную закупорку.

Рельеф тоже изменился. Теперь объемы были засыпаны галькой почти до потолка, и только там, где в потолке были купола и желоба, остались человеческие проходы. Некоторые — в рост, а в некоторые можно вползти только на полном прижиме. И — красиво. Как и в начале пещеры, своды приобрели округлость и кроваво-красный цвет, но вместо разбросанных гипсовых блесток украшением служили висящие на потолках остатки растворенных сталактитов. Белые. Между прочим, очень своеобразное сочетание цветов — красные стены и потолок, редко и со вкусом развешенные очень белые остатки бывших сталактитов, и серо-голубая галька под ногами.

Самый высокий проход выводил в последний крупный зал пещеры — Каскадный. Зал был метров на пять приподнят завалом над уровнем гальки и очень красиво украшен. В совершенно новом для пещеры стиле. Пещеры системы Кап-Кутан чрезвычайно мало похожи на «обычные» пещеры. Сталактиты и сталагмиты в них — редкость и встречаются, как правило, «в одиночку», вплетаясь при этом в самые невероятные образования, чрезвычайно редко попадающиеся в обычных пещерах. Собственно, залов, похожих своими украшениями на пещеры обычного типа — полностью обвешанных гладкими корами, сталактитами, сталагмитами, драпировками, словом, всем тем, что породило для украшений пещер общее название «натечи», на всем Кугитанге на тот момент было известно ровно три. Готический и Жемчужный залы в Кап-Кутане Главном с их монументальными многометровыми грязноватыми натечками, точно такими же, как в любой украшенной пещере Крыма или Кавказа, и — Тронный в том же Кап-Кутане Главном со своими компактными, но невероятно чистыми и прозрачными сталактитами.

Перед нами открывался четвертый «классически пещерный» зал. Резко отличающийся от всех предшествующих. Главным образом вот в чем: натеки мало, что были прозрачными, вплоть до стеклянно-прозрачных — они были еще и разноцветными. Кроме бесцветных, здесь были натеки всех цветов желто-красной гаммы в самых причудливых сочетаниях. Никакие две висящие рядом каменные сосульки не были окрашены одинаково. И даже бесцветные выглядели окрашенными. Потому что стены были тоже разноцветными. Покрытыми красной, желтой и оранжевой глиной, поверх которой были еще и нашлепки сахарно сверкающего гипса. В дополнении ко всему, в зале раздавался, громкий звон капли, собирающейся на натечном полу в крошечные ручейки и озера. Как в любой из известных пещер Кавказа.

* * *

Дальше было некуда. Во всех смыслах. В направлении вперед зал заканчивался подвальчиками, из которых шли проходы, затянутые галькой почти под потолок, и расширения вдаль не просматривалось, хотя галька с потолком тоже нигде не смыкалась. Каждый тупичок выклинивался в щель высотой сантиметров десять, из которой тянул сильный сквозняк, и в которой единственное, что просматривалось — стоящие на гальке то тут, то там маленькие удивительной чистоты сталагмиты, похожие на оплывшие свечи. Копать можно, но долго и тяжело. А в сторону верха завала зал заканчивался каменными щелями, из которых тоже подтягивало ветерком, но в них без динамита совсем не пролезть. С точки зрения логики пещере тоже пора было заканчиваться. Она явно уже продемонстрировала нам весь свой ассортимент. Многого из увиденного и в чудесном сне присниться не могло, и поэтому представить себе, что впереди может быть еще что-то новое, причем другое, нам было трудно.

Как мы ошибались! Следующий зал, расположенный десятью метрами дальше, и для достижения которого достаточно было прокопать всего метра четыре (да что там прокопать — разгрести руками эту дурацкую гальку), и найденный одной из красноярских групп всего через год, был весь покрыт арагонитовыми «железными цветами» — редчайшими образованиями, никогда раньше не встречавшимися не только на Кугитанге, но и вообще в обычных пещерах — только в маленьких полостях, вскрываемых при отработке рудных месторождений (откуда и название). Железные цветы, причем не совсем того же типа, были повторно найдены только в северной части Кап-Кутана восемью годами позже, и только в одном маленьком лабиринте.

Самое смешное, что мы до этого зала еще раз чуть-чуть не дошли спустя час — когда попробовали на обратном пути найти еще какой-либо вариант из переходного лабиринта между Цветочным и Каскадным залами. В одном месте галечная река на полу принимала большой боковой приток из совершенно непрезентабельного вида, но тем не менее вполне проходимой щели, из которой, в придачу ко всему, тоже подтягивало ветерком. Щель выглядела настолько гнусно, что всей командой сразу лезть не решились. На разведку пополз я, как наибольший энтузиаст пещер. Как до того, так и после, мне очень редко приходилось ползать на брюхе по такой дряни, как галька размером крупнее кулака, да еще периодически протискиваться на выдохе. Уже на двадцатом метре болело все, а щель шла себе и шла, не меняясь ни на йоту. Сто тридцать метров — и тупик. В котором — ура! — оказалось расширение, пригодное не только для разворота, но и для небольшого сидячего отдыха. А я уж совсем было свыкся с мыслью, что если тупикнется, то придется выпячиваться, как это ни прискорбно, задним ходом.

Тупик был странный. Тонкие прозрачные сталактиты, начавшиеся метров за десять до тупика, постепенно становились гуще и длиннее, срастаясь в сплошную стену. Доходящую не то, чтобы до полу, но до поверхности озера, заполнившего по ширине весь проход в тупике. Без кувалды дальше никак, а сколько метров будет тянуться эта сталактитовая стена, совершенно непонятно. И ветер поддразнивает. И хочется, и колется. По пути назад созрела

совершенно садистская идея.

— Макар (на участке Маркарянца иначе не называли), там, кажется, идет, только натечную стенку подрубить нужно. А нечем — галька мелковата. Я чуток запарился, так что пока отдыхаю, взял бы булыган поосновательнее, да занялся бы?

Через полчаса вылезает Слава, и, с трудом сдерживаясь, объясняет Хакиму, что почти прорубился, но тоже здорово устал, а после того, как Хаким исчезает в щели, начинает декламировать поэму о том, что он обо мне думает. Словом, тупик в итоге получил название Галерея Фанатиков.

Забавно, но до сих пор непонятно, где мы там тупик-то увидели. Во всяком случае, Вятчин, заинтересовавшийся в 1985 году Галереей Фанатиков и полезший туда с целым арсеналом тяжелого вооружения, так и не понял, где и на чем мы остановились — ход, хоть и не самым приятным образом, но без единого серьезного препятствия приводил в тот зал, куда прокапывались из Каскадного красноярца. Да, в середине было озеро, но не по всю ширину. Да, росли сталактиты, но не сплошной стеной, и опять же не во всю ширину. И никто их не порубил — осколков на полу нет.

* * *

Обратный путь, запомнился, пожалуй, даже больше, чем прямой.

Во-первых, состоянием полной эйфории. Когда идешь вперед, оставляя первые следы на никогда не посещавшейся человеком земле, это как-то даже почти не осознается, просто воспринимается как должное. Вот когда возвращаешься обратно по своему следу — только тогда начинаешь понимать всю значимость содеянного и ощущать себя первопроходцем. Земля без единого следа — все-таки просто земля, а земля, на которой есть следы, причем только твои, и ведущие только в одну сторону — вот это уже твоя земля. Не в смысле обладания. Просто твоя.

Во-вторых, обратный путь был даже богаче открытиями, чем прямой. Промежуточная — пещера, изобилующая неожиданностями и весьма сложная для ориентирования. Даже свои собственные следы и топографические пикеты не спасают.³ Стоит выйти на прямую и перейти на автопилот, как немедленно заносит куда-нибудь не туда.

Впрочем, что такое «туда» и что такое «не туда» — в приложении к Промежуточной понятия более чем неопределенные. Когда нас занесло из Цветочного в боковой зал совершенно необыкновенной красоты, это соображение до нас еще не дошло. А дошло только когда нас занесло второй раз — в Круглом. Открывшийся лабиринт был просто невозможен. Геликтиты совершенно нового типа: почти совершенно прозрачные и посверкивающие гранями кристаллов, не покрывали всего потолка ковром, а свивались в довольно редкие и с невероятно тонким вкусом и чувством меры расположенные абстрактные композиции. Под каждым клубком геликтитов рос тоже прозрачный и сверкающий сталагмит. А на кончике примерно каждого пятого клубка топорщилась полуметровыми прозрачными кристаллами надетая на него гипсовая люстра. Если бы найденный лабиринт содержал один такой зал, это еще можно было бы пережить. Но более десяти, связанных между собой узкими проходами, и совершенно разных — уже перебор. В одном люстры есть, в другом нет. В третьем геликтиты не коричневые, а медово-желтые, а в четвертом они покрыты нежно-голубыми кристаллами целестина — тоже редчайшего в пещерах минерала. И все залы самого комфортного размера — с нормальной большую комнату, но немного пониже.

* * *

---

³ Листочки бумаги, колышки, металлические бирки, используемые при топографировании. Дополнительно они выполняют функцию ориентиров, обязательно имея стрелочку в сторону выхода.

Гибель пещеры началась именно с описанного лабиринта, названного Великолепием, и именно с того момента, когда мы, слегка усталые и ошалелые, вылезли к границе Круглого. Маркарянц, совершенно подавленный количеством и разнообразием увиденного, со словами «По праву первооткрывателя!» оторвал филигранной работы гипсовую люстру. Причем будь все обставлено немного по-другому, никакого бы разгрома пещеры не началось. Роль сыграло слово, не действие. Как мы поняли спустя несколько лет, эта люстра, как оно ни апокрифически звучит, все равно должна была быть оторвана и вынесена для какого-либо музея. Иначе она, растущая на высоте ниже человеческого роста прямо посередине главного прохода в прогнозируемо популярный лабиринт, неминуемо погибла бы бесславно, сбита чьей-либо головой. Сейчас же весь участок в напряжении ожидал решения о судьбе пещеры, а заодно и всех остальных пещер массива (конечно, приземленно — пустят с пилами, или нет), и слова Маркарянца были восприняты именно как решение, послужив тем самым детонатором дальнейшего.

Великолепие — лабиринт по всем статьям уникальный. Даже десять лет спустя в Великолепии сохранилось вполне достаточно красот, чтобы лабиринт оставался посещаемым местом, хотя трудно даже представить, сколько тонн сувениров было оттуда похищено. И это кажущееся невозможным сохранение красоты ограбленного зала вполне объяснимо. Оникс там не брали — мало, низко и узко, а грабеж на сувениры в этом лабиринте не оставлял следов, если не считать мелких осколков на полу. Когда геликтиты растут сплошь, как в Цветочном, изъятие одного сувенира размером с кулак приводит к разрушению всего потолка на площади более квадратного метра. В Великолепии же красоты росли отдельными клубками, и брали только те из них, что получше, не размалывая остальных. Естественно, то, что уцелело, лишь отдаленно напоминает первозданное убранство лабиринта, но все равно красиво.

* * *

Еще раз мы слетели с дороги уже намеренно, поскольку успели заметить, что в любом зале завал пола к боковой стенке, сопровождаемый появлением на потолке белесых пятен — предтеч геликтитов — это сигнал: примыкает красивый зал или лабиринт. Боковушка от зала Снежный оказалась достойной, но опять же полной неожиданностей. Под белесыми пятнами на потолке оказалась не арка в соседний зал, а мощная каньонообразная галерея, валяющаяся вниз так круто, что пришлось на ее уступах друг друга подстраховывать, и — выводящая на огромный перекресток, на котором откуда-то справа отчетливо слышался звон капли.

Сказка. Иного названия открывшемуся лабиринту придумать было просто невозможно. Начинался он залом, практически во всю площадь пола которого возвышался сталагмит-холм, в пропорциях повторявший шлемы русских витязей, и метров восьми в высоту. На вершину холма, немедленно окрещенного Шапкой Мономаха, с потолка лилась струя воды, в каждой из тысяч крошечных лужиц блестел пещерный жемчуг, и — в стенах открывалось сразу несколько коридоров. Все до единого — оформленные по мотивам народных сказок с примесью «охотничьих рассказов» бывалых спелеологов. Готической формы проходы, в которых можно было идти только пригнувшись. А вдоль стен — рядом висели метровые стекляннопозрачные сталактиты, расплюснутые и изогнутые ветром в подобие сабель. Каскады озер с пещерным жемчугом. Натёки, сложенные огромными кристаллами кальцита с выступающими на поверхность гранями, сверкающие ничуть не хуже украшений на витрине шикарного ювелирного магазина. Нежнейший пух арагонитового инея на тончайших геликтитах.

И — Озеро Кувшинок. Одно из самых больших озер в системе. По всей его поверхности были равномерно разбросаны удивительно похожие на листья кувшинок каменные забереги, растущие на подходящих к поверхности воды затопленных сталагмитах. Местами из воды торчали кусты кристаллов, усиливая аллегория своей похожестью на

цветы тех же кувшинок. Единственное, что было неправильным — цвет. Кувшинки получались с желтыми листьями и оранжевыми цветами. По озеру можно было гулять, шагая с листа на лист — некоторые достигали полуметрового размера. Можно было лежать, потягивая воду через трубочку отвалившегося под собственной тяжестью сталактита. В общем, сказка — она и есть сказка.

Немного утешает, что за исключением Озера Кувшинок все остальное имело больше отношения к чистой эстетике, чем к науке, и поэтому потеря Сказки казалась наименьшим злом во всей истории уничтожения пещеры. Правда, сам метод ее уничтожения вызывает особое возмущение своим идиотизмом. Если судьба остальных красивых залов была предопределена, то по поводу Сказки любой понимающий человек мог с первого взгляда уверенно сказать, что оникса там нет. Такие крупные сталагмиты, как Шапка Мономаха, по определению состоят не из пригодного к полировке плотного кальцита, а из рыхлого и некрасивого известкового туфа.⁴ На дне Озера Кувшинок тоже очевидно, что ничего, кроме рыхлого массива затонувших корочек, быть не могло. Тем не менее какой-то кретин приказал взять перфоратор, и разбурить и то, и другое по сетке полметра на полметра дырками, в которые кулак пролезет — и все только для проверки очевидного утверждения, что ничего ценного там нет.

Озеро Кувшинок, к счастью, оказалось не уникальным. Спустя десять лет в американской пещере Lechuguilla были обнаружены озера, выглядящие в точности так же, и даже гораздо больше и красивее. А вот другие залы Промежуточной содержали такие типы натеков, подобных которым до сих пор нигде в мире так и не найдено.

* * *

В общем, на поверхность мы вышли только через двенадцать часов, каждый из которых вместил для каждого из нас больше открытий, чем вся предыдущая жизнь. И, пожалуй, после того, не знаю, как остальным, а мне уж точно больше ничего подобного испытать пока не довелось. То есть, конечно, первопрохождения были, и много, но ни одно из них не одарило всего за сутки такими огромными лабиринтами, и ни одно из них не открыло такого разнообразия подземных красот. Подобный шанс дается только раз в жизни, и одному из многих тысяч. Удивительно, что этот шанс выпал именно нам и именно тогда, когда мы были психологически готовы к тому, чтобы стать пещерными вандалами, и вообще были наименее достойны его.

Первопрохождение центральной части Промежуточной, которая только и стала известной самоцветчикам, конечно, не исчерпалось одним днем. Три месяца подряд чуть ли не каждый день мы ходили в пещеру, и каждый день приносил открытия. Я тогда еще только начинал изучать минералогию пещер и понимал очень и очень мало. Поэтому очень и очень многие натеки различных типов и редкие минералы прошли мимо моего внимания и были растащены или уничтожены взрывами. Ценнейший для науки материал пропал безвозвратно. Только в последние годы, после открытия района Зеленых Змиев, мы стали находить нечто похожее на отдельные пропавшие феномены, но, естественно, безо всякой гарантии, что они в точности повторяют утраченные. Например, исчезнувшие зеленые гипсовые люстры из Галереи Глиняной Речки. За последние несколько лет в новых районах Промежуточной было обнаружено несколько минералов, окрашенных никелем в зеленый цвет и формирующих подобные окрашенные подложки под гипсовыми люстрами. Но — минералов редких, и встречающихся в очень небольших количествах. Представить, что только благодаря им все натеки в целой галерее были сплошь окрашены в зеленый цвет, трудно. Вероятно, этот цвет все-таки имел какое-то иное происхождение.

---

⁴ Дело в том, что кристаллизация кальцита происходит не от испарения раствора, а от потери им углекислого газа. При быстром течении потеря идет слишком быстро и кристаллизация становится хаотичной.

Трагедия Промежуточной не закончилась. После прекращения разработок пещера изрядно увеличилась, и даже обросла многими залами, не уступающими центральным по красоте, хоть и уступающими по объемам. Так что красоты в ней опять есть, и немало. Но вот то, что центральная часть пещеры напоминает заброшенный рудник, препятствует ее серьезному восприятию посетителями как пещеры, заслуживающей сохранения. Пожалуй, это теперь единственная пещера массива, в которую до сих пор делают организованные вылазки охотники за сувенирами.

НА ГРАНИ АБСУРДА

Чудище обло, огромно, стозевно, озорно и лаййй
Из очень старого фольклора

Современные идеологи утверждают, что лозунг «цель оправдывает средства» антигуманен, принципиально неверен, приводит к плачевным последствиям и вообще уже отжил свое. Спору нет — оно действительно так. С одним маленьким «но». Как известно, философские идеи периодически пытаются упрощать, что и вызывает упомянутые плачевные последствия совершенно автоматически. Осмелюсь предположить, что истоки появления этого лозунга именно в упрощении гораздо более глубокой идеи, что сумасшедшее развитие событий можно оборотить только не менее сумасшедшими методами. Причем методы эти никогда не могут быть спланированы заранее, а могут родиться только как результат импровизации.

Складывающаяся вокруг пещер ситуация была из этого ряда. Разгул вандализма был предопределен и развивался согласно всем правилам логики, но — логики сумасшедшей. Противостоять ей можно было только вне правил любой логики. И потому — пещеры были в итоге спасены только исключительно благодаря невероятному нагромождению случайностей. Впрочем, есть такой тезис, что любая счастливая случайность требует для своего появления тщательной подготовки.

Итак, первой случайностью, определившей дальнейшие события, послужило то, что рост ощущения абсолютной неправильности, если не преступности происходящего, совпал у меня с возвратом в Москву. Выпадение из-под гипноза окружающей обстановки стало буквально шоком. Не могу сказать, что как-то особо ощущалась своя вина — решений я, будучи в ранге рабочего, никаких не принимал, а в мелком грабеже участвовал наравне с остальными участниками событий. Просто появилось понимание происходящего и осознание того, что я единственный человек в Москве, кто это понимает. А вместе с тем и понимание того, что раз это так — значит и вся ответственность за прекращение безобразий тоже на мне. Возможно, не всякий читатель теперь понимает, почему важна именно Москва. СССР был сверхцентрализованной державой, и любые эффективные действия против любого из центральных ведомств были возможны только с резидентурой в Москве. Иначе всеглохло как в вате.

Почувствовать ответственность — это еще далеко не все. Главное — иметь хоть какие-то возможности к действиям, а вот их-то как раз не было и в помине — не тот калибр. Так с этим чувством ответственности можно было бы и спокойно помереть от старости, если бы не очередная случайность.

Не прошло и полугода, как спелеологи Москвы учинили междоусобную баталию, в которой я каким-то образом оказался поблизости от центра событий. Сейчас это очень смешно вспоминать. Одним из устоев социалистического общества было непризнание принципа, что человек может отвечать за себя сам. В любой области как профессиональной, так и любительской деятельности, воздвигалась целая пирамида. В частности, любительский спортивный туризм, к которому официально относилась спелеология, был устроен следующим весьма забавным образом. Пещеры были поделены на шесть категорий сложности. В походе первой категории имел право участвовать любой, кто выслушал

теоретический курс и съездил последовательно в два лагеря начальной спелеоподготовки, получив за это соответствующую справку. На каждый поход следовало чуть ли не за полгода подать заявку в МКК (маршрутно-квалификационную комиссию). Предъявить план похода и справки, что все участники прошли поход на категорию проще планируемого, а руководитель — руководил походом на категорию проще и участвовал в равноценном. По ходу дела периодически отмечать маршрутную книжку в ближайшей контрольно-спасательной службе, в чем единственном хоть какой-то смысл имелся. По завершении написать отчет и получить новые справки. Если в походе что произойдет — за сломанную по пьяни ногу участника ответит руководитель, следом за ним — председатель МКК, выпустившей группу и т. д. Все эти идиотские правила создавались и исполнялись комиссиями по спелеотуризму (вполне общественными объединениями) только за то, что им благоволили государственные, а точнее, профсоюзные структуры — различного ранга Советы по туризму и экскурсиям. Причем благоволение это выражалось в каких-то совершеннейших мелочах — деньгах на один-два слета в год на полсотни человек.

Совершенно понятно, что система была нежизнеспособной абсолютно. Спелеологи — они романтики, как я уже имел честь отметить, а романтики такой тягомотины как спелеошколы, лагеря и прочие справки, принципиально не признают. Поэтому официально признанная спелеология сократилась до пары сотен человек на весь СССР, а остальные несколько тысяч просто занимались спелеологией, наплевав на все. И даже на то, что контрольно-спасательные службы вполне могли у «дикарей» и снаряжение поотбирать, и даже морды побить. И успешно плевали бы и дальше, если бы не Даниил Усиков с Александром Морозовым. Которые, проработав лет пять, прокопали пещеру Снежная на Кавказе до глубины более 1300 метров, побив тем самым рекорд страны и выведя пещеру по ее глубине на второе место в мире. И обнаружили, что не могут этого даже опубликовать без санкции соответствующей спелеокомиссии, а обнаружив — страшно обиделись. И объявили всем официальным структурам в спелеологии войну, потребовав пересмотра чрезмерно забюрократизированных правил, легализации сложившихся «диких» спелеогрупп, замены всего руководства, и т. д.

Год был 1979-й, самый разгар так называемого застойного времени, и в нашем стабильном и спокойном обществе это было прекрасным поводом задействовать революционную энергию молодежных, в основном студенческих, масс. Ибо никакого другого выхода для оной энергии не просматривалось. И баталия пошла. И естественно, с центром в Москве. И, опять же естественно, что как главарь одной из тех самых «диких» групп, подлежащих легализации, я оказался в центре событий. И немедленно усмотрел возможность для действий на два фронта. Кампания за сохранение пещер Кугитанга вполне могла быть поддержана тысячами спелеологов, и так уже вставших на тропу войны. Согласившаяся поддерживать спелеологов пресса тоже вполне могла действовать на оба фронта. Наконец, такая кампания просто увеличивала бы весомость заявлений и действий всего «дикого» движения. Словом, ситуация обоюдовыгодная, и грех было ей не воспользоваться.

Сама спелеологическая революция завершилась, конечно, пирровой победой. Имеющиеся руководители (Владимир Илюхин и компания) были такими же спелеологами, как и все мы, и их идиотские действия и правила на самом деле диктовались системой. Ну, заменили мы их своими, перелегализовали всех дикарей, снизили жесткость правил — суть осталась. Дикари, поначалу влившись в организованные ряды, годик-другой в эти игры поиграли, и — практически в полном составе оказались опять в подполье. Новое же руководство более или менее от всего самоустранилось, увидев полную бесполезность каких бы то ни было членодвижений. Ну, и все, что отсюда следует. Спелеология сама по себе, спелеокомиссии — сами по себе.

Забавнее другое. Судя по современной литературе, такие баталии в обществе развитого социализма были невозможны и приравнивались по меньшей мере к контрреволюционным действиям. А как же — затрагивается авторитет уважаемых центральных ведомств.

Страдают номенклатурные работники. В случае с Кугитангом — покушение на выполнение государственных программ. Опять же разложение масс, всякие дикари и прочие анархисты. И так далее.

Так вот фигушки. Всю дорогу и государственные, и партийные, и профсоюзные, и даже правоохранные органы с великим удовольствием и азартом сами играли в эти игры. То на одной стороне, то на другой. И не придавая всему этому ни малейшего политического значения и звучания. Хотя стучание друг друга по носу Уставом КПСС со взаимными обвинениями в нарушении внутривнутрипартийной дисциплины и демократии также было — но строго в индивидуальном порядке, хотя подчас и с большим количеством зрителей.

* * *

Ладно, хватит о спелеологических проблемах — книга у нас о пещерах Кугитанга, и вернемся к ним. К тому, как их отстояли.

Главным нашим оружием была пресса. В СССР пресса играла совершенно особую роль, и власть ее была многократно выше, чем сейчас. Каждая газета была официальным органом либо ЦК КПСС, либо правительства, либо ЦК профсоюзов. И, согласно общей концепции об ответственности, ни одна газета не имела права печатать ничего, что шло бы вразрез с позицией оных органов. Более того. То, что в газете печаталось, было только вершиной айсберга проводимой ей деятельности. На любой критический материал все организации, которых он касался, обязаны были отреагировать созданием комиссий, принятием мер и пр. Многие материалы до печати не доходили — звонка из редакции о том, что материал возможен, уже было достаточно для инициирования бурной деятельности. Даже просто письмо читателя, отправленное в газету, могло вызвать бурные действия в том случае, если оно содержало недовольство чем-то. Газета обязана была проверить все факты, затребовать создания всевозможных комиссий и проинформировать автора письма о результатах. Для многих руководителей одна критическая фраза в любой из центральных газет была гораздо страшнее, чем любые промывания мозгов в райкомах и горкомах, которые, впрочем, из этой фразы неизбежно проистекали.

Думаю, теперь понятно, почему «гвоздем» кампании стал поиск журналистов, которые взялись бы протолкнуть наши материалы. И не побоялись бы возможных неприятностей. А неприятности могли быть крупные. Такие журналисты нашлись. Первой была Татьяна Меньшикова («Советская Культура»), ее быстро поддержали Татьяна Виноградова («Известия») и Алексей Сергеев («Социалистическая Индустрия»), потом подключились десятки других.

Странно, но эта часть операции оказалась очень простой. Пресса в то время была вообще организована чрезвычайно любопытным образом и самое забавное — то, что про основные особенности этой организации до сих пор не написано нигде. Например — почему хорошие журналисты с таким удовольствием тратили массу времени на привлечение непрофессиональных авторов и фотографов. Да потому, что в свое время уже полусумасшедший Ленин заметил, что в социалистическом обществе газеты должны на 70 % состоять из материалов, представленных людьми с улицы, и только на 30 % — из профессиональных. А спустя много лет — изречение сие было трансформировано в указ о том, что в каждом номере каждой газеты сумма гонорара должна была делиться в соотношении 3:7 между материалами профессиональными и любительскими. Очевидно, что любительских меньше — и потому мне могли за фотографию, опубликованную в газете, заплатить впятеро больше, чем за фотографию не хуже, напечатанную на той же полосе и тем же форматом — профессионалу (внутри «категории» делилось уже просто по объему). Естественно, что чем больше любительских материалов в номере — тем больше будет и ставка у журналистов. Не говоря о том, что за причисывание любительских текстов им доплачивали особо, и за работу с массово поступающими откликами — тоже.

Однако интерес интересом, а последствия — последствиями. И следующим этапом

была организация журналистам прикрытия. Было совершенно понятно, что главные события развернутся, когда после сотворенных публикаций их начнут дергать «на ковер». И единственное средство обороны для них — поступившие в редакцию по почте отклики читателей. В достаточном количестве, а также в соответствующем ассортименте — от частных лиц, от крупных ученых, от разнообразных научно-исследовательских институтов, других производственных ведомств и так далее. Обязательно как минимум несколько откликов с места событий, желательно даже от сотрудников Памиркварцсамоцветов.

Все это само по себе не происходит. Пожалуй, самый большой объем работы за всю кампанию приходился именно на производство откликов, причем никакое жульничество ввиду серьезности драки не было допустимо. Десятки спелеологов потратили на это месяцы. Опять же забавно. Директор любой государственной организации, как правило, подписывал подобное письмо в редакцию, не читая. Но только «из рук» пользующегося его доверием доктора наук. Который спелеологом обычно не является. Его самого нужно сначала заинтересовать тематикой, а заодно и предложить полный текст письма. Причем все это следовало делать в строгой координации — для того, чтобы лавина откликов поступила до того, как журналиста поджарят и подадут на стол с хреном и со сметаной. То есть — все десятки и сотни откликов должны были быть синхронно готовы к отправке в день выхода статьи. Разумеется, здесь уже обойтись только московскими силами было невозможно. Совершенно неочень оказался вклад туркменских спелеологов, особенно из группы Валентины Никитиной, красноярцев, свердловчан, многих других. На удивление дружно отозвались и крупные ученые. Многие из них, как, например, академик Яншин, включились в кампанию со всем возможным энтузиазмом еще до того, как мы на них вышли сами.

Словом, хоть все и проходило относительно тихо, активность масс была ничуть не меньшей, чем в «перестроечное» время, и существенно более эффективной. Конечно, сыграло свою роль и то, что речь шла далеко не о таком гигантском проекте как, скажем, с поворотом сибирских рек, но эта роль была минимальной. Тотальное государственное планирование подразумевало отсутствие разницы в размахе и значимости проектов — все они защищались с одинаковой яростью. Просто при атаке на мелкий проект обычно не мобилизуется крупных сил, а оборона очевидным образом строится согласно ожидаемой силе нападения. Мы смогли победить просто потому что противник не ожидал такой массивной атаки на столь малозначимый с их точки зрения объект. А кроме того — потому, что несколько лучше умели извлекать уроки из истории, в частности — истории военно-морской. Уже мало не двести лет, как известно: если артиллерия противника объективно сильнее, то единственный шанс к победе состоит в том, чтобы укараулить момент и навязать противнику бой в виде свалки. Разрушая его преимущества в эскадренном бою на расстоянии и реализуя собственные — в силе духа и моральной правоте. Так что — ошибку адмирала Рожественского под Цусимой мы не повторили.

* * *

Удивительно, что такие кампании были не просто возможны в то время, но они были много более эффективными, чем сейчас. Если кампания дистанцировалась от любой политики и велась только по некоторому конкретному поводу, при хорошей организации она выигрывалась всегда. И никому никаких взяток не нужно было давать. И всевозможные партийные структуры всегда можно было убедить выступить на своей стороне — хороших людей там тоже было достаточно. Очень забавно, например, выглядела поддержка наших действий парткомом того института, где я тогда работал и где базировалась моя спелеосекция — ВИМСа. Я всегда держался подальше от политики. Даже в комсомол меня затащили только на втором курсе МГУ исключительно из соображений, чтобы не портить статистику курса. Потом я просто засунул членский билет в шкаф и забыл про него, «утеряв связь с организацией». Теперь же, перейдя Рубикон, следовало ждать ответного хода противника, причем очевидно, что по линии общественно-политической. И строить

«стратегически внезапную оборону». Обычно правда — кратчайший путь к цели, а потому — пришлось сделать морду лопатой и заложить круг по институтскому «треугольнику» — парткому, профкому и комитету комсомола. С лекцией о том, какую кампанию мы проводим и какого вскоре следует ожидать потока кляуз (а ожидать следовало многого — от разоблачений в шпионской деятельности до обвинений в гомосексуализме). Во всех трех «комах» с удовольствием выслушали лекцию и план кампании, согласились с тем, что кляузы будут и что их нужно будет с интересом прочитать и выбросить, а потом завели длинный разговор о том, какой чушью занимается институтская комсомольская организация, а вот какие серьезные и хорошие дела идут мимо них. И во всех дальнейших перипетиях прочно стояли на нашей стороне.

Довольно быстро кампания перешла из фазы газетной артподготовки в фазу прямого столкновения. Это была целая поэма. Мы организовывали на Кугитанг нормальные спелеологические выезды. То есть они по целям и планировке были нормальными, но с самого начала ясно было и ежу, что получатся исключительно военно-политические маневры. И так оно и было.

Собственно, сформировались четыре сферы деятельности: общение со всевозможными комиссиями, долбающими самоцветчиков по нашим газетным статьям, учинение самоцветчикам мелких (в основном показных) пакостей, оборона от их тоже мелких и тоже показных пакостей и при этом создание видимости, что спелеологическая экспедиция действует по нормальной программе. Последнее было важнейшим психологическим фактором.

Военные действия были разнообразны и вполне отвечали всем канонам кинематографа. Так, когда осенью 1981 года мы приехали очередной раз, Слава Маркарянц (начальник участка) немедленно скомандовал сторожу склада взрывчатки, расположенного около пещеры Промежуточная, чтобы он из своего каньона вылез, сложил себе из камней редут на плато, и шмалял из карабина над головами спелеологов, буде таковые появятся на горизонте. Экспедицию мы начинали с пещеры Кап-Кутан Главный, так что на горизонте появился только Женя Войдаков, облюбовавший себе под туалет небольшой ложок подальше от лагеря. В аккурат находящийся в прямой видимости с редута. Где Женя и был обстрелян, как только снял штаны. Пришлось нам засылать депутацию в Чаршангу за нарядом милиции. Каковой наряд замаскировали комбезами и сводили в тот ложок. После чего сторож был успешно обезврежен, причем без боя и без всяких репрессий. Стрельба прекратилась. На следующий день самоцветчики привезли наряд милиции из другого поселка — Гаурдака, и попытались их силами арестовать нас за нападение на склад взрывчатки. Что не вышло, так как мы оставили у себя в гостях одного милиционера из предыдущего наряда.

Вся эта баталия, продолжавшаяся около года, имела чрезвычайно забавные второй и третий планы. Второй план заключался в том, что реально у нас с самоцветчиками конфликтов практически не было. Мы заезжали к ним в гости на их базу, иногда просто так, а иногда для беседы с очередной комиссией — они останавливались только у них за отсутствием приемлемого жилья на нейтральной территории. Арендвали у них автотранспорт. Договаривались (неофициально) о содержании очередных статей и откликов на них. А вся драка была исключительно на публику. Точнее, на эти высокие комиссии.

Третий план был еще интереснее. Самой мощной силой в регионе была и остается КГРЭ — Кугитангская геологоразведочная экспедиция, обеспечивающая чуть ли не половину рабочих мест в районе, причем практически все места для интеллигенции. В кампании за сохранение пещер КГРЭ заняла весьма любопытную позицию. Из соображений профессиональной этики и солидарности они не могли выступать против самоцветчиков явно. Но вместе с тем были на нашей стороне целиком и полностью. Как результат, они совершенно открыто и демонстративно за свой счет обеспечивали наши экспедиции всем необходимым вплоть до снабжения лагерей питьевой водой в цистернах. При этом они не менее демонстративно держались в стороне от всех событий.

Типичная картина. Утро. По плану отправляем мобильную группу аквалангистов на

Чинджирский воклюз⁵ на пару дней, для чего просим машину у КГРЭ (у самоцветчиков очередная комиссия из министерства и главка). Со сранья появляется газик с комиссией. И другой — с очередным милицейским нарядом. И третий — с районным и даже кое-каким областным начальством. Комиссия высокопоставленная, начальство тоже, так что схватка идет прямо не на жизнь, а на смерть. Появляется КГРЭ-вский ГАЗ-66. Останавливается эдак метров двести не доезжая нас. Вылезают шофер и главный геолог КГРЭ, приехавший пообщаться и посмотреть, как в Чинджир нырять будут. Оценив поле боя, разводят там же около машины костер и заваривают чайку, с удовольствием наблюдая за событиями. Через полтора часа шофер идет в разведку выяснить, а не успеет ли он смотаться пообедать к родственнику в Карлюк или мы закончим быстрее. То есть сроду не видел таких изумительных по своей демонстративности действий — впрочем, Восток есть Восток. Немного поясню, почему без милиции не обходилось ни одно мероприятие. Чаршангинский район имел тогда статус пограничной зоны, и на пребывание в нем требовались специальные разрешения. Естественно, они были далеко не у всех — просто лень выправлять. На вокзале-то у нас действовали отработанные стратегия и тактика протаскивания контрабандой чуть ли не до половины состава экспедиции, но шанс отловить нас с внезапной проверкой документов на лагере всегда был. А для милиции это опять же развлечение. Еще раз подчеркну, что ни в одной ситуации ни к одной стороне ни одного репрессивного действия применено не было.

Драка шла, комиссии приезжали и уезжали безо всякого толку. Но, как это особо актуально именно в спелеологии, капля камень точит. Постепенно все высокие деятели пришли-таки к дельной мысли: так просто ото всей этой банды фанатиков не отделаться и все равно придется пойти на уступки. Очередная совместная комиссия из министерства и главка, состоявшаяся в конце 1981 года, в числе сделанных выводов указала-таки на недопустимость дальнейшего разгрома пещер, тем более что подсчитанных запасов мраморного оникса по всем пещерам был мизер — порядка полутора тысяч тонн при цене меньше доллара за килограмм. Памиркварцсамоцветам было разрешено добрать те залежи, разработка которых была начата, после чего они должны были полностью переключиться на проявления оникса, не связанные с пещерами. Также им было запрещено при работе в пещерах использовать взрывной метод. Во-первых, как разрушающий соседние залы и во-вторых (главное), как вредоносный для качества добываемого оникса. Министерство брало исполнение всего этого на собственный контроль с регулярными проверками в течение года.

* * *

Мы уже готовились справлять тризну по пещерам. Все эти формулировки были одновременно достаточно расплывчаты и достаточно конкретны, чтобы заткнуть рот всем газетам, но в то же время оставить значительную свободу действий для дальнейшего вандализма. Было совершенно очевидно, что наша кампания будет на тот самый год придавлена полностью, а запустить ее повторно уже не удастся. Такая игра ведется только в один раунд.

И тут самоцветчики совершили харакири. Вероятно, сознательное. Они не прекратили ни взрывных работ в пещерах, ни распространения работ на соседние залы. Наоборот. Они свернули все работы на объектах вне пещер. Выдрали решетку на входе пещеры Хашм-Ойик, имеющей республиканский статус охраняемого природного объекта, и развернули работы там. Словом, за два месяца сделали все, чтобы ближайшая же министерская проверка, состоявшаяся через два месяца, пришла в такой ужас, что закрыла все работы на участке немедленно, полностью и безоговорочно.

---

⁵ Тип карстового источника, обычно доступный для непосредственного исследования с подводной техникой.

Первый бой был выигран, но до победы, в смысле обеспечения сохранности пещер, было еще очень и очень далеко. Выбрасывание из пещер самоцветчиков было только первым и самым легким этапом. Теперь же — предстояло решать задачи стратегические, а это требовало совсем иных подходов. Свято место пусто не бывает, а аппетиты государственных ведомств неисчерпаемы. Вполне можно было ожидать попыток туркменского министерства геологии возобновления грабежа пещер уже под своей крышей. Не потому, что они такие плохие. Просто работа у них такая — искать, разведывать и добывать полезные ископаемые. Особенно те, что «плохо лежат» и не требуют больших капвложений. Следовало вести дальнейшую политику так, чтобы подобных поползновений не было, а буде появятся, давить в зародыше. А потому — кампанию в прессе никоим образом не прекращать, держать зубы острыми, порох сухим и всячески поощрять рост популярности туризма на Кугитанге. Параллельно вести кампанию по организации заповедника республиканского, а лучше союзного ранга, который решил бы проблемы надолго: территория заповедников неприкосновенна.

Здесь уже пришлось мобилизовывать журналистов совсем иного ранга, способных не на резкие критические выпады, а на создание больших проблемных статей, выдвигающих и обосновывающих идею создания заповедника. Соответственно более тонкой становилась и работа по организации послестатейных дискуссий в газетах. Дошло даже до того, что в 1983 году у нас затребовали проведение лекции в клубе интересных встреч в ЦК КПСС. Кстати, вот то был цирк! Были запрошены две лекции — Морозова об исследованиях Снежной и моя о Кугитанге. Естественно, все делалось были по бюрократическим каналам, через Центральный Совет по туризму и экскурсиям, в спелеокомиссии которого мы с Морозовым тогда подвизались. За нами увязалось чуть ли не все начальство оного ЦСТЭ — еще бы, такая оказия помозолить глаза аж в самом ЦК КПСС! И не просто увязались, а еще и перед мероприятием начали нас поучать, как строить лекцию, да как по протоколу нужно одеваться, и так далее, и тому подобное. Собственно, я и сам не из трусливых, но Саша Морозов мне тогда преподал нагляднейший урок, что мои методы обращения с бюрократами далеки от совершенства. Он просто за нас обоих послал этих деятелей с их советами куда следует, объяснив, что раз сроду галстуков не носил, то и теперь не собирается, равно как и приглаживать выражения в лекции. Не говоря уж о том, что никакого текста заранее готовить все равно не будет и никакой цензуре читать не даст. А непосредственно на лекции, когда в зале обнаружилось отсутствие каких бы то ни было приспособлений для развешивания шестиметровой «простыни» с картой Снежной, Саша немедленно сориентировался, развесив карту на этой самой команде пингвинов в галстуках, которая за нами увязалась. Как говорится, с паршивой овцы, и опять же небольшая приятная заподлянка.

* * *

История с заповедником и мерами по сохранению пещер на этом совсем даже не заканчивается. Она тянется по сей день, хотя и другими методами и на других уровнях. Я этого слегка коснусь в следующих главах, пока ограничившись самоцветским этапом в истории пещер Кугитанга и его прямыми последствиями. А последствия были разнообразны.

Конец семидесятых и начало восьмидесятых — время максимального разгула вандализма — очень прочно вбило в головы многих и многих, что пещеры есть исключительно источник оникса и красивых сувениров. За сувенирами на Кугитанг ездили чуть ли не все геологи Средней Азии. У местного населения появилась мода иметь в каждом доме ночник из гипсового сталагмита или люстры со вставленной внутрь лампочкой. Пещерные образцы стали ходовым меновым материалом среди коллекционеров, массажи продавались в Москве на Птичьем Рынке. Ими украшали министерские кабинеты и модные рестораны. Вполне понятно, что это гораздо страшнее непосредственного разгрома пещер самоцветчиками, а главное — гораздо труднее пресекаемо. Никакие административные меры

были невозможны. Нужен был радикальный перелом сознания у очень многих, и не было никаких надежд, что это возможно в короткие сроки. Ни у кого из нас не было на эту тему никаких идей, кроме соответствующего крена в газетно-телевизионной кампании и подпольного воспитания вандалов с возможным мордобитием. А это все при таких масштабах — как мертвому припарки.

Как всегда, выручил случай. В 1985 году на массиве была открыта новая красивая пещера — Геофизическая. Она не была изуродована туристами и горными работами, была сравнительно легкодоступной, и очень красивой. Достаточно красивой и достаточно легкодоступной, чтобы ее могли посетить власть имущие, а посетив — преисполниться гордости и оценить грядущие перспективы туризма. Вокруг этой пещеры (подробнее я о ней расскажу в отдельной главе) началась такая борьба сразу нескольких местных организаций за право контроля и охраны, что массовый пещерный вандализм в регионе стал просто физически невозможен. Какие-то частные реликты, конечно, наблюдаются и сегодня, но уже настолько мелкие, чтобы проблема потеряла остроту.

* * *

Разумеется, среди последствий самоцветской деятельности были не только моральные, но и самые что ни на есть физические. Я не имею в виду конкретно уничтоженных залов — их не вернуть. Созданные неразумной деятельностью факторы уничтожения могут оказаться саморазвивающимися и продолжать быть активными в течении многих десятилетий. В нашем случае таковыми оказались штольни, которыми вскрыли крупнейшие пещеры для удобства отработки. Одна — в Кап-Кутане Главном, две — в Промежуточной. Штольни эти вызвали резкое форсирование вентиляции пещер, приведшее к их быстрому осушению. Во многих залах запылились, растрескались и даже осыпались натеки. В Кап-Кутане Главном высохла лужица, около которой жила уникальная популяция адаптированных к жизни в пещерах жуков-чернотелок, и популяция исчезла. Осушка идет дальше, и единственное средство ее остановить — загерметизировать все штольни бетонными пробками, оставив у пещер только природные входы. Всего-то необходимы — пара десятков мешков цемента и пара цистерн воды, а всю работу любая из групп спелеологов выполнила бы бесплатно. Но все обращения спелеологов ко всем местным организациям на эту тему глохли и глохнут как в вате. А пещеры продолжают сохнуть.

Если штольни закрыть, многое еще может восстановиться — природа имеет кое-какие резервы. Так, практически все следы самоцветской деятельности вне пещер уже исчезли. Дороги, спускающиеся в каньоны и врубленные в скалу, отвалы штолен, канатки — несколько сильных дождей, вызвавших селевые потоки — и каньоны в первозданном диком состоянии. Точно так же, если загерметизировать штольни — в погубленных частях пещер спустя всего пару лет опять зазвонит капель, наполнятся озера, исчезнет пыль со всякими клещами в ней. А лет через двадцать затянутся кальцитовый пленкой многие сколы на натеках. Погубленных уникальных красот это, конечно, не восстановит, но даже самые разгромленные привходовые участки будут выглядеть во всяком случае не хуже лучших пещер Крыма и Кавказа.

ТАКОЕ ВОТ КИНО

*... еще живет дикарский задор прирожденного бунтаря против
благонамеренной обывательщины, необузданная жажда
приключений тех романтических корсаров...*

Стефан Цвейг

После прочтения предыдущей главы у читателя вполне могло сложиться впечатление, что на момент «отбития» пещер Кугитанга у самоцветчиков спелеологи-любители уже имели

готовую методологию и даже программу дальнейшего исследования пещер, резко переключив всю обстановку с массивованного грабежа на наполненную смыслом продуктивную деятельность. Только и отвлекаясь, что на борьбу с реликтами самоцветской деятельности.

Очевидно, что это не совсем так, и даже совсем не так. Переходный период затянулся на годы и был весьма многотруден. И причина здесь плоска как блин. Пещеры Кугитанга слишком не похожи по своему устройству на пещеры других карстовых районов, сложны для понимания и во многом даже парадоксальны. В них физически невозможно было организовать изучение по отработанным в Крыму или на Кавказе методикам, когда группы делят между собой сроки экспедиций и сферы деятельности. На Кугитанге всего много — и всего мало. Есть достаточно места, чтобы разместить на поисковку и раскопки сотню групп — и есть полная гарантия того, что максимум одна из них накопает что-нибудь быстрее, чем за пару-тройку лет. Для любительских групп, не влюбленных фанатично именно в эту пещерную систему, такой вариант неприемлем — не найдя ничего за разумные сроки, они всенепременно рано или поздно переключатся на праздничатание. При котором пещеры страдают ничуть не меньше, чем при их прямом разграблении на сувениры. Словом, для того, чтобы оправдать поднятый шум, нужно было за некоторый разумный срок заместить нами же созданный миф о спелеологии на Кугитанге достаточно впечатляющей реальностью, а это оказалось ох, как нелегко.

Скажу еще одну сакраментальную вещь. Пещеры Кугитанга не открываются группам — только личностям. В двух вариантах — либо «на новичка», либо тем, кто положил много лет на их исследование и понимание. Но не в промежуточном варианте. И пока мы это поняли, пока перестроили всю постановку исследования на соответствующие рельсы, прошли годы, о которых я немного и расскажу в этой главе.

Говоря о личностях, я совсем не имею в виду только личности лидеров спелеологических групп. Наоборот, подчеркну еще раз, что спелеология — командная игра ярких индивидуальностей, и в открытии любого нового продолжения в совершенно обязательном порядке имеется вклад существенно более, чем одного человека.

* * *

Итак, первая возникшая проблема — чем заняться на Кугитанге тем сотням спелеологов, входящим в два десятка групп, которые внесли свой вклад в оборону пещер и теперь хотели бы подкрепить его таким же исследовательским. Как-то само собой получилось, что мне, как основному в спелеологических кругах эксперту по Кугитангу пришлось выполнять роль чего-то типа главного координатора. А учитывая то, что существенно больше половины команд ранее на Кугитанге не были совсем, скорее даже не координатора, а некоторого источника идей, на которых они могли бы пастись до тех пор, пока не появятся собственные.

То, что в этой роли я успешно провалился, равно, как и все, кто пробовал исполнять ее позже, было закономерно. До появления первых собственных верных идей о том, как же все-таки эта система устроена, оставалось еще несколько лет, а идеи, не подкрепленные теорией и только фиксирующие факт слабой отработанности тех или иных участков пещеры или поверхности, на Кугитанге не работали вовсе. И привело это не только к разочарованию многих групп, но и к резкому ослаблению эффективности экспедиций моей команды — ресурсы, которые могли бы быть задействованы на выработку работоспособной прогностической основы, расплылись на популяризацию ее неработоспособных прототипов. Так как я принципиально не ставил себя в привилегированное положение, свободно раздавая направо и налево те идеи, которые стоило приберечь и развить, и — тратя массу времени на их объяснение.

А свято место, как известно, пусто не бывает. Если продолжения не идут — время чем-то занять нужно, тем более, что ездили в то время большими командами. Это сейчас

три-шесть человек уже нормальный состав, а в начале восьмидесятых ездили группами и по двадцать, и по сорок, и по шестьдесят человек.

В спелеологии принято занимать свободное время фотографией. Из многих соображений сразу. Во-первых, в ней есть определенный смысл. Многое из того, что мы видим под землей, представляет реальный интерес, да еще и красиво в придачу. Причем основная часть красоты на месте даже не видна — слишком слаб свет. Зато на слайдах начинает играть. Далее. Пещеры хрупки и уязвимы. Нет гарантии, что попав в какой-то зал вторично, мы увидим его натеки в том же виде — не порушенными, не замазанными глиной. В среднем каждый пятый сюжет из пещер, охрана которых не поставлена на должную высоту, быстро становится архивно-историческим кадром, отражающим исчезнувшую реальность.

Во-вторых, как я отмечал в начале книги, практически все спелеологи — технари, а также люди со слегка гипертрофированным самомнением. Каждый второй считает себя гениальным фотографом, причем способным к созданию собственной технической базы, как в смысле аппаратуры, так и в смысле приемов. Во многом — оправданно. Так, самодельные вспышки среди спелеологов — норма. Самодельные фотоаппараты встречаются реже, но все равно часто. Световая синхронизация⁶ нескольких вспышек стала в пещерах нормой задолго до того, как вошла в широкую практику на поверхности. Различные светофильтры, дающие яркие цветные рефлексы на источниках света, в спелеологическом обиходе тоже появились раньше, чем в обычном. Не только потому, что спелеологи — гениальные изобретатели. Спелеологическая фотография действительно сильно отличается от обычной, и то, что в ней много талантов и самоделок — предопределено. Сама среда помогает. С теми же эффектными светофильтрами. Ввод их в общепрофессиональную практику упирался в технологию изготовления — создание такого рифления стекла, чтобы и эффект был, и изображение не размывалось. Преодолено это было только с появлением компьютерно-управляемых сверхточных лазерных резцов. Но в пещере-то темно! Можно открыть затвор, проработать источники света с фильтрами (точнее, с их заменителями типа дифракционной решетки из комплекта школьного кабинета физики), дающими эффект, но резко ухудшающими общее качество — а потом убрать их и дорисовать остальное вспышками. Впрочем, сейчас разница начинает сглаживаться за счет появления новой техники, в особенности — новых пленок, но еще лет пять назад она была огромна.

В подземной фотографии (я имею в виду ее классическое состояние) нет элементов репортажа, нет «чувства момента». Она гораздо ближе к живописи. В абсолютной первозданной тьме пещер можно просто открыть затвор фотоаппарата и вырисовывать светом ламп, вспышек, свечей именно то, что нужно. В течение хоть минуты, хоть часа, хоть двух. Дело фотографа — сидеть, думать и командовать ассистентам, на какое место перейти и в каком направлении сколько вспышек выдать. Причем многие кадры снимаются достаточно долго, чтобы корректировать первоначальный замысел по ходу дела.

Считается, что при кратковременности и яркости вспышек глаз просто ослепляется, и рассчитать подачу света можно только по таблицам. Это совершенно неверно. То есть, для света, подаваемого на некоторый центральный объект, вычисления проводить нужно, глазу нужна адаптация, но весь остальной свет можно подавать именно «на глаз», оценивая визуальное соотношение его силы с тем, что было рассчитано и подано на главный план.

Тем самым, весь эффект фотографии зависит практически только от художественного вкуса фотографа. Правила расчета главного света тривиальны, понимание контрастности и цветопередачи используемой пленки приходит быстро (а спелеологи практически всегда снимают только на один какой-нибудь тип пленки), оценка необходимой глубины резкости — тоже. То есть имеются те самые идеальные условия, когда при наличии даже

---

⁶ Техническое решение, при котором несколько вспышек автоматически обрабатывают на световой импульс ведущей, как правило, связанной с фотоаппаратом.

сравнительно небольшого опыта, можно сконцентрироваться полностью на сюжете, ни на что не отвлекаясь. А спелеологи — люди весьма разносторонние и талантливые, как правило с очень хорошим художественным вкусом и чувством красоты, и поэтому с фотографией действительно могут хорошо справиться многие.

* * *

Совершенно естественно, что пока не сложилось понимания системы, достаточного для того, чтобы можно было начать продуктивно копать продолжения, фотография была чуть ли не основным занятием в наших экспедициях. Вообще-то нам пришлось кроме фотографии переболеть, хотя и в умеренной форме, всеми остальными болезнями, угробившими исследователей во многих спелеологических группах — кинематографией, газетно-журнальной пропагандой спелеологии, некоторыми другими, но в итоге мы все это таки перенесли и выздоровели. И хотелось бы пожелать такого остальным — фотография хороша, полудетективные статьи и всеобщая известность — тоже, но новые пещеры — все равно лучше. Без них жизнь спелеолога ущербна.

Тем не менее, именно такого рода проекты составляли одну из главных ветвей нашей деятельности в течение четырех лет. И не мы одни в этом виноваты — шумиха, которую мы подняли для изгнания самоцветчиков, вызвала вполне резонные требования помогавших нам журналистов, чтобы мы им предоставили хотя бы несколько интересных по фактуре и забойных по видеоряду материалов, живописующих уже послевоенную эпоху.

И первый крупный проект, который мы затеяли, был проект с кинофильмом. Как-то достаточно случайно совпали четыре вещи. Во-первых — мы увидели на одном из туристских кинофестивалей фильм группы SCO (Виталий Ромейко и компания), снятый в пещере Абрскила. Это был, пожалуй, первый фильм о пещерах, который не был научно-популярной халтурой, а в котором чувствовалось настроение. И вместе с тем он сразу вызывал устойчивое ощущение, что мы можем снять гораздо лучше, если только найдем технику и оператора. Во-вторых, в моем институте обнаружилось несколько валяющихся на складе без использования 16-миллиметровых кинокамер. В-третьих — один знакомый журналист похвастался, что может очень дешево доставать и проявлять высокочувствительную цветную пленку. И наконец, один из наиболее интересных московских спелеологов, занимающихся Кугитангом — Миша Переладов — сказал, что имеет опыт киносъемки на 16 миллиметров.

Последнее, конечно, оказалось чужью — то есть, весь его опыт заключался в наблюдении за тем, как это делается, а также в умении управлять камерой. Но для спелеологов это — нормальное явление. Научиться можно и на ходу.

Дальше была целая эпопея по поводу того, чем при съемке светить будем. SCO-шная техника с неподъемным аккумулятором и разнесенными на проводах лампами нас не прельщала совершенно. Пещера и так слишком статична, чтобы можно было позволить себе отказаться от динамичного освещения. А динамика означает, что каждый осветительный прибор должен быть автономен, и носиться без напряжения одним человеком так, чтобы его можно было бы даже присобачить на каску вместо налобника и ввести в кадр на «актере». Это сейчас такие приборы продаются в каждом магазине, но в то время оно было отнюдь не так. Голь на выдумки хитра, и опять же без изобретательности под землей делать нечего. Блок из тридцати обычных плоских батареек с галогенной стоваттной лампой от кинопроектора «Русь» оказался идеальным источником света. Достаточно мощным, чтобы на нашей пленке давать дальнобойность до пятнадцати метров, и с ресурсом около двадцати минут, чего вполне хватает при хорошей организации на десять минут хода пленки. И прочно вошедшим на ближайшие годы в отечественную спелеокинематографию в качестве своеобразного стандарта. Пяти осветительных приборов с двумя батарейными блоками на каждый должно было вполне хватить на целую киноэкспедицию.

В качестве запасного варианта света мы достали напрокат две широко

разрекламированные в литературе бензиновые лампы «Петромакс». Устроенные по типу примуса со сгоранием бензина на торий-цериевой сетке, они теоретически дают при весе всего в пару килограмм светимость по триста свечей. К сожалению, они оказались непригодны совсем. И потому, что триста свечей, равномерно светящие во все стороны, оказалось гораздо слабее стоваттной лампы с рефлектором, и потому, что спектральный состав света оказался совершенно непригодным для цветной съемки, и потому, что хрупкие и дорогие сетки при малейшем сотрясении осыпались.

* * *

Крах первой киносъёмочной экспедиции был предопределен. Не тем, что Переладов в действительности снимать не умел. А именно тем, что у нас тогда было несколько больше скромности, чем приличествует в пещере. Мы имели первую глупость воспользоваться опытом SCO, гласящим, что в пещере для киноламп применимы только матовые рефлекторы, дающие рассеянный свет. Хорошо сыграть таким светом на гранях кристаллов оказалось просто невозможно, да и в качестве «налобников» на актерах они производили неестественное впечатление. Пещера теряла таинственность, превращаясь в ровно освещенную комнату. И вторую глупость — построить всю стратегию на посылке, что раз Переладов умеет, ему и командовать. Спелеология — игра командная, и пещерное кино — тоже. Если тупо следовать идеям кого-то одного, не пытаясь реализовать идеи остальных — провал затеи гарантирован.

И, наверное, даже в чем-то хорошо, что Переладов, долбанувшийся с уступа в каньоне в поисковой части экспедиции и изрядно поломавшийся, вел киносъёмку на полном автопилоте, причем с явной чушью на многих эпизодах, а все остальные, понимая его состояние, не перечили ни словом и ходили на цыпочках. Если бы это было не так, фильм бы получился, но уровня типа SCO-шного. Так же получился только набор где-то приличных, где-то не очень приличных кадров, не монтирующийся в фильм решительно. Зато все экспедиционные фотографы приобрели в киносъёмке ровно такой же и даже несколько больший киносъёмочный опыт, как имел в начале кампании один Переладов.

* * *

В следующей экспедиции были уже новые осветительные приборы, не только с матовыми, но и с зеркальными отражателями. И — уже сразу трое спелеологов, возомнивших себя кинооператорами. Я, Женя Войдаков и Олег Леонтьев. Переладов поехать не смог, и это было даже лучше — опыт у всех операторов был теперь одинаков, и появилась возможность командных действий. Полного равноправия, конечно, не было — так как камеры достал я, некоторое привилегированное положение мне и досталось. Расклад сил был такой. Пленки не жалеем. Свет жалеем умеренно. Если я как, главный режиссер, предлагаю снять кадр — он ставится и снимается всегда. Если кто-то из остальных предлагает снять кадр — кадр ставится и снимается после голосования, стоит ли это делать. Если ставится и снимается — обязательно автором предложения. Камера, работающая на поставленный кадр, является основной, и все команды идут с нее. Во время постановки кадра оба запасных оператора бегают с экспонометрами и помогают ставить свет. Как только кадр поставлен и начинает сниматься, любой из запасных операторов может взять вторую камеру и снимать ей при том же свете все, что его душе угодно.

Именно идея со свободной второй камерой и позволила сделать фильм. Те кадры, которые шли как основные, давали сюжетную канву, но это было мертво. Вставленные то здесь, то там живые, а не постановочные, съемки со второй камеры позволяли связать и оживить все остальное. А непосредственная обстановка съемок позволила раскрепоститься и вспомогательной группе актеров-осветителей настолько, чтобы появилась так необходимая естественность.

Киносъемки в пещере — дело захватывающее. Вероятно, каждому спелеологу хоть раз в жизни стоит принять участие в подобном проекте. Хотя бы для того, чтобы определить свои дальнейшие взаимоотношения с пещерами, а также понять о них много нового. При ярком киносъемочном освещении пещера не имеет ничего общего с тем, что мы видим обычно при слабом свете фонарей. Объемы резко уменьшаются, натеки резко прибавляют в цвете и прозрачности, а внешний вид и обычные позы спелеологов становятся абсолютно карикатурными. И вообще, картина диаметрально противоположная, чем при фотографии. Там человек видит, что он снимает, только частично, а окончательно пещера расцветет уже после проявки пленки. Здесь же наоборот — света вагон, все видно, а узкая кинопленка сможет все зафиксировать только в общих чертах, с потерей большинства деталей.

Монтаж фильма был так же прост, как съемка, и тоже шел как бы сам собой. Если уж что-то пошло, оно идет и дальше. Так что даже прикидочно собранная музыкальная фонограмма с первого же приложения подошла секунда в секунду — для синхронизации не пришлось вставлять ни одного лишнего кадра и не пришлось вырезать ни одного нужного. Совершенно непонятным образом музыка, звучавшая в голове при монтаже, сама пересчиталась в секунды и метры при полном отсутствии какого бы то ни было предварительного опыта.

И успех фильма, названного «Ищите белые пятна» был предрешен. Если режиссер не насилует себя и все с начала до конца делает на интуиции, на едином настроении — все удастся всегда. И то, что фильм собрал награды киноконкурсов всех ближайших спелеологических и туристских слетов, даже удостоившись второго места на Рижском фестивале кинофильмов на темы путешествий (1982 года), где не было разделения на любителей и профессионалов — все это воспринималось закономерным. Кроме одного. Заключительного аккорда, столь же закономерного, но — неожиданного и неприятного. Телевидение решило показать фильмы-победители фестиваля в «Клубе кинопутешествий» и полностью их изуродовало, перемонтировав великолепные ленты-киноочерки в безобразные научно-популярные фильмы, даже не спросив разрешения у авторов. Впрочем, в те времена полное неуважение к авторам было нормой практически везде.

К слову сказать, это было нашей первой и последней пробой сил в жанре кино. Дальнейшее могло быть либо повтором, либо профессионализацией. Ни того, ни другого не хотелось и, помечтав несколько лет о следующем, совершенно другом, но столь же хорошо идущем фильме, мы наконец поняли, что его не будет, и вернули всю аппаратуру обратно в институт. И думаю, что с этой книгой будет то же самое — она будет первой и последней. Иначе — опять возникнет призрак профессионализма, губительного для спелеологии.

* * *

Фотография, в отличие от кино, держалась дольше. Я не имею в виду ту дозированную фотографию на два-три дня за экспедицию, которой все мы занимаемся и сейчас, а только ту самозабвенную, когда на нее шло до двух третей экспедиционного времени и до половины груза. Когда минимальное число техники на фотографа исчислялось пятью фотоаппаратами и пятью вспышками, только для переноски которых по пещере требовалась пара человек. Когда время в промежутках между экспедициями тратилось на беготню по фотомагазинам, возню с паяльником и перелистывание химических справочников в поисках намеков на осветительные составы, применявшиеся во время последней войны в бомбах-вспышках для ночной авиационной разведки. Которые составы могли бы решить проблему фотографирования больших залов без многочасовых выдержек и килограммов батарей для электронных вспышек.

И хорошо, что тогда мы ездили не только на Кугитанг, и проверку всей этой химии проводили в маленьких пещерах на плато Байдарского оползня в Крыму. До сих пор перед глазами стоят результаты самых успешных испытаний. Пещера Щелюга. Вертикальный колодец глубиной пятнадцать метров, со дна которого идет верхний этаж, в котором

топосъемит одна двойка. Второй колодец, глубиной десять метров, ведет на нижний этаж. Двойка, работающая на этом этаже все быстро тупикует и приступает к фоторазвлечениям. Вадик Морошкин расставляет штатив с фотоаппаратом, жестяной отражатель с пятнадцатиграммовым зарядом состава и поджигает.

Я как раз в это время вылез на поверхность из соседней пещеры, и поэтому видел все дальнейшее. Под землей глухо хрюкнуло. Секунд через десять из входа с радостными воплями вылетела двойка с верхнего этажа. Еще через десять — двойка с нижнего. Уже без воплей, но с кашлем и матом. А еще через минуту из устья колодца повалил густой белый дым, превративший вход в пещеру в подобие кратера вулкана. Через пару часов дым рассеялся, и из пещеры были извлечены слегка побитый фотоаппарат и расплавившийся отражатель. Как-то даже страшно даже представить себе эффект от такого фотографирования в зале, увешанном чрезвычайно хрупкими и чистыми геликтитами, и на этом взрывчатые эксперименты были свернуты. Хотя ничто не ново под луной, и всего через пяток лет несколько фирм сразу начали выпуск большой мощности одноразовые магниевые вспышки с герметичной колбой. И многие спелеологи ими даже пользуются, невзирая на страшноватые цены.

* * *

Одно из неоспоримых достоинств подземной фотографии заключается в том, что она, наряду с топосъемкой, является одним из наиболее коллективных развлечений в спелеологии, позволяющим составу экспедиции именно быть коллективом, а не просто группой одиночек.

Фотография в одиночку невозможна. В подаче света участвуют как минимум двое, а обычно трое, да и в кадре кто-то должен находиться. Застывшим в естественной позе на все время экспозиции. Почему-то слово «фотомодель» в спелеолексиконе быстро вымерло. Сначала заменившись понятием «бельмондо». Не из соображений, что получается похоже на роли знаменитого актера, а из соображений замечательного звучания и великолепной двусмысленности всяких производных глаголов. Венцом филологических исследований на темы позирования при фотографировании стало понятие «Gypsum Crystals» (гипсовые кристаллы), введенное американскими участниками одной из наших экспедиций. Смысл здесь опять же двоякий, но уже без неприличного оттенка. Во-первых, пещеры системы Кап-Кутан славятся главным образом фантастической красоты гипсовыми кристаллами, и понятно всеобщее желание снимать в первую очередь именно их. Во-вторых, снимок будет удачным только если позирующие спелеологи вполне уподобятся этим самым кристаллам по неподвижности. Разумеется, оба эти соображения были сформулированы в явном виде уже *post factum*. А понятие возникло из возмущения недоопохмелившегося Леша Сергеева попытками оприходовать его на актерскую роль. «Что я вам, гипсовый кристалл, что ли?» — возмутился Леша к исходу первого часа на первом же кадре и лег отдыхать, внося таким образом бессмертный вклад в сокровищницу спелеологического фольклора.

Кстати, наша система фотографирования с длительными экспозициями и многократными вспышками оказалась забытой на Западе, избалованном дальнобойными светосинхронизаторами и очень чувствительными пленками. Те же американские фотографы Peter и Ann Bosted, которые предложили именовать бельмондов гипсовыми кристаллами, только пронаблюдав все на натуре, поняли наконец, как русские фотографы добиваются совершенно удивительных результатов на слабой технической базе. Реакция была воплощена в формуле «Русский стиль в подземной фотографии не имеет ничего общего с фотографией. Это живопись». И в попытке освоения этого забытого у них десятилетия назад стиля.

Вернемся к коллективности. Так вот без хорошего настроения всей фотокоманды — и собственно фотографа, и ассистентов-осветителей, и «гипсовых кристаллов» — даже не просто настроения, а понимания друг друга с полуслова, ни одного хорошего снимка не будет с

гарантией. Для того, чтобы свет на каждом кристалле лежал как нужно, прозрачность каждой драпировки была проработана в меру, а позы и выражения лиц «актеров» были именно естественны, нужен дух взаимопонимания. На собственно фотографии лежит только общий замысел и выбор технических приемов, а остальное делает команда. Собственно, именно эти, въевшиеся в плоть и кровь спелеологов особенности фотографического процесса и предопределили наше нахальство в кинопроекте — все вышеописанное скорее является атрибутикой кино, чем фотографии.

* * *

Естественно, исследовательские и научные проекты во время переходного периода тоже существовали — кинофотопроекты не могли вытеснить их полностью. И, несмотря на свою наивность и общую бестолковость, придавали оному периоду достаточно смысла и прелести, чтобы теперь он вспоминался очень светлым временем. То, что со временем заматерело и превратилось с одной стороны в понимание, а с другой — в фанатическую преданность пещерам системы Кап-Кутан, в те времена было великолепным юношеским энтузиазмом. И пусть чуть ли не половина новых продолжений, найденных в то время, из-за не дешифрируемой топосъемки никогда не была найдена во второй раз — тем интереснее! И я, честно говоря, иногда всерьез завидую тем немногим спелеологическим группам, которые смогли сохранить этот юношеский задор спустя десятилетия.

Пожалуй, никогда впоследствии не приходилось мне встречаться с таким непосредственным стилем, как у Саши Лившица. Когда он, гуляя в одиночку и найдя что-нибудь интересное, просто не выходил из пещеры. Вылавливал какую-нибудь из мотающихся по пещере групп и просил передать наверх, чтобы ему с базового лагеря прислали пару человек подмоги, тройку спальников и еды на пару дней. Не было случая, чтобы хоть одно из найденных и пройденных в этом стиле продолжений, было впоследствии найдено вторично, но все они достоверно существуют. Я сам принимал участие в одном из таких штурмов — и то потом ни черта не нашел. Заразный энтузиазм вкупе с некачественной топосъемкой полностью блокируют возможность к ориентированию, а отсутствие понимания пещеры не позволяло по геологическим и минералогическим «указателям» выловить и исправить ошибки в съемке.

В дурацкие ситуации в то время попадали все. Пещеры шли настолько плохо, что любой новый обнаруженный ход немедленно влек за собой массированный штурм, даже если не было нормальных технических возможностей. И, пожалуй, наиболее красивым в этом смысле был последний день экспедиции 1983 года.

Мы тогда наконец нашли верхний этаж Кап-Кутана Главного, исследованный самаркандцами в 1976 году и не пристыкованный ими к общей карте (чтобы не дорвались самоцветчики). Причем нашли с другого прохода — самаркандцы лезли через вертикальный колодец, а мы пробились туда же, раскапывая горизонтальный проход. На этом верхнем этаже, в начале зала Ялкапова, находится камин — поднимающийся вверх вертикальный колодец. И не просто камин, а камин, из которого дует ветер, то есть заведомо ведущий в новое продолжение. И абсолютно неприступный. Самаркандцы потратили две экспедиции на то, чтобы подняться с шестами, но до верха так и не добрались. Впрочем, как никто туда не добрался и до сих пор. И название камин «Слава КПСС», вытесанное на ближайшей стене кем-то из самаркандцев, до сих пор воспринимается с уважением.

Когда мы с Бартеневым впервые стояли под этой монументальной трубой, у нас и в мыслях не было учинять штурм — от экспедиции оставался ровно один день, скалолазы мы никакие, да еще и Степа Оревкин, улетевший в тот день домой, увез с собой все вертикальное снаряжение — и веревки, и крючья, и обвязки — словом, все, необходимое для штурма.

А вечером выяснилось, что все не совсем так. Женя Войдаков, единственный в экспедиции приличный скалолаз, услышав про такую возможность блеснуть мастерством, с

улыбкой украинского куркуля достал из-под подушки бухту репшура (шестимиллиметровой вспомогательной веревочки) и заявил, что не знает, как там самаркандцы, а уж он-то в любой камин влезет и так, а спустится обратно вот по этому репу, и без ничего больше.

И наутро начался спектакль. Если бы Женю увидел хоть кто-нибудь из его альпинистского клуба, не миновать бы ему дисквалификации в ту же секунду. Без намека на страховку он лез по абсолютно отвесной стене, к тому же вымазанной мокрой глиной. И с мешающейся бухтой репа через плечо. Объяснить такое рискованное представление в исполнении весьма опытного и осторожного скалолаза можно только тем резким взлетом энтузиазма, который дает возможность нового продолжения в пещере очевидно громадной, но идти без жертвоприношения не желающей.

Метров через десять Женя отрапортовался, что стоит на скользкой полочке, возвращаться скучно, но метрах еще в восьми выше стенка заваливается. И, кажется, на этаж, а не на полку. Так что он двигается дальше. И исчез из нашей видимости.

Следующий рапорт гласил: это опять полка, а не этаж, причем наклонная и достаточно скользкая, держаться на ней долго нельзя, реп привязать не за что, спускаться страшно, так что он полез дальше, хоть там и ни хрена ободряющего уже не видно.

Женя пролез еще метров семь и завис окончательно, хотя и достаточно надежно. Засунутое в щель в стене колено держало, и часа за два-три висения можно было ручаться. И за эти два-три часа необходимо было вычислить и добыть некий предмет, который можно было бы в этой же щели расклинить, навесив реп за него.

Кап-Кутан — пещера удобная. При всей нечестивости поисков по ее лабиринтам, и при всем неудобстве ползания по изломанным и каменистым узостям, такое ее достоинство, как возможность в экстренной ситуации, когда не жаль коленей и локтей, добежать до выхода в считанные часы, бывает очень ценно. А на верхнем этаже и ползать не особенно нужно. Словом, заставили Женю тщательно обмерить щель, и послали гонца на поверхность за подходящим бревном.

Финальная сцена была редкостна по своей красоте, звучности и логической завершенности. Как альпинисты, так и спелеологи давно успели забыть, что такое спуск по веревке методом классического дюльфера, когда человек сидит в петле из веревки, сжимая ее рукой, и постепенно распиливает себе плечо и задницу. Последние лет сорок без обвязок не лазит никто, и трение в дюльфере тем самым переносится с собственного мяса на прицепленный к обвязке металлический карабин или специальное спусковое устройство. Степин отъезд вернул нас к временам отсутствия обвязок и карабинов. Возможно, если бы Женя хоть раз в жизни применял на практике эту архаичную технику, он бы отказался от штурма. И все пропустили бы такое редкостное зрелище. Тем более редкостное, что даже в те древние времена никому и в голову бы не пришло воспользоваться веревкой тоньше двенадцати миллиметров. А также одевать тонкий хлопчатобумажный комбинезон на голое тело.

Словом, каждый сантиметр камина и репшура был обмазан такой толщины слоем виртуозных ругательств, что они не отпадали слоями только за счет крепости выражений. А комбинезон после приземления просто распался пополам.

И самый любопытный эпизод этой истории с камином заключался в том, что мазохизм тоже заразителен. Возвращаясь в лагерь, мы дошли до развилки между нашим вариантом (стометровой узостью) и самаркандским (пятиметровым отвесом), и присели отдохнуть. И тут черт меня дернул предложить не ползти, а спуститься по этому же репу. Правда, не дюльфером, а несколько более щадящим способом — «коромыслом», при котором веревка наматывается в два оборота вокруг растянутых в стороны рук. С главным аргументом, что пять метров — не двадцать пять. Впрочем, пяти тоже хватило за глаза. Ощущение презабавное.

Неотъемлемую особенность экспедиций того времени составляла война с вечно ломающимся светом. Собственно, эта война не тогда началась, и поныне отнюдь не закончилась — надежных фонарей для спелеологического применения как не было, так и нет. Но период начала восьмидесятых проходил под знаменем максимального применения опыта из других пещер, на самом деле совершенно непригодного в Кап-Кутане, что порой доводило ситуацию до совершенного абсурда.

Основная мода заключалась в применении относительно дешевых и емких геофизических батарей 145У и 165Л. К тому же не нуждающихся в корпусе с контактами — они выпускаются исходно залитыми в толстый слой эластичной смолы и снабжены не прижимными контактами, а достаточно длинными проводами. Смотал три штуки изолейкой, прикрутил провода, положил в карман и пошел. В Снежной — так. В Оптимистической — так. В сотне других больших пещер — тоже. В Кап-Кутане же изломанные узкие лазы их немедленно разбивают. Причем нет такого места на человеческом теле, чтобы прикрепленный к нему блок не бился бы об камни.

Именно тогда появилось определение «электробычок». Означающее фонарь, вроде бы и электрический, вроде бы и работающий, но дающий примерно столько же света, сколько сигаретный окурочок (бычок). Последние дни любой экспедиции проходили исключительно при свете электробычков. Многие пытались брать до двух десятков полудохлых батарей, соединять их вместе и запихивать налобник не от компактного блока в кармане, а от несомой в руке авоськи с батарейками, но это не помогало. Бычок — он всегда бычок.

Все это характерно не только для геофизических батарей. Никакие сухие батареи долго не выживают при постоянном долбеже, и потребовались годы, чтобы прийти к пониманию того, какими батарейками лучше пользоваться и к какому органу их привязывать. Причем — главное понимание заключалось в том, что все это строго индивидуально. У кого-то наиболее болезненная часть тела — затылок, и для него оптимальны маленькие батарейки, висящие на эластичной ленте на затылке. Кто-то, пролезая через любой шкурник, оберегает правую подмышку — там и нужно устроить карман для блока. И так далее.

Проблемы со светом не ограничиваются стойкостью батарей. Контакты в фонарях от влажности и кислот в воздухе пещер быстро окисляются и начинают шалить, а с рефлекторов облезает амальгама. Многие фонари после первой недели пребывания под землей приходят в такое состояние, когда никакими заменами батарей и чистками контактов их нельзя заставить работать нормально. И зависит это даже скорее не от системы фонаря, а опять-таки от индивидуальных особенностей спелеолога. У некоторых ни один фонарь не работает из принципа. Так, Степа Оревкин всегда издали определил по потрясающей тусклости электробычку. Хотя тратит чуть ли не больше всех времени на переборку и чистку света. А Вятчин даже ввел свои взаимоотношения с фонарями в систему — обвешивается пятью бычками с разных сторон и гордится тем, что хоть один из них всегда светит именно в ту сторону, в которую нужно, а если есть потребность посмотреть вдаль, так на то есть напарник с мощным светом. Стучание фонарем по ближайшей стене или по собственной голове в надежде сбить с контактов окислы и грязь — один из наиболее развитых инстинктов спелеолога. Равно как и переборка фонаря на каждом перекуре, когда зажигается свеча, имеющаяся в кармане у каждого. Некоторые связывают проблему с тем, что в нашей стране фонари бытовые, а вот западные невероятно дорогие фонари, выпускаемые специально для спелеологии, работают надежнее. Черта с два. Законы физики одинаковы, материалы тоже, а мелкие детали конструкции роли не играют. В любой пещере любой страны громкий стук фонарей об стены — неперемный атрибут подземных экспедиций. Равно как и традиционные издевательства над «high technology», пускаемые в ход, когда оказывается, что прижимная пружина для батарейки поржавела и ослабла, и в роскошно изданный фонарь приходится вбивать подобранный с полу камень.

Примерно то же самое можно сказать и о карбидных лампах, вошедших в моду за последние годы. Пока можно идти пешком или лезть по веревке, они обычно работают, но

когда приходится ложиться на пузо и ползти вниз головой — все становится еще хуже, чем в электрическом случае.

Большинство журналистов, повествующих о пещерах, в действительности никогда в них не были, а пишут с рассказов спелеологов, для которых борьба со светом настолько в крови, что является чем-то само собой разумеющимся и не заслуживающим никакого внимания. Наверное, именно поэтому у нас в свое время установилось длительное сотрудничество с Алексеем Сергеевым — единственным журналистом, начавшим разговор о пещерах с того, что перво-наперво нужно самому слазить посмотреть. И написавшим с первой же попытки единственную за последнее десятилетие статью, от которой спелеологов не тошнило. Начинающуюся живописанием того, как он по мокрой глине вниз головой проскользнул во вход, и на этом фонарь немедленно потух.

* * *

Вообще журналисты под землей заслуживают особого рассмотрения. Сами спелеологи, из-за природной лени и привычки жить в свое удовольствие, чрезвычайно редко пишут что-нибудь кроме научных статей. А без доступных широкой публике печатных изданий просто невозможно создать в обществе атмосферу понимания ценности и уязвимости мира пещер, без которой пещеры не сохранить. Для человека с улицы, пещера — нечто, находящееся вне его мира и никаких эмоций не вызывающее. Если он не читал про пещеры и не видел фотографий, ему глубоко плевать на их судьбу. А она зависит от каждого. Будет ли пацан, залезший в попавшуюся ему в лесу дыру, крушить сталактиты на сувениры или просто полюбуется, во-первых зависит от того, был ли хоть один разговор о пещерах в его доме, и во-вторых — в его школе. И именно поэтому спелеологам, если они действительно влюблены в подземный мир, без помощи журналистов не обойтись.

И главная проблема здесь возникает как раз в том, что для журналистов, людей в массе достаточно образованных и начитанных, пещеры априорно являются чрезвычайно привлекательным и благодарным объектом, к которому под маркой пресловутой таинственности подземного мира можно прицепить любое количество измышлений. А читатель проглотит и не поморщится. И весьма нелегко найти такого журналиста, который не будет гнаться за дешевыми сенсациями. Такого, который с немалыми трудами действительно войдет в тему. А таких на удивление мало. Зато если удастся найти — он сразу станет полноправным участником любой, в том числе самой сложной экспедиции, и по возвращении напишет действительно любопытный и серьезный материал.

К тому же популяризация пещер — палка, как и водится, о двух концах. С тем же Кугитангом высокий уровень популярности помог избавиться от самоцветчиков, но создал и не менее опасное явление. Бестолковость экспедиций начала восьмидесятых привела к тому, что многие группы, не удовлетворенные результатами, свернули любую поисковую и раскопочную активность в регионе. Зато стали пользоваться популярностью Кугитанга как приманкой для новичков. Начитавшиеся газетных материалов про сумасшедше красивые пещеры, туристы косяками бежали в те спелеосекции, которые поднимали Кугитанг в качестве флага, реально действуя при этом в совсем других районах. А те пытались привить этим толпам любовь к пещерам, вывозя их чуть ли не сотнями слоняться с фотоаппаратами по Кугитангу. Своеобразный вариант коммерческого туризма, в котором в качестве платы выступают укоренившиеся в спелеологии новички, а также дотации со стороны профсоюзов. А массовый коммерческий туризм в не оборудованных специально пещерах несет им такую же верную гибель, как и неприкрытая разделка на сувениры.

* * *

Наверное, я не вполне прав, но всерьез считаю, что любое посещение человеком необорудованной пещеры приносит ей тот или иной ущерб в любом случае. Если

спелеологическая группа не прилагает усилий к минимизации этого ущерба и к компенсации его новыми открытиями или новым знанием в какой-либо еще форме — ей следует немедленно бросить спелеологию, ограничившись туризмом в оборудованных пещерах.

И единственный способ сохранить уникальную пещеру — создать заповедник с научным стационаром. Способный регулировать посещаемость пещеры, балансировать неизбежно наносимый ей ущерб с текущими темпами новых открытий и появления нового знания. Накапливать собираемую спелеологами уникальную информацию и не допускать потери даже малой ее толики. Координировать действия различных групп. И при этом — управляться в равной степени как государственными чиновниками, так и собственно спелеологами. При крене в ту или другую сторону подобные системы нежизнеспособны.

Примерно такая организационная схема использована в комплексах наиболее уязвимых пещер мира, как, например, в том же Карлсбадском Национальном Парке в США. И действует более или менее неплохо. И чрезвычайно много сил, как моих, так и других спелеологов, было положено для «пробивания» чего-либо в этом роде именно на описываемом переходном этапе.

* * *

Вернемся к исследованиям. Несмотря на нежелание пещер идти, наиболее стойкие группы не сдались, продолжая тратить массу времени на поиски, раскопки и научные исследования. При этом во многом сменился сам стиль спелеологии — выработался некий особый стиль, характерный только для пещерной системы Кап-Кутан. Например, практически отмерло само понятие группы или команды как замкнутого постоянного коллектива. Возникло нечто типа ассоциации исследователей Кап-Кутана, в которой выделилось несколько исследовательских программ со своими лидерами. И только на стадии планирования каждой конкретной экспедиции формировалась команда — присоединялись те, кого устраивали сроки и ведущая программа. Часто вместе со своими более мелкими программами.

А главное — появилось достаточное понимание пещер, чтобы начиная с 1984 года они начали идти. И именно этот год я считаю годом рождения той специфической кап-кутанской спелеологии, которой в огромной части и посвящена эта книга.

СЛОВО О СЕПУЛЬКАХ

Сепульки — играющий значительную роль элемент цивилизации ардритов (см.) с планеты Интеропия (см.).

Станислав Лем

Продолжая фразу из эпитафии, заметим — а также спелеологов. Объяснить, что это такое, без предварительной подготовки не так просто, поэтому для начала поговорим о спелеологическом жаргоне в более общих чертах.

Естественным образом, как и всякая другая группа по интересам, спелеологи имеют свой собственный жаргон. Обойтись без его использования в данной книге невозможно, поэтому рассмотрим его хотя бы частично. Тем более, что по моему представлению, он весьма интересен и сам по себе.

Спелеологический жаргон, как и большинство других, имеет довольно много заимствований из морского, альпинистского, армейского и еще нескольких. Естественно, в творческой доработке. Кап-Кутанский жаргон является одним из вариантов эволюции базового спелеологического, причем преимущественно в сторону развития абстракций. Предметом нашей особой гордости является то, что некоторые (правда, немногочисленные) понятия перешли ту грань, за которой они являются не просто элементами языка, а скорее уже средствами объемлющего метаязыка. Собственно, это та же грань, которая разделяет

настоящий русский мат, являющимся метаязыком в полном смысле этого слова, и мат американский, представляющий собой просто набор слов со строго физиологическим смыслом. И — та грань, за которой о жаргоне нельзя говорить как о наборе специальных терминов, а скорее как о системе понятий, по необходимости порождающих термины.

Тем самым простой словарь терминов, типа приводимого во многих книгах про морские путешествия, занял бы весьма много места, а кроме того — совершенно не обеспечил бы понимания сути. Я попробую на примере всего нескольких понятий, вышедших на уровень метаязыка, изложить главные принципы формирования Кап-Кутанского жаргона, а те его элементы, которые не вошли в метаязык, оставшись просто техническими терминами — пояснять по тексту.

* * *

Наипростейшим понятием, с первого дня даже входящим в мироощущение любых участвующих в наших экспедициях иностранцев, является понятие плюшки. Исходно оно возникло в спелеогруппе Михаила Переладова еще до того, как они занялись Кап-Кутаном. Согласно их концепции тех времен, еда подразделяется на «базло» (то, что едят), «жизло» (то, что пьют), «грызло» (то, чем перекусывают на выходе) и «плюшки» (остальное). Первые три понятия отмерли, а четвертое развилось, и как! Еда в подземных экспедициях строго рассчитывается по энергетической ценности, весу, скорости приготовления, надежности хранения и прочим параметрам с не меньшей придирчивостью, чем в тяжелейших альпинистских экспедициях, а потому выверена по порциям и не всегда вкусна. Основное назначение еды только в поддержании функций организма, и не более. Но — без приятных мелочей, в том числе гастрономических, жизнь скучна, а спелеологи — люди веселые. Так что питания строго по раскладке просто не бывает. Любой же продукт, который можно съесть или выпить, но при этом не входящий в рассчитанную продуктовую раскладку, по определению является плюшкой. Например, кусок колбасы или бутылка пива.

Происхождение плюшек разнообразно. Так, по пути от Москвы до Туркмении (3 дня в поезде) весь состав экспедиции питается плюшками, взятыми из дому. На обратном пути — плюшками, купленными по дороге, а также оставшимися от расплющенных модулей. Что это такое? Очень просто. Продуктовые запасы, вместе с топливом, светом и кое-чем другим, упаковываются в специального назначения сепульки (см.) по норме 6 человеко-дней. Такая сепулька называется модулем жизнеобеспечения или просто модулем (см.). Обычно, по причине растяжения суточного цикла, какие-то из компонентов модуля остаются не съеденными. Как только основная часть закладки модуля заканчивается, остаток «расплюшивается», то есть объявляется плюшками. Целые оставшиеся модули либо базируются (см.), либо расплюшиваются в момент выхода из пещеры. Несъедобные элементы расплющенного модуля (например, свечи или топливо) также по аналогии считаются плюшечными, то есть сверхнормативными. Обобщая далее, получаем, что плюшкой является также любой запасной предмет. Например, плюшечные носки.

Плюшкам не чужд дуализм: несмотря на свое определение как предметов дополнительных и необязательных, они законным образом входят и в расчетную продовольственную раскладку. В росписи стандарта, что должно быть заложено в каждый модуль, имеется место для плюшки с допустимыми весовыми границами. В этом случае автор каждого конкретного модуля закладывает по своему усмотрению нечто, должное являться приятным сюрпризом для всех. Отсюда еще одна ипостась понятия плюшки — как приятного сюрприза. В частности, любой предмет или явление, обладающее более приятными свойствами, чем оно следует из его внешнего вида, плюшисто.

Следующим универсальным понятием является понятие базирования, у истоков которого стояли спелеологи группы Александра Морозова, исследовавшие пропасть Снежную на Кавказе. Эта группа вообще основала стиль неспортивной и неторопливой спелеологии, который (правда, с существенной адаптацией) и явился единственным

приемлемым для пещеры Кап-Кутан. Естественно, многие методы и традиции этой группы перекочевали к нам. Экспедиции в Снежную были регулярными и длительными, что с очевидностью привело к необходимости оставлять между экспедициями склады снаряжения и не съеденных модулей. Отсюда и взялся этот термин, и, как очень быстро выяснилось, он оказался не просто синонимом слова «заскладиловать», а вместил в себя гораздо более широкое и интересное понятие.

* * *

Термин «забазировать» в равной степени охватывает как складирование предметов, так и их потерю. А заодно — и преднамеренное выбрасывание. Очевидно, что заскладированные вещи не всегда находятся, а если и находятся, то далеко не всегда в пригодном к употреблению виде. Что менее очевидно, обратное тоже верно. Например, когда Чарли Сэлф первый раз участвовал в нашей экспедиции, он решил не поверить информации, что в Кап-Кутане жарко, и взял утепленный комбез.⁷ Собственно, в чем-то он был прав. Жарких пещер мало, а жара — понятие относительное. Чарли ранее дважды прислушивался к подобной информации о других пещерах, брал легкий комбез, и попадал впросак. На этот раз получилось наоборот. Даже в тонком хлопчатобумажном комбезе сепуление (см.) обходится человеку в пару литров пота, а тут подбитый мехом. Бедняга. К счастью, вечером зашел в гости Андрей Вятчин, экспедиция которого как раз завершалась, и рассказал в числе прочего о том, что забазировал на помойке свой начавший кончатся комбез. Естественно, мы его разбазировали. Вообще, с помойки очень часто приходится разбазировать предметы, попавшие туда как случайно (выносящий помойку взял не ту сепульку), так и преднамеренно (не хватило света, а севшие и забазированные батарейки, если их скрутить по десятку, еще денек поработают). С базированием «методом потерь» все еще проще. Под землей света маловато, все нужные предметы равномерно обмазаны грязью, и потому базируются с легкостью. Несмотря на все ухищрения к тому, чтобы каждый предмет был на виду. Все вещи как бы живут своей собственной жизнью, и базируются (разбазировываются) по своему усмотрению.

Способы базирования предметов плавно переходят друг в друга. Предмет, забазированный в лагере, запросто может разбазироваться на помойке. Самозабазированный предмет без зазрения совести может разбазироваться через год, а то и два, несмотря на тщательную приборку площадки лагеря. Причем в самом неожиданном месте, хотя чаще просто на складе. При генеральной уборке (после выноса лагеря) каждый участник процесса самостоятельно назначает место базирования любого найденного предмета — склад или помойка. Вне зависимости от того, понимает ли он, что это за предмет.

* * *

Вот и дошли до сепулек. Естественно, термин украден у Лема, причем, когда он впервые стал применяться в спелеосекции Московского энергетического института, то относился только к пионерским рюкзакам-колобкам, накопленным в качестве транспортных мешков к штурму пещеры Географическая на Кавказе.

В наше время сепулькой называется любой предмет, перемещаемый по пещере как отдельное место багажа. Спелеолог не может иметь на себе ни рюкзака (ни в одну щель не пролезет), ни сумки, ни даже чего-либо объемистого в карманах. На себе он имеет кроме

---

⁷ В той же идеологии, так как теоретически оптимальная одежда для лазания по пещерам есть специальной конструкции комбинезон, любая верхняя одежда, используемая в пещере, будь то свитер с джинсами или плавки, все равно будет комбезом.

одежды только налобник (головной свет),⁸ а все остальное, вплоть до сигарет, идет отдельными сепульками такого размера, который позволяет вписать их в любые узости, и такого веса, при котором их можно передавать друг другу одним пальцем (иначе в заклинивающих щелях сепуление невозможно).

Специально изготовленные сепульки, они же транспортные мешки в базовой спелеологической терминологии, представляют из себя цилиндрические мешки диаметром 15–20 см и длиной 50-100 см, изготовленные из прочной и скользкой непромокаемой ткани, снабженные несколькими ручками и лямками. Сепульку можно волочить за любой конец, нести за боковую ручку подобно чемодану, одевать через плечо или пристегивать к веревке. На подходах к пещере сепульки просто пристегиваются резинками от эспандера к раме с лямками от станкового рюкзака. Внутри сепулька обычно выстилается пенополиуретаном или поролоном для более мягкого взаимодействия с острыми выступами стен, и, в случае ожидаемой воды, комплектуется герметичным вкладышем. Существуют сепульки особого назначения. Маршрутная сепулька есть маленький мешочек для сигарет, компаса и запасного света, носимый на запястье или пристегнутым к поясу. Впрочем, на сложных участках он все равно передвигается отдельно. Стратегические сепульки предназначены для передвижения негабаритных грузов, например спальных мешков, и имеют увеличенный размер, а, так как свято место пусто не бывает, и значительный вес.

Особую роль играет Дед-Морозовская сепулька. Это — безразмерный мешок из парашютного капрона, находящийся при транспортировке лагеря изначально в кармане последнего в цепочке. По мере сепуления в нее собирается все, что вывалилось из карманов идущих впереди, или из порвавшихся сепулек, или было забазировано на перекурах. По завершении сепуления происходит раздача. До изобретения Дед-Морозовской сепульки любое длительное сепуление начиналось с одним числом сепулек, а заканчивалось с существенно большим. Отдельными сепульками доезжали запасные света, кружки, луковицы, мышеловки. Такая мелкотравчатость страшно затрудняла выяснение на каждом перекуре дежурного вопроса, не забазировалось ли чего по дороге. Подсчет количества сепулек на контрольных шлюзах только дезориентировал, ибо на каждом шлюзе оно увеличивалось. Ввод в эксплуатацию Дед-Морозовских сепулек изменил ситуацию качественно.

Понятно, что с вводом такого определения сепульки, процесс передвижения в случаях, отличных от тех, когда весь багаж как в турпоходе переносится на себе в одну ходку, автоматически стал называться сепулением. И сразу — термин разросся в самостоятельное понятие, приобретя три основных смысла и десяток помельче. Во-первых, сепулением стали называть выход с исключительной целью переноски груза (заброска или выемка подземного лагеря, или навесок, или склада подводной снаряги). Во-вторых, процесс переноски груза в несколько ходок. В-третьих, способ передвижения груза, связанный с передачей его по цепочке. Последний вариант с легкостью обобщается на многое, и просьба, скажем дать прикурить, обычно выражается в форме «сепульнуть спички». Все три основных значения легко распознаются по контексту, и никакой путаницы не возникает. Глубина и охват понятия о сепулении особенно полно ощущаются на засепуливании подземного лагеря — когда люди еще не акклиматизированы, багажа куча, а все до единой ипостаси, смыслы, и оттенки понятия сливаются воедино.

* * *

Пожалуй, я для примера детально опишу засепуливание подземного лагеря в зал Варан в пещере Кап-Кутан Главный, одно из самых тяжелых в стандартном ассортименте. Поезд

---

⁸ Всякий осветительный прибор называется просто светом — ручной фонарь, головной фонарь, свеча, спички и др.

прибывает в Чаршангу ночью. Часа четыре поспать обычно можно, но не больше. Поутру находится и арендуется грузовик, добрасывающий экспедицию практически до входа в пещеру. Сепульнуться от грузовика до входа занимает от силы полтора часа, поэтому к 10–11 часам утра мы уже у входа. Готовится завтрак, перепаковываются сепульки. Все, что не будет нужно на подземном лагере, упаковывается отдельно и готовится к базированию. Дать себе денек на акклиматизацию и отдых нельзя — силы еще есть, а после нормального сна их не будет пару дней. Расслабиться и начать акклиматизацию можно будет только на лагере.

Следующая фаза — до Большого Завала. Это легко и просто, а потому — это еще не совсем пещера, хотя и темно. Во-первых, пешком. Сепульки можно нести на станках, поэтому двух ходок обычно хватает. Во-вторых, сухо и прохладно. После того как самоцветчики пробрили в пещеру несколько штолен, в некоторых участках пещеры резко нарушился микроклимат, воздух стал суше и прохладней. Как здесь. Вместо нормальных 20–22 градусов — около 15, да и влажность не выше 30 %. Прямо курорт. Поэтому до привала на Большом Завале доходим практически не вспотев. Несмотря на то, что это около километра по пещере, причем с суммарным перепадом высот около ста метров. Большой Завал пока служит барьером для дальнейшего распространения нарушений микроклимата. Граница, в фольклоре называемая экватором, проходит метров на пять ниже перевала и чрезвычайно резка. Один шаг — и нормальные условия превратились в баню. Вот теперь мы в пещере.

С завала есть несколько ходов, наш — крайний левый, ведущий на нижние этажи системы. Найден он был чрезвычайно забавным образом. Как-то в 1981 году поехала в Кап-Кутан группа подмосковных катакомбных романтиков-алкоголиков, возглавляемая неким Рассоловым по кличке Аленушка. Прослышав о том, что главная галерея Кап-Кутана заканчивается в зале Медузы глиняной пробкой, взял Аленушка лопату, принял порцию, и отправился копать. Большой завал расположен в гигантском зале, не просвечиваемом совершенно. В любую сторону видны лежащие глыбы размером от метра до десятков метров и тропинки между ними, натопанные туристами. Короче, покрутился Аленушка вокруг глыб с полчаса, уперся в стенку, решил, что уже пришел в зал Медузы (до которого еще метров 600), и начал искать, где бы покопать. Некоторым людям везет. Он немедленно наткнулся на воронку, из которой, как ему показалось, тянуло ветерком, и копнул. Открылась щель, из которой и в самом деле дуло. Так было найдено одно из крупнейших и интереснейших продолжений пещеры.

От воронки начинается первый сепулькарий длиной 210 метров, называемый Сучьи Дети в честь первооткрывателей, заставивших своими действиями всех остальных спелеологов лазить по этому садистскому шкурнику. Сепулькарий по определению — транспортная тропа в узостях, где приходится строить передвижение весьма своеобразно. На каждом этапе весь состав экспедиции распределяется между очередной парой последовательных мест с объемом, достаточным для складирования всех сепулек. Если количественный состав группы позволяет, сепульки могут просто передаваться с рук на руки от накопителя до накопителя, но чаще каждому приходится обслуживать метров по пять сепулькария и мотаться эти пять метров туда-обратно с каждой сепулькой. Последнее особенно неприятно, так как сепулькарий Сучьи Дети славен своими шариками. Это такие гипсовые конкреции, имеющие размер и форму грецких орехов, чрезвычайно жесткие, и растущие только на полу в узких проходах. С точки зрения кристаллографии и эстетики они весьма интересны, но до изучения их достоинств руки не доходят. Потому что воздействие этих шариков на локти и колени совершенно поразительно. Не-спелеологу трудно понять глубокий образный смысл такого понятия, как зубная боль в коленках. И никакие наколенники не спасают. С помощью тех же шариков они будут на второй день просто оторваны вместе с соответствующими частями комбеза. Сепулек обычно бывает по 4–5 на человека, так что уже на четвертом — пятом шаге сепуления люди переключаются на автопилот и дальше практически перестают что-либо соображать. Все внимание уходит на

оборону своих локтей и коленей.

На сепулькаррии Сучьи Дети обычно устраивается от 11 до 16 шагов сепуления. На первом же есть каскад узких вертикальных колодцев глубиной около 15 метров. Нижний выкат каскада устроен так, что принимающему приходится таскать каждую сепульку метров восемь по очень неудобному лазу с острым продольным ребром на полу. Дабы не принимать на голову камни и сорвавшиеся сепульки. И это ползание вырубает его на пару часов полностью. Поэтому — он пропускает остальных вперед, и до конца сепулькаррия получает позицию Деда Мороза. Из последующих шагов сепуления — четыре с шариками. Причем длинных, и тем самым неудобных.

Ползая по шарикам, воспеваем славу красноярцам, разок просепулявшим лагерь на Баобаб. Красноярцы — совершенно особая порода спелеологов, с особыми традициями и особыми методами. Суровый народ. Одним словом, сибиряки. Одна из их особенностей — использование в качестве сепулек своеобразных алюминиевых ящиков восьмигранного сечения, так называемых першингов (по аналогии с американскими ракетами средней дальности). Впрочем, на гробы оно похоже несколько больше. Утверждается, что они немногим тяжелее обычных тканевых, а застревают меньше. Собственно, это их дело, но остальным тоже хорошо — после просепуливания красноярцев с першингами шарики значимо пообтесались и теперь достают уже меньше.

Часа через три выходим из сепулькаррия в зале МГРИ. Большой перекур. Здесь — развилка. Часть группы уйдет на лагерь в зале Баобаб, являющийся базовым для исследования Б-подвала и некоторых других продолжений. До него всего метров двести пешком. Поэтому часть этой команды, кто покрепче, помогут сепуляться нам, а остальные поставят лагерь. Количество груза уменьшается и за счет того, что часть модулей базируется здесь же на развилке. В первую очередь идут личные сепульки, снаряжение и дней на пять модулей. Остальные подтащатся в ходе экспедиции.

Следующий перегон — метров 200 несколькими ходками на полусогнутых. История этого участка пещеры тоже достойна пера. Северная стенка зала МГРИ несколько лет подряд считалась непроходимым завалом. Многие искали хотя бы копаемую щель, тратя на это кучу времени. Наконец, Олег Бартнев ее нашел: 150 метров удивительно костоломного прохода, во многих местах которого можно проползти только на выдохе, и — большой зал. Естественно, первая реакция — оттопографировать периметр зала. На чем Бартнев и свалился обратно в зал МГРИ. Пешком. По проходу, нигде не уже двадцати метров и нигде не ниже полутора. Просто в зале МГРИ этот проход расположен под потолком и замаскирован глыбами. Причем на той стенке, которая кажется не завальной, а сплошной. То есть — в том самом единственном месте, в котором его никто не искал по причине полной бессмысленности.

За концом пешей пробежки маленький (шагов на семь) сепулькаррий по завальному участку, не особо даже и узкому, но весьма костоломному. В самом хитром месте участка — маленьком очке⁹ в потолке коридора — разбираем пробку. Северный район пещеры, в котором предполагается работа, относится к числу немногих, чрезвычайно интересных как минералогически, так и эстетически, чрезвычайно хрупких, и потому подлежащих жесткой охране. Один из методов сохранения — маскирование прохода искусственным завалом и искажение карты этого участка, что здесь и применено.

Следующий перекур. Уже часов восемь как в пещере. Начинается самый занудный сепулькаррий через лабиринт Свинячьего Сыра. Сыр есть уже вполне научное определение весьма специфического по внешнему виду и способу образования типа лабиринта. С шанцевым инструментом, расширяя дыры, в нем можно ползти в любую сторону просто по

---

⁹ Совсем узкие места в пещере подразделяются на очки — короткие узости, в которые нужно только встаться, и уже там, и шкуродеры или шкурники — длинные узости, в которые нужно тискаться. Более сложные узости имеют и специфические названия — так, шкурник с мокрой глиной — уже не шкурник, а клизма.

азимуту. С каждой точки видно не менее пятнадцати таких дыр во все стороны. Вместе с тем маршрут приемлемой степени шкурности весьма извилист и длинен. Сепулькарий Свинячьего Сыра имеет длину около трехсот метров. Хороших накопителей мало, и почти нет мест, где можно присесть на перекур, а те, что есть — немедленно забиваются сепульками. Практически все привалы происходят в позе лежа. Единственное удовольствие в том, что каменистый пол кончается довольно скоро — на четвертом шаге сепуления. Дальше пол покрыт мягкой пылью, пролезающей куда угодно — даже в герметичные сепульки с фотоаппаратурой. Главное свойство, определившее название «Свинячий», уже не наблюдается. В начале северной эпопеи поверх пыли лежал тонкий слой окислов марганца — тонкого черного порошка. И все первопроходцы вылезали обратно совершеннейшими неграми, углекопами, или просто в по-свински грязном виде. Постепенно на главных тропах окислов марганца не осталось — стерли, и теперь досаждают только самое пыль. Хотя на входном участке приходится и просто тяжело. Первый шаг сепуления проходит по изломаннейшим лазам, в которых часть спелеологов вклинивается в совершенно непотребные щели в полу и пропускает сепульки над собой посредством шевеления свободного пальца руки, задницы и свободной ступни одной ноги. Для этого приходится основательнейшим образом вспоминать анатомию, каковые воспоминания автоматически облекаются в словесную форму и служат дополнительным поршнем для сепульки. После пропуска каждой стратегической сепульки приходится достаточно долго соскребать со стен налипшие матюги, чтобы не застряла следующая, а уже с ней пускать их в повторный оборот, надстроив дополнительный этаж.

Цепочка проушин, в которых все это происходит, является переломным участком, на котором открывается второе дыхание. Тех, у кого оно не открылось, базируем, чтобы не задерживали, оставив им спальники и один модуль. Завтра доползут. Впрочем, если кого-то и приходится базировать, то обычно женщин и детей, от которых толку и так уже мало — совсем выдохлись.

За проушинами идет серия «операционных столов». Это — весьма изощренное по своему садизму изобретение. Во вполне человеческом по габаритам проходе выпадает из потолка прямоугольный блок, полностью перегораживая основную струю. Разумеется, объем пространства остается тем же самым, но свойства оно пространства меняются резко. Вползая на операционный стол нужно через узкую ломающуюся щель с острым гребнем, и спускаться по ту сторону через такую же. Сепульки на гребнях застревают, если не подаются под строго определенным углом. В результате на обработку стола длиной в метр приходится ставить троих-четверых, причем двух верхних упаковывать воедино, головами в разные стороны, и расход сил все равно непропорционально велик.

За операционными столами начинается пыльная ползуха. Пройдя там с десяток раз, я не могу с уверенностью вспомнить, сколько там шагов сепуления. Возможно, двадцать, а возможно, сорок. Ни у кого не хватило настойчивости подсчитать. Сил уже нет, а второе дыхание только поддерживает волю к тому, чтобы дотащиться, но не более. Сепульку туда, сепульку сюда, передвинуться, повторить. Даже сочный мат к этому моменту уже утихает.

Понемногу пол под пузом твердеет, начиная перемалывать колени, но — потолок поднимается. Можно встать на четвереньки. Последняя щель. Ура! Зал Потусторонний. Привал. И настоящий. Не микроперекур на шестерых в объеме чемодана. Собственно, залом Потусторонний назвать трудно, но можно сесть и даже встать. Есть даже уголок, в котором можно в туалет сходить. Не занимаясь при этом акробатикой в позе лежа. До зала Варан остается метров сто пятьдесят. В позе от пешком до гусиным шагом. Всего с двумя одношаговыми сепулькариями. Взамен абсолютной задолбанности опять появляются эмоции. Пришли. Упали. Полчаса на отдых, потом двое с канистрами за водой, двое разворачивать кухню и потрошить первый модуль. Пока греется чай, организуются спальные места. Все остальные дела — завтра. Сепуление заняло часов восемнадцать, расход пота — литр по три с носа. Спать не хочется. Расслабуха не наступит, пока не скомпенсировать обезвоживание чаем и не снять стресс акклиматизационными ста граммами. Последнее не

распространяется на сопровождающих с лагеря Баобаб, иначе они не доползут домой. Они уйдут сразу после второго чайника.

Любопытное наблюдение. Мы категорически отрицаем спортивный подход к спелеологии. Тем не менее, как комментируют периодически попадающие в наши экспедиции спелеологи спортивного склада, сепуление типа Варанского по расходу энергии примерно равняется спортивному прохождению вертикальной пещеры класса ТЭП или Осенней на Кавказе (4-я спортивная категория из шести) единым выходом с навеской и выемкой снаряжения. Многие из спортсменов после подобных нагрузок лежат пластом. У нас же обычно в интервале между третьим и четвертым чайниками даже появляется желание сходить на часок в ближние красивые залы, поздороваться с пещерой и показать тем, кто в Кап-Кутане впервые.

* * *

Вот мы и добрались до подробного рассказа о том, что есть модуль жизнеобеспечения. Впервые это понятие было также введено ребятами из Снежной. Как я уже отмечал, модуль есть сепулька, набитая продуктами, светом и топливом на шесть человеко-дней. В него закладываются мясо сушеное или в консервах, крупы или картофельные хлопья, топленое масло, сухое молоко, яичный порошок, чай, кофе, спички, сухари или галеты, свечи, поливитамины, сухофрукты, консервы для сухих перекусов, сахар, гекса (сухое горючее), специи, изолента, запасные лампочки, плюшка. Каждый элемент закладки герметично запаивается в отдельный полиэтиленовый пакет. Нормы закладки приводить не буду, они более или менее стандартны и легко рассчитываются. Наши модули отличаются от модулей, используемых в Снежной, отсутствием сигарет и батареек, так как в своих экспедициях мы не стандартизуем, каким светом следует пользоваться (правда, запрещаем карбидные лампы), и тем более не вмешиваемся в то, кто что курит. Каждый из элементов закладки модуля имеет несколько вариантов, поэтому некоторое разнообразие в еде имеется. В дополнение к модулям, в комплекте кухни идут некоторые обязательные плюшки, например лимоны и свежий лук.

Модульная система имеет массу достоинств. Во-первых, отпадает такая фаза подготовки экспедиции как централизованная заготовка продуктов. Каждый участник экспедиции сам комплектует модули по расчету срока своего планируемого пребывания в пещере. Тем самым не возникает никаких проблем с иногородними участниками, а также в случаях, когда за день до выезда обнаруживаются изменения в составе. Модули дозированы. Если пошло большое продолжение и возникла потребность бросить туда штурмовой лагерь, сборы происходят мгновенно — взяли спальники, модуль, и — вперед. И не надо волноваться о возможно забытом чае. Даже кухню делить не обязательно — гекса¹⁰ горит и в очаге из трех камней, а приготовить еду на двух человек можно и в миске. Модули хранимы. Несъеденный модуль можно забазировать до следующей экспедиции (приняв меры против мышей).

Естественно, проблемы с модулями тоже бывают. В незабываемой экспедиции 1985 года, славной самыми нетривиальными приключениями, участвовал обычно ездящий в Вятчинской команде Сэм (Саша Макаренков). При перепакровке багажа перед сепулением мы вдруг обратили внимание на кучкующиеся около Сэма странного вида предметы. Громадные сепульки квадратного сечения без единой петли, лямки или ручки. Веса совершенно несусветного. То есть, если продолжить аналогии с ракетами, то даже не стратегические, а класса «Энергии». Килограмм по сорок пять каждая.

— Сэм, это что?

---

¹⁰ В официальной терминологии — сухое горючее, или сухой спирт, или, химически, гексо-что-то-на-несколько-строк, откуда и пошел термин.

— Как что? Модули.

— ....?

И тут Сэм начал объяснять, что там внутри. И это была песня...

Собственно, в студенческие времена, когда мы еще только начинали заниматься спелеологией вместе с Вятчиным и Сэмом, мы знали, что если едет Сэм, еды брать не нужно — продовольствия, которого насует ему матушка, хватит на всех с трехкратным запасом. Приглашая Сэма в этот раз, я и представить себе не мог, что в его тридцати-с-гаком-летнем возрасте ему все еще собирает продукты матушка, причем по прежней методике. Теперь это создало проблему, ибо сепулять все это безобразие даже на Баобаб было абсолютно невозможно. Немедленно расплюшивать тоже как-то не хотелось. Пришлось забазировать на Большом Завале с тем, чтобы расплюшивать по ходу, а также на обратной дороге, а лагерь на Баобабе решили сократить на пару дней. Но досепулять такой груз даже до Большого Завала было проблемой.

— Сэм, а где у них ручки?

— Так это же Вятчинские сепульки. А у него новая идея. Состоящая в том, что гидромелиоративная ткань — совсем дерьмо, и сепульки надо шить из гораздо более дорогой ткани БЦК. По прочности и склизкости она существенно лучше, но — ползет на швах. Поэтому у него сейчас запрещено делать любые ручки. Набитая сепулька просто обвязывается стропой и пристегивается карабином к веревке.

Та-ак. Вятчинские идеи всегда очень и очень интересны. Самохваты¹¹ для лазания по веревке делаются из жести, которую можно порвать руками (зато легкие). Продуктовая раскладка — из кильки, халвы и ничего больше (зато максимум калорий одновременно на рубль и на килограмм). Кумачовые сепульки, пошитые из найденных в полузаброшенном красном уголке флагов, и расплзшиеся на запчасти еще до спуска в пещеру. Теперь сепульки без ручек. В вертикальной пещере их еще можно, конечно, таскать. Когда не в руках. И когда ползать не нужно. И, естественно, когда в них набито не более чем по десять килограмм. Но не по сорок пять. Ладно, в этот раз Сэм дотащил их до точки базирования сам. В следующий лично учиню ему перед выездом проверку.

Естественно, модулями не обошлось — Сэмовские личные сепульки были им под стать. Например, полутораспальный верблюжий спальник в пуд весом и не пролезающий ни в один шкурник. И тоже без ручки. Но с этим уже можно было примириться. Две кухонных сепульки были в этой же весовой категории. В них по традиции закладывается шанцевый инструмент, а его в этой экспедиции было много.

К счастью, подобные накладки при сепулении возникают настолько редко, что их можно даже рассматривать как украшающие жизнь приключения.

* * *

Не менее славная экспедиция 1986 года известна, в частности, замечательным технологическим прорывом в технике сепуления — первой попыткой благоустройства сепулькариев. И — замечательными событиями, сопровождавшими эту попытку.

Крайнее южное продолжение, лабиринт Б-подвала, дорос до такого размера, когда без заброски в него лагеря шансов эффективно работать уже не было. А лагерь в Б-подвале — это серьезно. Сейчас название «Б» обычно трактуют как производное от слова «большой», имея при этом в виду, что это самый большой по площади из шкурных лабиринтов. На самом деле название было дано при первопрохождении, когда лабиринт еще даже не просматривался, а был только длинный гнусный лаз, и буква «Б» относилась именно к нему,

---

¹¹ Большая часть пещер вертикальны, поэтому лазание по веревкам или тросам (реже тросовым лестницам) — чрезвычайно важный элемент спелеологии. Вопреки распространенному заблуждению, руками за веревку или трос держаться абсолютно невозможно. Для крепления человека к веревке существуют различные приспособления. Одним и важнейших являются самохваты.

означая отнюдь не «большой».

Вот именно этот полукилометровый лаз теперь и предстояло сделать сепулькарием. Вообще-то, за исключением нескольких участков с проушинами, операционными столами и щелями, Б-подвал отнюдь не узок и не низок. Почти на всем его протяжении можно было бы вполне идти на карачках или гусиным шагом, если бы не рога и копыта, торчащие из стен, пола и потолка, и заполняющие пространство с такой густотой, что приходится все время впритирку вписываться между ними.

Рога и копыта — фольклорный термин, относящийся отнюдь не к натекам, а к формам растворения известняка — когда от скалы остаются странной формы ветвящиеся выступы длиной до пары метров. Суть здесь примерно та же, что и в многократно воспетых «перьях» обводненных вертикальных пещер, но форма, равно как и восприятие — совершенно другие. Перья учиняют гадости снаряжению, рога и копыта — самому спелеологу. Перья растут вокруг объема — рога и копыта в нем самом. В Б-подвале рога и копыта встречаются двух разновидностей. Менее распространенная — в зонах серной коррозии, и там, чтобы их сбить, достаточно удара кулаком. Более распространенная — в остальной части лабиринта, где копыто в метр длиной и в руку толщиной даже при ударе трехкилограммовой кувалдой отнюдь не отламывается, а издает громкий и чистый колокольный звон.

Экспедиция была длинная и со сменой состава. В частности, в середине срока с лагеря на Баобабе смылся идейный главарь Миша Переладов, а вместо него появился Степа Оревков. Группа на этом лагере вообще-то была слабоватая, а фронт очевидных действий к моменту смены состава закончился. Дальше надо было не топосъемить, и даже не копать, а придумывать и искать, где копать, словом, всю шевелить мозгами. В группе из Степы, Меркса, Сэма и двух Лен — эффективные действия могла предпринять одна двойка или тройка, возглавляемая Степой — единственным человеком в составе, хорошо понимающим пещеру. Остальные повисали в воздухе.

Степа способен на нетривиальные решения, что он продемонстрировал и на этот раз с присущим ему блеском. На следующий же день после его приезда обе дамы получили по пятикилограммовой кувалде и задание благоустраивать сепулькарий в Б-подвал. Собственно, эффекта от такой работы не предполагалось — просто обе дамы от нечего делать настолько взвыли от скуки, что начали активно мешать Степе думать. Мероприятие преимущественно было задумано как отвлекающий маневр, ну а если вдруг будет хоть какой-нибудь результат — лишним не окажется. Разве мог Степа предвидеть, что энергии и воли к победе в двух Ленах окажется не меньше, чем в остальном составе группы вместе взятом. За один (!) пятнадцатичасовой выход был проложен вполне благоустроенный сепулькарий на все пятьсот метров, и боевой дух на этом не иссяк. До сих пор идут споры, была ли это маленькая месть Степе, или просто инерция, но вернувшиеся в лагерь дамы продолжали махать кувалдами, пока не разнесли в мелкую щебенку ими же любовно сложенный из каменных плит обеденный стол с табуретками.

НЕЕВКЛИДОВА ТОПОГРАФИЯ

Встречаются два спелеолога в шкурнике.

— У тебя что?

— Тупик, а у тебя?

— Тоже тупик.

Бородатый анекдот.

Следующим по важности занятием спелеологов после сепуления является топографическая съемка (картирование) пещеры. Необходимая хотя бы для того, чтобы не заблудиться самим. К тому же без хорошей карты абсолютно невозможно понимание каких бы то ни было закономерностей ее устройства пещеры, а без этого понимания невозможны ни научные выводы, ни поиск новых продолжений. Собственно, грань между спелеологом и туристом, слоняющимся по пещере, определяется не наличием у индивидуума научных

интересов, связанных с пещерой, а желаем топосъемить ход, отсутствующий на карте. Словом, тем, есть ли у него азарт землепроходца и навыки к переводу этого азарта в практическую плоскость. Топосъемка — альфа и омега спелеологии, и только хорошие топографы могут сделать значимые открытия. Крымские спелеологи еще в пятидесятых годах сформулировали принцип «есть карта и описание — есть пещера, нет карты и описания — нет пещеры».

Картирование пещер — штука в принципе хитрая. Залы и галереи расположены на многих уровнях и имеют самую причудливую форму. Методы и стандарты обычной поверхностной топографии здесь не годятся совсем. Методы и стандарты маркшейдерской съемки, применяемой в шахтах и штольнях, более подходят, но они все равно ориентированы на работу с объектами, устроенными на несколько порядков проще, чем обычная пещера, не говоря уж о таком топографическом безобразии, как Кап-Кутан. Кроме того, профессиональные топографические методики и инструментарий, обеспечивая существенно более высокую степень точности, чем нам в реальности нужна (вспомним древние традиции на предмет того, что маркшейдер, у которого не сошлись встречные туннели, обязан застрелиться), требуют такого расхода времени, который плохо совместим с понятиями об отдыхе. В реальности нам нужна точность порядка десятка метров, позволяющая судить о геологических закономерностях, а также о шансах соединения разных частей пещеры. Все, что сверх этого — от лукавого. Оно может потребоваться разве что при реализации проекта туристического оборудования пещеры с прокладкой рельсов и туннелей, а там профессиональная переувязка и так будет сделана. На поиске приложимого к конкретной ситуации компромисса между точностью и затратами времени и основывается методология подземной топографии.

В спелеологии имеется несколько общепринятых методик топосъемки, которым обучают всех начинающих спелеологов. Но эти методики ориентированы на пещеры существенно более простой геометрии, как, например, вертикальные слаборазветвленные пещеры Кавказа или сеточные лабиринты щелевых ходов пещер Подолии. Каждая крупная и нетривиально устроенная пещерная система требует собственной методики топосъемки и отрисовки карт, зависящей как от устройства пещер системы, так и от целей группы, занимающейся системой. Так, в большинстве активных (обводненных) пещер гидрогеология системы понятна, а если нет, то может быть установлена с помощью прокрашивания водотоков мощными и безвредными органическими красителями типа флуоресцеина или фуксина. При исследовании сухих лабиринтов первоочередной задачей становится восстановление устройства гидросети, и это налагает гораздо более жесткие требования к качеству съемки, особенно вертикальной. А вот в случае, скажем, исследования новых карстовых шахт на русле известной системы типа Назаровская-Осенняя на Кавказе, все задачи съемки сводятся к установлению того, на какой приток главной подземной реки ожидается выход этой шахты, а также к составлению спортивно-технического описания типа списка длины концов, необходимых для навески в каждом колодце.

Индивидуальная методика съемки и отрисовки какой-либо крупной системы в свою очередь имеет варианты. В условиях спелеологии как любительского занятия какие бы то ни было жесткие требования и стандарты просто невозможны. Каждая группа из действующих, скажем, в Кап-Кутане, имеет свой индивидуальный стиль в топографии. Взаимодействие групп позволяет выделять некоторый базовый набор методик и требований, а все дальнейшее зависит от интересов группы. В моей команде и в группе из Балашихи упор идет на геологические интересы, что предопределяет более тщательную отрисовку стен с максимальным отображением линеаментов (прямолинейных участков стен, прямолинейных русел и др.), трассирующих геологические структуры. В Вятчинской команде своеобразно спортивный подход — им важно с максимальной скоростью натопосъемить как можно больше метража ходов. Естественно, при этом ценность результирующей карты очень точно соответствует допустимому минимуму. Красноярцы же — совсем спортивные, даже те из них, кто хоть что-то делают. Их интересуют только дальние прорывы за периметр. Поэтому

методичной съемки у них просто не бывает и все их участки приходится переделывать.

* * *

Основной прибор для съемки — обычный горный компас из арсенала геологов. От туристического компаса он отличается вывернутой наизнанку шкалой (чтобы азимут можно было сразу читать по концу стрелки, не крутя никаких лимбов), наличием эклиметра (отвеса для замера вертикальных углов), и совершенно не соответствующей истине поговоркой, что его следует держать «нордом в морду». То есть, для снятия элементов залегания пород¹² оно, конечно, так, но отнюдь не для топографической съемки. Иногда к компасу привинчивается раскладная ручка-указка. В условиях, когда приходится брать замер повиснув в щели вниз головой, физически невозможно хорошо прицелиться компасом от глаза, и точность замера получается 5 градусов. С указкой в качестве прицела точность существенно возрастает (до 2 градусов).

В паре с компасом идет мерная лента. Чаще всего это пластиковая 10-20-метровая рулетка, но иногда и самоделка из провода с узелками или какой-нибудь не размокающей и не растягивающейся ленты. Металлические мерные ленты не применяются, так как на них из-за ржавчины и грязи надписи очень быстро перестают читаться, а скоблить ленту ножом на каждом пикете — уж больно занудное занятие. Отсчеты берутся до 5 сантиметров.

Самодельные мерные ленты после экспедиции 1983 года в пещеру Ходжаанкамар получили абсолютно неприличное наименование, немедленно и прочно вошедшее в фольклор. Сепулька с рулетками в той экспедиции забазировалась по дороге, и пришлось изобретать замену на месте. За неимением нормального эталона длины пришлось изготовить некий абстрактный, и разметить ленты по нему. С тем, чтобы по приезду домой измерить его и пересчитать все съемки. Вполне очевидно, что сия импровизированная единица длины получила рабочее название 1 хуй (как позже выяснилось, равный 52.3 см), а самодельные мерные ленты стали хуеметрами. Так они называются и поныне.

В двойке, проводящей съемку, обязанности распределяются так. Идущий впереди разведывает проход и ставит на характерной точке (с которой оказываются в прямой видимости боковые ходы, или углы зала, или другие важные элементы) пикет. Обычно это маленький листок бумаги с серией, номером и стрелкой, которая должна быть сориентирована на предыдущий пикет. По команде напарника он кладет на пикет свой основной свет, или ставит свечу (для облегчения прицеливания компасом). Кроме того, у него находится свободный конец рулетки или хуеметра, и, опять же по команде напарника, он ее вытягивает и диктует отсчет расстояния. На ответственных участках у него может быть второй компас, и тогда он берет по нему и диктует обратный контрольно-уточняющий отсчет направления.

Основное требование к идущему первым состоит в том, чтобы не врать второму о наличии или отсутствии стены перед носом. Какие-то ошибки здесь будут всегда — слишком уж сложно устроена пещера. Но в то же время ошибки должны быть сбалансированы. Боковой ход, нанесенный на карту в том месте, где его нет, далеко не так вредоносен, как тупик или стенка, нарисованные там, где есть ход. При малейшем сомнении (например, лень осмотреть все ниши в стене или не пролезается в щель, конца которой не видно) нужно отмечать, что есть ход. Это не только вопрос планирования следующих экспедиций (лезть ли еще раз), но и вопрос безопасности. Никогда нельзя забывать о том, что у кого-нибудь могут попросту отказать оба света, а планирование и проведение поисково-спасательных работ в Кап-Кутане — и так задача высшей сложности. Возможно, даже нерешаемая. Во всяком случае, поиск заблудившихся в Никитской катакомбе в

---

¹² В геологии при описании любого пласта или жилы принято указывать его ориентацию в пространстве, задаваемую азимутом простирания, азимутом падения, и углом падения, для замера которых, собственно, и создан горный компас.

Подмосковье, дыре, вполне сравнимой с Кап-Кутаном по мерзостности лабиринтов, но плоской, а не трехмерной, не имеющей гигантских залов, под глыбами в которых миллионы закутков, и имеющей протяженность 5 км против 60, занимает обычно сутки у команды из 15 человек. Причем был случай, когда бедняга уже помер и не мог откликнуться, а потому был найден только с третьего прочеса. Я в течение пяти лет руководил подмосковными спасаловками, и всегда со страхом думаю, что же будет, когда кто-либо всерьез заблудится в дальних сырах Кап-Кутана. Пока Бог миловал. Но если это произойдет, шансы на спасение будут порядка одного к двадцати. Это если на карте не будет понарисовано лишних стен. Если будут — шансы упадут резко. Естественно, ничего идеального в природе не бывает. Как гласит один из законов Паркинсона, прибор, который может сломаться, ломается обязательно, а прибор, который не может сломаться, ломается все равно. Скорее всего, на карте Кап-Кутана есть не менее сотни «лишних» стенок, причем в самых неожиданных местах. Если кто-то из спелеологов начинает хвастаться тем, что стенку рисует только там, куда можно досунуть руку и потому его карты хороши, то он просто врет. Всегда есть сотни щелей, совать руку в которые не хочется, да и времени такого нет. Непроверенные дыры будут всегда, и количество их на карте — вопрос интуиции и понимания пещеры первым в двойке.

Ладно, если ситуация действительно нетривиальна. Менее понимаемо, когда стены рисуют там, где их нет и в помине. Пару таких примеров я приводил в главе о сепульках, но коронный приберег на сейчас. Пещера Промежуточная. На первопрохождении, в 1977 году, нас первым делом понесло на юг. В 300 метрах от входа, сразу в конце Пустынного Зала, мы совершенно автоматически попали в гигантский лабиринт обмазанных мокрой глиной ходов, причем отнюдь не узких. Нам там не понравилось, даже снимать не стали, окрестили Канализацией, вернулись на развилку и занялись северной частью, оказавшейся гораздо интереснее. До 1985 года юг Промежуточной никто не трогал — так руки и не дошли, а в 1985 тронули. Причем Вятчин. Который, несмотря на массу странных идей, является одним из лучших спелеотопографов страны. С изумительным чувством направления и великолепным пониманием пещеры. Его две экспедиции 1985 года принесли массу новых участков. Но на юге ходов не оказалось. Вообще. У зала Пустынного южная стенка оказалась глухой. Вятчин, зная мою строгость подхода к информации, понимал, что если я там был, то ход есть. Стенка прочесывалась по периметру трижды. Ни единой щели. Вынесли вердикт, что, наверное, после какого-либо паводка проход перекрыло глиной. В 1987 году проход нашелся. Гришей Пряхиным из Самарканда. Шириной пятнадцать метров и высотой метр. Не где-либо наверху. У зала в этой части ровно выстеленный глиной пол и плоский понижающийся потолок. К проходу вело выраженное русло. Пропустить его было ну просто нельзя. Мы с Вятчиным потом долго пытались понять, что произошло, но так ничего и не поняли. Прямо какая-то свертка пространства получается. Имеется целая коллекция подобных продолжений, кем-то по разу пройденных, а потом потерянных. Большинство из них так по второму разу и не найдено, как, например, вариант Лившица в самом центре Кап-Кутана Главного, совсем рядом с сепулькарием Сучьи Дети. Были мы там втроем — я, Саша Лившиц и моя нынешняя жена Наташа. Делали, в частности, топосъемку, но технология с планшетами, позволяющая оперативный контроль съемки, тогда еще не была разработана — карта отстраивалась только после возвращения. Саша через пару лет погиб, так и не попав туда вторично, моя жена больше в пещеру не ездила, а у меня руки так и не дошли, хотя продолжение было интересным и красивым. Топосъемка не проявилась. Согласно Сашиним замерам (он был на компасе) мы вообще никуда не ходили, а завилились в шесть оборотов вокруг исходной точки, не удаляясь от нее более пяти метров. Видимо, что-то было с компасом. С тех пор я трижды посылал разные группы найти это продолжение. Они вылизали каждую возможную щель и не нашли ни наших следов, ни наших пикетов. И вообще ничего похожего на хоть какое-то продолжение. Так что принцип крымчан «нет и пещеры» — весьма актуален.

Второй в топосъемочной группе помещает нуль рулетки на предыдущий пикет, дает команду на отсчеты, замеряет азимут и угол превышения на новый пикет, и записывает результаты. Здесь уже проявляется первая особенность нашего стиля. В простых пещерах замеры безо всяких затей записываются в журнал типа блокнота, снабжаются данными о расстоянии до правой стенки, до левой стенки, о высоте хода, и о развилках. У нас, особенно в сырах, развилки сколько угодно на каждом пикете, причем сколько именно — это еще вопрос, а расстояние до стенки есть весьма условное понятие, зависящее от того, считать ли, скажем, рога и копыта стенкой. Информативность же простой записи полностью теряется, если в графе б/х (боковые ходы) появляется запись типа «вправо — 2, влево — д/х (до хрена)». Во избежание такого, мы скорее проводим упрощенный вариант мензальной съемки, чем просто провеску ходов. В комплекте второго отдельной сепулькой идет школьная чертежная доска. На приколотой к ней миллиметровке справа записывается таблица замеров, а слева — чертится обстановка, причем не просто абрисом. Как только обстановка становится неоднозначной, доска размещается на очередном пикете и ориентируется по компасу. Далее с помощью лежащего на доске компаса замеряются азимуты на все характерные точки окрестности (расстояния достаточно брать «на глаз», с точностью до полуметра). Тут же, используя боковую сторону компаса с линейкой, эти характерные точки со всеми их взаимоотношениями можно отрисовать в масштабе и тут же снабдить (на нарисованных стрелочках) цифровой и описательной информацией. Если зал плохо просматривается, идущему первым приходится обходить его по периметру, давая свет с каждой характерной точки. Таким образом, по ходу съемки получается уже почти карта, рисовка которой, хоть и носит печать субъективности, достаточно хороша. Конечно, карта будет перерисована еще минимум раз, а скорее дважды. Обычно большинство отдельно снимаемых участков либо заклиниваются на себя, либо стыкуются с соседними участками. При каждой стыковке нужен разгон ошибок, который даже на лагере возможен только вчерне. По возвращении выполняется общий разгон ошибок, который, учитывая большую сложность лабиринта, вручную невозможен вообще и выполняется на компьютерах.

У второго в двойке роль несколько более сложна и ответственна, чем у первого. Нужно постоянно следить за работой компаса, который выходит из строя с той же частотой, что и все остальное снаряжение, причем с самыми плачевными последствиями, как в вышеприведенном эпизоде с Лившицем. Фактически, при каждом замере следует удостовериться, что стрелка не застрекает, шкала не свернулась и провод от налобника вместе со своим магнитным полем находится достаточно далеко. Кроме того, требуется бездна пространственного воображения, чтобы изобразить окружающую обстановку. Как я уже отмечал, рисуемая карта не есть нечто точное, а скорее модель участка пещеры, причем модель в субъективном видении того, кто на компасе. Десять спелеологов на одном и том же участке нарисуют восемь разных карт, из которых четыре будут вполне правомерны, несмотря на весьма слабое сходство между собой. Еще четыре будут чушью, а еще двое спелеологов просто честно откажутся рисовать, понимая, что их воображения на это не хватает. Как, например, регулярный участник наших экспедиций Володя Шандер, прекрасный спелеолог во всех отношениях и далеко не глупый человек. Просто не всем дано.

Использование чертежных досок (похоже, впервые введенное И. В. Чернышом) оказалось гениальным изобретением сразу с нескольких позиций. Кроме уже описанного использования в качестве импровизированной мензулы, доска отчасти заменяет прицельную антенну для компаса. У доски есть бортик, к которому край компаса можно прижать, и прицелом становится вся боковая планка доски. При ее длине 34 сантиметра это уже обеспечивает вполне приемлемую точность. Более того, у доски внутри есть пространство для карандашей, в котором они не ломаются, в отличие от кармана или сепульки. Туда же можно положить транспортир, точилку, запас миллиметровки, запасные колоды пикетов и кучу других нужных предметов. И все это останется чистым и целым. Наконец, имея доску,

миллиметровку, ластик, угольник и транспортир, можно на ежечасном перекуре отстроить вторую версию карты пройденного. Это лучше, чем заниматься тем же вечером на лагере — если возникли сомнения, можно вернуться и повторить замер. Заодно и возвращаться по готовой карте гораздо сподручнее, чем по стрелочкам на пикетах.

Перекуры при топосъемке используются и для второй «побочной» цели. Понятно, что пикеты желательнее будет потом убрать, чтобы не засорять пещеру, хотя если и не убирать — они сами сгниют. Съёмку же нужно будет продолжать, причем не обязательно с периметра. Новое продолжение может пойти с любой точки. Поэтому на ключевых перекрестках устанавливаются постоянные топографические маркеры — алюминиевые или плексигласовые бирки с номером, прибитые дюбелем к стене или потолку. Для лучшей видимости под бирку иногда подкладывается лист фольги. Совершенно естественно, что спелеологи останавливаются для отрисовки очередного участка либо в зале, либо на крупном перекрестке (чтобы освежить понимание окрестности, да и поудобнее разложить все необходимые принадлежности). В это время свободный напарник и устанавливает бирку, дублируя ею один из пикетов. К настоящему моменту в системе установлено около трехсот бирок.

Правда с бирками мы слегка промахнулись. В некоторых участках пещеры скорость образования серной кислоты на стенах оказалась достаточной, чтобы кислота добралась до алюминиевых бирок и съела их полностью. Нужно было, конечно, использовать только плексигласовый или полиэтиленовый варианты — это чуть ли не единственные материалы, не подверженные разрушающему воздействию воздуха пещеры.

Если топосъемка идет в сырах, тройка бывает практичнее двойки, хотя и неуклюжее. Объем разведки тут больше, а еще приходится махать кувалдой или лопатой, которые опять же и тащить кому-то надо. Выбор разведчика-копателя даже более важен, чем съемщиков. Умение вовремя вернуться, не задержав остальных и не потерявшись самому — редкое умение.

* * *

Второе главное отличие от общепринятых для других пещер методов топосъемки заключается в работе с высотами (глубинами). Замеры вертикальных углов, проводимые компасом, при имеющейся точности и пляске нитки хода вверх-вниз на каждом пикете, позволяют использовать их только для коррекции длин — для высот накапливаются чудовищные ошибки. Замеры, как это принято в вертикальных пещерах, по навескам, тем более невозможны за отсутствием навесок. А мощные глыбовые и глинистые отложения на полу, осложненные вторично смоделированным рельефом, все равно делают абсолютно бессмысленным расчет высотной отметки каждого пикета. Для понимания пещеры вполне достаточно иметь высотные промеры по десятку ключевых галерей, причем, учитывая возможную пристыковку к соседним пещерам, точность должна быть высока. Из всего этого списка соображений оказался ровно один логичный вывод — съемку высот не следует совмещать с картированием, а следует проводить отдельными группами, на отдельных выходах, возможно, привязывая ее к отдельной системе пикетов (естественно, с опорой на уже установленные бирки), и при этом использовать более точный прибор — например, гидронивелир.

Гидронивелир — прибор, малоизвестный в обычной топографии, хотя простой до безобразия и очень надежный. Это — прозрачный пластиковый шланг, длиной несколько десятков метров, заполненный без пузырей водой, и имеющий на одном конце высокоточный манометр. К манометру приделано опорное приспособление, посредством которого его можно с большой точностью установить на стандартной высоте над пикетом. На свободном конце шланга никакого указателя не нужно — совмещение производится непосредственно по уровню воды в шланге. Естественно, манометр всегда ставится на нижней точке. Таким прибором можно измерить с точностью 2 сантиметра превышение на

расстоянии 20–40 метров, при этом не тратя времени на визирование, и не заботясь о том, какими зигзагами выложится шланг. Единственное неудобство заключается в том, что манометр нужной точности обычно величиной с кастрюлю и боится ударов.

* * *

Массу проблем вызывает сбивка карт разных участков, и особенно соседних пещер, выполненных разными группами. Качество съемки и принципы рисовки совершенно различны. А использовать информацию приходится по максимуму, так как трата лишнего времени на пересъемку опять же противоречит понятию об отдыхе, хотя иногда и приходится этим заниматься.

В особом ряду всегда стоит сбивка с материалами самоцветчиков, оставшимися со времени разработки пещер на мраморный оникс. С одной стороны, главные галереи провешены маркшейдерской съемкой с теоретически бешеной степенью точности, которую жалко терять. С другой стороны, места стоянки прибора (теодолита) на картах не отмечены, а рисовка стен настолько безобразна, что понять логику обстановки, равно как и ход их мыслей, обычно просто невозможно.

Дополнительную прелесть увязке с этими картами придает и то, что некоторые их участки, несмотря на точность замеров, содержат весьма существенные ошибки, подоплека образования коих очень любопытна. Маркшейдерская съемка на маленьких и сложных месторождениях, на которых сбивка соседних штолен не важна, имеет свои особенности. Работа без на них неровна, а рабочим платят сдельно по кубометрам. И горный мастер прямо-таки обязан голову на плаху положить, но объем проходки на маркшейдерской съемке обеспечить. Дабы рабочим заплатить как следует. То есть — подмухлевать. Это не совсем то, что называлось приписками. По существовавшим расценкам, ориентированным на поточную организацию проходки, штучные расчистки, а только они и нужны на мелких месторождениях, не обеспечивали даже минимума зарплаты. Так что хочешь не хочешь, а рисуй и пиши лишнее. И делается это чаще всего так. Горный мастер вызывается в добровольцы помогать маркшейдеру — держать ему конец рулетки. Два или три оборота ленты на кулак, и порядок. Расчистка на полметра длиннее. Это входит в совершенный автоматизм, и человек, поработавший в те времена горным мастером на подобном месторождении, просто не задумываясь мотает рулетку на кулак, только ощутив ее в руке. Сильно подозреваю, что некоторые участки самоцветской съемки пещер выполнены именно в этой манере. В соответствии со всем этим, обсуждение, какому участку карты верить, а какому нет, весьма забавно.

Со «своими» съемками проблем по увязке не меньше. Даже если абстрагироваться от типичной ситуации, когда шкала на компасе в разгар съемок свернулась градусов на пятьдесят и этого никто не заметил. Впрочем, с такими вещами бороться просто. Бывают случаи существенно интереснее...

Большую часть пещеры Промежуточная, второй по размеру пещеры в системе, снимали Вятчинские экспедиции 1985 года. Качество съемки было великолепным. Была построена масса геологических гипотез, почему центральная часть этой пещеры имеет направления сетки основных ходов, совершенно отличные от остальных.

В 1990 году разгадка нашлась. Мы работали в верхней части Кап-Кутана Главного и, наконец, дозрели до пересъемки центрального лабиринта, дожившего до этого времени в самоцветском варианте. Было устроено в некотором роде соревнование. Вятчин, как бесспорно лучший съемщик страны, взял на себя западный периметр, Питер Бостед — один из лучших съемщиков США — восточный. С тем, чтобы остальные независимым взглядом оценили скорость съемки и качество рисовки. И по скорости, и по убедительности отрисовки мелких деталей, на мой взгляд, Вятчин победил. С чем его и поздравили. Бы. Если бы сообща занялись проверкой и сравнением. Которым не занялись по причине развернувшегося зрелища: Андрей с Питером стали разбираться, из каких это соображений

их замкнутые друг на друга съемки в отрисованном состоянии разошлись на совершенно неприличную величину. За час перебрали и отвергли десятки вариантов. После чего кто-то случайно нашел истинную причину. В том, что Вятчин перед выходом самолично проверил откалиброванный мной компас (я ежедневно проверяю все компаса в группе, и он тоже), и свернул его на 9 градусов! Оказывается, всю свою сознательную жизнь он устанавливал магнитное склонение в обратную сторону. На чем и провернулась на те же 9 градусов вся его съемка Промежуточной, кроме тех участков, которые делал Степа Оревков, также имеющий привычку вне зависимости от того, что ему говорят, самолично проверять перед каждым выходом снаряжение. Остальные члены Вятчинских экспедиций, к сожалению, такой привычки не имели. В результате пришлось переувязывать всю Промежуточную, так как просто разворачивать карту было поздно — на Вятчинской съемке уже висел ряд примочек с разогнанными ошибками.

* * *

Самая же замечательная история из серии увязок возникла со «сверткой пространства» вокруг Шиштебе. Шиштебе (или Шашдепе, на государственных топопланшетах транслитерация названий на русский тоже имеет варианты) — это самый примечательный пригорок на территории, занятой пещерами системы Кап-Кутан. Первый вариант используется спелеологами чаще. Как из-за соответствия формы — горка действительно похожа на кукиш, к тому же снабженный триангуляционной вышкой на большом пальце — так и из-за соответствия содержания, пример чего я сейчас и приведу.

Как-то раз обратился ко мне один из руководителей спелеосекции МГУ Илья Костенчук за советом, что разумного он мог бы сделать на массиве. Он планировал вывезти команду новичков потренироваться в топосъемке, а заодно и посмотреть красивые пещеры. Обычно подобными рекомендациями на практике пытается одна группа из пяти, а что-то дельное получается у половины из них, и это нормально... В данном случае ребята отнеслись ко всему абсолютно всерьез, и даже в дополнение к предложенной программе раздобыли где-то старенький теодолит, чтобы точно увязать по поверхности все входы системы. Получившуюся карту мы все дружно использовали года два подряд и чрезвычайно ее ценили. Локальные участки на ней были все промерены явным образом безупречно. Постепенно пришло понимание, что хотя на локальных участках все и верно, но на глобальном уровне карта таки врет. Причем врет глобальным же образом. Долго выясняли почему. Пришлось восстанавливать в деталях всю примененную методику съемки.

Снимали они не ходами, а триангуляцией. Это вот что такое. Теодолит — прибор для измерения углов. К примеру, угла между направлениями с некоторой точки на две других точки. Современные модели снабжены также дальномером, но на ископаемом приборе у Ильи дальномера не было. Итак, для начала съемки выбираются две точки на расстоянии метров 50, расстояние между ними измеряется мерной лентой, а направление — буссолью (компасом повышенной точности). Дальше берется любая третья видимая точка. Теодолит по очереди устанавливается на всех трех и так замеряются все три угла получившегося треугольника. Как известно, треугольник с заданной длиной и направлением одной стороны полностью определен в пространстве и, следовательно, координаты всех его вершин и длины всех сторон легко вычисляются. Дальше выбирается следующая точка, и с опорой на две из уже рассчитанных решается следующий треугольник. И так, по цепочке примыкающих друг к другу треугольников, можно дотащить съемку от любой точки до любой, имея точность порядка сантиметра. Плато хребта Кугитангтау рассечено сетью глубоких каньонов, переходить которые очень и очень непросто. Входы в систему разбросаны по разным блокам поверхности. Понятно, что при вышеизложенной системе съемки для того, чтобы перетаскаться со съемкой через каньон, нужно лазить через него с теодолитом как минимум пару раз туда-сюда. Ребята в МГУ всегда заслуженно славились изобретательностью. Столкнувшись с первым же каньоном, они немедленно сообразили, что если перекинуть

через каньон одну точку, то можно обратно прибор не волочь, а вести дальнейшую съемку с этой единственной точки. Если отложить от нее новый опорный отрезок, замерив его длину и направление.

Все было бы так, и действительно дало бы ошибку ну если не в сантиметр, то в два-три, что несущественно, если иметь в виду цель съемки. Вопрос — как? Перебросить точку — нет проблем. С длиной нового опорного отрезка тоже понятно — мерная лента с собой. С направлением несколько хуже. Буссоль забыли в лагере, а возвращаться за ней — три километра по жаре. Естественно, лень. Являющаяся, как известно из истории, главной причиной появления чуть ли не половины знаменитых инженерных решений. И вот тут ребята еще раз напрягли мозги и сообразили, что без буссоли тоже обойдутся. Если смогут с этой точки, и еще с одной новой, а потом, на обратном пути, с любой одной точки в уже отработанном блоке, прицелить теодолит строго в одну и ту же сторону. То есть — навести его на некоторую одну и ту же бесконечно удаленную точку. В качестве какой и выступила триговышка на горе Шиштебе. В горах воздух прозрачен и оценить расстояние на глаз трудно. Если бы Шиштебе была километрах хотя бы в тридцати от места действия, как им и показалось, возникшие ошибки измерялись бы метрами, и беды бы в этом не было. Но — от крайней точки их съемки до Шиштебе было всего километра два, и беда в этом уже была, причем — большая. Ошибки измерялись не одной сотней метров, причем распределялись именно так, что ни на каком взятом отдельно локальном участке заметить их было невозможно.

Когда все это выяснилось, перед нами встала проблема, что делать с этой съемкой дальше. Выполнена она в лучших традициях — с любовно выверенным тем самым минимумом замеров, при котором карта еще может быть отстроена, но одна любая ошибка хоронит все. Один дополнительный замер — и все можно было бы пересчитать. Переделывать все — лень, да и неуважение к такому произведению искусства. Везти на Кугитанг теодолит ради одного замера — тем более. Оставалось одно — определить точное расстояние до Шиштебе от любой из точек проведенной триангуляции. По ходу экспедиций, ориентированных на другие цели, этот вопрос не решался. Постепенно появилась косвенная информация, позволившая все же эту проблему решить — например, были состыкованы Промежуточная и Кап-Кутан Главный, имеющие входы в разных блоках этой съемки. С использованием карты соединенных пещер Костенчуковская «свертка пространства» уже могла быть «развернута» обратно, и от Шиштебе до крайней точки оказалось два километра шестьсот с чем-то метров. Если, конечно, какой-то из участков Б-подвала в Кап-Кутане не снимался свернутым компасом.

* * *

Собственно, вот теперь, когда благодаря примерам стали относительно понятны основные принципы картирования пещер, можно попробовать уяснить свойства того творческого продукта, который в итоге получается. С обычными картами все понятно — либо они есть, либо их нет, а если они и врут, так только в мелких деталях. Карты пещер — нечто совершенно другое. Все особенности подземного мира, равно как и организационная структура спелеологии, не говоря уж о доступных методиках и инструментах, неизбежно подводят к пониманию — карта пещеры есть объект динамический и вообще строго говоря является не картой, а моделью с ограниченным доверием. Это отнюдь не означает, что применяемые методики плохи, а подземная топография есть разновидность интеллектуального онанизма. Вопрос просто в цене. Для любителей, которыми являются спелеологи, высшая ценность — свободное время, а любой замер требует времени. Отсюда и компромисс между целью, средствами для ее достижения, и временем, которое спелеолог готов потратить. Все рационально. Если мы обратимся к другим дисциплинам, где каждый замер дорог физически, мы тоже найдем карты с подобными свойствами. Так, в той же геологии, карты нефтеносного пласта строятся в основном по данным бурения. Поэтому и

точность их низка, и важнейшие контролирующие структуры могут оказаться пропущенными, и даже общее представление об устройстве месторождения имеет полное право радикально измениться при переходе на другую стадию разведки и сгущении сети скважин.

В соответствии со всем этим возникает прелюбопытнейшая методика поиска новых продолжений пещеры. Собственно, таких методик очень много, и некоторые из них я опишу в других главах, но наипростейшая и одна из самых эффективных — просто анализ карт. Естественно, лучше использовать карту с нанесенной геологической обстановкой, но просто топографическая тоже годится. Простейший прием — поиск на карте общих закономерностей и экстраполяция логичных продолжений. Этот прием обычно не работает. То, что следует из общих закономерностей, бросается в глаза сразу и всем, проверено не одной и не двумя группами, и, если так ничего и не найдено, то, скорее всего, завалено или забито наносами наглухо. Нормальным героям положено идти в обход. Или, что то же самое, делать все через жопу. В приложении к анализу карт это означает, что нужно искать не просто закономерности, а те места, где карта начинает этим закономерностям противоречить. Карта имеет право врать, это аксиома. Карта строится достаточно честно. Это тоже аксиома. Вранье обязательно порождает противоречия, хотя и не обязательно проявляющиеся в той же точке. Это уже теорема, но очевидная. А потому — нужно найти на карте противоречивые места, через них просчитать те участки, вранье на которых могло их породить, и — 9 шансов против одного, что проход в новое продолжение будет найден в одном из этих мест. Признаков вранья много. Например, я уже рассказывал про Вятчинские магнитные склонения. Расхождения главных направлений сетки ходов с направлениями на новоисследованных участках периметра и с направлениями главных разломов совершенно маскировали структуры, по которым возможны крупные продолжения, и, наоборот, «наводили» людей на бесперспективные участки.

Другой пример. У тупика шириной метров пять с плоским срезом есть два отросточка в бока по той же линии, что срез, длиной по метру каждый. Сам тупик помечен глыбовым завалом. Обычно это означает, что ход обрезан секущим разломом, по которому произошла подвижка. Это ситуация безнадежная. Такие завалы не разбираются. Смотрим дальше линию предполагаемого разлома. Спокойно пересекает она параллельную галерею метрах в пятидесяти, и никакого вывала там нет. Что-то не то. А кто снимал этот тупик? Вятчинские ребята. Линеаментами они специально не занимаются. Такие мелкие тупики не замеряют, а рисуют на глаз. Значит, прямая получилась случайно и никакого разлома нет. Боковички — просто щели вдоль завала. А если они есть, то они направлены не строго в бока, а чуть вперед. Иначе завал себя не ведет. А если так, завал маленький и локальный, и вполне вероятно, что разбираемый. Собственно, я описал часть предраскопочных рассуждений на вскрытии района Зеленых Змиев в Промежуточной, одном из самых красивых в системе.

Таким образом, предположив, что на некотором участке есть вранье, вполне можно, проведя мысленную коррекцию, представить себе этот участок в истинном свете. Убедившись, что явно бесперспективный участок превратился в явно перспективный, можно смело планировать туда выход. Главное в планировании поискового выхода — поверить карте в целом и не поверить в частностях. Если верить во всех деталях, то можно просто ничего не делать. Думаю, что основная часть моих собственных удач в поиске новых продолжений заключается в том, что я никогда не картирую тупики сам: как только продолжение пошло, я подставляю вместо своей другую двойку. Если я не картировал тупик сам, то имею возможность сомневаться в его карте. Как-то гораздо труднее не доверять самому себе, и именно этого я и избегаю изо всех сил. Вероятно, вследствие такого подхода я являюсь единственным продуктивным спелеологом, не побывавшим ни на дне, ни в дальнем конце ни одной из своих пещер.

* * *

Весьма любопытный парадокс с картами больших лабиринтовых пещер, особенно уровня сложности, сопоставимого с Кап-Кутаном, состоит в том, что по картам практически нельзя ориентироваться. На первый взгляд, возможность ходить не вслепую, а по карте, является главной причиной из составления. Это, безусловно, так и есть. В то же время пока не придумано такой технологии изображения карты, чтобы по ней можно было идти без прилагаемого текстового описания маршрута.

В больших залах, в которых легче всего заблудиться, главными ориентирами являются не стенки зала, а большие глыбы. Причем не сами по себе, а их характерные сочетания, видимые с конкретных точек зала. Никаких идей для изображения чего-либо такого на карте нет. Существуют и залы, лишённые явных ориентиров. Дополнительной проблемой является и то, что глазомер под землей работает плохо из-за скудости освещения, а постоянные вихляния между глыбами осложняют движение по заданному направлению. Выходы же из большого зала могут быть довольно маленькими, причем среди них могут быть десятки и сотни ложных ниш и щелей. Потому что любой большой зал обвален по определению, и его пол поднят глыбами почти на высоту потолка (а зачастую выше) подходящих к нему ходов. Щели между приваленными к стенке глыбами выглядят в точности так же, как проходы. Метр-два мимо в стометровом зале — и ты не у той щели. Обычный расклад, если пытаешься ориентироваться только по компасу и карте. Выручить может только хоть какое-то, пусть общее, представление о зале, а также понимание пещеры.

Самый примечательный в этом смысле зал — Круглый в Промежуточной. Называется он так не за свою форму (он почти квадратный), а за то, что по нему всегда приходится устраивать круг почета. Вход и выход главной галереи находятся по стене совсем рядом и довольно малы, а глыбы навалены так, что нужно идти не вдоль стены, а через центр зала. Иначе придется заниматься акробатикой. Хороших ориентиров в зале нет. Мне не известен ни один спелеолог, даже среди экспертов по пещере, кто хоть раз за экспедицию не начал бы крутить кругали почета по Круглому. И сам я тоже не исключение, хотя проходил там сотни раз. Один раз даже побил рекорд. Вокруг зала, примерно на треть его периметра, идет своеобразная обводная галерея — зал Низкий. В нем ориентироваться еще хуже, а главное — нет ни одного места, где можно хотя бы привстать. Так вот один раз мы с Дмитрием Белаковским, возвращаясь с выхода, заложили круг почета не по самому Круглому, а вокруг него по Низкому, так и не найдя из него нужного выхода. Мало того. Поняв, что блуданули и сориентировавшись, мы поняли, что вперед уже ближе, чем назад, и браво поползли дальше. За пяток метров до выпадения Низкого в Круглый (как выяснилось потом) нас пронесло в не отмеченный на карте ход, и мы просвистели лишних метров двести по нему. В конце хода была дыра вниз. Разумеется, точно над центром Круглого. А веревки-то с собой и не было. Пришлось возвращаться. Впрочем, от круга по самому Круглому эти приключения нас все равно не избавили.

Ориентирование в сырах ничуть не проще. Даже по очень хорошей карте выбрать тот лаз из десяти, который нужен, затруднительно. Кроме того, по понятным соображениям, единственная информация об узких ходах в сыре, которая может уместиться на карте — их ширина. А это — наименее информативная характеристика, если иметь в виду ориентирование. Высота гораздо важнее. Одно время мы даже раскрашивали карты согласно высотам ходов. Но свойства пола — еще важнее. Если идет очень широкий ход, даже относительно высокий (сантиметров 40–60), но пол в нем завален острыми камнями размером сантиметров по 20, то все представления и о длине, и о ширине, да и о высоте, исчезают начисто. Остается только ощущение предельной гадости этого места. Вместе с тем кишка шириной метр и высотой сантиметров 25, если пол в ней покрыт мягкой глиной, а потолок плоский, оставляет впечатление совершеннейшего комфорта. На карте этого передать нельзя никак, но очень хотелось бы. Именно особо гадкие места являются лучшими ориентирами. Красить карты согласно коэффициенту общей мерзости тоже пробовали и тоже без толку. Равномерно гнусные участки ориентирами не являются, а локально гнусных в сырах слишком много, и каждый гнусен по-своему. Сбивает ориентирование и просто

физическая сложность. В лесу или в горах идти, глядя на компас и карту, можно. В пещере каждый раз нужно оные предметы достать и привести в боевую готовность. Причем в узостях это просто не всегда возможно. А сил и пота идет много, равно как и заботы о коленях. В результате обращения к карте и компасу минимизируются. Втянувшись в ритм движения по шкурнику так, чтобы колени не слишком сильно бились, прерывать его просто не хочется, пока есть хоть какая-то надежда сориентироваться где-нибудь подальше — там, где ритм собьется сам собой.

Кстати, эта инерция и сама по себе вызывает любопытные эффекты. В Кап-Кутане Главном на нижних этажах есть сифон, за которым до сих пор не все исследовано. К нему ведет галерея Кузькина Мать — узкий, низкий, но комфортный лаз длиной около 400 метров. Встаешь на четыре кости, сепулька сзади на длинной ляжке, и пошел. Медленно, конечно, но в меру приятно. Группа, возвращаясь после выхода к сифону, так втягивается в этот метод передвижения, что на обратном пути не замечает момента входа в зал МГРИ — громадный зал с глиняным полом. Обнаруживается это только метров через 50-100. Разок случайно пришлось пронаблюдать со стороны такую группу. Достойное зрелище: в зале высотой 30 метров и диаметром с футбольное поле, след в след на четвереньках, волоча за собой сепульки и громко отдуваясь, двигается цепочка людей.

Но больше всего ориентирование затрудняют попытки всяких матрасных туристов устроить свои системы ориентиров. Начитавшись детских книжек, они растягивают за собой нитки, магнитофонные ленты, раскладывают бумажки со стрелочками типа съёмочных пикетов. И никогда их не убирают. Я даже не имею в виду накопленные на стенах для этой цели стрелочки и надписи, за которые просто нужно бить по морде. Так вот этих съёмных ориентиров набирается в системе до десятка сепулек в год, так что каждой уважающей себя группе хоть изредка приходится устраивать субботники по их сбору и высепуливанию. Представьте себе, что вы заблудились в лабиринте, через каждый перекресток которого проходит не менее пяти ниток и магнитофонных лент (в разных направлениях), а также равномерно засыпанном бумажками со стрелочками (тоже в самых разнообразных направлениях). При этом все нитки и ленты через каждые метров пятьдесят порваны и найти продолжение нужной отнюдь не просто. А идут они в разные стороны, потому что это все-таки лабиринт, и разные группы приходят на один и тот же перекресток с разных сторон. Братцы! Уважайте друг друга и не сорите в пещере своими ориентирами!

Я совершенно не понимаю, почему в Кап-Кутане практически не бывает заблудившихся. В Никитской катакомбе, на которую я уже ссылался, в дни ее популярности, причем существенно меньшей, чем у Кап-Кутана (не более 50 человек за выходные), бывало до 10 спасательных операций в год, причем, как правило, две-три серьезных. В Москве приходилось держать на общественных началах с обеспечением от милиции (на правах ДНД) спасательный отряд численностью в 15 человек, и на отдельных операциях его приходилось усиливать до 40. В Кап-Кутане — ни одних серьезных спасов за всю историю. Специализированный спасотряд в Гаурдаке раз был создан на энтузиазме Игоря Кутузова в составе двух человек, ни разу в пещерах всерьез не использовался, с гибелью Кутузова был распущен и больше не воссоздавался. Пещера существенно запутаннее, процент чайников среди посетителей примерно тот же, в одиночку ходят многие, правило, «заблудился — сиди и жди», по моим наблюдениям, никто не выполняет. Тем не менее все заблудившиеся находят очень быстро сами собой или силами своей же группы, вероятность чего, вообще-то, исчезающе мала. Словом, пока везет. Естественно, все эти рассуждения только о чайниках. Спелеологу с опытом ориентироваться в Кап-Кутане легче, чем, скажем, в катакомбах или лабиринтах Подолии. Разные зоны пещеры выглядят сильно по-разному, и понимая закономерности их взаимного расположения можно любое блуждание свести к паре-тройке кругов почета.

БОЛЬШОЙ ПРОРЫВ НА СЕВЕР

Фанатизм в самом обыкновенном его значении есть намеренное переступление предела чистого разума по принципам.

Эммануил Кант

Один из наиболее потрясающих своей красотой районов системы — северное продолжение Кап-Кутана от зала МГРИ — отчасти уже описан в главе о сепулении. История исследования этого продолжения под стать остальным его качествам и вполне заслуживает отдельной главы.

Собственно, существование северного прохода из зала МГРИ прогнозировалось начиная с его открытия в 1981 году, но первый прорыв был сделан только нашей осенней экспедицией 1984 года. Нас было четверо — я, Олег Бартенев, Таня Ашурматова из Ашхабада, и Наталья Веселова, одна из двух женщин в истории, внесших вклад в исследование системы на уровне лучших из мужчин.

Сидели мы лагерем на Баобабе и занимались всякой мелочью — пяток мелких тупиковых лабиринтиков и подвальчиков у зала Надежды, небольшое продолжение в Б-подвале, попытки выкопать обходной лаз вокруг сифона¹³ в Кузькиной матери. Словом, ничего серьезного не шло.

Буквально за несколько дней до конца программы Бартенев решил сделать еще один прочес стенки в зале МГРИ, прорвался в Зазавальный зал, а дальше пещера пошла со свистом. Бросили мы туда все силы. Олег с Таней — налево, я с Натальей — направо. Мы умудрились совершенно непонятным образом пройти до середины Свинаячьего Сыра сразу по оптимальному проходу, ни разу не влетев ни в один из более гадких и ни в один тупик. Это удивительно. Свинаячий Сыр — единственный крупный лабиринт системы, в котором полностью отсутствует ветер, и шли мы отнюдь не в каком-то заданном направлении, а хитрым кругалем чисто по интуиции. Застоялись, что называется, лошадки, и рванули, почуяв простор.

* * *

У Олега шло менее удачно. Следующий громадный зал заткнулся начисто, и пришлось им ковыряться в щелях завала перед входом, пытаясь обойти зал слева (справа шли мы), верхом или низом. Эти упражнения в щелях имели одно очень интересное следствие. Две здоровенных пещеры — Кап-Кутан Главный и Промежуточная — в то время еще не были состыкованы. Стыковка их должна была вывести пещеру на положение крупнейшей пещеры страны и континента среди заложенных в известняках. Десятки спортивных и полуспортивных групп ничем в пещере не занимались кроме поисков стыковки. Так вот. Через два месяца после нас Вятчинская экспедиция, работавшая в Промежуточной, вскрыла продолжение напротив именно этой части Кап-Кутана — Дикобразью систему. На мягком глиняном полу не было никаких следов. Более того, в двух местах пришлось серьезно прокапываться. А в самом тупике валялся недавно кем-то выброшенный блок севших батареек. Московских! Спаянных! И смотанных красной изоляцией! И попасть туда они могли только двумя способами — либо через щель в потолке, в которую еле пролезает рука, либо их мог принести дикобраз, чья тропинка проходила рядом.

Мы пользовались именно такими батарейками. Этой марки и этого завода. И именно так же смотанными и спаянными. Но мы их не базировали. Нет у нас привычки выбрасывать в пещере севшие батарейки. Вычисляли долго, и нащупали единственную возможность. Позвонили Тане проверить — так и есть. В одной из тех самых щелей, куда Бартенев не пролезал, а ее смог забить ногами, у нее сел блок и она его выбросила! Не легче. Стройная

---

¹³ Сифон — коридор, залитый водой до потолка так, что приходится нырять.

девочка Таня в следующий раз ехать не собиралась, а другой такой дежурной глисты¹⁴ найти было трудно. И до сих пор так никто так туда и не пролез. Хотя ажиотаж был порядочный и длился пару лет за тем.

Вся эта история с батарееками так до конца и не прояснилась. Как стало понятно позже, увязка Кап-Кутана и Промежуточной, которой мы тогда пользовались, была неверна в корне. Между местом базирования батареек и местом их находки, как ни крути, а меньше двухсот метров ну никак не получается. Вероятнее всего, что их кто-то разбазировал с помойки, пошел с ними в неизвестное нам продолжение Промежуточной и уронил в щель. Ничего другого не вычисляется.

Между прочим, та же самая экспедиция подбросила еще одну загадку из этой серии. Тот же Бартенев, исследуя также непользованный шкурник около зала Надежды, в конце его пронаблюдал щель вверх такой степени узости, что без веревки, повешенной сверху, подняться было нельзя. Точно под щелью на нетронутой пушистой глине был отпечаток человеческой ноги. То есть кто-то спустился сверху, не заметил горизонтального шкурника под ногами, и сразу вернулся. Вопрос только, откуда сверху. Нам до сих пор не известен ни один ход, подходящий туда ближе ста метров.

* * *

Это я отвлекся. Вернемся в Свинячий Сыр. В этот раз он так и остался недопройденным, причем не из-за отсутствия времени — мы имели еще два дня в запасе — а из-за того, что не выдержали желудки. Модули тогда еще не вошли в моду, и еду мы не рассчитали. То есть — не то, чтобы именно не рассчитали, а как бы даже и не пытались это сделать. Планировалась совместная работа с командой из Ашхабада и зная, что они всегда берут еду с запасом — мы просто отнеслись к переговорам о заготовках спустя рукава. Разумеется, на Каршинском вокзале, где была намечена точка встречи, мы обнаружили в качестве оной команды единственную девочку Таню. Безо всякой жратвы, если не считать пакетика плюшек. Так что — последнюю пару дней кормились только геркулесом и картофельными хлопьями с салом домашней Наташиной засолки. Очень вкусным. До того, как стухло. Вот именно протухшее сало и заставило нас выселиться в верхний лагерь к группе Переладова, чтобы последний выход провести оттуда. А то, что еда закончилась и там — деморализовало нас окончательно. Ладно. Если пещера не захотела нас пустить на этот раз, мы можем и подождать до следующего.

Который наступил неожиданно скоро. В мою жизнь стремительно ворвался, благо, ненадолго, Игорь Всеволодович Черныш — один из спелеологов эпохи Виктора Дублянского, периодически исчезающий со спелеологического горизонта и периодически всплывающий опять, в новом городе, в новом качестве и с новыми идеями. В этот раз он всплыл в качестве руководителя большого клуба школьников из Балашихи, занимающегося путешествиями, краеведением и, в частности, спелеологией. Появился Черныш буквально через месяц после моего приезда из очередной экспедиции и с места в карьер предложил ехать опять на Кугитанг уже через две недели. В качестве научного консультанта его клуба. С неотразимым аргументом — что школьники, хорошо натасканные в топосъемке, в количестве около пятидесяти, с легкостью распатронят все те лабиринты, которые нам лень довести до ума самим.

У меня сразу возникло подозрение: здесь что-то не то. И даже смутное ощущение, что именно. В это время вокруг пещер Кугитанга, а точнее вокруг пещеры Вертикальная, подвизался некий Петренко из Красноярска. Здесь велась хитрая политика. Один из самых интересных в стране Красноярский клуб спелеологов стоял совершеннейшей костью в горле

---

¹⁴ Штатная должность пролезальщика особо узких лазов, обычно исполняемая особо стройной и симпатичной девочкой.

Центрального совета по туризму и экскурсиям, который спал и видел как бы превратить его в обычный управляемый турклуб, а следом за ним и остальные спелеоклубы. Одним из ходов в этой игре и стала попытка доказать всему советскому народу, что этот клуб всех только зажимает, а маленькие группы на базе турсекций гораздо более перспективны. Для чего был взят выгнанный из клуба г-н Петренко и была ему придана пара борзописцев из газеты «Труд» — единственного бульварного листка тех времен, расхваливавшего совершенно сумасшедшими тиражами.

Появился еженедельный протяженностью чуть ли не в три месяца сериал о похождениях Петренко в Вертикальной, переполненный трупами, загадочными болезнями, НЛО, неизвестными науке змеями с анаконду ростом, чудесами открытой Петренко пещеры «Кунсткамера», представлявшей из себя испокон веку известную, многократно описанную и совершенно неинтересную пещеру Вертикальная, и т. п. Этим бредом зачитывалась вся страна, и было вполне вероятно, что именно лавры Петренко и не дают покоя Чернышу.

Просчитав ситуацию, я сразу поставил условия о предельно возможном количестве журналистов, особенно в отношении сотрудников «Труда», которых видеть совсем уж не хотелось, о неприменении методов Петренки, а также о том, что в Вертикальную никого водить не буду. И так пещеру опозорили полностью. Договорились. Естественно, Черныш и не думал выполнять ни одно из условий, но такой уж я человек — считаю любого честным, пока не доказано обратное. Все же я ни минуты не раскаиваюсь, что согласился на это мероприятие — Черныш через пару лет опять сгинул с моего горизонта, а из его школьников получилось несколько первоклассных исследователей.

Вообще-то, для меня совершенно непостижимо, каким образом человек, для которого не существует в мире ничего важнее собственной известности, и для достижения которой он буквально готов идти по трупам, может воспитывать детей. И воспитывать прекрасно. Ребята, прошедшие через клуб Черныша, в развитии и навыках здорово превосходят своих сверстников, да и нормальная этическая основа у них не нарушается. Чуть повзрослев, они понимают, что есть Черныш, и дистанцируются от него сами, а он набирает новых. Загадка.

* * *

Итак, январь 1985. Черныш с чернышатами стартовали за несколько дней до того, чтобы встретить Новый год в пещере, а я их догонял уже второго января. Прикинув, каково одному ежедневно составлять рабочие планы полусотне детей, я заехал по дороге в Душанбе и прихватил за компанию Гену Кафанова. Вообще-то он не спелеолог. Мы с ним вместе работали в конце семидесятых в самоцветской экспедиции, а когда мы началась кампания по прекращению разработок в пещерах, он активно помогал нам изнутри лагеря самоцветчиков. Пещеры он знает и понимает, хороший геолог, а кроме того — я его просто давно не видел.

Добрались до пещеры. Лагерь в зале Жемчужный, прямо скажем, производил впечатление: школьников было даже не полсотни, а сильно за сотню. Капитальность лагеря была такой, что нам и не снилась. Учитывая количественный состав своих экспедиций, а также энтузиазм и управляемость школьников, Черныш не признавал сепулек, и все снаряжение доставлялось в лагерь в деревянных ящиках, одновременно служивших мебелью. По лагерной площадке моталась целая волчья стая журналистов отовсюду, откуда можно только вообразить, в том числе из Клуба Кинопутешествий, и, конечно, из газеты «Труд». И все они громко вопрошали, когда же их поведут в Вертикальную. Черныш в это время развлекал приехавшее в гости чуть ли не в полном составе районное и областное начальство, расставляя мизансцену для долженствующей скоро начаться пресс-конференции. Детьми занимались три уже совершенно ошалевших молодых воспитательницы, две из которых были первый раз в пещере.

Посмотрели мы на все это безобразие, организовали себе спальное купе в дальнем углу, и стали думать, что делать будем. Во-первых, сейчас, во-вторых, потом. С «сейчас» было более или менее ясно. Озадачить чем-либо всю эту толпу и лечь спать. Для чего первым

делом нужно было привести в себя воспитательниц. Пришлось пожертвовать заветной плюшкой — четвертинкой клюквенной настоечки. Хотя и взять при этом грех на душу — одна оказалась непьющей, так что пришлось заставить силой. Минут через пять их глаза обрели осмысленное выражение, еще минут десять пришлось сочувственно слушать всякие разные непарламентские выражения обо всей этой затее, а еще через пять минут они включились, разобрали топосъемку, собрали детей и двинули. По моим расчетам, часов на восемь.

Вопрос о дальнейшей стратегии был уже существенно сложнее. Поддерживать все это рекламное мероприятие не хотелось совершенно, но по поведению детей и воспитательниц чувствовалось, что при правильном подходе толк все-таки возможен. Проблема была только в том, как сделать так, чтобы Черныш и банда журналистов нормальной работе не мешали. Постепенно выкристаллизовалась идея. Уговорить одну из воспитательниц взять пяток детей постарше и засесть с лагерем на Баобаб. Узость проходов в Сучьих Детях была вполне достаточной, чтобы Черныш туда не полез, не говоря о журналистах, которые набрали с собой кино- и видеокамер чудовищного размера, а в качестве киноосвещения взяли переносной бензиновый движок весом килограмм под семьдесят и лампы с кабелями в руку толщиной.

Договориться с Чернышом было просто — уловив момент, когда он на базе этого начальственно-журналистского бардака перестал что-либо соображать, мы задали ему коронный вопрос именно в такой форме, чтобы он дал добро не поняв, о чем идет речь. Все было собрано, воспитательница (Ирина Цыганова) уговорена, так что исчезли мы раньше, чем Черныш включился и понял, что к чему.

Во избежание возможного отката ситуации была выстроена дополнительная линия обороны. Телефон (Черныш настоял на протягивании связи) был установлен в двухстах метрах от лагеря. Под предлогом нехватки провода. Дети были проинструктированы, что подходя к телефону — говорить бодро и браво, все записывать, но на все вопросы отвечать, что Мальцев в Б-подвале, Цыганова там же, Кафанов в Свинячем Сыре, а сами принимать решения не уполномочены. Наверху таким же конспиративным образом была развернута агентура по обеспечению лагеря. Через остальных воспитательниц, которым дети должны были передавать кодированные сообщения.

* * *

Расположившись на нижнем лагере, взялись за дело. Половина ушла со мной в Б-подвал топосъемить лабиринты, половина с Кафановым в Свинячий Сыр рваться на север. Первый выход не дал ничего. Той блестящей интуиции, с которой действовали мы с Веселовой, в этом составе не оказалось. Ребята запиливались в один тупик за другим, базирували где-то в лабиринте Генкин фотоаппарат и пяток других предметов, зато структура сыра стала более или менее ясной. После вечерней отрисовки топосъемки я уже смог с уверенностью предложить ребятам осмысленную стратегию дальнейших действий. К сожалению, наутро Гена свалился с клещевым возвратным тифом — малоприятной лихорадкой, разносимой аргасовыми клещами, паразитирующими на дикобразах. Пришлось его базировать в лагере, ребят отправить одних, а самому задержаться и организовать лечение. Как выяснилось, несмотря на все мои требования к составу аптечки, в ней оказалось всего половина стандартного курса левомецетина — вместо как минимум трех полных курсов, абсолютно необходимых для такой большой экспедиции. Пришлось идти разбазировать аптечку, оставшуюся с предыдущей экспедиции, и надеяться, что кроме Гены никого не прихватит до тех пор, пока верхний лагерь не пошлет гонцов в аптеку в Гаурдак. На самом деле одну из девочек тоже прихватило, но лекарств из нашей старой аптечки хватило. Следующее, что нужно было сделать — заказать сверху по нашей кодированной связи бутылку водки, равно необходимую для лечения Гене и для успокоения расшатанных нервов мне и Ирине. В оговоренном коде это понятие не было предусмотрено.

- Алло, кто у аппарата?
- Семиклассник такой-то!
- Слушай, друг! Найди там Лену и попроси ее послать нам вниз с ближайшей оказией большую зеленую конфету.
- Так вы же уходя взяли целый ящик конфет?
- Все равно скажи, это важно.
- Ну, вы даете!

Ребята с выхода вернулись окрыленные. Никуда пока не вышли, но ходы стали повыше и пошире. У остальных тоже пошли какие-то новые мелкие кусочки. Вечером раз пять пытался дозвониться Черныш, но безуспешно. Прибыла оказия (четыре человека) с запрошенной бутылкой. После того как они услышали, что пещера пошла, уговаривать их вернуться обратно позировать журналистам было бессмысленно, да и грешно. Пришлось оставлять их у нас, слегка реорганизовавши лагерь. Спальников у них, естественно, не было, поэтому имевшиеся в наличии спальники развернули, подразделили на коврики и одеяла и устроили логово для спанья штабелем. Впрочем, еще через два дня все равно пришлось вводить сменный режим спанья, так как ежедневно выяснялось, что какой-то продукт кончился, его заказывали сверху, доставляли, и все курьеры оседали внизу. Таким манером к концу кампании в лагере, организованном на семерых, жило около тридцати человек.

Следующий день был праздничным. Ребята, вернувшиеся из Свинячьего сыра, разбудили меня и задали вопрос. Приятнее которого я сроду не слышал. А вопрос состоял в том, что делать дальше. Потому как продолжать было страшно. Потому что всюду под ногами вдруг начали расти арагонитовые кусты чуть ли не по колено высотой, полностью преграждая дорогу. А ломать их — просто не поднималась рука.

Труднее всего было заставить себя продолжать лежать. Дьявольски хотелось немедленно выскочить из спальника и бежать в новооткрытые залы. Ведь ребята рассказывали о том, что казалось невозможным даже в этой сказочно красивой пещере и до сих пор существовало только в фольклоре. Арагонитовые кусты, через которые нужно прорубаться. Надо же! И ведь своими руками отдал это открытие ребятам! А впрочем ничего, поделом. Первым ведь в продолжение воткнулся не я, а Бартенев. Так что все справедливо. Несправедливо будет только, если к этому примажется Черныш, но тоже ничего — хрен он туда пролезет со своими журналистами. Скрепя сердце, объясняю ребятам, как организовать тропу, удаляя с нее все и базируя где-нибудь рядом, как топосъемить не сходя с тропы и все такое прочее, и отправляю опять одних. Заслужили. Такое единственный раз в жизни бывает, и далеко не у всех.

А черта с два заснешь после эдакого. Хотя по степени недосыпа экспедиция и была рекордной — то есть, ни разу не удалось поспать больше трех часов подряд. Школьники — ребята, не вжившиеся в пещерный образ жизни, и по любому вопросу будить не стесняются. К тому же много их. В результате все время на автопилоте. Итак, беру фотоаппарат и иду прогуляться вокруг лагеря. И надо же такому случиться — проходя мимо телефона, с недосыпу автоматически среагировал на звонок — взял трубку. Естественно, оказался Черныш. С вопросами о Вертикальной. Не люблю я так делать, но дал-таки ему неправильную привязку. Чтобы хоть на время отвязался. Тем более что прерывать сейчас работу ну никак нельзя.

В тот день я так никуда и не пошел. И не хотелось, и ждал возвращения ребят с севера, да и с других направлений начали возвращаться группы. Нужно было помогать им распутывать съемки — самостоятельно это у них не вполне получалось, что, впрочем, и не удивительно. Честно говоря, удивительным было то, что еще хоть что-то получалось. Вечером вернулись ребята. Слюни от их разговоров у нас текли вовсю. Но нового было мало. Затупиковались. Пора было идти кому-либо из нас, но без первопроходцев нехорошо. А им нужно было выспаться. Пахали практически без перерывов часов двадцать пять. Так что один короткий выход сделаем в другие места, отоспимся, и только потом — туда. Попробовать прорваться, а заодно пофотографировать — до сих пор удалось выкроить время

только на лагерные фото. Не зря же аппаратуру тащил. А выход туда будет один — сроки экспедиции заканчиваются.

* * *

Перед этим выходом — приятный сюрприз. Чернышу не до нас. Когда детям надоело искать по моей привязке Вертикальную, они на все плюнули и раскопали первую попавшуюся дыру, из которой дуло. И попали в совершенно новую, сказочной красоты пещеру. Очень похожую на полностью уничтоженный десять лет назад Таш-Юрак, и даже несколько красивее за счет более высоких потолков. Об этой пещере, названной Геофизическая, рассказ будет большой и отдельный. Сейчас же она абсолютно своевременно отвлекла на себя Черныша со всей журналистской братией, и для нас это было главное. А раз так, планируем выход часов на тридцать сразу, с перекусом и горячим чаем, а также двумя пенками,¹⁵ чтобы если кто отрубится, было где пару часов перекемарить. Так проще, чем делать два выхода — уж больно далеко и шкурно. Идут шестеро — двое из первопроходцев, две девочки, и мы с Кафановым. С остальными договариваемся, что лагерь высепулят без нас — народу хватит, а мы после выхода поднимемся сразу на верхний лагерь.

Дорога до красивых залов заняла часов пять, хоть и налегке. Это сейчас в Свинячем сыре ползать стало легко и мягко. Тогда же все операционные столы были еще очень острыми, узкие проушины не были подработаны кувалдой, и в пыли еще не было глубокого желоба, пропаханного животами спелеологов. Там, где сейчас можно идти на карачках, в те времена еще приходилось ползти впритирку.

Залы — невероятной красоты. Я такого не видел ни в жизни, ни на фотографиях, и даже не читал ни о чем подобном. Названия ребята подобрали тоже под стать. Варан. Орлиное гнездо. Дамские Пальчики. Водопадный. Сюрприз — один из залов назвали моей фамилией. Самое потрясающее ощущение — даже не красоты, а — предельная резкость смены декораций в начале красивого района. Ребятам на первопрохождении было от чего обалдеть. Вот идет совершенно пустая галерея, потом гнусный шкурник, в котором еще и озеро на полу, так что все внимание уходит на то, чтобы удержать себя в распоре над водой. Потом голова упирается в сталактитовую бахрону, под которую нужно поднырнуть, опять-таки не плюхнувшись пузом в воду, и вот только после этого упражнения можно встать и оглядеться. И замереть на месте. Потому что дальше идти действительно некуда. Прозрачный кальцитовый пол медово-красного цвета покрыт рябью мелких гуров (плотинок), на которых действительно растут кусты арагонита, сверкающие гранями кристаллов не хуже, чем экспонаты Алмазного Фонда. А сверху висят, практически доходя до полу, длиннющие сталактиты, покрытые такими же сверкающими кустами. Только минут через пять замечаешь тропинку, по которой можно, извиваясь, чтобы ничего не порушить, пройти дальше.

Тупики — они и в Африке тупики. Глухие. Хотя дальний можно попробовать с кувалдой, а тот, который в Орлином гнезде — вообще не тупик. Но впихнуться в проход можно только снеся задом кубометра два изумительно красивых натеков, чего совсем уж не хочется делать. Так что достаем фотоаппараты, отбираем у ребят их девочек для использования в качестве ассистенток и фотомоделей, и — вперед.

Все-таки школьники, хоть энергии и энтузиазма у них и предостаточно, по живучести уступают коренным кап-кутанцам. Как только мы с Геной вошли во вкус и решили, что вот теперь, размявшись, пора почаевничать и взяться всерьез, все четверо отрубились. Самим как-то отрубаться не хочется, бегать и сверкать вспышками на спящих людей тоже нехорошо. А что это там под потолком за полочка такая странная, метров за полста от

---

¹⁵ Пенополиуретановые коврики, совершенно вытеснившие из обихода все прочие подстилки типа надувных матрацев.

тупика? А ведь этажик, и идет-то в нужную сторону. Добираться, правда, будет тяжело, снаряги скалолазной никакой, а падать высоко и на камешки. А если кто поломается, по сепульке его вытаскивать через все эти шкурнички ой-ой-ой как будет. Взяли грех на душу, разбудили одного. Пирамиды из троих по высоте хватило, дальше в ход пошли всякие ремни да стропочки, которыми сепульки завязывались.

Влезли. Все-таки есть правда на свете. Лабиринт, в который мы попали, был просто поразительным. В нем не было больших залов как внизу, но в нем было два десятка компактных камер. В которых росло такое, что все предыдущее блекло. Там было все. Что мог себе представить спелеолог, и что не мог. Везде. Мы сразу заложили круговую экскурсионную тропу по ближайшим залам, но в узких переходниках между зальчиками тоже росло такое, что даже ради расчистки тропы повреждению никак не подлежало. Единственный возможный способ передвижения заключался следующем: пока кто-то вписывается между очередной красотой и стеной, второй подает ему советы на предмет того, каким членом можно передвинуться на очередную пару сантиметров и в какую сторону, а третий придерживает ему болтающиеся складки комбеза.

* * *

Первый час нашего пребывания в верхнем лабиринте проходил в полном безмолвии. Языки просто отнялись. На второй — языки начали оттаивать, но выговаривались исключительно выражения типа «... твою мать, ты только погляди, какая ...ёвина тут растет!». Нормальный культурный русский язык к подобному уровню эмоций просто оказался непригоден. Название «Ё» для этого лабиринта пришло само собой. Лабиринт шел вперед, уже заведомо выйдя за нижний тупик, но заводить топосъемку уже не хотелось. У нас оставались считанные часы, которых все равно не хватило бы для завершения обработки тропы, а ведь были еще и недоснятые пленки, и то самое эмоциональное состояние, при котором фотография идет особенно хорошо. Это был вообще второй за всю историю случай, когда при первопрохождении красивых мест с собой была фотоаппаратура, и нельзя было этим не воспользоваться.

Когда часа через три мы спустились вниз, вокруг греющейся на гексе кружки чаю сидели проснувшиеся лежебоки. Наши рассказы они и слушать не стали, оглушив нас дружным воплем «Ведите в Ё!». Оказывается, когда мы наверху только-только научились говорить, то находились прямо над импровизированным лагерем не более чем в метре, и густые клубы сочного мата свободно стекали туда по щелям. Словом, стало не вполне удобно. Хоть в пещерах и декларируется свобода слова, но при дамах как-то все равно неудобно ей пользоваться, кроме разве что в особо мерзких шкурниках, а тут еще и дамы несколько не того возраста.

Сводили мы их наверх. Что любопытно — реакция в смысле выражений точно соответствовала нашей. Пофотографировали и рванули назад — время вышло.

С Чернышом мы естественным образом быстро и вдребезги разругались, поэтому в дальнейшей эпопее на севере Кап-Кутана его молодежь уже не принимала участия. Впрочем, на базе этих ребят через пару лет сформировалось не менее двух хороших спелеологических команд, работающих эффективно и продуктивно, а некоторые из них впоследствии ездили и в наши экспедиции. Однако сопоставимых по классу находок у них пока больше не было. Надеюсь, что именно пока.

* * *

Следующую экспедицию мы затеяли той же осенью. Появился дополнительный стимул к резкому форсированию исследований — вопрос спорта и престижа. Вятчин своими двумя экспедициями в Промежуточную мало того, что нашел даже не один, а целых два изумительной красоты района (ОСХИ и Дикобразью систему), так еще и почти сравнял

Промежуточную с Кап-Кутаном Главным по протяженности — двадцать три километра против двадцати четырех с половиной. И уже планировал очередную экспедицию. А как известно, при соединении нескольких пещер название сохраняется от большей. Не лежала душа к варианту, чтобы длиннейшая известняковая пещера страны называлась Промежуточной, а потому требовалось поднажать.

Пещера продолжала идти с визгом. Я опять работал в паре с Веселовой. Лабиринт Ё проходили долго. Полдня заняла только разметка сепулькария таким образом, чтобы обойти все проушины с кустами. В результате тропа сепулькария прошла по совершенно изумительному по степени садизма полу. Вообще-то я уже раз такое видел в одной из маленьких пещер Хайдаркана, но в ней такого пола было пять метров, и ей уже этого хватило для того, чтобы заработать название «Анатомическая Тачка». Здесь — сорок. Сорок метров низкой щели, в которой нужно ползти на пузе по острым, как бритвенные лезвия, кристаллам арагонита и церуссита. Причем не собранным в легко отделяемые кусты, а ровно растущим по всему полу. Пришлось даже изобрести новое применение для чертежных досок — прокладывать ими тропу.

В конце лабиринта обнаружилась дыра в совершенно потрясающую конструкцию, сущность которой мы поняли только изведя полсотни пикетов и четыре часа времени. А поняв, окрестили конструкцию Очень Хитрым Залом, открывающим новый район пещеры, название для которого тоже сразу подошло — СЮР-85. Потому, что этот зал, всего с десяток метров в диаметре, имеет высоту более сорока, и разделен висящими в расклинке друг об друга глыбами на несколько десятков камер на разных уровнях, соединенными между собой десятками лазов. Совершенно замечательно выглядела самая верхняя камера, со стенами, покрытыми пятисантиметровым слоем ярко-красной пушистой глины, и прозрачным сталагмитом на полу, в который был впаян неведомо откуда взявшийся скелет летучей мыши. И все, что было впереди, выглядело не менее сюрреалистически.

Следующий зал был последним красивым в серии и вершиной всего, что до сих пор попадалось. Мы его назвали именем Саши Морозова, одного из интереснейших отечественных спелеологов, первопроходца глубочайшей на то время пропасти в стране — Снежной. Саша с двумя друзьями трагически погибли незадолго до того на подходах к пещере, взявшей и так почти всю его жизнь, а теперь довершившей это — их лагерь ночью накрыло лавиной. Зал имени Морозова описать практически нельзя — он не похож абсолютно ни на что. На зал в том числе. Это — огромный объем, в котором лежат здоровенные глыбы, разделяющие его на шесть камер, в каждой из которых совершенно индивидуальный интерьер и совершенно разные, в том числе новые, типы натек. Причем — все в меру. Если в Е каждый квадратный сантиметр покрыт всевозможными каменными финтифлюшками, и от этого только глаза разбегаются, то в зале имени Морозова нет ничего лишнего. В каждом углу есть некоторая скульптурная композиция, сразу привлекающая внимание, а все остальное выступает только фоном. Как будто работал гениальный дизайнер. В одном углу это композиция из пяти прозрачных сталагмитов, над которыми висят также прозрачные геликтитовые «люстры», в другом — группа растущих с покрытого пушистой красной глиной пола снежно-белых кальцитовых геликтитов, оттененная обрамлением из мелких кустиков арагонитовой «соломы». В третьем — две громадных, тончайших до прозрачности каменных занавеси. В четвертом — этого не ожидали даже мы, и даже всего уже виденного — в обрамлении сверкающих арагонитовых кустов как бы озеро из совершенно плоского и ровного кальцитового натека, метра два диаметром. Прозрачности вот именно речного льда и даже слегка голубоватого. Причем это действительно оказалось озеро. Когда кто-то примерно через неделю потрогал натек, он проломился, и там была вода. Пришлось, чтобы не оставлять разорения, сделать вид, что так и надо — принести фарфоровую чашку с не пошлым рисунком в технике миниатюры, поставить рядом с «прорубью», а еще рядом достать и сложить горкой отломившиеся и утонувшие кальцитовые «льдинки».

Такого пола, как в этом зале, я тоже нигде больше не видел. Вероятно, под ним имеется

нижний этаж, и глыбы пола вследствие протяжек воздуха корродировали (растворились) под воздействием конденсирующейся влаги до состояния совершеннейшего каменного кружева, ломающегося под ногами. Однажды я даже совершенно формальным образом провалился в это безобразии по пояс.

В конце зала — нырок в щель вниз, и мы попадаем в совершенно новый, но более привычный мир. Открывшаяся галерея имела ширину метров десять и высоту — два, пол выстелен толстым слоем удивительно мягкого песка. То тут, то там висели самые обычные сталактиты и стояли самые обычные сталагмиты. Было, на чем отдохнуть глазу, а песок так и манил полежать на нем прилечь и заняться созерцанием. Чего-нибудь родного и привычного, вызывающего ностальгию по обычным пещерам — прохладным, не костоломным, со строгой архитектурой, далекой от изощренности Востока. Это место прочно вошло в наш быт ближайших лет как лучшее место для привалов, а галерею единогласно окрестили Пляжной. Еще через сотню метров она раздвоилась на две штанины, и вскоре обе сузились, оставаясь тем не менее проходимыми.

* * *

Трудно поверить, но все вышеописанное, начиная с Очень Хитрого Зала, было пройдено одной двойкой, в один выход, на едином дыхании. Поэтому понятно, что на раздвоении Пляжной на этот день была поставлена точка. Эта точка и явилась переломом, на котором эйфория закончилась, и штурм, которого ждут годами и десятилетиями, превратился на два ближайших года в обычную спелеологическую работу. Вперед пойдут теперь другие, а я, согласно своему принципу не бывать в ключевых тупиках, займусь боковыми лабиринтами.

СЮР-85 и Пляжная галерея не отпускали нас еще две экспедиции. Сюрпризы были неисчерпаемы. Лабиринт узких труб, завинченных вокруг всей Пляжной, но нигде не отходящих от ее стенок дальше двух метров. Система вертикальных щелевых колодцев, связанных друг с другом на разных уровнях переходниками такой степени узости, что в них не пролезал даже десятилетний сын Галки Куланиной, которого эта постоянная участница наших экспедиций того периода всегда брала с собой. Подвалы, набитые такими рогами и копытами, перед которыми бледнеют самые паскудные участки Б-подвала.

Постепенно на лагере собралось совершенно невероятное количество шанцевого инструмента — штук пять кувалд, скарпели, лопаты, ломы, зубила. В наиболее продуктивные члены экспедиций выдвинулся Володя Детинич. Профессия физика совершенно не мешала ему действовать лопатой и кувалдой гораздо эффективнее всех имеющихся в наличии геологов. Только в 1987 году, когда пройденный метраж стал сопоставим с непосредственно прокопанным, северная кампания была свернута.

Хотя напоследок не обошлось без изумительного завершающего аккорда. Буквально за несколько дней до окончания последней экспедиции в этот район было найдено последнее непройденное продолжение. Точно в потолке зала Варан, в котором мы стояли лагерем. В самом центре потолка на манер дымохода была дырка диаметром с полметра. Обычно такие дыры никуда не ведут, и только в Пляжной мы пролазили как минимум полсотни таких же. Но здесь кто-то додумался поострее сфокусировать свет и просветить дырку. И наверху обнаружился даже не просто объем, а явная галерея поперек нашей. Идущая как раз в ту сторону, куда нам больше всего хотелось.

Что делать? Высота потолка в районе дыры — метров шесть. По потолку не пройти. Известняк рыхлый, крючья в таком не держатся, а от ближайшей стенки четыре метра — не закачнуться. Шеста нет. Кошка не поможет — на полу галерейки явная глина. Да и нету кошки. И тут заходят к нам в гости с лагеря на Баобабе два математика — Степа с Мерксом. Посидел Степа под дырой минут пятнадцать в созерцании, наигрывая на своей флейте, и таки придумал.

Среди нашей амуниции была моя любимая лопата — со стальной ручкой длиной

сантиметров 45, и лезвием толщиной 5 миллиметров. Эта лопата годилась и как лопата, и как большое зубило, весьма эффективное по полуокаменевшей глине. А еще в нижней части ручки была дырка, которую Степа и заметил. Лопата имела длину и прочность, в аккурат позволявшие ей встать в дыре врасclinку, достаточную остроту, чтобы прочно вписаться в пол, и дырку в том самом месте, в котором привязанная за эту дырку веревка давала бы распределение нагрузки, не позволяющее лопате сойти с расclinки. Словом, лопата была как бы специально сконструирована для того, чтобы служить кошкой конкретно для этой дыры.

Сказано — сделано. Естественно, привязать веревку за дырку в лопате — это упрощение. Лезть придется не по веревке, а по тросовой лестнице. За дырку привязываем репшнуром альпинистский карабин, а за него пропускаем вдвое стропу от парашюта — плоскую капроновую ленту, достаточно прочную, чтобы выдержать вес человека, и в то же время достаточно мягкую, чтобы не мешать броску. Когда лопата встанет на место, за эту стропу и подтянем лестницу.

Метанием лопаты в цель развлекались часа три подряд. Кстати, забавное зрелище. Весь состав лагеря наблюдал из партера за этими увлекательными соревнованиями. То просто мимо, то не встает врасclinку, то при первом же подергивании выпадает. Наконец, со Степиной подачи, встала. Минут десять мы ее дергали в разные стороны, подвисали на стропе — надежно. Лучше не бывает. Подтянули лестницу, вбили крюк, за который привязали свободный конец стропы. Начали выборы летчика-испытателя. Я уж не знаю, какое помрачение мозгов на всех нашло, что оным был выбран Меркс, но тем не менее.

По указке Меркса организовали хоть какую-то видимость страховки. Все наличные надувные матрацы сложили кучей под дырой, все мужики заняли позицию вокруг, чтобы по возможности принять падающего Меркса по-гимнастически, дамы пересели в ближние ряды. И — вперед, в смысле вверх. Добрался до дыры в потолке, Меркс прокомментировал, что ход, кажется, идет, но в дыру влезть проблематично. Она узкая, надо тискаться, а опоры нет. Из-за растяжения стропы верхняя ступенька оказалась так низко, что об нее не удавалось толком опереться. И тут этот математик вместо того, чтобы еще немного подумать, начал действовать.

События развивались стремительно. Перво-наперво Меркс попробовал расclinиться в дыре локтями. Не удержался. А вниз посыпался такой поток всякой мелкой дряни, что все, кто обеспечивал гимнастическую страховку, были вынуждены сделать шаг назад и начать протирать глаза. Пока они этим занимались, Меркс додумался до того, что нужно просто взяться рукой за ту же лопату и подтянуться. На чем и полетел. Потому что на такое распределение нагрузки лопата уже никоим образом не была рассчитана.

Дуракам везет. И в данном контексте это не про Меркса, а про всех остальных. То что сверху падал Меркс — неприятно, но ерунда. Высота шесть метров при полуметровой куче дутиков на полу несерьезна и вызывает ассоциации разве что с цирком. При взгляде на лопату, врубившуюся своим заточенным острием в глиняный пол сантиметров на двадцать посередине всего этого скопления народа, ассоциации возникали уже совершенно другие. Как-то произвольно все начали невразумительно мычать и с сомнением ощупывать свои каски — ведь ни одна бы не выдержала.

Из прострации всех вывел громкий мат Меркса, требующего медицинского осмотра. Ничего сломано не было, так что после часового отлежательства и принятия чая, стопки и пары таблеток анальгина, он был уже в форме и уполз обратно на свой лагерь. Так среди кап-кутанской братии появился первый (а пока и последний) член международного клуба летающих спелеологов.

Самое смешное, что дыра, вокруг которой разворачивались эти события, со следующей попытки (через два года) все-таки была покорена Балашихинскими ребятами, но видимый сквозь нее ход затупиковался через пять метров в обе стороны.

На этом официальная история северного прорыва заканчивается. Неофициально был еще один момент, но о нем я расскажу в истории о стыковке пещер. Проход в очень

уязвимые северные районы был перекрыт покапитальнее, экспедиции туда были прекращены, и только несколько раз туда устраивались короткие экскурсии для тех гостей в наших экспедициях, кому ну очень хотелось все это показать.

ПЕЩЕРА С ХАРАКТЕРОМ

Исполнение желания, конечно, должно бы доставить наслаждение, но, спрашивается, кому?

Зигмунд Фрейд

Каждая пещера имеет свой собственный характер, и иногда довольно экзотический. На Кугитанге пещера с нестандартным характером ровно одна — Геофизическая. Если сравнивать с людьми, то эту пещеру можно сравнить с красивой стервой — манит, а коснись — потом не отмоешься.

К такому явлению природы нельзя подходить с традиционными мерками, поэтому мне представляется вполне резонной попытка описать историю этой пещеры будет как бы со позиций стороннего наблюдателя — тем более, что мой собственный вклад в ее исследование равен нулю, и я могу быть хоть отчасти объективным.

Пещера эта, известная также под названиями Зимняя, Каменный Цветок, Гюль-Ширин, и плюс еще пяток названий, вызывает совершенно особый интерес среди других пещер системы. Уже по этому разнообразию названий видно, что истории, связанные с этой пещерой, не могут не быть увлекательными. И это действительно так.

В реальности это — единственная из крупных и красивых пещер массива, открытая достаточно недавно, чтобы до нее не добрались самоцветчики, и тем самым это — единственная пещера, в которой красивые и не порушенные места начинаются от самого входа. И это — единственная пещера, в которой сохранились во всем своем великолепии огромные люстры из гигантских гипсовых кристаллов, создавшие славу пещерам Кугитанга и практически везде уничтоженные.

У нее есть еще несколько достоинств. Во-первых, объемы. Пещера подходит своим орографически верхним концом на небольшой глубине под один из крупных каньонов, и это еще в недавнем прошлом приводило к перехвату пещерой такого количества воды, что практически все глинистые отложения из ближней части были вынесены, а обвальные просели и тоже отчасти были измельчены и вынесены. В результате Геофизическая имеет практически на всем своем исследованном протяжении объемы, сравнимые с которыми встречаются в остальных пещерах системы только фрагментарно — в виде отдельных залов. Суммарно объемы, конечно, не так велики — вся протяженность пещеры составляет четыре с небольшим километра, но — выглядит грандиозно.

Во-вторых, что для нас гораздо важнее, пещера практически не исследована и является в некотором роде резервом. В остальных пещерах системы поиск и вскрытие нового участка сопряжены с длительными поисками и раскопками — все, что можно было легко сделать, уже сделано. Здесь же нельзя исключить возможности наличия даже просто незамеченных галерей. И все потому, что столько вокруг Геофизической было наведено скандалов и конфликтов... Словом, пока они не утихли, ни одна из серьезных групп в нее и не суется, разве что иногда заходят пофотографировать. Сам я именно из этих соображений впервые попал в нее только в 1990 году, спустя пять лет после ее открытия. Когда экскурсия была одновременно предложена местным начальством из Гаурдака, контролирующим эту пещеру, и двумя из ее первопроходцев. До совпадения этих факторов мои этические принципы просто не позволяли мне соглашаться на такую экскурсию.

* * *

Итак, по порядку. Входная щель была, собственно говоря, известна очень и очень

давно. Не знаю, видел ли ее Ялкапов, но в этой части плато он нашел пару пещер и отзывался о перспективах участка с оптимизмом. Когда я работал в 1978 году в самоцветной экспедиции, мы там проводили поисковку и тоже видели эту щель. Даже перекуривали возле нее, нахально пользуясь прохладой мощного потока воздуха из земных глубин. Нам и в голову не приходило, что пещера может так легко открыться — таких щелей с таким ветром мы видели тысячи, копали десятки, и совершенно безуспешно. Конечно, в ту пору нам просто не хватило знаний — расположение этой дыры совершенно однозначно показывало, что она идет строго по верху завала, а это предопределяет легкость проникновения. Мы же в то время копали щели, расположенные поглубже в каньонах (то есть поближе к уровню главных этажей пещер) и представляющие из себя либо малоформатные сыры, либо щели между глыбами в телах завалов. Тривиальная мысль, что завалы высоки и проходимы только по самой кровле, нам и в голову не приходила.

По-видимому, многие другие тоже находили эту дыру, уж больно место очевидное, но — всем им тоже было лень копнуть. Перелом наступил только когда я послал И. В. Черныша с его ребятами и журналистами искать пещеру Вертикальная по неправильной привязке. Когда пещеру не нашли, Черныш совершенно правильно рассудил, что засылать его совсем в противоположный конец хребта я вряд ли стал бы, поэтому она должна быть где-то сравнительно недалеко. Детей под рукой навалом и можно просто прочесать все окрестности, выстроив их цепочкой через пять метров. Что и было сделано.

Привезшие их туда на своих машинах геофизики из КГРЭ долго и с удовольствием наблюдали за всеми этими упражнениями, расположившись на склоне холма вроде как в бельэтаже, но постепенно картина за однообразием стала приедаться. И тут кого-то посетила гениальная мысль. Они отловили группу ребят, слоняющихся неподалеку, и предложили дело.

— Ребята, вам ведь это развлечение уже надоело, и вообще далась вам эта Вертикальная. Маленькая и неинтересная дыра. А слабо новую пещеру откопать? Вот, кстати, и лопата есть, а вон там в ложбинке и щелочка есть, из которой ветерком дует.

Новичкам везет еще больше, чем дуракам. Пещера открылась через полчаса, пошла со свистом, и росло в ней такое, чего никто из присутствующих опять же никогда не видел. Лес гигантских гипсовых сталагмитов, похожих на заснеженные ели, люстры из стекляннопозрачных метровых кристаллов гипса, многое-многое другое. Пещера была немедленно названа Зимней, но подошедший Черныш моментально перекрестил ее в Геофизическую, воздавая дань «наводчикам». Нехорошо конечно, но это стало первым официально зафиксированным названием, и именно его мы и придерживаемся по сей день.

События разворачивались быстро. Это был предпоследний день экспедиции, на следующий была уже сброска. На вокзале в Чаршанге, как всегда, моталось несколько только что приехавших спелеологических групп, дети они есть дети, объяснить им, кому хвастаться стоит, а кому нет, и почему оно так — трудно. А в числе прибывших групп была одна именно того сорта, перед которыми хвастаться ну никак нельзя было, а именно группа Кочеткова из Ашхабада. Рассказы спелеологов всегда интересны, а слайды — красивы, поэтому в природе довольно регулярно появляются группы, занимающиеся исключительно шакальством — вывозом команд фотографов и журналистов в известные пещеры под видом того, что это именно они их исследуют. Те на это легко клюют — в нормальную спелеоэкспедицию пробиться нелегко, пахать там приходится наравне со всеми, а здесь на блюде подносят. Как правило, эти шакалы на самом деле достаточно безобидны и их можно просто игнорировать. Гораздо реже, но все-таки появляются более агрессивные и вредоносные их разновидности, и речь идет об именно такой команде.

Поезд идет от Чаршанги до Москвы трое с половиной суток, и этого времени хватило с запасом. К моменту прибытия в Москву все туркменские газеты и радиостанции наперебой трубили о величайшем географическом открытии нашего века — пещере Каменный Цветок, только что найденной и исследованной экспедицией Кочеткова, а следом и центральная пресса уже начинала подпевать. Черныш был в ярости. Особенно — потому, что был побит

своим же излюбленным оружием, которым владел виртуозно. Ему-то было поделом, но не в нем дело. Открытие украли у детей. Все спелеологи Москвы, имеющие отношение к Кугитангу, ринулись в бой. Когда газетная шумиха схлынула, Кочетков был бит, и со спелеологического горизонта исчез навсегда.

* * *

Черныш немедленно, всего через месяц, устроил вторую экспедицию в Геофизическую. Взять с собой тех же ребят не удалось — каникулы кончились, пришлось взять второй эшелон клуба. Сделанная карта пещеры была вполне удовлетворительной, хотя верить в затупикованность пещеры было нельзя. Дети работали гораздо выше предела своих физических возможностей. Чего стоят хотя бы оставленные под всеми гипсовыми елками комплекты сухих перекусов, которыми питались в последующие два месяца все посетители пещеры!

На этом исследование пещеры и закончилось, но главные события только начинались. Свежесть, красота и легкодоступность пещеры не могли не повлечь дальнейших событий.

Руководитель Гаурдакского спелеоклуба и контрольно-спасательной службы Игорь Кутузов обнаружил, что всячески пропагандирующая свою заботу о сохранении пещер КГРЭ уже отчиталась об открытии нового месторождения мраморного оникса в пещере Геофизическая и составила проект на его разведку. В этом нет ничего удивительного и, как это ни парадоксально, даже нет ничего порочащего руководство КГРЭ. Промышленная геология — это производство, и там есть свои жесткие правила игры. А согласно этим правилам, пещера действительно должна была быть рассмотрена с точки зрения возможности ее уничтожения ради копеечных запасов полезных ископаемых. Вне зависимости от благих пожеланий конкретных руководителей, они просто обязаны были это сделать, и возможностей воспрепятствовать проекту было ровно две. Либо начать массированные протесты общественности, либо — пробить правительственный акт, объявляющий пещеру охраняемым объектом. Я совсем не исключаю варианта, что информация была предоставлена Кутузову напрямую из КГРЭ с санкции руководства именно для того, чтобы можно было своевременно организовать протесты со стороны общественности. Как бы то ни было, ситуация требовала срочных действий, и Игорь принял огонь на себя. Вместе со своим другом Женей (фамилию я, честно говоря, забыл) он забаррикадировался внутри пещеры для того, чтобы предоставить остальным спелеологам тайм-аут на мобилизацию общественности и прессы. Это удалось, причем с неожиданной легкостью. Сказалась накатанность тропинки, да и времена начали меняться — в воздухе уже появился запах гласности. Словом, проект был заморожен.

Чем дальше в лес, тем больше дров. Драматические события вокруг пещеры Геофизическая создали ей хорошую рекламу, и ее уже нужно было защищать не столько от геологов, сколько от туристов. А кто защищает, тот и контролирует. А кто контролирует, тот и стрижет купоны. И если не вполне материальные, то хотя бы моральные.

* * *

Отчасти нашими стараниями на Кугитангтау был организован государственный заповедник республиканского ранга. Под крышей Минлесхоза. Который в пещерах ни уха, ни рыла. Зато малейшую возможность получения прибыли реализует с блеском. Геологов из КГРЭ аж возмущение взяло — явно геологический объект, а охраняют лесники. И тут выяснилась самая пикантная подробность всей этой истории с заповедником. Границы заповедной зоны определены, и пещеры в них не попадают. Границы же буферной зоны (заказника) неясны совершенно, и землеотвода под них нет, хотя в документах по заповеднику наличие такой зоны однозначно указано.

И тут такое началось, как говаривал поручик Ржевский, правда по другому поводу.

Контроль над пещерой переходил из рук в руки по два-три раза в год. Была установлена железная дверь. То одни, то другие регулярно спиливали замок и заменяли своим.

— Ах, у вас постановление Верховного Совета о границах заказника? А у нас указ Президента, что пещеры наши!

— А у нас разъяснение к этому указу.

— А у нас следующий указ, по которому все недра контролирует Министерство Геологии!

И так далее.

Идиллию позиционной войны нарушали туристы, тоже периодически спиливающие замок. Это воспринималось всеми как акции противной стороны, и побуждало к более активным действиям. Разобраться, кто прав, а кто виноват в этой продолжающейся вот уже четыре года баталии, невозможно. Вроде бы заповедник призван охранять и сохранять, а задачи КГРЭ — диаметрально противоположные. КГРЭ ведет некоторые долговременные научно-исследовательские программы в пещерах, что по идее следует делать заповеднику, но он этого не делает. Заповедник, вопреки любым понятиям о статусе подобных организаций, пускает туристов в пещеры за деньги, не делая никаких попыток к устройению неразрушающего маршрута, то есть — занимается хищнической эксплуатацией. КГРЭ не пускает в пещеры неконтролируемые группы и строго следит за маршрутом, но оборудования троп и освещения тоже не проводит. Если в регионе возникнет существенная безработица, а контроль над пещерой будет у КГРЭ, возобновление горных работ неизбежно. Словом, хрен редьки не слаще.

Но пока что это противостояние является даже в какой-то степени полезным, и если бы оно не возникло само, его следовало бы создать искусственно. В тактическом аспекте только это противостояние сохранило Геофизическую от немедленного разграбления. Взаимное недоверие было именно тем, что доктор прописал. Стратегически это противостояние тоже дало гораздо больше хорошего, чем плохого — появилась почва для соревнования в составлении долговременных неразрушающих проектов. Однако самой большой проблемой в организации сохранения пещер, не решаемой в этом противостоянии, оказалось глобальное изменение психологии местного населения, особенно — геологов. С тем, чтобы к пещерам прекратили относиться как к источнику сувениров. Эта проблема до конца не решена и по сию пору, это вопрос не нескольких лет, а скорее десятилетий, но — конфликтная обстановка вокруг Геофизической отчасти ускорила процесс, и вероятно приблизила как минимум на десяток лет решение этой проблемы. Более того, Геофизическая, являясь острием конфликта, помогла привлечь внимание и к остальным пещерам массива, форсировав процесс пересмотра отношения к ним.

К чести сторон надо сказать, что все это противостояние остается их внутренним делом, и напрямую не касается ни спелеологов, ни туристов. Спелеологов исследовательского толка обе стороны полностью уважают, препон в организации экспедиций не ставят и mzды с них обычно не имеют. Туристам немного посложнее попасть в пещеру, когда контроль у КГРЭ, и подороже, когда контроль у заповедника. В общем, что в лоб, что по лбу. Хотя бывают и исключения — когда туристами оказываются студенты-геологи, КГРЭ к ним из очевидных побуждений благоволит.

Как это ни странно, все эти проекты с экскурсионным маршрутом, вынашиваемые обеими сторонами, не лишены смысла. Действительно, Геофизическая — единственная пещера массива, в которой можно без особых затрат проложить туристский маршрут экстра-класса, каким не могла бы похвастаться ни одна коммерческая пещера в мире. Расширять проходы практически не нужно, единственное, что нужно — проложить капитальные тропы и лестницы, оборудовать шлюзом на входе и освещением, и провести моделирование пропускной способности пещер по единственному параметру — рассеиванию тепла, выделяемого туристами и инженерным оборудованием. Все дальнейшее — дело рекламы и организации. Беда в том, что и под эти элементарные вещи никто не хочет, да и не может, делать вложений. Туркменистан, хоть и существенно стабильнее

других республик бывшего СССР, все равно не может гарантировать в обозримом будущем достаточного потока туристов, чтобы вложения окупились. Видимо, единственный разумный вариант на ближайшие годы, а возможно, и десятилетия, состоял бы в консервации пещеры с полным запретом любой коммерческой деятельности до предъявления на государственную, а лучше международную, экспертизу, неразрушающего проекта. Но, похоже, это из области утопии.

* * *

Мое первое посещение Геофизической, как я уже говорил, относится к 1990 году, и было весьма замечательным со многих точек зрения. В экспедиции у меня было двое американских спелеологов — Питер и Энн Бостеды, известные исследователи самой знаменитой в США пещеры Lechuguilla, знаменитой в частности своими гипсовыми люстрами того же типа, что у нас сохранились в первоизданной чистоте и красоте только в Геофизической. Показать им Геофизическую очень хотелось, тем более, что были предложения такую экскурсию устроить. Во-первых, от С. М. Ташева, директора КГРЭ, а во-вторых, от Леши Голованова и Кирилла Бородина — двух ребят из Балашихи, из числа первопроходцев пещеры. Так что я с удовольствием сдался, и экскурсия была устроена. Как всегда, в последний день экспедиции, и как всегда, с большими приключениями.

Которые начались с прибытия к пещере. Дверь не открылась. Какие-то туристы достаточно долго уродовали замок молотком и зубилом, чтобы заклинить его начисто. У привезшего нас шофера-гида нашлись и монтировка и молоток, так что решили мы завершить черное дело. Естественно, с тем, чтобы назавтра был поставлен новый замок.

Дверь была устроена грамотно. Вбетонированная половинка железной бочки в качестве портала и откидывающаяся стальная дверь чуть ли не в сантиметр толщиной. Большой висячий замок расположен внутри. Дотянуться до него можно только засунув обе руки в специальные дырки в двери и согнув их таким образом, что не размахнешься. В общем, молотком и монтировкой теоретически открыть невозможно. Только ножовкой, которой нет. Если бы у нас был свой багаж, проблем бы не было — любого инструмента навалом, но он был на подземном лагере.

— Я эту пещеру откопал, я ее и еще раз откопаю! — заявление Кирилла, нашедшего метрах в десяти возможный параллельный вход, придало жизни некоторый смысл. И работа закипела. Когда через пару часов шофер заявил, что ждать нас он, пожалуй, не сможет, а гид нам все равно не нужен, мы с удовольствием его отпустили с тем, чтобы после экскурсии добраться обратно пешком (какая ерунда, всего километров пятнадцать, и всего два каньона форсировать). А также с тем, чтобы на завтра он привез не только новый замок, но и немножко цемента для бетонирования нового альтернативного входа.

Затея с выкапыванием нового входа, естественно, провалилась — его докопали до того места, откуда уже был виден замок, но — через щель шириной сантиметров в пять между громадными монолитными блоками. Для разделки этой щели нужен был инструмент уже несколько иной весовой категории и несколько больше времени, чем мы располагали.

Так как вечерело и становилось весьма холодно, приходилось интенсивно думать. И один дефект конструкции в этой двери мы таки нашли. Не расскажу, какой — по моим сведениям, его так и не исправили — но после его понимания оборотить замок удалось с легкостью. И мы оказались внутри еще до наступления ночного холода. Легально и со взломом в одно и то же время.

Балашихинским ребятам очень хотелось все нам показать, а нам — все осмотреть и все сфотографировать. Что и говорить, дыра достойная. Так что в результате получился самый длинный выход в моей практике — в пещеру мы попали через пятнадцать часов после подъема, были внутри несколько более суток, обратно добирались пешком и непросто. Потому что тропу мы помнили только приблизительно, а переход каньонов без тропы — занятие еще то. До Кап-Кутана добрались, держась на ногах только за счет крепости

выражений на каждом шаге. И это была только часть сей эпохальной экскурсии — она заняла столько времени, что пришлось без перекура высепуливать лагерь, сбрасываться и отъезжать в Самарканд. Обходиться без сна пришлось суммарно часов семьдесят. Похоже, что решающим фактором, который сделал такой подвиг возможным, оказались гости в нашем лагере. Это была экспедиция англичан, привезенных Юрием Дублянским,¹⁶ который сам был на Кугитанге впервые. Мы с ними уже встречались за несколько дней до того, и уже с немалым удовольствием послушали их речи о «специалисте», привезшем их показывать район, о котором не имеет ни малейшего представления. Хотя в некоторых областях спелеологической науки он действительно специалист-прима. Просто почему-то решил себя попробовать в шакальском жанре. Итак, в наше отсутствие они пошли на экскурсию в нижние этажи Кап-Кутана Главного, а карт новых интересных районов этих этажей, доклады о которых и привлекли их внимание на последнем международном конгрессе, у них не было. В результате они обнаружили наш водопровод в Б-подвальный лагерь и решили, что по нему-то до этих районов и можно добраться. На чем и провели более чем километровую ползучую экскурсию по мерзейшим костоломным шкурникам, без единой красоты в окрестностях. Хотя могли бы и немного подумать — красоты растут в более или менее обводненных частях пещеры, так на кой леший туда водопровод? В общем, приходим мы из Геофизической в свой лагерь, а они, как и положено цивилизованным людям, метрах в ста от него разожгли свой примус, пьют чай и матерятся на свой лад. Мы, понятно, с устатку, хорошее развлечение ох, как нужно, тем более — после высепуливания балдежа на поверхности и пугания мурмулей¹⁷ не предвидится. Поржали, конечно, над их экскурсией, но чувствуем — мало. Нужно добавить. И тут Степа сориентировался.

— Мужики, а я слышал, что вы завтра собираетесь в Геофизическую?

— Угу. Нам Ташев даже запасной ключ дал.

— Вот я именно об этом. Там мурмули замок сломали, а мы доломали. Сегодня новый поставят. Так что ваш ключик теперь не подойдет. Но это ерунда — мы там метрах в десяти новый вход откопали, можете воспользоваться. Устроен он так-то и так-то, а в конце плитой придвинут, чтобы всякие не лазили — отодвинете плиту и лезьте.

Естественно, о том, что плита тонн на двести, он умолчал. И вот только теперь, после Степиных слов, мы приободрились и почувствовали в себе силы на дальнейшие подвиги.

* * *

Как и положено пещере с таким характером, моя вторая и последняя экскурсия туда оказалась не менее анекдотичной. С тех пор прошло уже несколько лет, и, учитывая особенности человеческих взаимоотношений на Востоке, я уже могу все рассказать, не опасаясь последствий для моих друзей.

Был такой период, когда и мы думали подключиться к играм с коммерциализацией пещер, но вовремя дали задний ход, перенеся, так сказать, эту болезнь в легкой форме. В разгар этой эпопеи, Ташев пригласил нас на переговоры, на которые мы и поехали делегацией в составе — я и Глебов. Быстро выяснилось, что время на одну экскурсию у нас будет, а раз так, Ташев предложил Геофизическую. Вдвоем фотографировать неудобно, и мы быстренько вызвали телеграммой Гришу Пряхина из Самарканда — одного из наиболее интересных и колоритных среднеазиатских спелеологов. К тому же — Гриша в нормальной обстановке, когда без беготни, в Геофизической тоже еще не был. Гриша примчался

---

¹⁶ Не могу утверждать, что экспедиция была затеяна именно Юрием — за ним шакальства обычно не водится. Возможно, он был приглашенным консультантом, тем более, что советская часть этой экспедиции была велика и разнообразна, а английская явно тяготела к тем, кто хоть что-либо в пещерах понимает.

¹⁷ Мурмули и их пугание — понятия весьма сложные, для объяснения которых будет отдельная глава.

немедленно. Ташеву на всякий случай решили его пока не показывать — мало ли как пойдут дальнейшие переговоры, а агентурное прикрытие всегда пригодится.

К началу экскурсии выложился не вполне приятный сюрприз — приехала группа каких-то студентов, и нас попросили заодно и им показать пещеру. Так что наши планы побродить одним оказались под угрозой. Ключи от пещеры нам, естественно, не дали, да мы и сами не просили, так как жесткий подход в этом вопросе реально нужен. Всех нас сопровождал сотрудник КГРЭ с ключами, при большинстве экскурсий выполнявший роль гида. Наша задача заключалась в том, чтобы отделаться от студентов, и решить ее можно было двумя способами: либо перевалить их на одного сотрудника — Елдаша (как ни странно, но это его имя, а не кличка), либо поводить их немного самим, после чего отправить назад в Гаурдак, а самим остаться.

Первый вариант отпадал уже просто потому, что Елдаш неважно себя чувствовал и никакого желания лезть в пещеру не имел. Второй, похоже, тоже отпадал — Ташев, если бы мы попросили ключи у него, наверное, дал бы, но если бы узнал, что нам их дал Елдаш — здоровья у того стало бы существенно меньше. Постепенно договорились — Елдаш нам оставит-таки до завтра ключи, мы доберемся в Гаурдак не позже одиннадцати утра и вернем их до прихода Ташева на работу. А для того, чтобы Ташев не узнал расклад косвенными методами, перед студентами будет разыграно театрализованное представление, что они уезжают, а мы уходим пешком в Промежуточную.

Человек предполагает, а Бог располагает. Когда мы под утро выскреблись с нижних этажей в главный зал и развернулись напоследок сфотографировать этот колоссальный объем, хаотически забросанный камешками размером с небольшой дом, я подметил, что поставленный на камень штатив не издал характерного звука. На камне лежал пенополиуретановый коврик. Которого заведомо не было, когда мы шли вниз — отдыхали на этом же камне. Означало это ровно одно — какая-то команда только что прошла в пещеру, воспользовавшись открытой дверью, и находится теперь где-то внутри. Заодно это означало, что пока мы их не найдем и из пещеры не выкурим, запираться нельзя. Оставлять вход открытым — тоже нельзя.

Не думаю, чтобы пещеры Кугитанга когда-либо еще видели такие темпы поисково-спасательных работ. Ребят спасло (не от отсидки в запертой пещере, а от нашей обиды за подведенного Елдаша) только то, что они были совсем чайниками, но чайниками изобретательными. Тоже студенты, причем из МГУ. Не зная пещеры и не имея карт, они решили маркировать пройденный путь не пошлыми бумажками и веревочками, которых там и так полно, а предметами собственного туалета и экипировки — тут пенка, дальше штаны, еще дальше — свитер... Когда шмотки закончились, они стали базировать на перекрестках своих женщин, уже практически раздетых. Процесс поиска, сопровождаемый сбором шмотья и женщин, вполне примирил нас с действительностью, но времени прошло все-таки немало. Поминутно рассчитанный обратный маршрут рушился. Настал день, наверху жара. Пятнадцать километров по утренней прохладе и по жаре — как говорят в Одессе, две большие разницы. Более того, на шоссе мы вышли только ко времени обеденного затишья, когда хрен какой транспорт поймашь.

А Елдаша мы спасали так. Уже в Гаурдаке, по дороге от автостанции к гостинице, ситуация смоделировалась. Вероятнее всего, Ташев спросил Елдаша о ключе. Тот наверняка заявил, что забыл его дома, пошел за ним домой, и там и отсиживается. Где у него дом, мы не знаем, а спросить можно только в КГРЭ, куда соваться не след. Ибо нас там заведомо изолируют, а за Елдашом пошлют. В гостинице до передачи Елдашу ключа тоже появляться не стоит — она ведомственная, принадлежит КГРЭ, и Ташеву о нашем появлении немедленно доложат. Выход один — возрадовавшись, что Гришу мы никому кроме Елдаша не показывали, отправить его в КГРЭ за адресом Елдаша, после чего сразу к нему домой, а нам со Славой двигаться по маршруту базар (35 минут) — гостиница (15 минут) — КГРЭ неторопливым шагом. По дороге мы должны были увидеть Гришу напротив условленного магазина, что означало бы выполнение его части задания. Но — не подходить к нему, пока

Ташевскую агентуру не деактивируют. Операция прошла блестяще и модель совпала с реальностью вплоть до мелочей.

И пусть теперь говорят о непредсказуемости Востока.

VERY BLYATIFUL

У людей не хватает воображения. Они только повторяют, что им скажешь.

Сент-Экзюпери

Вынесенная в заглавие идиома органично соединяет английское «very beautiful» (очень красиво) с несколько менее цензурным русским выражением совершенно обратного значения, чрезвычайно точно отражая суть взаимоотношений кап-кутанских спелеологов со всевозможными пещерными красотами. А взаимоотношения эти весьма неоднозначны. Главным образом в зависимости от того, происходит ли созерцание некоторой конкретно взятой красоты или производится попытка просочиться мимо этой красоты не сломав ее. Особенно — если оных красотей много, и они со всех сторон начинают цепляться за волосы и одежду.

Любование пещерными красотами среди спелеологов сильно отличается от подобного занятия у попадающих в пещеру не-спелеологов (например, у экскурсантов) примерно так же, как отличается японская концепция любования природой от европейской. Не следует путать с «японским туризмом» в Европе. Бег с фотоаппаратом между заранее намеченными точками отнюдь не есть японская традиция созерцания природы. Турист на коммерческом маршруте в пещере вынужден вести себя именно так — осматривая все на ходу, в лучшем случае на трехминутной остановке, заполненной трепом экскурсовода. А так нельзя. Совершенство убранства подземных дворцов невозможно постичь без длительного молчаливого созерцания, не совместимого ни с какими рассказами и ни с каким передвижением.

Фантазия природы неисчерпаема совершенно, и особенно ярко это воплощается именно в убранстве пещер. Действительно красивый зал, даже скромных размеров, декорирован так, что на всех уровнях его организации, от общей панорамы и до единичных кристаллов размером в сантиметры и миллиметры, есть свои шедевры. В Кап-Кутане все это возведено в энную степень по сравнению с «обычной» пещерой. В любом из красивых залов, лежащих на моих стандартных маршрутах, я даже на двадцатый или сороковой раз всегда нахожу для себя что-то новое и долго удивляюсь, как я мог не замечать раньше самого прекрасного уголка или куста кристаллов. Вероятно, это связано с тем, что у человека просто некоторый порог эмоционального восприятия, за которым чувства просто отключаются до следующего посещения.

Кстати о японцах, а заодно и о прочих восточных народах. Совершенно не понимаю почему, но народы, возведшие созерцание творений природы в культ и даже отчасти обожествляющие их, красотами подземных дворцов, как правило, не интересуются, подходя к пещерам в основном весьма утилитарно. Это совершеннейший парадокс. В подземном мире органично сочетаются до полного слияния как богатство и индивидуальность форм живой природы (многие минеральные формации развиваются просто по тем же закономерностям, что растительный мир), так и строгость и совершенство форм природы неживой. Каким образом народ, одновременно понимающий красоту Фудзиямы и красоту вишневого ветки, может этого не понимать и не воспринимать — загадка. Тем не менее, спелеология — практически исключительная прерогатива европейцев и американцев европейского происхождения, и исключения здесь весьма редки.

Естественно, среди европейцев тоже далеко не общепринято понимание истинной красоты пещер. Для того чтобы ее понять и принять, нужно уметь мыслить немного «по-японски». Всякие общепринятые среди экскурсоводов коммерческих пещер извращения

со сравнениями — обратите внимание, этот сталактит похож на бегемота, а этот на колбасу (я, естественно, утрирую, но совсем немного) — абсолютно несовместимы с этим образом мышления. Каменный цветок красив не потому, что похож на что-либо более обыденное. Он красив сам по себе, и только поняв это, можно увидеть в нем красоту, а не курьез. Это же несоответствие порождает и вторую крайность — когда красоты начинают преподноситься экскурсантам как чрезвычайно интересные научные объекты. В большинстве случаев они, конечно, таковыми и являются, но главное далеко не в этом.

* * *

Отдав много сил и лет изучению минералогии пещерных красотей, я осмелюсь изложить свое понимание этой дилеммы. Я люблю пещерными натеками, потому что они красивы. Но не потому, что они мне интересны. Я их изучаю, потому что они мне интересны. Но не потому, что они красивы. И по возможности я никогда не совмещаю эти два занятия.

Пещера — это не объект, а особый мир, и как это положено миру, красота пещеры отнюдь не заключается только в декоре (например, натеках). Сами формы подземных объемов тоже зачастую являются шедеврами, во многом превосходящими самые различные архитектурные стили. Не менее интересна вода. К сожалению, в Кап-Кутане совершенно отсутствуют подземные реки и водопады, составляющие значительную часть красоты многих и многих пещер. Прозрачности пещерных вод могут позавидовать не только горные ручьи, но и океанские глубины. Ручьи, оформленные каменными плотинами (гурами), по которым сотнями каскадики стекает вода, являются для пещер нормой, а при обнаружении подобных на поверхности земли (в долинах гейзеров) начинается прямо-таки туристический фурор. Несмотря на то, что вода в гейзерах грязная и вонючая.

Озера именуются и в Кап-Кутане, особенно в подравнинных гидрогеологических коллекторах, не связанных напрямую с системой, а вскрытых провалами с поверхности. Подземное озеро практически ничем не напоминает обычное. На нем не бывает волн и даже малейшей ряби. Отсутствие как течения, так и волн заставляет воду отстаиваться и увеличивает ее и без того невероятную прозрачность. Глубину воды нельзя оценить на глаз, а иногда даже нельзя определить ее наличие. Оказаться по пояс в воде, спрыгнув в ямку, выглядящую совершенно сухой — вполне распространенный вариант. И дело здесь даже не только в прозрачности. Свет, идущий от спелеолога, а другого света просто нет, не может дать бликов на поверхности воды, если на ней нет ряби, и не может дать рассеивания, если в ней нет взвеси. Прозрачные озера обычно распознаются только по цвету воды и, если они невелики, только тренированным глазом. Не могу сказать, почему, но бесцветной воды я просто не видел. Она всегда имеет некоторый оттенок либо голубого, либо зеленого. Многие фотографы даже этим искусно пользуются, создавая поразительные световые эффекты с помощью вспышек, погруженных в озеро.

Вообще понятие озера довольно растяжимо. В спелеологии, особенно в сухих пещерах, озером называют любой объект со стоячей водой, размером более квадратного метра, то есть иногда даже явную лужу. На самом деле в этом есть смысл, о чем чуть позже. Но некоторые озера — огромны. Так, в пещере Кап-Кутан Первый имеется озеро длиной более двухсот метров, занимающее практически целиком огромный зал и несколько тупиков. Глубина его от трех до семи метров и голубая вода настолько чиста, что плывя на лодке со слабым фонарем, можно отчетливо различить каждую песчинку на дне. Оно, как и практически все большие подземные озера, практически не имеет берегов, занимая всю площадь залов и галерей. Дикая красота его совершенно неопишима даже несмотря на то, что в пещере нет никаких натеков. Теперь о лужах. Маленькие озера типа луж очень по многим соображениям могут вызывать уважение ничуть не меньшее, чем большие. Во-первых, объем подземного озера может не иметь прямой взаимосвязи с площадью видимого зеркала воды. В лужице метрового диаметра может оказаться сифон (подводный проход) огромной длины и глубины, а другой конец озера — за сифоном — может быть много больше находящегося перед

глазами. Даже если сифона нет, глубины во многие метры и даже десятки метров в крошечных озерах совсем нередки.

Но даже если озеро действительно маленькое и скрытой части не имеет, его эстетические достоинства могут быть весьма велики. Большие озера обычно лишены растущих в воде минеральных образований, а в маленьких это обычное дело. Некоторые маленькие озера совершенно фантастически красивы. Так, уничтоженное во время горных работ Озеро Кувшинок в Промежуточной было замечательно тем, что на всей его поверхности «плавали» надетые на сталагмиты тарелки заберегов из крупных прозрачных кристаллов желтого и оранжевого кальцита, чрезвычайно похожие по форме на листья кувшинок. Впечатление усиливали отдельные торчащие из воды сантиметров на пять сростки крупных кристаллов, очень похожие на готовые раскрыться бутоны.

Встречаются и совершенно необычные озера. Пожалуй, самое странное ощущение при встрече с озером у меня было, когда мы нашли Второе Голубое Озеро в Промежуточной. Этот кусок пещеры представляет из себя «узел» вертикальных щелей, спускающихся вниз метров на десять из одного и того же зала и выходящих на одном и том же уровне на совершенно одинаковые озера с пронзительно голубой водой, связанные друг с другом системой сифонов. Поэтому, когда мы нашли в этом зале еще одну точно такую же щель, ничего неожиданного не ожидалось. Щель шла не совсем вертикально, и спускаться было удобно — не в распоре, а скользя вниз головой по покатоному глиняному полу с довольно большой скоростью. За метр или полтора до видимой поверхности воды, очень голубой и очень прозрачной, как и в соседних озерах, я заметил, что здесь что-то не так. Соскользнув уже существенно ближе к поверхности воды, я понял, что именно. Не тем было поведение частичек глины, сыплющихся вперед. Они не тонули! Я даже не успел понять, что это означает, как в следующую секунду уже воткнулся в озеро вытянутой вперед рукой. И разбил тончайшую корку абсолютно прозрачного кальцита, покрывающую всю поверхность озера. До сих пор не понимаю, откуда ей было взяться — я сам был первопроходцем на соседних озерах, связанных с этим узкими сифонами, и ничего подобного в них не было. Почему из четырех выходов одного озера пленкой оброс только один, необъяснимо совершенно.

Второе необычное озеро в системе — сифонное озеро в галерее Кузькина мать. Собственно, в этой галерее необычно не только озеро — но озеро бьет все рекорды по числу редко встречающихся особенностей. Длинная узкая галерея является единственным проходом между основной частью пещеры Кап-Кутан Главный, и объемистой северо-западной системой, заведомо имеющей к тому же свое, не найденное пока соединение с поверхностью. Поэтому Кузькина Мать — одна из самых ветровых галерей в системе. Чего долго не замечали. Когда на поверхности резко меняется погода и система воздушной циркуляции в пещере начинает перестраиваться на новый режим, галерея Кузькина Мать начинает с совершенно поразительной громкостью гудеть и реветь. Как органная труба одного из самых нижних регистров. Эффекту добавляет природный резонатор — идущий по потолку пласт более плотного известняка, разносящий и резонирующий звуки на сотни метров вокруг. Этот концерт обычно продолжается два-три дня, пока пещера не войдет в новый режим «дыхания» и не уравниются давления в буферных объемах. После этого ветер снова становится умеренным.

В то время, когда Кузькина Мать поет, воздух в галерее становится ощутимо плотным, а так как ползущий спелеолог еще и перекрывает своей задницей больше половины ее поперечного сечения, впридачу к гудению появляются свист и визг. По мере приближения к сифонному озеру в аккорде добавляются новые ноты, и у самого озера слышно уже практически только высокие ноты надсифонных отверстий. Причем с такой громкостью, что даже разговаривать трудно. Дело в том, что сифон, естественно, для воздуха непроходим, но выше сифона в цементированном завале есть несколько дыр размером с кулак. В спокойное время это очень помогает — через дыры можно переговариваться в обход сифона, что делает ненужной телефонную связь. Во время ветров эти же дыры превращаются в мощную флейту.

«Музыкой» дело не ограничивается. Подойдя в первый раз к сифону во время ветра, мы были поражены тем, что по озеру гуляли волны, взбиваемые мощным потоком воздуха из этих отверстий. Зрелище абсолютно феерическое и абсолютно нереальное — волн на подземных озерах в обычных условиях просто не бывает.

Однако самое неожиданное в этом озере — это то, что у него внутри. В сифоне потолок увешан сталактитами до состояния плотной и местами непроходимой решетки. Сталактиты под водой расти не могут — им нужна медленно капающая вода и достаточно воздуха вокруг. Тем не менее, это именно сталактиты. Озеро расположено точно под днищем каньона и наполняется за счет прососа части поверхностных вод по трещинам. Видимо, раньше эти воды уходили куда-то дальше вниз, озера не было, зато росли сталактиты. Когда дренажная трещина закупорилась глиной или натеком, появились озеро и сифон, а сталактиты ушли под воду. Так или иначе, эти подводные заросли чрезвычайно необычно выглядят и создают массу проблем при нырянии — цепляются. При первопрохождении сифона, выполненном в 1981 году подводниками группы Свистунова, им пришлось нырять, держа акваланги перед собой и пробивая проход в сталактитах баллонами. Пару лет спустя в сифоне произошел случай, который был бы страшноватым, если бы не анекдотичность ситуации в целом, впрочем, абсолютно характерная для всей кап-кутанской спелеологии. Женя Войдаков решил пойти пофотографировать за сифон, захватив в качестве ассистентов одного из опытных спелеологов и пару новичков. Аквалангов не взяли — при длине сифона семь метров, высоте метр и глубине метр акваланги реально только мешаются, ходовой конец был по всему маршруту надежно провешен, и возможность организации хорошей принудительной страховки тоже была.

Один из новичков, нырнув, умудрился-таки выпустить ходовик из руки и запилиться в чашу сталактитов, где и зацепился за один трусом. Пока он нащупывал трусы и сталактит, как раз и прошли критические пять секунд, по истечении которых при отсутствии движения страхующий начинает предпринимать меры. На страховке стоял Женя, и возможностей у него было две — нырнуть навстречу или попытаться вытащить за страховочный конец. Вероятно, Женя был прав, выбрав второй вариант. Сил у него навалом, да и подмога рядом была, так что беднягу, уже снявшегося со сталактита, в пожарном порядке протащили сквозь самый густой в окрестности сталактитовый лес. Сшибая его головой отнюдь не тонкие и отнюдь не такие уж хрупкие каменные сосульки.

Головы у большинства спелеологов тренированные и прочные, так что с этой стороны все было в порядке. Чего нельзя было сказать о других частях тела. Острыми пеньками от сломанных сталактитов бедняге так исполосовало спину и бока, что вид у него был такой, как будто его за этот самый страховочный конец выдергивали не из сифона, а из лап тигра, которому очень не хотелось расставаться с живой игрушкой.

* * *

Постепенно мы добрались до еще одной характерной составляющей подземного мира — до звуков, которые тоже имеют мало общего со звуками мира подлунного.

Самый распространенный под землей звук — это звук капли. В полной тишине звук падающих капель может быть слышен за сотню метров и может быть похож на что угодно, кроме нормального плеска, имеющего место быть в том единственном случае, когда капли падают в озеро. Капля воды — основной архитектор-декоратор подземных дворцов, и именно работой капель создано большинство из каменных чудес. Было бы прямо-таки странно, если бы капли не создавали и каких-нибудь мелких удобств «для себя лично». И они их действительно создают. Иногда это пробитые каплями растворяющего состава тончайшие трубочки в каменных натеках. Капля падает из года в год, из века в век с одной и той же точки, и — при отсутствии ветра попадает тоже в одну и ту же точку. Получающийся канал издает при падении очередной капли чистейший музыкальный тон. Если же этот канал пробит в не трещиноватом монолитном сталагмите, сталагмит может на падение капли

отзываться и своим тоном, тем же, которым он звенит при ударе. Получается капель, звучащая аккордами. Реже, но встречаются и трехтоновые аккорды — это когда уже отзывается сама галерея, в которой все происходит. В Кап-Кутане довольно много наклонных и потому лишенных глины галереек, покрытых со всех сторон монолитной натечной корой и отзывающихся собственным тоном даже на очень тихие звуки.

Если капля выбивает себе канал в глине, канал этот часто обрастает кальцитово-коркой, и эта же корка образует своеобразный «блин» на глине вокруг дырочки. В зависимости от типа контакта «блина», служащего резонатором, с глиной, звук такого инструмента получается более или менее надтреснутым. Если же в трубочке образуется пещерный жемчуг, добавляется и стук жемчужин друг об друга и об дно.

В некоторых залах слушание капли превращается в совершенно отдельный способ времяпровождения, иногда весьма и весьма приятный.

Распространенный в обводненных пещерах шум ручьев и водопадов на Кугитанге отсутствует полностью, поэтому я и рассказывать про него не буду.

Следующая часть звуковой гаммы — то, что делает пещера со звуками вполне человеческого происхождения. Сильное эхо — это только часть эффектов. Резонаторы из кальцитовых корок иногда могут усилить самые слабые звуки до того, чтобы сделать их слышимыми. Например, стук сердца лежащего на такой коре человека может быть свободно слышен метрах в пяти.

Кальцитовые натёки, особенно крупные геликтиты, настроены каждый на свой тон и избирательно отзываются на звук. В результате шипение, скажем, зажженной спички в разных местах звучит совершенно по-разному. Единственное, что везде одинаково — так это то, что человеческая речь на дистанции более двадцати метров становится совершенно неразборчивой. Хотя в отдельных случаях она может быть слышна и с гораздо большего расстояния. Я уже упоминал о специфических слоях известняка, по которым звук разносится очень далеко — речь метров до ста, шаги — до двухсот, а стук молотка — до полукилометра.

Своеобразной вершиной пещерных звуков является звон натёков. Естественно, только кальцитовых и только плотных — у остальных не хватает резонирующих способностей. Каждая сосулька, каждая закорючка при прикосновении начинает петь. Практически во всем мире в сталактитовых пещерах в программу экскурсий входит прослушивание мелодий, исполняемых гидом на «ксилофоне» из сталактитов. Это все не то. Во-первых, потому что выбираемые мелодии не имеют гармоничного сочетания с капелью. Во-вторых, я нигде не слышал звука такой чистоты и силы, как в Кап-Кутане. Последнее объясняется тем, что при очень медленном росте в условиях дефицита воды кап-кутанские натёки почти не имеют глинистых примесей, сажающих звук, и имеют более плотную упаковку кристаллов, повышающую резонансные возможности. Пара сталагмитов высотой в рост человека, стоявшая в одном из залов с хорошей акустикой в пещере Хашм-Ойик, из-за своего феноменального звучания так и называлась Поющими Идолами. К сожалению, самоцветчики распилили эти сталагмиты на облицовочную плитку, но мне еще довелось их застать. Получивший пинка сталагмит издавал очень низкий колокольный звон, державшийся в воздухе четыре с половиной минуты — я даже замерял время.

Звон натёков всегда сопровождает любое передвижение по декорированным залам и лабиринтам, даже если к натёкам и не прикасаться. Они отзываются на разговоры, на шаги, словом — на все. Если же декорированный лабиринт становится настолько узким, что натёки приходится трогать и даже разрушать, это уже совсем другие звуки и совсем другая история, и речь о том пойдет несколько позже.

Особняком стоят звуки неопознанные. Кугитангтау — сейсмичный район, и, по всей вероятности, в большинстве случаев эти звуки имеют отношение к мелким землетрясениям. В 1984 году нам на лагере в зале Баобаб пришлось такое слышать. Очень большой силы и очень низкий звук, практически на грани перехода в инфразвук, возникший трижды за пятнадцать минут и державшийся каждый раз секунд по сорок. Звуки, похожие на шаги и периодически слышимые в районе северных завалов пещеры Хашм-Ойик, имеют

практически то же происхождение. Пещера отграничена к северу громадными завалами, высотой чуть ли не в сотню метров. С просто так завалов подобного размера, естественно, не бывает. Они, конечно, вызваны проходящим там активным разломом, по которому происходят микроподвижки. От этих микроподвижек срываются новые камни, и вот такой камень, скачущий вниз по завалу, и издает мерные удары, которые эхо превращает в шаги. Впрочем, настоящие шаги иногда тоже слышатся, даже если отсутствие других спелеологов гарантировано. Дикобразы. При хорошем резонансе отличить их от человеческих практически невозможно. Подобные звуки и порождают множество легенд о всяких «белых спелеологах», «двуликих» и прочей нечисти, весьма популярных в среде начинающих спелеологов старшего школьного возраста.

* * *

Наконец, последнее, о чем стоит поговорить, описывая прелести подземного мира — запахи. Точнее, полное их отсутствие. Которое наблюдается, естественно, только до тех пор, пока спелеологи не обжились. Единственный запах, присущий собственно пещере — слабый запах сероводорода, и то появляющийся лишь тогда, когда кто-либо нарушит пушистую глину на стенах, в которой живут бактерии, вырабатывающие сероводород, а заодно и бактерии, разрушающие его.

Человек, пробывший в любой пещере хотя бы неделю, настолько отвыкает от витающих на поверхности запахов, которые обычно мы даже не замечаем, что просто удивительно. Например, озон. В обычной жизни мы запах озона в воздухе не чувствуем — мы просто к нему привыкли. При выходе из пещеры озон начинает чувствоваться уже метрах в трехстах от поверхности, а ближе к выходу запах становится нестерпимо силен. Как будто рядом с вольтовой дугой. Интересно, что во всевозможной литературе встречается аж несколько целых теорий о природе происхождения этого запаха. Еще Кастере отметил его, но не проидентифицировал, что чувствует его, только на выходе из пещеры, но не на входе. Отсюда последовало заключение о повышенной ионизации воздуха в пещерах. Развитое более поздними поколениями. Связавшими эту ионизацию с якобы всегда повышенными концентрациями радона в пещерах. И не давшими себе труда подсчитать, что те единичные распады радона, которые имеют место быть, в принципе не могут дать никакой сколько-нибудь заметной ионизации. А озона, с которого началось развитие теории, в воздухе пещер нет вообще, а есть только быстрое отвыкание от него человеческого носа. Вот так.

Пребывание человека в пещере резко нарушает многие тонкие балансы подземного мира, и более всего это отражается именно на запахах. Запах жилья на фоне чистейшего воздуха пещер становится плотной вонью. Возвращение с выхода в лагерь, если оно идет против ветра, в этом смысле становится весьма оригинальным. Оставшееся до лагеря расстояние проще всего определять даже не вспоминая дорогу, а просто нюхая воздух. Отвыкший от запаха нос различает любые оттенки, а волны запахов как бы восстанавливают происходившее на лагере за несколько последних дней. Ползешь, словом, и нюхаешь. Опять же развлечение, совсем не лишнее, когда уже и так вымотался, а тут еще и каждый сантиметр потом полить нужно. Так. Позавчерашняя вечерняя затируха.¹⁸ Заправленная карри. Вчерашняя утренняя жареная колбаса. Туалет, извините. Многовато пашем, поту много сливаем. Моча в результате получается какая-то особо концентрированная, крепкая и вонючая. Надо бы сбросить газку. И ведь что интересно — сортир специально размечали так, чтобы ветер от него на лагерь не дул. Каким же образом он здесь вплетается в запахи кухни? Ползем дальше. Вечерняя затируха с чесночной приправой. А недалеко уже — даже гексой

---

¹⁸ Основное блюдо подземной кухни — сухое картофельное пюре, требующее минимума топлива на приготовление.

пахнет, на большие расстояния она летать не умеет. Так, вот и до сегодняшнего утреннего кофья дошли. Тьфу, опять сортир. Ну и воняет, явно чеснока перебрали. Что? Гекса? У второй двойки, значит, заткнулось, раз обедать в лагерь возвращались. И куда же они после обеда направились? А вот это здорово. Еще волна гексы. Они опять вернулись. И теплый запах чаю. Братцы! Доползли!

* * *

Я преднамеренно опустил в своем описании еще одну немаловажную составляющую подземного мира — его совершенно уникальную и временами фантастически красивую флору и фауну. Просто потому что о растительном и животном мире пещер, если уж начинать рассказ, то — длинный и обстоятельный. Лучше посвятить этому отдельную главу. Она нас ждет впереди.

* * *

Все посещения красивых мест пещеры так или иначе тесно связаны с неторопливым созерцанием, будь это по пути на рабочий выход или с него, на фотографическом выходе, прогулке за водой или специальной экскурсии. Иногда достаточно нескольких минут, а иногда созерцание растягивается на полчаса-час. Вершина блаженства — это когда в сепульке еще и найдется фляжка с водой, кружка, таблетка гексы, и немного чаю или кофе. В залах без звучной капли музыка тоже иногда способствует восприятию, но далеко не всякая. Интересно — в нашем фильме «Ищите белые пятна», получившем вторую премию Рижского фестиваля фильмов на темы путешествий и туризма, в музыкальной части фонограммы были использованы фрагменты композиций Pink Floyd, Парсонса и Френсиса Гойи. Жюри особо отметило, что от подбора музыки у фильма появился «запах», как они это называют — полное ощущение реальности. Так вот в пещере такая музыка совершенно не в кайф. Объяснить, какая в кайф, а какая нет — трудно. Тем более, что в разных залах оно по-разному. Тем не менее, закономерности есть — звучание акустических инструментов всегда предпочтительнее, чем электронных, сольная музыка обычно воспринимается лучше оркестровой, а усиленный музыкальный ритм не гармонирует с пещерой совершенно. И совсем уж парадокс — что во время писания сего трактата нужный эмоциональный настрой создавался исключительно музыкой ансамбля Т. Рех, которая ни к какому из вышеописанных вариантов и близко не лежала.

Одна из наших основных традиций состоит в том, что после постановки подземного лагеря, даже если сепуление заняло сутки, организуется созерцательная экскурсия в ближайший красивый зал. Не поздоровавшись с пещерой таким образом, совершенно невозможно снять забросочный стресс и быстро переключиться на своеобразный и неторопливый стиль жизни под землей.

* * *

Главная разница между туристами и спелеологами, с чего я, собственно, и начал эту главу, заключается в том, что первым разнообразие красоты доставляют только удовольствие, а последним — еще и немалое количество неудобств впридачу. Как разок выразился Витя Шаров, геликтиты — они до тех пор красоты, пока не началась топосъемка. Потом они немедленно превращаются в стадо взбесившихся червяков, единственная цель существования которых — повыдергать тебе все волосы.

Весьма показательно, что именно волосы. На репортажных фотографиях из Кап-Кутана читатель не увидит такого, казалось бы, неотъемлемого атрибута спелеологии, как каски на головах. Кроме, конечно, того случая, когда фотограф прихватил их с собой исключительно для того, чтобы пещера реальная стала похожа на пещеру из детских книжек. И это отнюдь

не случайно. В пещере каска нужна совсем не для того, чтобы не стучаться головой о потолок. Назначение каски исключительно в том, чтобы защитить голову от сброшенных напарником или веревкой камней в вертикальных колодцах. Ну еще, пожалуй, чтобы служить креплением для налобного света. Вертикальных участков у нас совсем мало, организация навесок на них полностью исключает падение камней или элементов снаряжения, кроме разве что случая выроняния лезущим чего-нибудь из кармана, а на этот случай всюду есть камнебезопасные укрытия. А в качестве кронштейна для света каска совсем не так удобна, как кажется. Она тяжелая, неповоротливая, и мешает вытирать пот. Крепление света просто эластичной лентой на лбу во много раз практичнее.

Что же касается стучания головой о потолок, то, как показывает практика, человек без каски уже на второй день обретает что-то типа дополнительного глаза на затылке и практически перестает соприкасаться с потолком. Конечно, без каски оно чуть больнее, но ударов, хоть сколько-то опасных, просто не бывает, а пещерные красоты остаются много целее. Спелеолог в каске сносит их без счета, а спелеолог без каски больше дорожит своей головой, и просто об них не стучится. Конечно, кроме особых случаев. Есть даже такой анекдот-загадка, слегка адаптированный к Кап-Кутанской тематике:

Что такое дзинь-дзинь-мяу-мяу? — Трамвай котенка переехал.

А что такое дзинь-дзинь-гав-гав? — Жена с работы пришла.

А что такое дзинь-бля-дзинь-бля? — Первопрохождение.

Последняя часть загадки чрезвычайно точно описывает звуки при первичном обследовании заросших геликтитами лабиринтов. Как ни пытаешься обползти все кусты и ничего не сломать, но — пока тропа не накатана, ежесекундно что-нибудь ломается. С мелодичным звоном. Который сопровождается сочным матом только на первых метрах, а далее проходит под аккомпанемент устало вставляемого основного неопределенного артикля русского языка. Вообще на прохождении таких лабиринтов всегда стоит вопрос — идти или не идти. Красоту уничтожать всегда жалко, поэтому если нет достаточной уверенности в том, что впереди есть что-то большое, и что нельзя обойти менее хрупкой дорогой, то лучше не идти. В некоторых ситуациях мы даже преднамеренно оставляли не пройденными явные продолжения, не имеющие других путей проникновения в них — просто потому, что не хотелось ломать растущий в проходе куст уникальной красоты.

Разрушаемые при первопроходе натеки есть главный источник материала для минералогических исследований. Практику отбора даже аналитического материала путем преднамеренного разрушения мы извели полностью. Но это не касается троп первопрохождения. Вероятно, мы упустили одно из самых значимых минералогических открытий только потому, что слишком поздно поняли золотое правило первопроходца — забота о сохранении пещерных красот есть в частности и забота об их сохранении для науки. Если уникальный непонятный кристалл висит сбоку — пусть себе висит, пока не появится надежных методик неразрушающей диагностики. Если же он растет на тропе, где неизбежно будет стерт в порошок животами ползущих — забота о его сохранении заключается именно в том, чтобы его отломать. Есть в экспедиции минералог — можно вынести, нет — надо забазировать там же рядом с тропой. Или на лагере. Это уже второй вопрос. Главное, что нельзя допустить повторения того, что произошло с крошечными ярко-зелеными кристаллами в шкурнике у зала Водопадного — у нас не было достаточно тары для выноса, и мы их оставили на полу, с жутким трудом всю экспедицию пробираясь над ними в распоре под потолком. Что само по себе нетривиально, учитывая ширину прохода без малого метр и высоту сантиметров шестьдесят. Единственный маленький образец, пробирка под который нашлась, в Москве решили перед анализом вымыть — он слегка запылится. И кристаллы немедленно и без остатка растворились. В следующую экспедицию мы ехали с уверенностью в том, что открытие на подходе — нужно только взять еще один образец, ведь мы этот участок пола сохранили. И это оказалось невозможным — через месяц после нас туда попала команда Фроловой из Красноярска. Хорошая, между прочим, команда, с великим пиететом относящаяся ко всему, что в пещере растет. Но кристаллов не стало — не заметили и

заползали. Это не их вина — целиком наша. Нужно было убрать с тропы.

Между прочим, первопрохождение само по себе — ерунда. Топо съемка в красивых залах и лабиринтах — гораздо большее мучение, чем собственно первопрохождение. Они за счет всевозможных красотей и так имеют сложную и обычно не просматриваемую конфигурацию, поэтому носиться как тому, кто с компасом, так и тому, кто с концом рулетки, приходится вполне изрядно. А тут еще и натеки, которые нельзя сшибать и пачкать, но которые совершенно вмертвую цепляются за комбез, рулетку и особенно за шланг гидронивелира, озера, в которые нельзя наступать — словом, хоть бабочкой порхай. На третьем или четвертом часу такого развлечения видеть все эти красоты уже не хочется, а хочется, наоборот, добраться до чего-нибудь, где будет на что без ущерба натекам уместить свой грязный зад, куда плюнуть, и чтобы глаза отдохнули от всей этой заковыристой хреномотины. Вери блятифул!

Что еще хуже — это когда через красивые места надо тащиться за водой. В отличие от топографического набора, канистра с водой еще и весит изрядно — пуд с гаком. Тропа, по которой належке можно нормально идти или ползти не сшибая ничего вокруг, может превратиться в практически непреодолимое препятствие, если в руке имеется такой нарушающий равновесие предмет. Самое же безобразие именно в том и состоит, что это неизбежно — основные озера и водокапы неразрывно связаны с красивыми местами. Причем именно того типа, где и без канистры ходить нелегко — скользко и покато. Практически все питьевые источники связаны с водой, поступающей из каньонов, а ее под каньонами достаточно для формирования натеков «обычного типа» — сталактитов, сталагмитов, покровных кор. Все это имеется в больших количествах, гладкое, скользкое и мокрое. Озера же в сухих участках пещеры, где растут гипсовые кристаллы и возможны удобные и не скользкие тропы, наполняются конденсирующейся на стенах влагой, насыщенной солями магния подчас до полной несъедобности.

Разумеется, все это совершенно серьезное возмущение паскудным поведением натеков держится только до очередного перекура. После пяти минут отдыха оно улетучивается как дым, и уже опять тянет выбраться на обзорную точку и продолжить отдых там. В молчаливом созерцании.

СТОЯНКА HOMO SAPIENS KAPKUTANIS

Стоят на пригорке два быка — старый и молодой. Внизу пасется стадо коров. «Слушай, друг, — говорит молодой старому, — а давай быстренько спустимся с пригорка и оплодотворим вон тех двух симпатичных телок?» — «Нет, мы спустимся медленно-медленно, и не уйдем, пока не оплодотворим все стадо».

Анекдот

Приведенный анекдот является чуть ли не самым популярным в спелеологической среде, к тому же — во всем мире. Спелеологи — люди обстоятельные, основательные и неторопливые, российские спелеологи — вдвойне. Спелеологи, исследующие Кап-Кутан — тройне.

Есть еще один анекдот, точнее загадка. Пещера Жан-Бернар, на плите над большим колодцем горит два огонька — что это такое? Ответ — два французских спелеолога готовятся к спуску. Второй вопрос — та же пещера, та же плита, горит три огонька — что такое? Шесть польских спелеологов готовится к спуску. Третий вопрос — та же пещера, та же плита, горит четыре огонька — что такое? Один русский спелеолог готовится к спуску. Кап-Кутанские спелеологи Жан-Бернар обычно не посещают, иначе в четвертом вопросе фигурировал бы еще как минимум примус с чайником и слышался бы стук кувалды.

* * *

Как театр начинается с вешалки, так и спелеология начинается с подземного лагеря, и все особенности спелеологической команды ярчайшим образом проявляются именно в лагере. Рассмотрим его повнимательнее. Особенностью Кугитанга является то, что поставить лагерь на поверхности возле входа, равно как и внутри в непосредственной близости от входа, практически невозможно. Причина в дикобразах, устраивающих логова в пещерах, а точнее, в их паразитах. Живущие на дикобразьей шкуре аргазиды (аргасовы клещи) имеют малоприятную способность иногда выпадать, и при попадании в сухую пыль — сохраняться в ней годами. Пока кто-нибудь теплокровный не забазуруется поблизости. С голодухи им и человек годится, а укус у них — ох, какой неприятный. Они впрыскивают под кожу что-то типа желудочного сока, и язва не заживает пару месяцев. Мало того. Они еще и распространяют клещевой возвратный тиф — болезнь наподобие перемежающейся лихорадки, в приступах колотящую человека так, что хоть закусывай носовой платок, чтобы зубы не поколоть. Если не перебить первый же приступ лошадиной дозой широкоспектрального антибиотика типа левомицетина, возможны рецидивы с тяжелыми осложнениями. Поэтому даже если район работ экспедиции недалеко от поверхности, лагерь ставится подземный, причем обязательно дальше зоны привходовой сухости. Когда район исследований далеко от поверхности, лагерь волей-неволей приходится подтягивать к нему. Даже если это всего полтора часа ходу, ежедневные упражнения по передвижению в позе ползком вызывают такую зубную боль в коленках, что на третий день уже ничего не хочется.

Базовый подземный лагерь наших экспедиций в Кап-Кутане, если не расположен по необходимости в неудобном месте, поражает своими размерами. Обычно он занимает площадь никак не меньшую футбольного поля. Центральное место занимает, естественно, столовая, или «жрательный холм» — возвышение, вокруг которого в позе древних римлян возлежат спелеологи, возвратившиеся с выхода, или только что проснувшиеся. На нем проводится за чаем и анекдотами чуть ли не четверть всего времени. К столу принято переодеваться. На самом деле одежда для ношения в лагере отнюдь не чище комбезов — пещерные глина и пыль вездесущи, но это — одна из немногих традиций, связывающих нас с цивилизацией. Кроме того, тренировочный костюм и свитер просто приятнее пропотевшего комбеза. Вероятно, сама возможность такого времяпрепровождения, начисто отсутствующая в вертикальных пещерах спортивного типа, во многом определяет специфику Кап-Кутанской спелеологии.

* * *

Вторая примечательная часть лагеря — кухня. Так как понятие дежурства по кухне обычно отсутствует, ею обычно занимаются имеющиеся в составе конкретной экспедиции гурманы. Единственные обязательные атрибуты — развешанные на потолке сепульки (для спасения их от мышей), сохнувшие комбезы, помойка, гексогазы и запас воды в канистрах. Помойка совмещается с кухней из вполне практических соображений — освободившиеся продовольственные сепульки используются для выноса помойки наверх, и поэтому накопление отходов вполне органично происходит именно там, где ожидается появление тары под них. Гексогазы — это горелки под «сухой спирт», обычно называемый в обиходе гексой (начальная часть его официального химического названия) и по ряду соображений используемый в качестве горючего. Конструкция гексогазов может быть различна. Иногда это просто очаг из трех камней, а иногда — весьма сложная металлическая конструкция. Создание оптимальной конструкция гексогаза — чтобы не воняло — весьма популярная задача для обсуждения за ужином, но почему-то абсолютно неразрешимая технологически. В частности, именно неразрешимость этой задачи и делает кухню чуть ли не самым неаппетитным местом в лагере. Кроме единственной точки — тщательно выбираемого камня, на котором во время стряпни располагается повар, и на который хоть как-то попадает запах пищи. Во всей остальной кухне воняет исключительно смесью помойки с гексой, которая при всех своих энергетических достоинствах и удобстве пользования пахнет ну

просто омерзительно.

Обычно рядом с кухней располагается огород. Так как лук во влажных условиях имеет обыкновение прорасти, проросшие луковицы мы обычно втыкаем в холмик глины, и собираем с них урожай «зеленого» лука, который без света получается отнюдь не зеленым, а светло-желтым, но при этом имеет вполне нормальный вкус.

В принципе палатки в Кап-Кутане не нужны, поэтому наличие или отсутствие палатки есть индивидуальное дело каждого. Централизованное лежбище тоже не обустраивается, разве что для особо желающих. Остальные оборудуют себе индивидуальные купе в уголках лагерного зала, и располагаются согласно своим привычкам и вкусу. Обычно рядом со спальным местом вылепляется из глины несколько полок под снаряжение. В отличие от многих команд спортивной ориентации, в нашей среде никогда не было понятия общественного снаряжения. Каждая кастрюля, каждый конец веревки, каждый компас имеют своего хозяина и живут либо на месте применения, либо на полках хозяина. Это отнюдь не означает невозможности пользования ими без разрешения хозяина, но отчасти гарантирует, что каждый элемент снаряжения останется в исправности и не будет потерян. Этот сверхиндивидуалистический подход был в свое время введен в спелеосекции МГУ Владимиром Антоновым и послужил одной из причин его конфликта с секцией, закончившегося изгнанием. Мы были одной из немногих групп, оценивших идеи Антонова в полной мере и взявших такой подход на вооружение безоговорочно, причем с существенным расширением.

Учитывая размеры каждого спального места и темноту, оборудование его стационарным освещением, достаточным для обозрения всех полок, важно. Освещение на лагере преимущественно свечное, поэтому обычно на каждом месте устраивается десяток импровизированных канделябров. Некоторым и этого оказывается недостаточно. Так, участник двух наших экспедиций Виктор Шаров, к каждому элементу своего снаряжения, находящемуся в лагере, привязывал «моргалку» с часовой батарейкой и светодиодом. От фотоаппарата до ложки. Зрелище сотни моргающих со всех сторон огоньков вокруг Шаровской лежки буквально убивало гостей лагеря наповал. Собственно спальные принадлежности тоже весьма разнообразны. Для подстилки кто-то любит надувной матрац, кто-то пенополиуретановый коврик, у кого-то с давних времен сохранился самодельный наборный коврик из кусочков пенопласта, являющийся, по-моему, вершиной мазохизма. Как правило, коврики с течением времени усиливаются противоударными поролоновыми вкладышами из съеденных модулей. Спальники возможны любые, но достаточно большие, чтобы вместить в себя кроме своего хозяина все то, что он хочет к утру высушить — сменные носки, фотоаппарат, сигареты, и т. п. Других способов сушки практически нет.

Естественно, рядом с каждым лагерем организуется туалет. К счастью, глины пещеры Кап-Кутан переполнены микрофлорой и микрофауной, обеспечивающими полное разложение закопанного туалета от двухнедельного лагеря всего за 3–4 года. В большинстве других незатопляемых пещер это составляет проблему, иногда порождающую анекдотические ситуации. Так, просто перечисление методов, перепробованных для организации туалетов в пещере Lechuguilla в США, заняло бы целую страницу, а описание бедственных последствий оных — существенно больше.

Во избежание чрезмерно сильного запаха туалет перекапывается раз в два-три дня. Иногда с ним бывают связаны совершенно замечательные воспоминания. Так, в экспедиции 1988 года Дмитрий Малишевский обустроил свое спальное место до разметки туалета, и получилось, что оно находится на, так сказать, незарастающей народной тропе. Засеуливание лагеря в тот раз шло как всегда с неспросыпу, выглядело на первый взгляд легким, а в результате — практически все на заброске перегрузились, взяли не свой темп и сдохли. Дмитрий потом в течение нескольких лет при всяком удобном случае рассказывал, давясь от смеха, как мимо него всю ночь бродили члены экспедиции, пытающиеся совладать с абсолютно негнушимися ногами и спросонья бормочущие под нос все, что думают об этих ногах, об этой пещере и об этой заброске. В другой раз Степа Оревкин, возмущенный

непривычно сильной вонью, три раза за одну ночь вылезал из спальника и перекапывал сортир. После чего то, что пахло, обнаружилось у него именно под подушкой. Хотя оно явно осталось от какого-то прошлогоднего туриста, почва для издевательств была хороша. Особенный же восторг у всех вызвало происшествие, имевшее место в 1986 году. Из туалета лагеря в зале Варан вылез совершенно живой и здоровый скарабей. Этот лагерь — самый глубокий из используемых, и просто из-за удаленности от ближайшей поверхности туда даже мыши никогда не забирались. Гипотеза же о том, что жук мог запросто добраться до Варана на своих двоих (впрочем, шести) — исключалась полностью. Можно понять, с каким удовольствием на вечерних трепях обсуждался вопрос, в чьем желудке приехал этот огромный жук и в каком качестве.

* * *

Если кто-либо находится на своем спальном месте и не спит, это практически всегда означает, что он ремонтирует снаряжение. Любопытно на этом проследить, как за годы занятий спелеологией у нас изменился сам стиль в экипировке. В начале мы, экономя подземное время, регулярно устраивали субботники по ремонту снаряжения, устраивали чуть ли не комиссии по проверке готовности к выезду. Уже через несколько лет половина работы по ремонту проводилась в поезде, который от Москвы до Чаршанги идет трое суток с гаком. Вагон, в котором ехали спелеологи, приобретал вид мастерской — везде разложены самого невероятного вида предметы, тряпки и инструменты, кто-то зашивает комбез, кто-то напильником доводит самохваты, кто-то перебирает фотоаппарат. Как-то раз некто из соседнего вагона, возвращавшийся под хорошей мухой из вагона-ресторана, минут пятнадцать в остолбенении смотрел на эту картину, после чего без единого слова ушел, а еще минут через десять так же без единого слова принес откуда-то рваный башмак, впрочем, выглядевший гораздо приличнее наших, и протянул его Володе Шандеру.

Постепенно пришло понимание, что пещера — мир замкнутый и не любящий излишнего перемешивания с внешним. Снаряжение установилось с тем предельным уровнем сложности, на котором оно еще полностью ремонтпригодно на месте, за короткое время, и исключительно силами своего хозяина. Многие вообще стали по приезду домой просто откладывать сепульку со снаряжением в угол, принципиально не трогая ее до следующей экспедиции. Между прочим, такой подход иногда дает совершенно сногшибательные результаты. Так, когда Андрей Марков подсунил мне в экспедицию свою прошлогоднюю батарею для вспышки, естественно, полностью севшую, мы на месте смогли не просто решить проблему, но решить ее на уровне изобретения. Купленные в ближайшем кишлаке тридцать семь 9-вольтовых батареек «Корунд» после сборки их в одну 330-вольтовую батарею оказались совершенно уникальным источником питания для вспышек, по всем параметрам превосходящим эту паршивую «Молнию» на один-два порядка.

Еще один неочевидный плюс описанного стиля заключается в том, что со временем все мы обросли женами, детьми, барахлом и порядком в квартире. Поиск в обстановке порядка любого предмета из пары сотен, необходимых в экспедиции, превращается в пытку, способную отбить всякую охоту к спелеологии. Кроме того единственного варианта, когда имеется выделенное место, где все пещерное лежит в привычном беспорядке одной несортированной кучей, сваленной после предыдущей экспедиции. Собственно, отсюда и происходит приведенный в начале главы анекдот. Если уж со времени последней экспедиции возможности проверить свет не было, то нужно для вящей гарантии взять пару запасных. А еще пара — сама найдется в какой-либо сепулке, в которую при сборах было недосуг заглянуть.

* * *

Не стоит воспринимать вышенаписанное как оду в честь беспорядка, анархии и

натурального хозяйства. Глубоко продуманный выбор снаряжения и тщательный уход за ним необходимы, но должны соответствовать реалиям подземной жизни. Попробую пояснить это опять же на примере фотоаппаратуры. Классическая притча — как Лев Кушнер потратил месяц, оборудуя свой новый фотоаппарат дополнительными дальномерами, веревочками, связывающими все его детали так, чтобы ни одна крышечка не смогла потеряться, и много чем еще. По возвращении домой он вполне естественным образом обнаружил, что шторка затвора застряла на второй подземный день, и все пленки пусты. У меня долго происходило примерно то же самое — любой фотоаппарат и любая вспышка тихо и незаметно дохли. В попытках это преодолеть мы начали строить на штативах целые орудийные башни¹⁹ из трех-пяти фотоаппаратов. В надежде получить приличный снимок хотя бы с одного. Сепульки с фотоаппаратурой достигли размеров чуть ли не межконтинентальных ракет. И совершенно без толку. Мы открывали новые районы пещеры, все более тяжелые по заброске и все более агрессивные по микроклимату. Новые скорости истребления аппаратуры вполне компенсировали увеличение ее количества. Последние годы я беру с собой единственный фотоаппарат, не более двух вспышек, и забот не знаю. Мой ремнабор и навыки позволяют оживить сдохший Zenit-19 (как ни странно, самый надежный из отечественных аппаратов) за час-два даже после его падения в глубокий колодец. Не говоря уже о мелочах типа переюстировки объектива²⁰ или замены сдохшего поджигового конденсатора во вспышке. Главное — перед каждым фотовыходом проверить всю аппаратуру и провести профилактический ремонт. При выполнении этого условия никакая предэкспедиционная наладка просто не нужна. Именно педантизм в подобных вещах и составляет ту самую основательность, которая есть *sine qua non* спелеологии в Кап-Кутане.

Разумеется, исключения из правила о тотальной персонализации снаряжения, есть — как и из любого правила. И некоторое количество снаряжения все-таки остается общественным, готовится к экспедиции в общественном порядке, и живет в выделенном месте лагеря. Это — топографический инструментарий и материалы, аптечка, а также ремнабор общего назначения. Для этого снаряжения выделяется специальная полочка вблизи жрательного холма.

* * *

Подземная жизнь пронизана совершенно необычной разновидностью гедонизма. В самом деле, если люди забираются на недели, а то и на месяцы, в абсолютно нечеловеческую и абсолютно некомфортную обстановку, умение наслаждаться мелкими деталями быта приобретает совершенно первостепенную важность и придает всей подземной жизни особую пикантность. Не следует понимать, что это сродни идее влезть по уши в дерьмо и

---

¹⁹ И вообще ассоциации с военно-морской тематикой появляются в подземном фотографировании в самых разных местах. Так, в начале-середине восьмидесятых было очень популярно ставить и показывать полиэкранные слайд-фильмы. Это когда под фонограмму с магнитофона идет синхронный показ слайдов с двух-пяти проекторов, каждый из которых обслуживает либо все экранное поле, либо его часть, и имеется специальный пульт, позволяющий на каждой части экрана плавно замещать картинку с одного проектора картинкой с другого. Такая техника позволяет с помощью только слайдов использовать множество режиссерских и монтажных приемов, доступных только в кино, и некоторые, недоступные даже кино.

Так вот управление таким показом является точной копией управления огнем на военном корабле начала века. В задачу людей, обслуживающих проекторы, входит следить за резкостью и правильным позиционированием поля показа, а также переставлять слайд в момент выключения лампы. А непосредственное управление лампами происходит с центрального пульта. То есть — строго то же самое, как когда расчет в башне перезаряжает орудия и наводит на цель, а командный пункт только дает целеуказание и сигнал на выстрел.

²⁰ Операция, за которую ни один здравомыслящий человек без специально оборудованной мастерской не возьмется.

наслаждаться приятными мелочами. В пещеры нас влечет совсем другое, но экстремальность условий отменить нельзя, а потому ее тоже стоит превратить в источник удовольствия. В результате вырабатываются весьма интересные традиции. Я уже рассказывал о понятии плюшки. В частности, кофе отличается от чая тем, что чай — жизненно необходимый напиток, а кофе — плюшка. Поэтому никому и в голову не приходит, что кофе можно варить в кофейнике на всех. Каждый желающий возьмет таблетку гексы и сварит кофе себе сам, и по именно тому способу, как он любит.

В 1985 году произошел любопытнейший случай, прекрасно иллюстрирующий богатые возможности по украшению жизни путем вылавливания приятных аспектов даже из аварий. Посередине засекуливания одного из самых дальних лагерей в зальчике, где устроили очередной перекур, вкусно запахло. Как оказалось, одна из девушек захватила в предвидении своего дня рождения бутылку изумительного самодельного ликера. Конечно, поосновательнее ее завернув. Бутылку это не спасло. Далее была картина, которая должна испортить аппетит любому из не-спелеологов. Из сепульки были извлечены пропитанные ликером носки (к счастью, свежие), и выжаты в чью-то каску. Декретом по экспедиции день рождения был перенесен на сейчас, и содержимое каски было торжественно по кругу выпито. Между прочим, как результат такой психологической разгрузки, засекуливание лагеря в той экспедиции было чуть ли не самым легким из всех.

Кстати о спиртных напитках. Строгой классификации, являются они продуктом, плюшкой или витамином, так и нет. У нас не сложилось традиции употреблять их много, но по вечерам в минимальных количествах это вещь абсолютно необходимая. После пятнадцати — двадцатичасового выхода снимать стресс волей-неволей приходится, а лучшего средства, чем 25–50 грамм, не придумано. Больше не стоит. На следующей же рюмке наступает обратный эффект, а напиться все равно не выйдет — не позволит тот же стресс. С этой точки зрения крепкие напитки могли бы рассматриваться как продукт или витамин. Вместе с тем тщание к их отбору говорит о том, что их скорее нужно отнести к плюшкам. Это никогда не водка — обычно самодельные настойки или, скажем, заспиртованные фрукты, или что-либо в этом роде. Не исключены, впрочем, хорошие сорта коньяка или виски — как и все остальное, это дело индивидуального вкуса, и заготавливаются они также индивидуально. Естественно, что после выхода на поверхность отношение к напиткам сразу меняется, но это уже предмет особого разговора.

Та крайняя степень индивидуализма, которая принята в нашей команде, имеет прямое влияние и на некоторые другие аспекты жизни в лагере. Так как мы все-таки ездим отдыхать, категорически недопустимо мешать отдыхать другим. Как известно, в условиях пещеры (в отсутствии природных ориентиров времени) человек почему-то автоматически переходит с 24-часового суточного цикла на существенно более протяженный. На эту тему ставилось множество экспериментов, но почему это так, никаких разумных объяснений нет. Собственно, длина суточного цикла весьма индивидуальна. Одни остаются на 24-часовом, другие выходят на 30-часовой, а некоторые — даже на 50-часовой. Если в экспедиции всего одна рабочая двойка или тройка, ее члены настраиваются на какой-то единый цикл, но если несколько — циклы «подкоманд» могут здорово разойтись. Особенно это заметно между разными лагерями, но и в пределах одного лагеря является скорее правилом, чем исключением. Возвращаясь на свой лагерь после выхода (а тем более приходя на чужой) и застав кого-то на жрательном холме, наиболее естественной формой приветствия является вопрос, вечер у них, или утро. Очевидно, что при таком разброде будить кого-либо абсолютно непопулярно, и потому непопулярны любые шумопроизводящие приспособления. Ни радиоприемники, ни гитары, ни магнитофоны в наших экспедициях практически не встречаются. Это отнюдь не означает, что все это запрещено или что мы, скажем, не любим музыку. Наоборот. К примеру, Степа Оревкин всегда берет с собой флейту. Тем более, что в теплом и влажном микроклимате пещеры ее тембр существенно улучшается. Иногда гитары тоже бывают, особенно если в команде есть значительная часть молодежи, но играют на них либо в то время, когда спящих нет, либо вдали от лагеря.

Очевидно, что вышеизложенный принцип имеет еще целый ряд любопытных следствий. Так, длинные сутки вместе с отсутствием традиции друг друга будить, порождают своеобразный эффект — у каждой рабочей группы процесс утреннего вставания, завтрака, сбора и ремонта снаряжения перед выходом занимает часы. Тот, кто встает первым, варит чай всем и кофе себе (если сварит завтрак, то до пробуждения остальных он уже остынет). Постепенно подтягиваются остальные. Вечером происходит то же самое. Многие думают, что за счет сокращения времени на еду длинные сутки дают возможность тратить больший процент времени на выходы, но это абсолютно не так. Если себя не насиловать, процент продуктивного времени остается ровно тем же, возможно даже слегка меньшим. Несмотря на то, что при оптимальной длине суток на сон приходится несколько меньший процент времени.

* * *

Важнейшим моментом в организации любой подземной экспедиции является добывание в ее состав хотя бы одного человека, резко отличающегося от остальных. Примерно в каждой второй-третьей экспедиции оно удается, и такая экспедиция вспоминается долго и с величайшей приятностью. Это совсем не означает, что нужен, скажем, армейского типа козел отпущения, над которым все могли бы издеваться. Пещера — среда общения, внешняя по отношению к человеку, а потому — предоставляет гораздо более богатые возможности для извлечения всеобщего кайфа из нестандартного человека, чем любая из искусственно созданных сред типа работы, армии, корабля, и многих других. Обычно он занимает экологическую нишу типа профессора Паганеля. Не представляю, как такое может в реальной жизни получаться, но — получается. Приведу только один пример, ярчайший во всей нашей истории. Коля. Я его полностью уважаю и очень люблю, а потому фамилию называть не буду. Дабы на работе не засмеяли. Слова «Коля пошел за водой» стали классикой. Попал он в нашу экспедицию 1984 года по своей инициативе, потому что профессионально занимался вопросами охраны редкой фауны, а мы имели одной из целей экспедиции пещеру Провал, в которой живут слепые гольцы. Тем самым он, как человек со своей научной программой, имел несколько привилегированное положение. Довольно быстро выяснилась его полная неспособность к ориентации, как на поверхности, так и в пещере, а также умение живописать на досуге свои анекдотические приключения без тени улыбки.

Итак, о воде и Коле. Базовый лагерь стоял в зале Гуров в Кап-Кутане Главном, где до ближайшей воды нужно пройти 250 метров по галерее, потом повернуть в обвальном зале в боковушку и пройти еще 100 метров по прямой до зала Готический. Каждое утро Коля, привыкший к быту профессиональных экспедиций, просыпался первым и с нечего делать (за отсутствием своего большого парка снаряжения, нуждающегося в ремонте) брал канистры и упиливал за водой. В течение следующей пары часов публика поочередно просыпалась и обнаружив, что Коля пошел за водой, приходила к выводу, что чай еще не скоро, и ложилась спать дальше. Еще через часок кто-нибудь, обычно Женя Войдаков, совсем потеряв терпение, шел в обвальный зал, ловил мотающегося между глыб Колю, находил в другом углу оставленные им для ориентира канистры, и вместе с ним набирал и приносил воду.

Раз перед выходом попросили Колю сбегать ко входу в соседнюю пещеру Промежуточная и принести забазированную там сепульку с аппаратурой. Зная его особенности, заставили вызубрить маршрут наизусть: выйти из пещеры (однозначно, 300 м), идти по дороге от входа, пока она не поднимется из каньона на плато (однозначно, 1 км), спуститься в соседний каньон от этого места (300 м, просто), с середины склона проидентифицировать тракторную дорогу, спускающуюся в этот каньон с другой стороны, выйти на нее. А она через 100 метров без вариантов упрется во вход, около которого и лежит сепулька.

Вернулся Коля часов эдак через десять и с грустью сообщил, что не нашел он той

пещеры. Приведу диалог дословно.

— Это как?

— Да так, ребята. Вышел я из нашего каньона. Вижу, по плато идет дорога. Я по ней и пошел. Иду-иду, нет пещеры. Вспомнил про соседний каньон. Подошел к нему, посмотрел вниз. Стенка — ух! Ну ничего, я спустился (не могу прокомментировать, как — стена в этом месте — полуторастометровый отвес, абсолютно неприступный без специальных навыков и снаряжения — авт.). Пещеры нет, дороги нет. Пошел вверх по каньону. Иду-иду, нет пещеры. Решил, что не туда спустился. Посмотрел наверх. Стенка — ух! Ничего, поднялся. Вижу, дорога идет по плато (та же самая — авт.). Пошел вверх. Иду-иду. Вокруг снег стал лежать (забрался с высоты 900 м до высоты 2500, почти до перевала — авт.). Тут понял, что заблудился окончательно, и повернул назад.

Смехуечки смехуечками, но этот человек — титан. Ни одному из нас не удалось бы за десять часов совершить столько подвигов, вполне достойных Геракла. Более того. Его способности в обычной спелеологической деятельности — тоже на уровне подвига. В группе, берущей Колю на выход, проблем нет — любой выход становится легким из-за его полной неутомимости и невероятной способности вытворять чудеса акробатики (просто Коля никогда не задумывался о сложности — если что-то нужно и при этом реально — он делал). А возможность послать его на разведку в боковушку и потом выслушать отчет — еще и дает заряд веселья и бодрости на весь выход.

Вершиной Колиной эпопеи был его вещей сон. К нашей группе должна была присоединиться группа из Ашхабада. Как-то за завтраком Коля рассказал свой сон, что ашхабадцы до нас добрались, а среди них оказалось две молодых красивых девушки, и с одной из них у него (Коли) организовалось нечто амурное. Клянусь: ни один из нас не приложил руки к дальнейшему. Ребята приехали в тот же день, поставили лагерь в пяти километрах от Кап-Кутана и пошли нас проведать. У них действительно были с собой две молодых симпатичных девушки, причем обе Тани. Обнаружив пустой лагерь, ребята пошли в систему пофотографировать, а женщин забазировали на лагере. Так как заброска проходила с традиционным недосыпом, те в ожидании залегли спать. Естественно, в первые попавшиеся спальники. И естественно, обе Тани — в Колин. На выбор. Где и были обнаружены вернувшимся с выхода Колей. Немая сцена. Вознесшая Колю с уровня самого ценного кадра в экспедиции на уровень живой легенды.

Естественно, Коля — это недоступная вершина, но, как я уже отмечал, люди сходного типа попадают в экспедицию довольно часто. Впредь бы так.

* * *

В отличие от других пещер и других команд, у нас не принято уделять особое внимание вопросам связи. Если организуется несколько лагерей, телефонная связь используется в одном единственном случае — если один из лагерей стоит за сифоном, а другой обеспечивает его поддержку снаружи — просто чтобы синхронизировать прохождение сифона при посещениях. Для того чтобы идущий в одиночку человек получал страховку при прохождении сифона. И то не всегда. Независимость групп на разных лагерях не противоречит хорошей спланированности экспедиции. Все и так знают, что на глубинный лагерь всегда полезно прихватить пару модулей, а обратно — пару сепулек помойки. Вместе с тем независимость иногда приводит к моментам, наполняющим жизнь смыслом и удовольствием. Как-то раз мы завершили работу на нижнем лагере и высепулились в верхний, где стояла группа Михаила Переладова. С тем, чтобы на следующий день начать уезжать домой. Высепуливание было легче ожидаемого, запас сил остался хороший, и мы сразу пошли на выход по верхней части, забазировав в лагере барахло и Таню (одну из уже фигурировавших в эпизоде с Колей). Она решила сразу привести себя в поверхностный вид, благо от этого лагеря до входа идет пешком, помылась, переделалась, и, никого не дождавшись, залегла спать. Возвращаются с выхода Миша с командой, обнаруживают на

жрательном холме наши сепульки (но не Таню), ужинают, оставляют единственную горящую свечку, принимают наркомовскую, и, расслабившись, начинают травить анекдоты. И тут, в неверном свете единственной свечи, лежащая между ними куча мешков начинает шевелиться, и — появляется Таня. Чистая. В снежно-белом пеньюаре! И все это в пещере, где стирать одежду не принято, так как грязь толщиной в один сантиметр отваливается сама. Ребята минуты три щипали себя за самые разнообразные места, пока она вежливо не осведомилась, вечер у них, или утро.

* * *

Одной из самых тяжелых проблем в подземном лагере является, как это ни странно, вода. Кап-Кутан, в отличие от нормальных пещер, предельно сух, и все озера можно пересчитать по пальцам. То есть, воды, конечно, сколько угодно — во влажном воздухе, во влажной глине, словом — везде. Но — никак не в свободном состоянии. Кроме того, в половине из даже имеющихся озер вода не питьевая из-за высокого содержания сульфата магния, который имеет неприятный вкус, да и несет с него основательно. Из многих соображений лагеря никогда не ставятся в непосредственной близости от воды. Во-первых, следует полностью исключить возможность загрязнения питьевого озера бытовыми отходами. Во-вторых, озера имеют гнусное свойство бывать только в красивых залах с богатыми натечными образованиями, в которых ставить лагерь просто преступно. В-третьих, одним из главных критериев при выборе точки постановки лагеря является ветер. Мы категорически не любим причинять пещере неоправданного ущерба, а лагерь сам по себе не есть безопасная штука. Количество тепла, выделяемого кухней, достаточно велико, чтобы при концентрированном попадании в красивый зал уничтожить наиболее деликатные натечи. Поэтому для постановки лагеря выбираются только залы, имеющие достаточно мощные ветра и большие объемы по соседству. А в таких местах озер не может быть теоретически — их бы просто высушило.

Количество воды в питьевом озере на некоторых лагерях достаточно для объявления на воду коммунизма, а в некоторых настолько мало, что приходится вводить режим жесткой экономии. Так, для лагеря в зале Варан питьевого озера хватает на 10 дней на 4 человек, и не больше. В резерве есть лужицы еще на пяток человеко-дней. И все. Выпитое озеро наполнится обратно только через полгода.

Забавно, но лагерь в Б-подвале, чуть ли не в самой дальней и, безусловно, самой некомфортной части пещеры, где воды нет вообще, является единственным, не имеющим с водой проблем. Когда в Б-подвале только начинались раскопки, и лагерь был поставлен впервые, воду доставляла специальная группа обеспечения. Через 600-метровый, весьма гнусного характера шкурник. Одна ходка туда-обратно с единственной канистрой — более или менее предел человеческих ресурсов на день. Естественно, такое времяпрепровождение группы обеспечения совсем не вязалось с идеей, что в пещеру мы ездим отдыхать. Решено было построить водопровод. На водокап над озером, откуда бралась вода, пристроили ведро-воронку, протянули 600 метров полихлорвинилового шланга (40 метров перепада по высоте вполне обеспечивало напор), прососали и запустили. Объем воронки и шланга как раз хватило для буферизации подачи воды, гидростатическое давление было достаточным, и на потолке в лагере появился нормальный кран, так что хоть под душем купайся. Смешно, но уже в следующей экспедиции водопровод пришлось ремонтировать. За полгода в шланге развелись колонии каких-то бактерий, начисто забивших просвет в десятках мест. Прокачать не удалось. Пришлось выносить шланг на улицу, свешивать со стенки каньона и под большим давлением продувать сжатым воздухом из акваланга. Потом шланг был проложен опять и действует по сей день, хотя по завершении каждой экспедиции водопровод теперь консервируется — из него сливается обычная вода и заливается кипяченая с добавлением марганцовки. На чем Степа Оревкин, как автор конструкции, и получил пожизненное звание главного сантехника пещеры.

* * *

Так же как и на поверхности, и даже в большей степени, лагерь терроризируется собирающимися со всей окрестности грызунами. Мыши, полевки, хомяки и еще черт знает кто. Природа устроена гораздо умнее, чем о ней пишут. Всем известно, что в полупустынях мелким грызунам живется вполне комфортно. Считается, что пить им не обязательно, хватает сочных растений. Вот только где их взять, если на полгода вся растительность выгорает? Не знаю, как в других пустынях и полупустынях, а на Кугитанге все они просто идут на водопой в пещеры. На такие глубины, что представить себе, как они возвращаются, весьма затруднительно. Нигде в литературе не отмечено, что вся эта мелочь может спускаться по щелям вертикально вниз на 200–300 метров только для того, чтобы попить, но это именно так. В любом новооткрытом районе пещеры около любой лужицы из всех щелей выходят мышьиные тропки. И везде лежит мышьиный помет. Замечать это стали недавно, только когда специально стали присматриваться. До того просто затаптывали.

Понятно, что в воздухе пещер, обычно абсолютно лишенном запахов, кухня подземного лагеря перехватывает идущих на водопой мышей в огромном радиусе. На второй-третий день все они в лагере. Причем в пещере эта живность почему-то ничего и никого не боится. Даже известный своей пугливостью дикобраз, возвращаясь с водопоя, может прошествовать мимо сидящих при свете и при кипящем чайнике спелеологов на расстоянии всего метра. И не обратить на них никакого внимания. Впрочем, дикобразы — публика цивилизованная, чужим продовольствием они не интересуются. Чего совсем нельзя сказать о более мелких грызунах.

Когда мы впервые обнаружили (на лагере Баобаба), что кто-то жрет наши запасы, и мысли не могло возникнуть о возможных гостях с поверхности — слишком далеко и глубоко. Мы как раз страшно гордились открытием первой в фауне СССР слепой рыбы и естественно сразу стали вспоминать всяких лысых и безглазых крыс американских пещер. Устроили на всю ночь дежурство по кухне. Рано утром дежурил я. От пакета с гречкой послышалась грызня. Около него сидело нечто бесхвостое с крысу ростом. Оно сосредоточенно жевало, не обращая ни малейшего внимания на фонарь, которым я его со всех сторон освещал. Руками брать было страшновато, а пока я нашел сепульку с вертикальным снаряжением и достал брезентовую страховочную рукавицу, зверь ушел. Стало совсем интересно. Вопреки всем и всяческим правилам разбудил Олега Бартенева и охоту продолжили уже вдвоем. Должно быть, это выглядело забавно — сидят молча при минимальном свете два эдаких усатых троглокота и поджидают трогломышь (все, что под землей летает есть трогломоль; все, что кусается, есть трогловошь; все, что грызет, есть трогломышь; все, что на трогломышей охотится, есть троглокот). Один со страховочной рукавицей наизготовку, другой — с кружкой наперевес. Мышь не появилась. Зато еще через несколько часов приполз с визитом с верхнего лагеря Миша Переладов. Будучи биологом, страшно всем этим заинтересовался и только подлил масла в огонь. Согласно его вердикту, вынесенному после часового изучения следов в пыли, тварь была либо шестипалая, либо поперек себя шире, и вполне возможно — действительно слепая.

В следующую экспедицию Переладов приехал с целой батареей мышеловок. Это была даже не просто поэма, а — эпическая. Он решил их расставить во всех местах, где заметили помет грызунов, связал веревочкой в одну связку и пополз ставить. Метров через сто веревочка перетерлась сразу в нескольких местах. Дальше каждая мышеловка ехала отдельной сепулькой. Миша, ползущий по шкурнику и переключивший перед собой два десятка мышеловок — зрелище поистине незабываемое. Кстати, никто в них так и не попался.

Понимание, что все это — обычная поверхностная живность, пришло только через пару лет, и на этом исследовательская активность превратилась в оборонительную. Как стало ясно уже из Переладовских экспериментов, мышеловки не помогали. Метание камней — тоже.

Развешивание модулей на потолке на тонких ниточках (по любой веревочной сопле мышь может гулять как по лестнице) спасало — но только отчасти. Изобретательская мысль продолжала работать, выдавая совершенные шедевры. Так, главной достопримечательностью лагеря в Антолитовом зале стала электромышеловка. Одним контактом была лежащая на земле крышка от котелка, другим — висящий в воздухе на небольшой высоте пакет с наживкой, сделанный из металлической сетки. Запитано все это было от выведенной из употребления вспышки (скончался рефлектор). Заряда конденсаторов в сто джоулей вполне должно было хватить для изготовления уголька из любого зверя мельче кошки, но — вероятно, у мышей были свои инженеры. В итоге нам пришлось принять вердикт о нашем проигрыше и сменить военную доктрину на политику мирного сосуществования.

* * *

Как очевидно следует из основательности и неторопливости всего, что в подземном лагере происходит, казалось бы, авралы на нем невозможны. Однако бывают, впрочем, как и все невозможное. Основной аврал возникает, естественно, когда все хором просыпают отъезд. Если пещера хорошо пошла, день балдежа и пугания мурмулей обычно отменяется, за сутки до отъезда один человек отправляется добывать грузовик для сброски, а остальные к условленному моменту должны высепулить лагерь на поверхность, упаковаться и донести все до дороги. Разумеется, в нормальной ситуации человек с грузовиком приезжает, а на поверхности — никого. Ибо все спят и чихать хотели на все будильники, специально для этого случая взятые с собой. Вот тут и начинается беготня. Шофер матерится, так как не может ждать четыре часа, потребные на высепуливание. Все остальные матерятся, потому что поезд через те же четыре часа, а до него еще час ехать. И все вместе, включая шофера, начинают бегать с батареями сепулек на совершенно изумительных скоростях.

Еще одна возможная причина аврала в лагере — это чье-то решение пофотографировать на его территории. Территория лагеря велика и хошь не хошь, а участие приходится принимать поголовно всем. Половина бегают со вспышками, а половина позируют — сидят в естественных позах без движения. По 30–40 минут подряд на каждом кадре. Традиционно объявляется еще и пожарная тревога. Это после того, как в 1984 году, в лагере зала Гуров, где совершенно невозможно нормально фотографировать (галерея шириной полсотни метров и высотой почти столько же, а от спальных купе до кухни метров двести), Женя Войдаков родил идею: вместо того чтобы давать несколько сотен вспышек, нужно просто пальнуть из ракетницы вдоль галереи, и света должно хватить. Сказано — сделано. Все фотоаппараты лагеря были выставлены на пригорочке (десяток штативов с тремя десятками аппаратов), все затворы открыты, и Женя торжественно произвел запуск. Мы в то время еще не ввели систему с модулями жизнеобеспечения, и продукты были в нормальных мешках и ящиках, которые на кухне аккуратно рассортировывались по кучам. Куда и прилетела в итоге эта ракета. Точно в кучу с картофельными хлопьями — основным гарниром. Упакованными в изумительно горячие пластиковые пакеты. Это надо было видеть: как толпа сидящих в партере спелеологов с воплями вскакивает с мест и несется спасать жор, сшибая по дороге штативы с фотоаппаратами. С этого случая при фотографировании в лагере и назначается пожарная команда, хотя ни ракеты, ни прочее огнестрельное освещение уже не используются.

* * *

Вся предшествующая часть этой главы описывала базовый лагерь. Естественно, базовыми лагерями дело не ограничивается, есть еще штурмовые. Если в каком-то участке пещеры нужно, скажем, учинить раскопки дней на несколько, удобнее всего — запустить туда на эти дни двух, или даже одного, человека в автономном режиме. С собственным

лагерем. Это делается просто и быстро. Каждый берет сепульку со своим спальником, сигаретами, посудой и инструментом, а кто-нибудь один идет в сопровождение, беря канистру с водой и один модуль. И это все. Если лагерю придется расширяться, дополнительный человек возьмет свою сепульку и один модуль, и перебазировается туда. При всей кажущейся неуклюжести и громоздкости нашего быта, мобильность таким образом остается на высоте.

Штурмовые лагеря в целом копируют базовый, с поправкой на возможное неудобство размещения. Даже если там живет один человек, кухню он всегда сделает не ближе десяти метров от спального места, оборудует полки под снаряжение, систему канделябров со свечками. При взгляде на подобный лагерь подчас даже трудно поверить, что все это было притащено в двух-трех сепульках умеренного размера.

Одиночные штурмовые лагеря имеют одно странное свойство. Они непонятным образом мобилизуют в их обитателе какое-то невероятное количество ресурсов. Вероятно, в отсутствии ежедневных передвижений к району работ и обратно высвобождается достаточное количество сил, а общий уровень стресса не позволяет организму расслабиться, и эти силы копятя. В результате, несмотря на то, что практически во всех случаях бывает твердая договоренность о времени присылки вспомогательной группы для выемки лагеря, никто этой группы не дожидается. Позавтракав, оценив время, и обнаружив пару часов запаса — обитатель лагеря начинает высепуливаться самостоятельно и делает это с поразительной эффективностью. Вспомогатели встречаются ему уже на подходе к базовому лагерю. При этом он зачастую тащит три-пять сепулек по таким узостям, в которых и одну-то положено передавать с рук на руки.

Естественно, любителей действовать в одиночку немного. У нас этим кроме меня периодически развлекаются Володя Детинич и Андрей Марков, причем все из разных соображений. Могу с уверенностью сказать только про себя. Я — в некоторой степени трус. Одиночная работа в пещере, действуя через подсознание, резко меняет мой стиль действий, снижая темпы и обостряя наблюдательность. И мне это нравится. Я прекрасно понимаю, что моей степени трусости, в одиночном выходе превращающейся в свехосторожность, достаточно, чтобы не влипнуть ни в какую историю с падением, потерей ориентации или застреванием, а количество интересных находок и идей за единственный одиночный день сопоставимо с их количеством за полную обычную экспедицию. А именно это и влечет меня под землю.

КАК ДАЮТСЯ РЕКОРДЫ

Если хочешь получить знания, то участвуй в практике, изменяющей действительность. Если хочешь узнать вкус груши, то тебе нужно ее изменить — разжевать ее.

Мао Цзэдун

Иногда в прессе проскальзывают сообщения о том, что какая-то пещера побил рекорд глубины. Или протяженности. Или — о том, что две крупных пещеры соединились между собой. Но при этом практически никогда не пишется ни слова о том, сколько лет и сил потрачено для подготовки этого однократного действия. То есть — примерно тот же расклад, как когда на заре компьютерной эры газеты восторгались, как ЭВМ за пять минут проектирует завод — и стыдливо молчали о месяцах и годах труда инженеров и программистов, готовивших это «пятиминутное» решение. Попробую отчасти ликвидировать этот пробел и обрисовать в общих чертах хронику одного из «пятиминутных» штурмов.

Где-то уже к 1984 году сложилась ситуация, при которой соединение пещер Кап-Кутан Главный и Промежуточная, буде оно было бы найдено, сделало бы получившуюся пещеру рекордной по своей протяженности для Азиатского континента, а также рекордной для

СССР среди пещер, заложенных в известняках. Абсолютный рекорд страны был недостижим: гипсовые лабиринты Подолии с их протяженностями 150–170 километров и хорошими перспективами дальнейшего исследования были совершенно вне конкуренции. Но шанс обойти Большую Орешную с ее сорока с небольшим километрами, что было рекордом страны среди пещер, заложенных в карбонатных породах, был вполне реален.

При этом само по себе существование прохода не вызывало никаких сомнений с самого момента открытия Промежуточной — уж больно рядом находились обе пещеры, и их не разделяло ни одной геологической структуры сложнее тех, которые уже известная часть Кап-Кутана Главного без затруднений пересекала. С остальными пещерами системы вопрос был открыт, как он открыт и по сей день. Несмотря на довольно быстро доказанное гидрогеологическое единство, разделяющие их сомнительного свойства структуры, делающие прохождение проблематичным, имеются в изобилии. Но не между Кап-Кутаном Главным и Промежуточной.

Даже при такой полной ясности, соединение этих двух пещер заняло целое десятилетие и было весьма богато самыми разнообразными событиями и приключениями. И, что характерно — правильное понимание ситуации не возникало ни единого раза за все десятилетие, вплоть до завершающей штурмовой пятиминутки. Несмотря на все открытия и события сей эпопеи. Впрочем, начнем по порядку.

* * *

Первоначально в нашем распоряжении была совершенно неправильная высотная съемка — гидронивелирование стало использоваться существенно позже. По имеющимся представлениям, единственный хорошо развитый этаж Промежуточной соответствовал одному из верхних этажей Кап-Кутана Главного, и именно на исследование этих этажей и шли основные силы спелеологов. Впрочем, не очень интенсивно — в конце семидесятых возможность рекорда еще даже не обсуждалась. Тем не менее, достижения наиболее активных тогда исследователей из Самаркандской городской спелеосекции (к сожалению, быстро развалившейся) были весьма значимы. Открытые ими верхние этажи Кап-Кутана Главного стали, пожалуй, первым существенным достижением в этой пещере со времен Ялкапова.

В 1981 году представления резко изменились. Сила ветра, дующего из нижних этажей, найденных Рассоловым, была столь велика, что не было ни малейшего сомнения — такой ветер возможен только с другого входа в систему, находящегося на сильно другой высоте. В этом направлении как раз и была Промежуточная, вполне удовлетворяющая этому условию. И только она. То есть — налицо была серьезная ошибка в высотной увязке, и соединение следовало искать не вверх от главного этажа, а вниз.

Одновременно стало ясно, что поиск надо вести именно со стороны Кап-Кутана. В пещерах поиск прохода против ветра всегда проще, а если приходится копать, то оно и психологически легче, чем по ветру. Зимний ветер²¹ был со стороны Промежуточной, а зима — основное время экспедиций. Лето в пустыне с трудом пригодно даже просто для существования. Активные же действия летом и вовсе невозможны. Как из-за жары, так и из-за недостатка воды. Даже во времена массивованного разграбления пещер самоцветчики закрывали участок на два самых жарких месяца, перевоза рабочих на другие участки выше в горах.

Итак, путь лежал через нижние этажи Кап-Кутана. Здесь вариантов просматривалось опять же два — по галерее Макаронная Речка и по галерее Кузькина Мать. Ветер дул в обеих с приблизительно равной силой, обе заканчивались недалеко от Промежуточной, и обе шли в

---

²¹ Летом и зимой направление ветра в «сквозных» пещерах меняется на противоположное, а в межсезонье ветер может меняться и с суточным циклом.

равной степени тяжело.

* * *

С Кузькиной Матерью до сих пор так и не удалось разобраться полностью, тем более — найти через нее соединение с Промежуточной. Хотя многое сейчас стало уже ясно. Просто имеющийся там сифон здорово затрудняет исследования. И совсем не своей технической сложностью. Кузькина Мать — сифон короткий и мелкий, при наличии ходовика он даже проходится свободным нырянием безо всякого акваланга. Сложности имеют скорее психологический характер.

Любой сифон есть штука небезопасная просто по определению, и потому любое его проныривание должно не просто проводиться с участием подводника приличного класса, но — обязательно под его руководством. Вода не прощает малейших ошибок и убивает за секунды, причем не только чайников. Смертность среди спелеоподводников всегда была гораздо выше, чем среди всех остальных спелеологов. Мы — люди достаточно осторожные, и никогда не планируем выхода за сифон без возможности спланировать и осуществить тактику прохождения и страховки с абсолютной гарантией. Тем более, что к тому есть все возможности — с нами сотрудничают подводники экстра-класса, такие как Евгений Войдаков, Михаил Переладов, Владимир Свистунов. Спланировать выход так, чтобы он проходил под руководством кого-нибудь из них, нет проблем.

Такой подход гарантирует безопасность, но весьма препятствует эффективности исследований. Потому что у всех подводников слишком сильно развита спортивная жилка, и убедить их в том, что прохождение сифона не есть самоцель, просто невозможно. Как только сифон пройден — любые исследовательские начинания теряют для них всякую привлекательность, и особенно это верно именно для сифона Кузькина Мать. Потому что на той стороне находится цепочка очень красивых залов — так называемая Страна Дураков.

Результат верховодства подводников в вылазках за сифон примечателен и показателен. В течении первых пяти лет после первопрохождения сифона ни один (!) человек не побывал на той стороне в комбезе. Протащить сквозь сифон каждую сепульку — большой труд, возможный только в обстановке энтузиазма. Единственное же, что привлекало подводников в Стране Дураков — красоты. И — все предпочитали взять сепульку с фотоаппаратами, а не с комбезом. А в голом виде, естественным образом, совсем не до ползания по острым кристаллам. Поэтому в узости просто никто и не совался.

Последние годы в Стране Дураков наконец начала разворачиваться некоторая деятельность — появились группы менее осторожные, чем мы, не берущие с собой подводников, так что недавно в Страну Дураков впервые был заброшен трехдневный штурмовой лагерь. Но не с целью стыковки пещер. Стыковка через Страну Дураков перестала быть актуальной, и даже более того — стала нежелательной. Зачем же открывать легкий путь доступа в очень красивый район, надежно законсервированный сифоном? Тем более, что пещеры к этому времени уже состыковались. Появились другие соображения. Похоже на то, что Страна Дураков среди всех других северных продолжений пещеры имеет наибольшие шансы пересечь взброс, ограничивающий Кап-Кутан Главный и Промежуточную с северо-запада, и тем самым выйти в крупное продолжение в сторону Геофизической.

* * *

Тем временем в Макаронной Речке исследования медленно, но верно развивались. Эта галерея получила свое название за мощный поток глины на полу и сплошные заросли «макарон» — трубчатых монокристаллических сталактитов длиной до полутора метров, плотно заполняющих своей чашей весь объем галереи кроме узкого прохода, прорубленного кем-то вдоль правой стены. Галерея довольно быстро заканчивалась мощным

крупноглыбовым завалом.

Первый прорыв произошел в 1983 году, когда Степой Оревкиным была обнаружена узкая щель в стене метров за двадцать до тупика. За начальной щелью был длинный (около пятидесяти метров) участок очень многочисленных, сложных и узких щелочек между глыбами завала. А дальше — шла очень широкая и очень низкая галерея, вся проросшая рогами и копытами так, что единая галерея превращалась в очень запутанный лабиринт. Метров же еще через сто галерея откровенно поворачивала на запад, в сторону Промежуточной! И — двумя сотнями метров далее заканчивалась очередным завалом, оставляющим полное впечатление проходимого. Глыбы были невелики, а между ними свистел ветер. Времени было в обрез, так что раскопки были отложены — успеть бы топосъемку сделать.

* * *

Вторая попытка была предпринята на следующий год Ильей Костенчуком из МГУ с небольшой командой школьников. Они всего за пару часов разобрали завал и прошли очень сложно устроенный участок длиной метров семьдесят — с огромным количеством рогов и копыт как на потолке, так и на полу, причем не подрастворенных, а именно тех, которые при ударе кулаком звенят как колокола, а кувалдой не откалываются. Впридачу ко всему участок подобно амебе расплылся из единой галереи в лабиринтик с кучей боковых тупиков и закончился огромным завалом. Попытка прорубиться через один из ходов, утыкающихся в завал, съела все ресурсы времени, и — оказалась бесплодной. Только при возвращении было обнаружено, что был выбран тупик далеко не с самым сильным ветром, да и не самый перспективный по расположению. Ребята потеряли ощущение устройства района практически полностью, а это означало, что в следующий раз придется лезть кому-то, кто лучше чувствует пещеру. На тот момент — мне или Бартеневу.

В следующей экспедиции туда полез я — Бартенев в первый же день обнаружил какой-то не пройденный подвальчик прямо около лагеря и немедленно укопался в него.

Новая часть была, пожалуй, рекордна по своей мерзости среди всего виденного раньше. И действительно нетривиально устроена. Ходов, выводящих на концевой завал, было чуть ли не десяток, причем на разных уровнях, и ни один из них не шел верхом — все до единого были в теле завала. Это резко снижало шансы. Однако, раз уж в теле завала есть не засыпанные мелкой дрянью пустоты, сквозь которые еще и ветер поддувает, то какие-то шансы все-таки были.

Самым сложным было найти и сравнить с точки зрения перспективности все возможные ходы. Половина из них была просто не видна и обнаруживалась только с точек перекура по «неправильному» поведению ветра. Тем не менее, какой-то план действий вытанцовывался, хотя сил и инструмента для осуществления его в этот заезд было явно недостаточно. Нас было всего четверо, считая и двух дам, так что пересепуливание лагеря вглубь и запуск недельной долбежной программы с подносковой воды по полукилометровому шкурнику были нереальны.

Район единогласно получил название Б-подвал из-за своих совершенно потрясающих по мерзости свойств. Сначала название относилось только к раскопанному Костенчуком участку, но потом из-за великой своей жизненности распространилось на весь район начиная с поворота Макаронной Речки. Единственное, что было отрадно — так это наличие перед самым концевым завалом достаточно высокого зала с песчаным полом. В нем впоследствии можно было бы ставить лагерь, без которого продуктивная работа в этом районе пещеры не мыслилась. Но для этого нужно было сначала найти воду.

Я попал в Б-подвал еще раз очень скоро — с балашихинскими детьми во время экспедиции с Чернышом. Но тот выход не только не дал ничего нового — даже не улучшил общего понимания. Несмотря на угробленные три дня весьма старательной работы трех топосъемочных двоек и одной долбежной. Район был слишком сложен для детей, а их —

слишком много для меня.

* * *

Следующая попытка была в том же 1985 году. Штурм Б-подвала предприняли красноярцы (группа Фроловой). Мы возлагали на них очень большие надежды, потому что и технически, и физически это — чрезвычайно сильная команда. Желание пробиться у них было велико, да и времени было достаточно. К сожалению, их тоже хватило на единственный выход. Впрочем, через завал они пробились, прошли еще двести метров, и — остановились перед глиняным замывом, тоже потеряв и ветер, и понимание обстановки.

Весьма возможно, что они сделали бы и больше, если бы не отсутствие у нас в то время взаимной координации с новой самаркандской группой, возглавляемой Гришей Пряхиным. Он как раз в это время самостоятельно пришел к мысли о возможности стыковки пещер через Макаронную Речку (про Б-подвал он еще просто не знал), но будучи человеком крупным и в меру ленивым, пошел другим путем. Сначала он попытался прямым методом доказать эту возможность, а уже потом — лезть. На каких-то экспериментах его и застали красноярцы, а застав — решили помочь, тоже не сразу врубившись, что речь идет о том же самом. И потеряли на этом несколько дней.

Эксперименты заключались в следующем: одна группа жгет различные характерно вонючие вещества в тех тупиках Промежуточной, в которые уходит ветер, а другая — нюхает на входе в Макаронную Речку. С ведением подробных записей о времени и месте поджигания каждого вещества, а также о времени и месте его унюхивания. Довольно смешно, но эксперимент дал правильный результат, несмотря на полную невозможность этого. У входа в Макаронную Речку, правда с некоторым сомнением, был унюхан запах гексы, сожженной в зале Тещина Гостиная. Это абсолютно верно — главный путь воздуха через Б-подвал так и идет. Только вот по расстоянию там около километра, а пары гексы при такой скорости ветра полностью садятся метров через триста-четырееста. Вероятнее всего, учуянный запах был галлюцинацией, но уж больно точно угаданной. Ну, а в итоге это нюхание просто срезало несколько дней экспедиционного времени.

* * *

Кстати, подобное времяпрепровождение в пещерах Кугитанга не есть редкость. И по многим соображениям. Во-первых, оно в чем-то заменяет традиционное для обводненных пещер прокрашивание водотоков флуоресцеином. И тем самым делает спелеологические исследования в чем-то ближе к классической схеме, предлагаемой во всей литературе. А это психологически всегда гораздо удобнее.

Во-вторых, хорошо разносящиеся в пещерах запахи иногда просто провоцируют на подобные проекты даже при полной и очевидной их бессмысленности. Так, например, в последней нашей экспедиции с лагерем на Варане, в плюшечной сепульке оказался основательный запас полукопченой колбасы, чего обычно не бывает. Само собой, через пару-тройку дней колбаса начала откровенно тухнуть. Пришлось учинить массивное ее прожаривание.

Приехавшая как раз в это время для ныряния в провале с гольцами группа Переладова устроила фотоэкскурсию в Кап-Кутан Главный, а точнее в Тронный зал, которым формально заканчивается главная галерея. Формально потому, что Тронный — дальняя точка, но находящаяся отнюдь не на главной струе, а в небольшой боковушке. Главная струя заканчивается в огромном и весьма нетривиально устроенном зале Медузы, который до сих пор непонятно почему тупикуется. По всем соображениям дальнейшие проходы должны быть, но их нет.

На самом деле проход из Медузы по главной струе никого не интересует — район СЮР-85 и так выходит на главное продолжение за ней, а тяжелое прохождение сбивки

между двумя ветвями одной и той же пещеры — занятие достаточно бессмысленное.

Густо стоявший в зале Медузы запах жареной колбасы дезориентировал ребят полностью. Для моего лагеря — единственного, с которого запахи могли проходить в Медузу — этот запах отнюдь не был характерен и полностью противоречил стандартам закладки модулей, и Переладов это знал. Больше в Кап-Кутане Главном групп не было, и он тоже это знал. Сам собой напрашивался вариант, что запах тянет каким-то неведомым путем из Промежуточной или Таш-Юрака, и потому вся группа потратила два дня на обнюхивание Медузы. Вместо того, чтобы зайти к нам и просто спросить.

Наконец, последнее соображение в пользу воняния и нюхания выглядит наиболее забавно. Ностальгия. Большинство подвигающихся в Кап-Кутане спелеологов в той или иной мере происходят из Москвы, а московские спелеологи имеют вполне определенные сладкие воспоминания детства. Мало, кто начинал знакомство с пещерами с прихода в какую-либо спелеосекцию или спелеошколу. Гораздо чаще спелеологами становятся, пройдя школу подмосковных катакомб — заброшенных разработок особого известняка, из которого строилась Москва белокаменная.

Вполне понятно, что катакомбы есть популярное место отдыха школьников старших классов. Причем такое времяпрепровождение для них, пожалуй, весьма безобидно — во всяком случае, существенно безобиднее вечернего кучкования в парках. Ползание по катакомбам требует много энергии, и даже одним этим снимает большую часть характерной для возраста агрессивности. Естественно, не все традиции катакомб абсолютно безобидны — в некоторых группировках встречаются и агрессивность, и пьянство, и наркотики, но все же обычно в меру.

Катакомбенный отдых порождает много развлечений, недоступных в обычных условиях, и одним из них является постановка друг другу «волоков». Поставить волок — означает правильно рассчитать ход воздушных потоков, и с безопасного удаления пустить на чей-нибудь лагерь дымовую завесу. Например, просто от клокка подожженной ваты. В ограниченном пространстве видимость теряется сразу, и выйти из зоны хорошо поставленного волока не так-то просто. Сейчас это стало несколько менее популярным, но когда мы начинали лазить, в Подмоскovie подвизалось несколько десятков таких виртуозов по волокам, что только держись! Выгнать всех со стоянки, находясь от нее в паре сотен метров и через три десятка перекрестков, было для них абсолютно плевым делом. Причем для волоков использовался не только вульгарный дым, но и разные мерзкие запахи, и даже слезоточивые газы. Многие виртуозы были впридачу и неплохими химиками. Естественно, в ходу были и другие забавы, но в более зрелом возрасте о них как-то даже не очень вспоминается.

А вот о волоках вспомнилось. И с удовольствием. Вятчин даже потратил кучу времени на создание теории пронюхивания с выносом рекомендаций по системе линейно независимых волоков — то есть такой максимальной группе легко получаемых и далеко разносящихся запахов, любая смесь которых могла бы обычным спелеологическим носом быть легко проидентифицирована и разложена по полочкам.

* * *

Ладно. Хватит ностальгических воспоминаний о сладких запахах детства. Вернемся в Б-подвал к нашим баранам, роль которых в данной сцене исполняют красноярцы.

Новый кусок галереи оказался несколько неожиданным, что было весьма отраднo. До сих пор Б-подвал определенно шел в сторону Промежуточной, но был-таки в его поведении один момент сомнительный, если не сказать — подозрительный. Тот, что весь Б-подвал крутонаклонно идет вниз. Все ходы Промежуточной, в которых исчезает ветер — тоже вниз. Не сбивается. Вода так течь не умеет. Так вот только в красноярском участке Б-подвал еще раз повернул слегка направо, уже точно в сторону Тещиной Гостиной, и наконец пошел вверх. Главная же струя отклонилась вниз на юг, заткнулась массивными

песчано-глинистыми заносами без единой щелочки. Забавно. Мы нигде не указывали правильную расшифровку названия «Б-подвал», разумея, что каждый поймет в меру собственной испорченности. Когда Фролова перед экспедицией заказывала у нас материалы, видимо она не поверила в существование таких кратких названий и запросила последние съемки по «Бол. подвалу». Присланная ею после экспедиции съемка нового участка была озаглавлена уже «Бл. подвал». На чем мы окончательно убедились, что ничего удачнее нашего варианта названия придумать просто невозможно. И распространили практику многозначных однобуквенных названий по возможности шире.

* * *

Чем дальше в лес, тем больше дров. В смысле, что Б-подвальская жизнь с каждой экспедицией становилась все более интересной. За счет обрастания упомянутого подвала все новыми и новыми неудобопонятными отростками. В 1986 году до Б-подвала добрались повзрослевшие балашихинские ребята, героически засепулили туда лагерь с водоснабжением канистрами по сепульке, и — не нашли прорубленного красноярцами прохода. Потому что вышли на указанную точку этажом выше, а там безо всяких раскопок шел еще один лабиринт. Слегка посевнее, тоже вверх и тоже с ветром. И тоже затыкающийся через пару сотен метров. Совершенно непроходимым завалом. Впрочем, в последний день красноярский вариант тоже нашелся. И от него тоже шло сразу три варианта на северо-запад. Все три с ветром, и все три заваленных.

Однозначность понимания потерялась. Найденные четыре северных варианта были прицелены в самые разнообразные участки Промежуточной. Кроме Тещиной Гостиной, считавшейся главной целью. Две следующих экспедиции ковыряли эти продолжения однодневными выходами с Баобабского лагеря, но безо всякого толку.

* * *

Параллельно происходили некоторые события совсем интересного свойства. Сэм, топосъемя один из боковых вариантов лабиринта Сучьи Дети, обратил внимание на полную идентичность морфологии (геологического устройства) этого лабиринта с лабиринтом верховьев галереи Каньон в Промежуточной. Его уверенность в существовании между ними прохода была настолько сильна, что он заразил ей еще двух человек и начал сосредоточенный поиск. Несмотря на то, что это — чуть ли не одна из самых удаленных от Промежуточной частей Кап-Кутана. Самое интересное, что все это отнюдь не воспринималось как полная глупость. Во-первых, в Сучьих Детях по вполне достоверным данным имеется не менее двух крупных «потерянных» продолжений. Информация о которых достаточно подробна, и — с большой вероятностью означает, что как минимум одно из них пересекает на каком-то другом уровне всю нижнюю часть Кап-Кутана и подходит близко к Промежуточной. Причем скорее всего — именно в районе Дикобразьей, где были найдены эти злосчастные батарейки, до сих пор сидящие хорошей занозой в задницах многих.

Даже более существенным, чем всякие рассуждения о батарейках и потерянных галереях, был тот иррациональный факт, что Сэм со своей манерой искать все не иначе как под ближайшим фонарем, нередко в этом преуспевал. Проиллюстрирую сию Сэмовскую способность на вошедшем в легенды случае со спасработами в Никитской катакомбе. Катакомбу тогда трижды безуспешно прочесывали в поисках пропавшего месяц назад парня. Безуспешно — то, что от него осталось, уже не выглядело человеком, а просто пыльным кустом плесени, точно таким же, как растут на остатках крепежных свай. Поисково-спасательную операцию свернули, но Сэм не мог поверить в то, что парня там не было, и в ближайшие выходные предпринял со своей группой еще одну попытку. Еще раз прочесать ту единственную часть катакомбы, которую знал — центральную. Несмотря на то,

что при всех прочесах именно она проверялась особо тщательно.

Нашел он шариковую ручку. Именно такую, какие продаются в любом газетном киоске. И, как это позже выяснилось, потерянную одним из спасателей во время первого прочеса. Тем не менее, Сэму удалось убедить родителей пропавшего, что это именно его ручка, а убедив — инициировать повторный прочес. При котором останки парня и были наконец найдены.

Такие способности Сэма вполне позволяли надеяться, что затеянное им предприятие и на сей раз даст какой-либо неожиданный эффект, а вполне возможно, что и долгожданное соединение пещер. Да и такие танки в человеческом облике, как Сэмовские ребята, могут очень многое при поддержке заразного энтузиазма, подобного испускаемому Сэмом.

Сумасшедшая мысль о том, что где-то в увязке пещер, а может — в понимании их гидрогеологического устройства может сидеть очень крупная ошибка, и так витала в воздухе. Если же эта мысль вдруг оказалась бы верна — проход мог обнаружиться случайно. Причем в любой точке. Так что Сэмовские искания пришлись весьма ко двору, и зараза проверки дурных вариантов все более и более начала овладевать умами. Забравшийся в Б-подвал Володя Детинич умудрился заблудиться и заночевал там. Лежа и пытаясь уснуть, он явственно слышал вдали не только чьи-то шаги, но и отзвуки чьих-то разговоров. В принципе подобные галлюцинации для пещер характерны. Но — ни в коем случае не у Володи. Так что пришлось на следующий день засылать посольство в Промежуточную — учинять допрос всех стоящих там групп о маршрутах их передвижений за последние сутки. Полное отсутствие там кого бы то ни было кроме единственной группы, ходившей только в северной части, весьма далекой от Б-подвала, серьезно усиливало впечатление, что с пониманием происходит что-то не то. Чуда не произошло. Сэм ничего не обнаружил. Специально проведенный эксперимент по простукиванию кувалдой стенок в различных точках Промежуточной со слухачом на месте Володиной ночевки в Б-подвале, тоже провалился с треском. Точнее — с полной и гробовой тишиной. И все возвратилось на круги своя.

* * *

Следующая серия событий произошла в 1988 году. В Б-подвале группа Андрея Парфенова решила наплевать на все четыре северных варианта и прокопать прямой, для чего они засепулились с трехдневным лагерем, опять же с водоснабжением канистрами. И прокопали. Очень мало — всего метров тридцать хода. Но какого! Галерея шириной метров десять и высотой метр. С сухим песком на полу. И с ветром страшной силы, несущим этот песок по воздуху и секущим им по лицу. А дальше — опять нужно копать. Причем не очень понятно, куда — весь дальний конец галереи одинаков — узкая щель между потолком и песком, а в песок в любом направлении уходит вся лопата вместе с рукой. Но копать — все легче, чем разбирать завал. Именно в этот момент стало понятно, что через Б-подвал таки пройдет, но работы будет еще столько, что без стационарного лагеря не обойтись. Равно как и без радикального решения проблемы водоснабжения. И именно тогда началось проектирование водопровода.

* * *

Это в Б-подвале. А тем временем в другом конце пещеры, а именно в Свинячем Сыре — появилось и не появилось соединение с другим концом Промежуточной — одним из залов района Каскадный. Собственно, возможность соединения оттуда, несмотря на отсутствие сильных ветров, уже пару лет как просматривалась. При изменениях погоды на лагере Варан появлялся очень слабый ветер. Но он был явно суше, чем положено, то есть заведомо шел от близкого входа. И шел именно со стороны Промежуточной. Почему он был слабый, в общем-то было понятно. Между Вараном и Промежуточной, метров на тридцать

ниже, находится Кузькина Мать, являющаяся гораздо более простым путем для воздуха и вполне могущая перехватывать главный ветер. В последней экспедиции к залу Варан я решил остаться в одиночку на лишнюю пару дней после выхода остальной группы. Практически весь район заткнулся наглухо, группа потеряла энтузиазм, а в самом Свинячем Сыре осталось несколько недоделанных углов, да и просто он оставался не во всем понятным.

В одиночку исследовать хорошо. Чувство самосохранения обострено и глаз замечает мельчайшие детали, мимо которых вдвоем легко проходу. В частности удалось заметить, что Свинячий Сыр — отнюдь не такая плоская конструкция, как представлялось — в нем имелись отчетливые признаки наличия не менее одного верхнего этажа. Когда я стал прицельно искать выход на эти этажи, то с совершенно неожиданной легкостью выскочил через дыру в потолке в небольшой лабиринт, в котором сначала ветра не было, так же, как и в самом Свинячем Сыре, но чуть подальше он появился, а еще дальше лабиринт заткнулся очень низкой и очень широкой щелью между потолком и отвалившейся от него плитой. Плита выглядела подозрительно знакомой. Ее размеры и цветовые оттенки пушистых глин на потолке и плите полностью соответствовали тому, что я видел в одном из северных залов Промежуточной. Впятившись в щель до предела, я уже видел расширение и даже угадывал очертания знакомого зала, в котором бывал десяток раз. Мучительно пытался вспомнить хоть какую-то особенность, позволившую бы интерпретировать ситуацию однозначно, но не мог. И сделал единственно возможное — забросил как можно дальше в щель свой ручной свет — бело-оранжевый фонарик редко используемого спелеологами типа.

Еще до того, как я в следующий заезд нашел этот фонарь, стало понятно, что соединению пещер по этому пути — не быть. Ни расширять щель, ни показывать ее кому бы то ни было, ни даже топосъемить соединяющий лабиринт нельзя. Путь к северным красотам Кап-Кутана, проходимый за полтора часа без особых сложностей, был абсолютно несовместим с тщательностью нашей консервации этого района. Так что, как это ни прискорбно, до радикального и стабильного решения проблемы с охраной пещер, этого соединения не будет. Как не будет и соединения через Страну Дураков — верхний лабиринт проходил над ней, и найденный в нем на полдороге ветер явно был одной из ветвей ветра, выходящего из Кузькиной Матери.

Сложилась любопытнейшая ситуация. Соединение и есть (прошел фонарь), и нет — не прошел ни один человек, а главное — нет и не будет карты участка стыковки.

Незыблемость принципов легко нарушаема. Несмотря на то, что я явно объяснял Александру Климчуку,²² что информация о стыковке неофициальна, и данные по параметрам я буду продолжать давать отдельно, он не удержался и всюду сообщил о рекорде. Вместе с Дублянским, в свое время и провозгласившим принцип «нет карты — нет и пещеры». Для сохранения самоуважения необходимо было всячески форсировать стыковку через Б-подвал.

* * *

Усилия были разделены. Самаркандцы, координация действий с которыми наконец установилась, с завидным упорством ковыряли из Тещиной Гостиной. Степа Оревкин и несколько других команд рубились в Б-подвале. Мы пытались найти проход из южной части Промежуточной, в которую, по-видимому, шел главный вынос глины из Б-подвала, а также искали новые варианты. Впрочем, за самоцель стыковку держали только энтузиасты Б-подвала. Остальные преимущественно вели работу на новых продолжениях, переключаясь на поиск вариантов стыковки только когда кончались более осмысленные идеи.

Впрочем, регулярно возникающий дефицит идей не был единственной проблемой.

---

²² Киевский спелеолог, взявший на себя совместно с Виктором Дублянским из Симферополя и Владимиром Киселевым из Москвы, титанический труд сведения и систематизации спелеологических открытий во всей стране.

Б-подвал стал предельно сложен технически и физически. Сепулькарий до лагеря был относительно благоустроен, да и водопровод не давал сбиться с пути, но — за лагеремросло уже столько же, если не больше, новых продолжений. Отнюдь не благоустроенных. Не все группы выдерживали это. Так, в целом сильная команда Володи Андрусенко при попытке поработать в Б-подвале тащилась туда более трех суток — просто не пролезали в узости — и сдалась, не дойдя до фронта раскопок.

* * *

На 1989 год пришлось сразу два прорыва. Первый из которых и обнадеживал, и — разочаровывал. Степа раскопал в Б-подвале очередной стометровый кусок, за которым все стало уже совсем плохо. Несмотря на ветер со всех сторон, физически вызывавший ощущение предельной близости к цели. Огромный завал, маленькие дыры, гипсовые шарики, и — никаких перспектив, что дальше станет легче. Оставалось тупо копать по всем возможным направлениям в надежде, что осталось чуть-чуть. Пещеры подошли друг к другу уже достаточно близко, чтобы желательные направления стали совсем непонятными. С имеющейся точностью увязки пещер и подземных топосъемок можно было только сказать, что остались первые метры. Или первые десятки метров. В любом направлении.

Во-вторых, мы с Володей Детиничем, как это водится, в последний день экспедиции нашли очень перспективную и легко копаемую точку в Низком Зале Промежуточной. Перспективную отнюдь не в смысле возможного соединения с Кап-Кутаном, а в смысле нового района. За которую немедленно взялся Вятчин, чья экспедиция начиналась через месяц. И вопреки всем ожиданиям, он нашел продолжение, идущее именно навстречу Б-подвалу. И не только идущее навстречу, но и выглядящее в точности так же, как Степин концевик — завал со впаянными в шарики реликтами древних гипсовых люстр. И что самое главное — в его конце был слышен стук кувалд из Б-подвала. В этот раз — реальный. Впрочем, наличие слышимости могло с равным успехом означать как метры, так и сотни метров — плиты, разносящие стук до трехсот метров, мы знали.

* * *

Неприятно было то, что возможность стыковки опять стала проблематичной. Найденный Вятчиным ход, названный Галереей Бешеных Собак, не только транспортировал ветер от Низкого в сторону Б-подвала, но и собирал по дороге ветры с других участков Промежуточной. В частности, с Тещиной Гостиной. Создавалось впечатление, что это — своеобразное «горлышко», собирающее все ветра, которые дальше опять рассасываются и появляются во всех пяти ветвях Б-подвала. А это могло означать только одно — между пещерами есть серьезная разница в высотах и этот точечный переход воздуха происходит через вертикальную щель, скорее всего непроходимую. Примерно такая же разница в высотах получалась и по топографической увязка пещер. Но увязка сама по себе могла быть и ошибочной, а здесь — такое подкрепляющее соображение. К тому же — тупик Галереи Бешеных Собак без динамита был совершенно не копаемым.

Последний массивированный штурм Б-подвала состоялся в 1990 году, во время нашей совместной экспедиции с американцами. Балашихинцы, причем наиболее упорные из них — Голованов с Бородиным. Вятчин. Степа. Пряхин. Словом, сборная команда высшей лиги. И каждый махал кувалдой в своем собственном шкурнике. И все абсолютно без толку. Чем дальше, тем хуже.

* * *

Руки опустились. И вот тут в первый раз в истории в Б-подвал полез Бартнев. То есть не совсем в первый — на экскурсии он лазил туда и раньше. Но копать — в первый. За

неимением отечественных фанатиков, с большой командой англичан. Англия — очень хорошо исследованная страна, и их спелеологи, в отличие от наших, уже чуть ли не половину столетия не находят ничего нового иначе, чем в результате длительных раскопок. Некоторые пещеры у них методично копаются лет по двадцать. Так что наши проблемы для них — дело привычное и плевое.

Ха! Привычное и плевое. Б-подвал за пару дней доломал и англичан. Был принят единогласный вердикт, что на весь этот Б-подвал следует забить русско-английский мозолистый хрен, а заодно поставить на нем крест. Причем последнее решили учинить физически. А за неимением креста вставить в последний раскоп молоток. Который все равно было лень тащить наверх.

* * *

И все-таки есть Бог на свете. Или нечто его заменяющее. Иначе трудно было бы объяснить, что ровно на следующий день к Бартеневу пришел главварь сидевшей в Промежуточной команды красноярцев. Невинным и смущенным голосом он осведомился, где лежит пикет номер такой-то, а рядом — стоит молоток.

Опять наслушавшись энтузиаста раскопок в Тещиной Гостиной Пряхина, красноярцы учинили еще один прочес ее окрестностей. А окрестности там такие — во все стороны потолок постепенно понижается, переходя в слишком низкую для проползания горизонтальную щель. Копать хоть и тяжело, но можно в любую сторону. И вот в конце одного из старых раскопов, заглянув в щель, они увидели на горизонте явный блеск металла. Не найдя туда обходов, они прокопались. Всего метров пять. Всего за пару часов. Но сориентироваться в лабиринте дальней части Б-подвала не смогли, и даже полной уверенности, что прокопались туда, куда нужно, не имели. Совместный траверс и торжественное завершение топосъемки решили вопрос. Все мои соображения о высотных несбивках и о структуре ветров оказались неверны. Зато теперь рекорд был. И в том, что последнюю точку поставили именно бывшие практически ни при чем красноярцы — была высшая справедливость. Слишком много групп положили слишком много сил на прохождение Б-подвала, чтобы лавры достались какой-то одной.

Траверс между пещерами был повторен только один раз, и то случайно, и с немалыми приключениями. К Б-подвалу, несмотря на совершенную стыковку, отнюдь не пропал интерес — найти из него продолжение на юг, куда стекала основная масса пещерных вод, и где пока нет ничего — задача существенно более важная и интересная, чем состыковать известные пещеры. Не намного уступает ей и задача прокопать первый северный (балашихинский) вариант, который за периметр, конечно, не выйдет, но может вывести в большой район «белого пятна» между основными частями пещер. И в 1993 году, после выдерживания определенной паузы, первая такая попытка была предпринята группой Виктора Коршунова. Безуспешная. А изюминка была в том, что ребята пошли без лагеря — на рекогносцировку. Да еще и забыв наверху карту. И когда в самой южной точке стали думать, как выбраться обратно, додумались вернуться через Промежуточную. Из тех соображений, что туда (против ветра) и без карты легко пройти, а обратно (по ветру) можно потерять много времени в блужданиях.

То, что до Промежуточной не так уж и близко, а дорога не мелиорирована даже в первом приближении, при этом было забыто. Вероятно, это был самый тяжелый выход за всю историю исследования пещеры — рабочий выход в Б-подвал, совмещенный с траверсом в Промежуточную и возвращением на Баобаб через поверхность. И с поиском выхода из Промежуточной, потому что карты с собой опять же не было, а те два входа из трех, которые ребята знали, оказались на замке.

* * *

За историей соединения Кап-Кутана Главного с Промежуточной как бы остаются в тени все попытки соединения с другими пещерами системы. А их тоже было немало. От Кап-Кутана Главного до Таш-Юрака приблизительно такое же расстояние, как было до Промежуточной в момент начала кампании, и направление действий на Таш-Юрак одно время было весьма модным. Сомнительность одной из геологических структур (не будет ли она давать сплошную полосу непроходимых завалов) эти попытки приглушила. Да и в варианте с Промежуточной достаточно быстро прорисовались элементы, идущие навстречу Кап-Кутану Главному, а в Таш-Юраке были они пока неизвестны. Для начала следовало прокопаться в Таш-Юраке куда-либо южнее главной галереи. А любые исследования этой пещеры остановилось приблизительно в 1980 году. И причина тривиальна — лень, помноженная на неверие в свое понимание пещер. Если в Кап-Кутане Главном и в Промежуточной еще оставалось довольно много ходов, где можно ползти лишь слегка подкапываясь, то в Таш-Юраке просто не было ни одного возможного продолжения, не требующего капитальных раскопок. Эта пещера вообще заложена на слишком малой глубине под слишком большой излучиной каньона, и потому набита всякой рыхлятиной в очень большом количестве. Когда Ялкапов со своими пра-самоцветчиками пробивался из первого зала пещеры во второй, ему пришлось выкопать вдоль дикобразьей тропы канаву длиной около двухсот метров с парой боковых тупиков. И нет никаких оснований думать, что дальше будет сильно легче. А наши спелеологи пока не дошли до английской стадии развития и такие пещеры не копают. И вообще, в случае с Кап-Кутаном Главным и Промежуточной была одна существенная особенность, поддерживающая энтузиазм. Со стороны одной из пещер возможное соединение просто шло. Хоть и узко, и длинно, и неудобопонятно, но — шло. Даже почти не требуя длительных раскопок. В Таш-Юраке же нужно было капитально и без надежд на быстрое продвижение рыть с обеих сторон. Возможно, всего неделю, но столь же возможно — и пару лет.

Достаточно оптимистично выглядят в теории перспективы присоединения Хашм-Ойика. После открытия в Промежуточной районов ОСХИ и Зеленых Змиев расстояние между пещерами стало примерно таким же, как между Промежуточной и Кап-Кутаном Главным на момент начала кампании. А понимание сущности разлома, идущего от Промежуточной почти в нужную сторону и контролирующего своеобразную зону повышенной линейной проходимости, делает перспективы еще более радужными. На практике же здесь тоже есть свои проблемы, серьезно осложняющие массивованную кампанию. Во-первых, так же как в Таш-Юраке, ни с одной стороны не идет, хотя здесь и полегче — от Промежуточной нужно только выйти за каньоном на искомый разлом. И оно само почешет с визгом. Во-вторых, со стороны Хашм-Ойика все осложняется тем, что непонятно, где начинать. Пещера имеет огромные объемы, пол залов поднят завалами на десятки метров, и этот новый пол закопал как все продолжения, так и общую структуру пещеры. В получившемся амебообразном лабиринте залов невозможно понять ни одного из главных направлений существовавших ранее ходов, а без этого вкапываться в таких размеров завалы просто никому не хочется. Еще сильнее осложняет картину отсутствие сильных ветров. Если между входами Промежуточной и Кап-Кутана Главного перепад высот достаточно велик, чтобы вызывать очень сильные ветры, то между Промежуточной и Хашм-Ойиком он существенно меньше. Ветер еще можно худо-бедно почувствовать в Промежуточной, но в гигантских объемах Хашм-Ойика он уже теряется полностью.

С Геофизической ясности одновременно и меньше, и больше. Очевидно, что она может дойти до Хашм-Ойика не встретив ни одного серьезного препятствия, но расстояние велико, и это может занять десятилетия. Степень же затупикованности Геофизической ниже всякой критики, так что здесь скорее следует говорить просто о дальнейшем ее исследовании, чем о поисках любых соединений.

Следующий же массивованный штурм ожидается на сбивке Промежуточной с Хашм-Ойиком. Как только спелеологи психологически дозреют, а десятилетняя эпопея Б-подвала немного развеется в памяти. Дело даже не только в том, что стыковка, похоже,

возможна, а в том, что вполне возможно покорение очередного рекорда. Хашм-Ойик — пещера не маленькая, да и участок, лежащий между Промежуточной и Хашм-Ойиком, просто обязан содержать в себе крупные лабиринты. А также — отвилку на не маленькое северное продолжение в сторону Геофизической. Со вполне достаточной протяженностью, чтобы обойти пещеру Айсризенвелт в Австрии и вывести систему на место самой протяженной пещеры в известняках Старого Света, оставив впереди только систему Мамонтовой пещеры в Америке. Весьма лакомый кусок. Просто плюшка.

ПРОВАЛЫ С СЮРПРИЗАМИ И ПРОЧАЯ ЖИВНОСТЬ

Посмотрел направо — ничего ж себе...

Посмотрел налево — вот это да!

А подумал — так ведь и хрен с ним...

Анекдот из серии о научном складе ума

Совершенно отдельную историю составляет исследование гипсовых провалов у подножия Кугитанга. То есть история эта неотделима от Кугитангской спелеологии, но стоит особняком от исследования крупных пещер, хотя и не менее примечательна. А более всего она интересна открытиями всевозможной пещерной живности.

Как это водится, у всякой пещеры есть два конца — тот, куда вода втекает и тот, откуда она вытекает. Последний (источники зоны разгрузки) всегда и всюду является объектом пристального изучения спелеологов и геологического, и биологического, и спортивного толка. Первых — потому что по источникам можно многое понять о структуре и размерах пещеры, вторых — потому что большая часть троглобионтной (полностью адаптированной к жизни в пещерах) фауны есть водные организмы, и источник их иногда даже выносит на свет Божий,²³ третьих — потому что сифоны в источниках часто скрывают огромные подводные пещеры, представляющие большой интерес для спортсменов-подводников.

На Кугитанге очень мало нормальных выходных источников, а те, что есть, слишком малы и немногочисленны для того, чтобы служить разгрузкой огромных пещер массива. Единственное исключение — мощный родник Кайнар-Бобо, но, во-первых, он дренирует только небольшую часть массива, а во-вторых, в нем нет прохода вдоль воды. Может быть, он когда-то и был, но сел при прокладке дороги над источником. Мы этого все равно уже не узнаем — кроме дороги там построили еще и мазар (мусульманское святое место), и учинять раскопки все равно нельзя — побьют.

Тем не менее, Кайнар всегда привлекал спелеологов, и в конце шестидесятых годов С. Левушкиным из МГУ, регулярно тогда посещавшим Кугитанг, были сделаны первые в истории Кугитанга спелеобиологические открытия. В частности, были пойманы вынесенные из трещин троглобионтные изоподы (равноногие ракообразные) нового вида — симпатичные оранжевые безглазые существа сантиметра в полтора ростом. Я не имею в виду перечислять остальные находки, хотя что-то еще там было. Но — кроме факта своего существования они никаким боком нашей истории не касаются, и не такой уж я специалист в биологии, чтобы обсуждать их особенности. А вот изоподы важны, так как они нам еще повстречаются. Несколько в ином контексте.

Серьезное осложнение с поиском в родниках троглобионтной аквафауны заключается, кроме недостатка источников, еще и в том, что есть такая местная традиция — на любом источнике сооружать небольшую запруду и запускать туда рыбу — карпов или маринков. Частично это вызвано просто эстетикой, частично — поверьем, что для питья годится только та вода, в которой живет рыба. Последнее тоже не лишено смысла — в окрестностях довольно много сероводородных, радоновых, магниезиальных и прочих малосъедобных

---

²³ Именно так была обнаружена чуть ли не половина троглобионтных слепых рыб, протеев (слепых саламандр), и самых разнообразных ракообразных.

источников. Но — в любом случае запущенные рыбы немедленно расправляются с выносимыми из источника абсолютно беззащитными в нашем мире троглобионтами.

* * *

К счастью, далеко не все воды пещер Кугитанга разгружаются непосредственно. Большая их часть поступает в рыхлые отложения под равниной и, медленно фильтруясь сквозь них, питает источники, расположенные во многих километрах от гор. И эти подземные реки оказались не так уж недоступны. Между известняками, в которых заложены пещеры, и рыхлыми галечниками равнины есть прослойка гипсовых отложений толщиной в пару сотен метров, и водам пещер приходится через нее проходить.

Гипс — весьма растворимая горная порода. Воды известняковых пещер по отношению к гипсу страшно агрессивны, и потому в этом гипсовом поясе нарабатываются очень большие объемы. Земля там под ногами гудит в полном смысле этого слова. Где ни топнешь — под ногами отдается звук пустоты. Это совсем не гипербола. То здесь, то там встречаются провалы совершенно ужасающего вида — по несколько десятков метров глубиной и резко расширяющиеся книзу. Ко многим таким провалам последние десятки метров приходится подходить по навесам не рухнувших участков кровли толщиной всего один-два метра. Как вообще могут такие огромные пустоты в считанных метрах от поверхности держаться в такой непрочной породе, как гипс, не очень понятно, но они держатся. И даже более того. В 1991 году экспедиция Владимира Свистунова находилась в пещере Кап-Кутан Первый — одной из таких гипсовых полостей. В самом большом ее зале, который для гипсовых пещер вообще невозможен теоретически — диаметром более ста метров, высотой около тридцати, с практически плоским потолком метрах в пяти под дневной поверхностью и с озером во всю площадь пола. Именно в этот момент произошел один из шестибалльных толчков Кугитангского землетрясения, изрядно порушившего несколько близлежащих кишлаков. Трудно поверить, но в пещере, кроме глухого рева, не произошло ничего — с потолка не упала ни одна песчинка, и даже поверхность озера осталась совершенно гладкой. Насколько мне известно, наука никак не объясняет подобного феномена, хотя достаточно многие факты указывают, что так оно и должно быть. Иначе пещеры в сейсмически активных районах были бы просто невозможны. Может быть, сейсмическая волна ведет себя подобно цунами, которое в открытом океане почувствовать нельзя, а на берегу оно сметает города. А может, причина и другая. Кто знает?

Некоторые из гипсовых провалов выходят на ту самую воду. Разумеется, как правило не на реки в обычном понимании — объем полостей в гипсах настолько велик, что течение становится ненаблюдаемым — а на некоторую систему полностью затопленных гипсовых пещер. Достаточно долго мы ими совершенно не занимались. Сухие части этих полостей абсолютно неинтересны, да и страшноваты: хоть своды и держатся, но непонятно на чем. Завалы в пещерах и количество упавших блоков на полу впечатляют, более всего — свежестью сколов. Кроме того, завалы блокируют пещеры очень быстро — первые сотни метров для них предел. И никаких натеков. Не говоря уж о том, что некоторые провалы образовывались чуть ли не на наших глазах, а в хорошо известных пещерах неоднократно открывались новые проходы и закрывались старые.

Так, самая большая и интересная из гипсовых пещер — Волчья — в наше время стала недоступной. Из-за обвала вся ее основная часть протяженностью около двух километров оказалась отрезанной. Хотя оно, конечно, так и нужно — чтобы не тревожили могилы. Вся эта пещера была завалена человеческими и конскими костями. Что именно там произошло — история умалчивает, а в рассказах местного населения прослеживаются две взаимообратных версии — то ли один из отрядов Буденного загнал туда банду басмачей и всех перебил, то ли наоборот. Во всяком случае, это — результат войны, бесчеловечной с обеих сторон. И даже местные, имеющие обычай сооружать мазар (святое место) на любом месте массовой гибели людей из соображений, что хоть кто-то из них, да был благочестив, в данном случае этого не

сделали, а пещеру всегда обходили стороной.

В общем, до поры до времени вода была единственным притягательным фактором в гипсовых пещерах, да и то не слишком сильным. Интересное же началось, как водится, с нагромождения случайностей, и осознание важности этих пещер для общего понимания Кугитангского карста пришло далеко не сразу.

* * *

Шел 1978 год. Я еще работал в Памиркварцсамоцветах. Как-то утром у нашего поискового отряда возник очередной конфликт с начальником участка — нам нужен был день для камеральной обработки (увязки по картам наблюдений, сделанных на поисковых маршрутах), а он ждал каких-то гостей, и присутствие на базе нашей поисковой банды его никак не устраивало. Посему мы решили устроить компромисс — взять материалы с собой и поехать купаться. Так и сделали. Для начала поехали на Карабулакские провалы — два провала глубиной метров по пятнадцать прямо посереде равнины, выходящие на бездонные озера. Это — второе стандартное место для купания после запруды на Кайнар-Бобо. На этот раз нам там не понравилось. Было много народу, жарко, громко, никакой тени. И грязно — вся огромная колония голубей и синих птиц, гнездящихся в провалах, пребывала во вспугнутом состоянии и моталась над головами, громко галдя и посыпая всех пометом. Половина нашего отряда с этим примирилась, но не мы с Климом Тэном — нам реально нужно было поработать, и потому мы поехали дальше. Поискать комфорту.

Судя по картам, в окрестностях было еще три провала с водой, ни на одном из которых мы еще не были. Так что те провалы, которые располагались около выхода на равнину каньона Булак-Дара и которым предстояло сыграть свою роль в истории, были выбраны совершенно случайно — чуть ли не с помощью монеты.

Приехав, мы сразу поняли, что нашли то, что искали. Народу никого. Озеро в провале не во все дно — есть выраженный берег, причем большой и удобный. Тень. Голубей почему-то мало. Да и само озеро совсем не такое. В Карабулаке вода мутная и грязная — частично из-за купающихся, частично из-за голубиного помета, частично из-за карпов, живущих там в сумасшедших количествах. Здесь — кристальной чистоты сине-зеленая вода. У берега мелко, и из воды торчат плиты, на которых можно сидеть и лежать, то работая, а то разглядывая мотающуюся в воде мелкую живность. Под дальней стеной все теряется в темной глубине. Вода, правда, не питьевая — горьковато-соленая. Потому и карпов нет — не запустили.

Собственно, рассматриванием занимался только я. Клим, равно как и почти все прочие знакомые мне корейцы, не умел сочетать приятного с полезным — раз приехали работать, он сидел и писал так, что аж бумага дымилась. Медленно, очень медленно, до моего сознания дошло, что в наблюдаемой в воде картине не все правильно. Кроме головастиков и каких-то рачков там плавали, причем в немалых количествах, очень странные рыбы. Маленькие, с палец ростом, ярко-оранжевого цвета, они плавали очень медленно, и как будто наплевав на все правила приличия, передвигаясь кто в нормальной позе, кто на боку, кто кверху брюхом, а кто стоя на голове или на хвосте. И не удаляясь от камней, с которых пощипывали тину. К тому же они ничего не боялись. Создавалось даже впечатление, что их свободно можно поймать рукой. Я немного понимаю в рыбах и их повадках, но ни про что подобное не слышал. Что все это означает на самом деле, до меня сразу даже не дошло: только когда я, дабы проверить впечатление, зачерпнул ладонью парочку, удалось заметить, что глаз у них нет.

Между прочим, интересно. В литературе почему-то обычно пишут, что троглобионтные организмы всегда бесцветны. Собственно, так оно и есть, но тем не менее большинство из них имеют оранжевый цвет. По той же самой причине, по которой у альбиносов глаза всегда красные — при отсутствии пигментов в тканях просвечивает кровь, а ткани большинства троглобионтов достаточно прозрачны, чтобы это было хорошо видно.

* * *

Вся важность события до меня дошла тоже не сразу — слепые рыбы из самых разнообразных пещер известны были давно, а в литературе несколько раз попадалось, что в нашей стране они тоже есть. Конечно, новый вид — а в этом сомнений не было — всегда событие, но не эпохальное. А событие именно и было эпохальным — все имеющиеся в литературе данные о нашей территории оказались слухами, и мы имели в руках первые экземпляры первой найденной на нашей 1/6 части суши слепой рыбы. И судьба которых на несколько ближайших лет весьма напоминала дурного пошиба детектив.

Первая серия которого развернулась через неделю. Я попал на пару дней в Душанбе перед тем, как перебираться из Карлюка на Памир. Естественно, перед отъездом посетил провал, отловил трех рыб и захватил с собой, все триста километров везя бесценную банку в руках и поливая водой специально сшитый тряпичный кожух на ней (чтобы не привезти по такой жаре вместо живых рыб уху). Естественно, первое, что я сделал в Душанбе — позвонил своим родителям в Москву и в частности похвастался уловом. Ровно через сорок минут до меня дозвонился Лев Иванович Москалев, которого моя мама, сразу оценившая важность информации, немедленно выловила как крупнейшего на тот момент специалиста в этой области. Просьба была категоричной — завтра же изыскать способ отправки рыб в Москву. Способ-то изыскался легко — у одного из моих Душанбинских друзей все стюардессы аэропорта — близкие подруги. Да только когда мы загрузили банку в самолет и пошли звонить Москалеву о том, каким рейсом отправили, связи с Москвой не было. И хоть ты тресни.

Дальнейшая судьба отправленных экземпляров так и осталась неизвестной. Из Душанбе я уехал тем же вечером, а на Кугитанг в следующий раз попал только весной 1981 года. Для меня было совершенно непостижимо, как после того шухера, который поднялся в 1978-м, никто из биологов так и не удосужился за три года съездить и отловить еще экземпляр. В то время я почему-то думал, что возможно, провал не так уж легко найти, но, как оказалось, был весьма далек от истины.

Не знаю, почему уж оно так, но сколько мне потом не приходилось общаться со всевозможными спелеологами биологического профиля, все они были публикой либо абсолютно нелюбопытной, либо абсолютно ненаблюдательной, либо сверхспециализированной. Кроме, пожалуй, Левушкина и Смирнова. Причем на фоне того, что все они и специалисты хорошие, и интеллигентны, и кругозор имеют широкий, и спелеологи, как правило, очень сильные.

Убедиться в этом наглядно пришлось весной 1981-го. Когда в составе моей экспедиции была целая группа спелеобиологов во главе с Мишей Переладовым. Которые просто жаждали отловить этих рыб и которым я самолично долго рассказывал, как проще пройти к этому провалу. Возвратившись, они полгода подряд меня убеждали, что рыбы мне приснились, а кроме головастиков в провале никто не живет. Зато как там здорово купаться!

Суть-то была, конечно, проста — они зашли на провал на обратном пути с длинного поискового маршрута по жаре, усталые и высохшие. А лидер команды Переладов был к тому же и не совсем оклемавшись после серьезного падения с уступа в каньоне. И терпению на высматривание рыб у них хватило всего минут на пять. А рыбы, как мы это узнали гораздо позже, чрезвычайно редко поднимаются вверх такими большими стаями, как в тот раз, когда я их увидел впервые. Обычно же во всем провале плавает две-три штуки, и чтобы их высмотреть, нужно минут пятнадцать-двадцать.

В следующую экспедицию, осенью того же года, я захватил другого биолога — Вадима Должанского. Более известного по кличке Дуремар так как визуально он чрезвычайно походил на одноименного сказочного персонажа, и к тому же преимущественно интересовался беспозвоночными (правда, троглобионтными), почему и ходил с большим дуремаровским сачком и такой же бородой. После того как за всю экспедицию он не нашел

ни одного из своих возлюбленных жуков без того, чтобы этого жука ему кто-либо принес на блюдечке, рисковать уже не хотелось. Пришлось идти на провал самому, на всякий случай захвативши на экскурсию наших подводников, весьма заинтересовавшихся самим провалом. Что оказалось мудро, так как рыбы плавали только на глубине пяти-шести метров, и без ласт и маски, которые были захвачены для первичного осмотра возможного сифона, мы бы их не поймали.

По приезде в Москву опять поднялся большой шумер, но в отличие от первого раза, сейчас Кугитангский слепой голец вошел в науку уже вещественно, а не на уровне слухов. И оказался не просто интересен, а уникален, как самая древняя из известных слепых рыб. В отличие от всех прочих у него отсутствуют даже реликты глаз. И вот ровно с тех пор его и стали изучать как любители-биоспелеологи, так и сотрудники всевозможных институтов. Подчас устраивая по две-три экспедиции в год только ради этого. И всегда находя и провал, и гольцов.

Передача гольца в руки науки сопровождалась совершенно замечательным финальным аккордом. Естественно, событием заинтересовались газеты, и первыми были «Известия». На следующий же день появилась статья о трофеях нашей экспедиции, иллюстрированная фотографией нашего гольца. С глазами! Ретушер не читал заметки, а увидев на фотографии рыбу без глаз, ничтоже сумняшея просто нарисовал их. Вот вам и документальность фотографии.

* * *

Исследование провалов развернулось не только по биологической, но и по спортивной линии. В провале с гольцами обнаружилось очко в следующую камеру — совершенно сумасшедшего объема полностью затопленный зал. Подводники, как наши, так и местные, провели туда ряд экспедиций, но дальнейшее исследование заткнулось по нехватке снаряжения. На глубинах до 58 метров, что уже было рекордом страны для пещерных погружений, дальнейших проходов не было. Не видно их было и на следующих 5-10 метрах, пробиваемых фонарем. А дальше нужны буксировщики, батареи баллонов со специальными газовыми смесями, и куча оборудования на поверхности.

И слава Богу. Потому что последние экспедиции уже вызывали нечто вроде ужаса. Подводник шел вниз на пять минут с шестью баллонами, да еще четыре вешалось к потолку на точках декомпрессии для возвращения, которое занимало более часа. Страшно подумать, если что случится. Ближайшая рекомпрессионная камера, в которую нужно немедленно запихивать аварийно поднятого водолаза, находилась за две тысячи километров — в Красноводске. Так что любая мелочь — и можно заказывать гроб.

А вообще ныряние в провалы оказалось несколько более осмысленным занятием, чем казалось первоначально. Неустойчивость гипса, о чем раньше как-то и не думалось, оказалось в большой степени скомпенсирована водной средой. Подводные объемы были гораздо менее обвальными и гораздо более проходимыми, чем сухие. Поэтому началась эра освоения новых провалов.

К сожалению, пока интересного найдено мало. Провалы, выходящие на воду, оказались заблокированы кусками обвалившейся кровли. Гольцы были найдены еще всего в одном, причем расположенном от первого всего в семидесяти метрах, но с ним на доступных глубинах не соединяющемся. В первом провале, где были пойманы гольцы, было обнаружено также большое количество таких же изопод, как пойманные Левушкиным в Кайнар-Бобо. А больше существенных гидробиологических находок так и не было. Думаю, по той же самой причине, по которой биологи начинают что-то исследовать только после того, как их ткнут в это носом.²⁴ Абсолютно уверен — подземные реки и озера Кугитанга

---

²⁴ Возможно, причина даже тривиальна — многовековой опыт полевых исследований ровно двумя способами — либо по наводкам аборигенов, либо с помощью технических приспособлений типа тралов и

таят в себе еще немало нового, даже если поверить тому, что провалы с гольцами исследованы с этой точки зрения полностью. К тому есть множество соображений, и главное из них — изолированность возможных популяций. Гидрогеология и гидрохимия подножья Кугитанга отнюдь не так проста, как это может показаться из моих предшествующих рассуждений. На хребте есть несколько десятков карстовых гидросистем, каждая из которых разгружается отдельно. Скорее всего, подгорно-подводные гипсовые пещеры объединяют их все своеобразным единым коллектором. Исходя из степени агрессивности вод и степени дырявости гипса, это должно быть именно так.

В то же время единость гидросистемы совсем не означает единости экосистемы. В затопленных гипсовых пещерах идут процессы образования серы за счет разложения гипса бактериями. Собственно, так образуется чуть ли не большая часть промышленных серных месторождений, и в частности, одно такое есть по соседству — в Гаурдаке. Так вот одним из следствий этого разложения гипса является обогащение воды сероводородом. Полости большие, течение в них очень медленное, и сероводород в воде накапливается. При удалении уже в один километр от точки поступления воды из известняковых пещер в гипс, в ней уже столько этого ядовитого вещества, что никакая живность в такой воде не выживает, а вода годится разве что для лечебных ванн. Каковые, впрочем, там и организованы на большей части сероводородных источников.

Так вот именно эти сероводородные барьеры и разделяют экосистему коллектора на несколько десятков пригодных для жизни бассейнов, фауна в которых вполне может быть различной. А заодно и препятствуют распространению карпов из тех провалов, куда они были запущены, в другие, способствуя тем самым сохранению троглобионтных видов. От поедания. Так что есть вполне серьезные перспективы новых находок. Хотя — не факт. Нахождение одной и той же изоподы в провале с гольцом и в Кайнар-Бобо может свидетельствовать о сравнительно недавнем разделении экосистем. Но тогда гольцы тоже должны были бы хоть иногда появляться в Кайнаре, чего мы не имеем. Так что, поживем-увидим.

* * *

Естественно, дальнейшие биоспелеологические находки так легко не дадутся. Провал с гольцами — единственный, где дневной свет достигает воды, и который не испоганен запускными карпами. А где свет — там и растительность, там и всякая мелкая живность. Словом, еда, с которой вообще-то под землей напряженно. На запах которой гольцы и сплылись из всех ближайших окрестностей. Сотня-другая метров вбок, туда, где нет водорослей, и гольцы уже встречаются единично. В соседнем провале, где вода начинается за границей освещаемой зоны, за все время видели только двух. Так что концентрация живности в истинно подземных водах Кугитанга, как и в водах любых других пещер, очень мала и для обнаружения этой живности нужно тратить весьма и весьма много времени. Которого всегда мало. Поэтому именно такие подземные воды и остались неисследованными.

Например, в пещере Кап-Кутан Первый. Огромное озеро умеренной глубины. Плавай себе на лодке с фонарем помощнее и вглядывайся в воду. Химический состав которой точно такой же, как в провале с гольцами, а изредка колеблющийся не в такт дождям уровень воды определенно указывает на огромные объемы близлежащих полостей. Но, насколько мне известно, этим пытались заняться от силы человек пять, с суммарным временем наблюдения несколько часов. Что, конечно же, недостаточно.

В провалах, где глубины велики, а зеркало воды мало, все, конечно, много сложнее — время наблюдения диктуется техникой обращения с аквалангом — сколько есть воздуха и сколько времени нужно на декомпрессию. Но ведь есть же всякие сети и прочие ловушки —

а вот ни разу не видел попыток их применения.

* * *

Кроме живности, провалы преподносят и другие сюрпризы. Иногда они возникают в зонах, где течение еще не успело рассосаться в объемах и потому значимо. Так, в пещере Каптяр-Хана течет целая река, причем с рыбами. Правда, не троглобионтными, а запущенными.

Совершенно замечательный провал такого типа был найден Сергеем Смирновым (еще одним биологом и, пожалуй, самым активным из всех) в 1983 году. Нависающие козырьки со всех сторон, около пятидесяти метров вертикали при диаметре метров двадцать вверху и около тридцати ниже, а совсем внизу — озеро во все дно. И солнце хорошо освещает весь пролет. Красота! Веревка висит свободно, нигде не касаясь стены, нигде не надо корячиться, перестегиваясь через перегибы.

Каждый спелеолог при наличии зрителей немного пижон. Сергей не исключение. Вообще-то это очевидно — в спелеологии обычно зрители отсутствуют полностью, а людям с таким самомнением, как у спелеологов, просто необходимо хоть иногда кому-нибудь хвастаться достижениями в технике и стиле.²⁵ Итак, наплевав на все обычаи, Сергей роздал зрителям свои фотоаппараты, снял комбез, надел обвязки на голое тело, нацепил маску и ласты, и картинно поехал на рогатке²⁶ вниз. Где и влетел с разбегу в воду с температурой девять градусов вместо привычных и ожидаемых восемнадцати-двадцати. Процесс перестегивания со спуска на подъем (с рогатки на самохваты) и в нормальных условиях занимает пару минут, так что обратно наверх Сергей появился основательно синий, трясущийся, и с несколько сбитым гонором. А провал просто оказался у самого выхода в гипсы крутонаклонной пещерной системы, быстро доставляющей талые воды с пригребневой части хребта.

* * *

В отличие от аквафауны, с обычной троглобионтной живностью в пещерах Кугитанга туго. Практически любая пещера Средиземноморского пояса может похвастаться какими-либо пауками, ложноскорпионами, жуками или кивсяками. Пещеры Средней Азии — нет. Там отсутствовали ледниковые периоды, «загонявшие» насекомых в пещеры, а по собственной инициативе насекомые очень редко забираются вглубь достаточно далеко, чтобы начался процесс изолирования популяции и ее адаптации к условиям пещеры.

Тем не менее, кое-что есть. Тот же Левушкин обнаружил в зале Фонтан пещеры Кап-Кутан Главный колонию полуадаптированных жуков-чернотелок, которую я уже упоминал в главе «Эпоха вандализма». Практически во всех пещерах живут также полуадаптированные жужелицы не менее чем двух видов. Истинно троглобионтные насекомые (с полной адаптацией) пока неизвестны, но, учитывая специфику исследующих Кугитанг спелеобиологов, поверить тому, что их нет совсем, трудно. К тому же есть некоторые данные, позволяющие с уверенностью говорить об обратном.

Например, в пещере Геофизическая под одним из водокапов на полу есть большой покровный натек из красноватого прозрачного кальцита. Как будто ничем не отличающийся

---

²⁵ Любопытно, что подобные публичные упражнения в вертикальной технике не имеют, да и не могут иметь названия, отличного от «мудозвонства». Так как индивидуальный комплект для вертикальной спелеологии состоит из набора ремней, к которым пристегивается как минимум десяток разнообразных железяк. Которые, когда не под нагрузкой — компактно висят у спелеолога на причинном месте и при любом движении издают мелодичный звон.

²⁶ Разновидность устройства для спуска по веревке.

от сотен таких же в других местах. Меня он заинтересовал залитыми в толщу прозрачного кальцита тоненькими белыми геликтитами совершенно необычной формы. Я периодически возвращаюсь к совершенно безнадежной задаче расклассифицировать все типы геликтитов пещер системы Кап-Кутан, и потому потратил на попытку понимания этих более часа. С презабавным результатом. «Геликтиты» принадлежали отнюдь не к миру минеральному, а к миру живому — они оказались впаянными в кальцит многими тысячами панцирей кивсяков.²⁷ Судя по их количеству, глубине нахождения и чисто белому цвету, троглобионтных. К сожалению, живых мы не нашли. И так оно и заглохло.

* * *

Другой пример меня изумляет просто до глубины души. Немного раньше я отмечал, что Сергей Смирнов — чуть ли не самый активный из биоспелеологов, исследующих пещеры Кугитанга. Это, конечно, так, но уж больно узкоспециализированный. Когда он был с нами на лагере в зале Варан и мы пытались в чем-то разобраться с глиной, большими массивами выступающей из стены — он с нечего делать и за компанию тоже сунул кусок этой глины под свой микроскоп. И проконстатировал, что она просто набита какими-то живыми микроскопическими клещами, причем нескольких видов. Собственно, чего-то подобного нужно было ожидать — ведь не с просто так закопанные туалеты и прочая органика разлагаются в этой глине всего года за три. Но то были гипотезы, а здесь уже было живое наблюдение. Первое и последнее. Сергей интересуется исключительно аквафауной, а все остальное побоку. И эта мелочь оказалась побоку не только ему, но и всем остальным контактирующим с нами биологам. Все получили информацию, но никто не занялся.

У спелеологов геологического профиля подобных коллизий просто не бывает. Если человек интересуется, скажем, исключительно гидрогеологией пещер, он все равно не пройдет мимо минералогической интересности. Минералог всегда отметит следы подвижки по трещине, хотя и вопросы структурной геологии, и вопросы истории пещеры ему могут быть глубоко побоку. Наблюдательности, бывает, тоже не хватает, я это с удовольствием обсосу в главе про минералогию пещер, но такого вот прямого игнорирования смежных вопросов и проблем встречать не приходилось. Хоть одним словом, а обмолвятся о таких «не своего профиля» наблюдениях в ближайшей публикации. Тем более, что пещера — это система, и система сложная. Как понимание минералогии пещеры невозможно без понимания ее истории, так и в биоспелеологии, по моему представлению, нельзя изучать, скажем, только жуков крупнее миллиметра.

С обычной поверхностной живностью все немного по-другому. Кормовая база достаточно широка, и смысл изучать экологические взаимоотношения появляется только применительно к узкоспециализированным видам. Чем, к слову сказать, биологи обычно занимаются с особым удовольствием, например, восторгаясь, насколько у птицы клеста клюв приспособлен исключительно к шелушению еловых шишек.

Троглобионтные организмы специализированы все. Экосистема любой пещеры держится на единицах видов, растения в ней также единичны, и весь пищевой цикл, даже учитывая возможный привнос органики с водой или в виде помета летучих мышей, всегда можно смоделировать целиком, не оставив в нем ни единого белого пятна. И на этом легко выловить недостающие звенья. Как, например, когда мы пришли к выводу о высокой бактериальной активности в стенных глинах как об основном факторе современного карстового процесса (не механическое стачивание известняка, и не химическое растворение, а именно «съедание» его бактериями). Мы шли к этой идее очень долго и очень трудно — это было слишком ново. Когда же были получены первые доказательства и мы наконец похвастались свежее испеченной теорией друзьям по команде, тот же Смирнов моментально

---

²⁷ Разновидность многоножек.

отреагировал, что оно и так было совершенно очевидно — должна же всякая обнаруженная им в глинах мелкая членистоногая дрянь в конце концов жрать какую-то органику. А иных вариантов ее поступления в достаточных количествах просто нет. Скажи он это тремя годами раньше — какую массу сил и мозгов можно было бы сэкономить! И по моему разумению, подобных легко вычисляемых «пропущенных звеньев» в экосистемах пещер Кугитанга еще немало, причем многие из них должны относиться к не особо мелким видам.

* * *

Наверное, я зря развожу весь этот бухтеж. Если идти по пути последовательных приближений, то всячески пропагандируемая мной концепция преимущества любительской науки над профессиональной и вырождается в итоге в тот самый подход, который мне так не нравится у биологов. Ребята исследуют то, что им нравится, и так, как им нравится, получая от этого и худо-бедно некоторые результаты, и, что самое главное, массу удовольствия. Причем иногда мало с чем сравнимого, так как пещера на сюрпризы богата.

Взять хотя бы вошедшую в легенды историю со страшным зверем срублем. Где-то еще в середине семидесятых к Переладову, впервые попавшему на Кугитанг во главе группы биологов, подбежала одна из студенток с громкими воплями: «Миша, у меня в вещах что-то ползает! Я не знаю, что это, но оно с рубль!». Миша тоже не знал. Зверюга была черной, совершенно круглой, и действительно с рублевою монету размером. Она немедленно удрала, а последовавший поиск по всей пещере, равно как и по всем справочникам, не дал ничего. Через год выяснилось, что это все-таки был зверь известный — иногда появляющийся в наших широтах египетский таракан. Все равно в спелеологическом фольклоре он как был срублем, так и остался. Тем более, что вообще-то в Туркмении он весьма редок, но на подземных лагерях, расположенных недалеко от входа — частый гость.

Или взять, скажем, вариации на темы плесени. Любая пещера — место влажное, а Кап-Кутан — еще и теплое. То есть идеальная среда для роста всяких грибов. Естественно, при занесении соответствующих спор. Без света, без сильного ветра, без смены погоды любые грибы — от обычной плесени до шампиньонов — вырастают в совершеннейшее безобразие, похожее на что угодно, только не на грибы. Например, шампиньон без шляпки, длиной сантиметров 60 и с хитро закручивающейся ножкой, висящий к тому же вверх ногами на потолке. Или кусты пушистой плесени диаметром по метру, визуально неотличимые от гипсовых кустов.

Грибы — великолепная питательная среда для издевательств над начинающими биологами. Трудно устоять от попытки предложить кому-либо из них определить тот или иной гриб. Что невозможно даже теоретически — грибы, выросшие в условиях пещеры, теряют все видовые признаки и могут быть определены только по спорам, которые тоже не вызревают.

* * *

Вернемся к слепым гольцам. Хотелось бы закончить эту историю на оптимистической ноте, но не получается. Гольцы так до сих пор и находятся под вполне реальной угрозой исчезновения. Ни одна из организаций, борющихся за контроль над пещерами, не делает для их сохранения ничего, а сделать можно и нужно многое. Спекулянты на аквариумных рыбках при всеобщем попустительстве переловили уже существенно более половины всей популяции, но даже не это самое страшное. В конце концов здесь есть некоторая надежда, что их могут научиться разводить. Гораздо страшнее вполне вероятный вариант случайности. Провалы расположены достаточно соблазнительно, чтобы любой проезжающий мимо мог устроить, скажем, постирушку. Или свалить грузовик отходов. Хотя бы элементарное ограждение с какой-нибудь табличкой представляется просто необходимым, но ведь даже и такой элементарщины не делается! Хуже того.

Проектирующиеся в нескольких километрах от провала разработки поваренной соли будут устроены так, что бассейны для выпаривания подойдут к провалам чуть ли не вплотную. Малейшая авария — и тонны рассола пойдут в провал. И опять же никаких членодвижений к проектированию хотя бы просто аварийного ограждения. То есть эти гольцы, конечно, дожили до сегодняшнего дня невзирая на всю человеческую деятельность, но нельзя же до бесконечности полагаться на авось!

НАУКА ДИЛЕТАНТОВ

Бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые. Иначе такое занятие будет пустой забавою.

Козьма Прутков

Хоть книга у нас и более приключенческо-философская, чем научно-популярная, без научно-популярной главы все равно не обойтись. Пещеры для этого — чрезвычайно благодатная почва, про них мало кому известно достаточно, а реально интересного, и в то же время понятного любому, даже не просто хватает, а прямо-таки навалом. Мне всегда было удивительно, почему вся популярная литература о пещерах пишется в расчете на полных кретинов, а просто даже в геологии взять того же Обручева или Ферсмана — и в популярной книге, интересной и понятной любому, обнаруживается чуть ли не весь объем университетского курса. Не мне судить, что у меня получится, но все-таки попробую взять один из разделов спелеологической науки и изложить его понятным образом. Не то, чтобы в совсем полном виде, но в достаточно развернутом. И — с несколькими примерами углубленного анализа, демонстрирующими как наиболее интересные аспекты предмета изучения, так и наиболее интересные аспекты методологии исследования.

Пожалуй, минералогия пещер — самое интересное, что есть в спелеологии для не-спелеологов. Фантастических размеров и форм минеральные агрегаты, зачастую больше похожие на кораллы тропических морей — своеобразная визитная карточка пещер и спелеологии. Они являются основным привлекающим фактором равно для тех, кто просто хочет увидеть и почувствовать подземный мир, и для профессиональных геологов, для которых это просто как красная тряпка для быка — то, что мало кто видел, еще меньше, кто исследовал, совсем мало, кто понял, а образцов в музеях тоже нет.

Смешно, но эффективные занятия минералогией пещер практически не требуют специальной подготовки. В девяносто пяти процентах случаев, в том числе весьма экзотических и чрезвычайно интересных, мы имеем дело с одним-тремя минералами (кальцит, реже гипс, еще реже арагонит) чрезвычайно простого и не представляющего ни малейшего интереса химизма. Минералогия пещер — это отнюдь не область геохимии, к которой относится «нормальная» минералогия. И даже не кристаллографии — редкие кристаллические формы хоть и встречаются, но достаточно редко. В большинстве случаев интерес представляют только хитрые закономерности срастания отдельных кристаллов в агрегаты. Вообще-то этим занимается такой раздел минералогии как онтогенез минералов, но в отсутствии значимой роли химии он вырождается в самую обычную физику. Уровня примерно старших классов средней школы. Которую большинство геологов и минералогов почему-то предпочитают не помнить.

Отсюда и проистекает особая привлекательность исследования минеральных агрегатов пещер, так как это есть решение задач на наблюдательность и сообразительность, а отнюдь не на объем знаний. По типу шахматных задач. Объема знаний средней школы хватает на выдвижение практически любой гипотезы, а также на доказательство более чем половины из них. Естественно, при умелом применении. Это дает массу приятных и интересных возможностей, причем сразу по двум линиям.

Во-первых, минералогия пещер вполне может процветать как наука любительская. Таких возможностей на свете осталось очень и очень мало — большинство наук требуют

многолетней специальной подготовки и дорогостоящей аппаратуры, то есть могут развиваться только в профессиональной среде. А профессиональная наука — вещь, безусловно необходимая, но уж больно скучная для всех, кроме единиц, достигших вершин. Сто-двести лет назад в электротехнике или той же обычной минералогии происходило примерно то же, что сейчас в минералогии пещер — это было хобби интеллигентных и обеспеченных людей. Работающих в удовольствие. Не грызущих друг другу глотки за гранты и ученые степени. Умеющих описать свои результаты так, что ими мгновенно заинтересуется студент младшего курса, и уже через считанные месяцы сможет начать свои собственные продуктивные исследования.

Последнее соображение и есть вторая приятная возможность. Пещеры — уникальные природные лаборатории с многотысячелетними совершенно стабильными условиями, и всегда можно найти минеральные агрегаты, демонстрирующие возможности какого-либо одного физического процесса в изолированном виде (например, акустических волн от падающих в озеро капель). А сочетание невероятной красоты с легко объяснимыми процессами образования — очень мощный способ подтолкнуть начинающего и сомневающегося к интеллектуальной деятельности. Причем, что особенно важно — наглядно продемонстрировать ему значимость точных наук: физики, химии, логики, математики, в любых отраслях знания. Что греха таить, огромное количество вполне уважаемых исследователей как в геологии, так и в других естественных науках этого не осознают, и чуть ли не половина научных публикаций не выдерживает никакой критики либо с точки зрения формальной логики, либо физики школьного уровня. Чтобы не быть голословным, упомяну книгу Шарапова «Логический анализ некоторых проблем в геологии», в которой утверждается, что плотность грубых логических ошибок практически во всех геологических публикациях превышает три на страницу. А заодно отмечу, что в упомянутом труде (по моим подсчетам) плотность ошибок хоть и ниже, но все равно недопустимо высока. Так вот — именно минералогия пещер позволяет на самой ранней стадии заложить будущим исследователям привычку проверять себя точными науками. Получая в награду интереснейшие идеи. А как сказано классиком, что может быть интереснее, чем ловить жар-птицу голыми руками?

Безусловно, в минералогии пещер встречаются и реально сложные ситуации, не поддающиеся элементарному физическому объяснению, но это только делает ее еще интереснее. В особенности — потому, что эти ситуации зачастую тоже могут быть поняты без привлечения «тяжелой артиллерии» — через параллели с другими естественно-научными дисциплинами. Не зря же еще Карл Линней, затеяв свою «Систему Природы», понимаемую в наше время как прототип современной биологической классификации, включил в нее и минералы, и горные породы — природа едина и разные ее подсистемы зачастую подчиняются одним и тем же закономерностям.

* * *

Наша книга — о пещерах, причем о минералогически наиболее интересных пещерах страны, а возможно, что и континента. В моих собственных исследованиях минералогия занимает очень существенное место. Казалось бы — проблем с популярным обзором быть не должно. Пять раз ха-ха! Вопреки тому, о чем я уже пару страниц распинаюсь (простота, полезность, общеинтересность и т. д.), — до сих пор не существует ни одного более или менее вразумительного популярного трактата по минералогии пещер. И даже — не только популярного, а и вообще никакого. Все, что есть — отрывочные статьи плюс некоторое количество откровенной ерунды. Еще отдельные популярные книжечки уровня детского сада, почему-то никогда не использующие современные представления о предмете. Иногда просто жалко смотреть, как многообещающие молодые спелеологи тратят годы на попытки выловить рациональное зерно из этого виногрета.

Последнее вдвойне обидно, потому что один из лучших спелеогеологов всех

времен, который просто обязан был такой трактат написать — Виктор Иванович Степанов — не так давно ушел из жизни. Он был ученым того сорта, кто физически не может опубликовать что-либо не доведенное до абсолютного блеска, и потому — оставил после себя очень мало публикаций и очень много коллекций, фотографий, зарисовок, черновиков. И нечто гораздо более важное — несколько десятков студентов, которых он смог заинтересовать, которым смог привить хороший стиль и которым рассказал свои не доведенные до ума работы.

В том, что Степанов был профессиональным минералогом, нет конфликта с моим утверждением, что минералогия пещер — наука любительская. Он был по всему складу именно любителем, тратя на исследования все силы, не скрывая никаких своих данных, ни с кем не конкурируя, даже не удосужившись защитить кандидатскую. И как результат — он оказался единственным из своего поколения, получившим всеобщее международное признание и во многом предопределившим современное развитие как отечественной, так и зарубежной минералогии пещер.

Степанов активно сотрудничал на любых уровнях со всеми интересующимися спелеологами — давал консультации, устраивал лекции, участвовал в экспедициях. Я с ним пересекался трижды. Первый раз — когда еще в школе мы развлекались в катакомбах и нашли щель с интересностями. Мы как-то всегда были ребятами без особых комплексов — и увидев странное, пошли прямо в минералогический музей и начали спрашивать. А сотрудник музея отправил нас напрямик к Степанову в его институт. И тот не пожалел половины своего дня, объясняя элементарщину двум любопытным восьмиклассникам. Второй раз я с ним пересекся на геологическом факультете МГУ — он курировал некоторые студенческие исследовательские проекты. И уже тогда меня поразило, что подход к студентам и к тем салагам, в качестве которых нам когда-то пришлось выступить, был одинаков. Степанов рассказывал и объяснял все с ровно той же степенью увлеченности.

Наконец, третья наша встреча произошла, когда мы затеяли войну с самоцветчиками — Степанов включился в борьбу с увлечением и яростью, не ограничиваясь полуактивной ролью уговаривания всевозможных академиков к поддержке газетной кампании, а даже приняв участие в одной из наших экспедиций того времени. И именно тогда я и понял, что минералогия пещер не только для избранных. Степанов был самой популярной фигурой этой экспедиции, и его вечерние рассказы-лекции слушали все: и геологи, и биологи, и просто молодые ребята самых различных интересов. Причем — не только на темы минералогии. Например, весьма любопытна была двухвечерняя дискуссия на космологическую тему. Сутью, что теория расширяющейся Вселенной методологически ошибочна. Так как красное смещение не обязательно имеет своей причиной эффект Доплера, а может быть объяснено существенно проще — постепенной потерей фотонами энергии. И — согласно бритве Оккама — ведущей должна быть именно эта гипотеза, как объясняющая эффект без введения излишних сущностей.

Не могу утверждать, что я и другие ребята из моей команды, занимающиеся минералогией пещер, являются учениками Степанова в полном смысле этого слова, да таких у него и не было — с учеными подобного типа нужно общаться только на кратковременной основе, и избави бог попасть к ним в подчинение. Однако мы считаем, что сам стиль мы усвоили именно у него.

* * *

Я так много рассказываю о Степанове, потому что как только перейду к собственно минералогии, буду пользоваться достаточно нестандартным подходом к вводу понятий и гипотез, равно как и столь же нестандартной классификацией минеральных агрегатов пещер, сильно отличающимися от тех, что обычно используются как в специальной, так и в популярной литературе. Этот подход и эта классификация заложены именно Степановым, хотя и существенно расширились за последние годы.

А нестандартный подход необходим совершенно. Во всех известных мне попытках написания чего-либо популярного обычно излагается одна из классификаций однотипных с классификацией Максимовича. Подобные творения подробно рассматривают два десятка типов сталактитов и сталагмитов, сваливая все остальное в единую кучу «эксцентрических эксудатов», к которым скопом относят все геликтиты, кораллиты и прочие экзотические формы кристаллизации. Основная ошибка этой классификации, как, впрочем, и практически всех незрелых классификаций в науках о Земле — ее полное противоречие такой давно известной штуке, как логическая теория таксономии. Согласно которой следует выделять классы достаточно «равноправными» в свете тех факторов, которые определяют особенности классифицируемых объектов.

Отметим — именно незрелых. Подобные классификации более или менее работали, пока изучались главным образом пещеры Крыма, Кавказа или Урала — в которых любой минеральный агрегат сложнее сталактита был большой редкостью. Но в случае пещер, подобных Кап-Кутану, где сталактит любого типа — редкость, а в пещере растут именно всевозможные эксцентрики сотен разновидностей, попытка использовать нечто в этом роде обречена с самого начала. Рассмотрим небольшую аналогию. Пусть, скажем, некий биолог, описывая млекопитающих, начал с составления подробной и разветвленной классификации пород собак, оставив одну зарезервированную породу для всего того, что собаками не является. Что делать второму биологу, пытающемуся достроить остальную классификацию млекопитающих? Да еще чтобы она была равномерно столь же подробной, как для собак.

Если кто-то подумал, что я здесь по обыкновению утрирую — хрен там. Все обычные сталактиты, равно как и все сталагмиты, не говоря уж о «драпировках», стенных и покровных корках, и прочем разном — продукты одной и той же среды кристаллизации. А вот, скажем, «гипсовые цветы» — антолиты — уже существенно другой. Кораллиты — совсем третьей. И так далее. Не только струящаяся и капающая вода, но — тонкие пленки, «управляемые» капиллярными силами, тонкопористые субстраты, накапливающие и отдающие влагу по ходу сезонных циклов влажности, и многое другое. И особая ценность Кап-Кутана — в том, что в нем встречаются практически все возможные продукты практически всех известных сред и процессов. И это — обязывает.

В Степановском подходе равномерность построения классов выдерживается строго, за счет привязки к физике среды. Причем — только если им пользоваться «в чистом виде». Более или менее общепринятая сейчас за пределами нашей страны классификация Хилл и Форти, включившая в себя некоторые основы Степановской, в случае Кап-Кутана оказалась тоже бессильной. Если в классификации Максимовича удовлетворительно описываются «обычные» пещеры, то в этой — впридачу к «обычным» еще и пещеры так называемого рудного карста — маленькие полости в пределах рудных месторождений, в которых велико разнообразие минералов, но определяющую роль играет не физика, а химизм процессов. Степановский универсализм здесь потерялся за химическим разнообразием, а для описания того, что мы видим в пещерах Кугитанга, нужен именно универсализм.

* * *

Итак, вернемся к нашим баранам. То есть натекам. А еще точнее, совсем даже не к натекам — настоящие натёки образуются исключительно из расплавов, которые для пещер (кроме ледяных) крайне нехарактерны. Тем не менее, придется пользоваться именно термином «натёки», потому что в русском языке нет такого удобного термина, как международный «speleothems» (который тоже весьма некорректен, но древнегреческое звучание — замечательная маскировка), а именовать их всякий раз чем-то типа «минеральных агрегатов пещер» просто неуклюже. Тем более, что реально корректная формулировка еще втрое более громоздка.

С термином самого верхнего уровня разобрались. Теперь разберемся с последовательностью. Здесь несколько проще — можно идти по пути природы. Кроме

нескольких редчайших исключений, все, что растет в пещере, — растет из водных растворов. А по мере развития пещеры количество воды в ней постепенно уменьшается: сначала пещера затоплена целиком, потом остаются реки, потом — капель и лужи, потом — свободная вода исчезает, но остается связанная капиллярными силами, наконец — исчезает и она. То есть имеется заданная последовательность смены состояния среды кристаллизации — то, что и задает основную иерархию натеков. Разумеется, не все в природе линейно — во многих пещерах эта последовательность возникает неоднократно, причем на одних циклах она полная, на других — частичная, но особой роли это уже не играет.

* * *

Первой «остановкой» на нашей цепочке будет пещера, затопленная целиком. Как известно из обычной минералогии, в полостях, целиком залитых питающим раствором, могут расти либо друзы кристаллов, либо друзы расщепленных кристаллов (обычно сферолитов). Рост сферолитов вместо кристаллов может возникать либо из-за примесей в растворе (как химических, так и механических), либо из-за высокой степени пересыщения. Друзы сферолитов (или сферолитовые корки) чаще всего называют почками — потому, что аналогия во внешнем облике со свиными почками возникает сразу. Друза — агрегат характерный. Кристаллозародыши, вначале хаотично нарастающие на субстрат, при росте стесняют друг друга, и — в их соревновании «выживают» только индивиды, направленные осью наискорейшего роста перпендикулярно поверхности. Этот конкурентный механизм, сразу отметим — лишь один из многих возможных — называется геометрическим отбором.

В принципе каждый минеральный агрегат растет на фоне так или иначе организованной конкуренции между слагающими его индивидами. При этом механизмы конкурентного отбора «консервируются» в структуре и текстуре агрегата, и — позволяют очень точно «вычислить» материнскую среду роста. Потому что в этом механизме всегда отображается структура массопереноса питающей среды. Если мы видим геометрический отбор в чистом виде, без всяких выделенных направлений, тенденций к ветвлению и др., — значит, массоперенос в материнской среде организуется исключительно путем диффузии. То есть — мы имеем дело со статичным раствором.

Красиво и здорово — но не для пещер. В общем случае. Потому, что в общем случае в затопленных пещерах может расти только минерал кальцит. А кальцит — минерал хитрый. Будучи по составу карбонатом кальция, он сам по себе в воде практически не растворим, а вот если в доступности найдется углекислый газ — расклад уже другой. Карбонат в реакции с водой и углекислым газом переходит в бикарбонат, растворимость которого выше на несколько порядков. При кристаллизации происходит обратный процесс — раствор должен иметь контакт с воздухом, содержащим меньше углекислого газа, чем было при создании раствора. Тогда и только тогда начнется дегазация — и начнет расти кальцит. Разумеется, все это верно для обычных температур. Для горячих растворов все по-другому.

Осмыслим. Скорость диффузии в неподвижном растворе мала, поэтому в обычной затопленной пещере кристаллизация кальцита не может происходить глубже нескольких метров под зеркалом воды (которое обязано присутствовать) — не позволит скорость газообмена. И потому — если мы видим друзы крупных кристаллов кальцита, целиком покрывающие затопленную галерею, — можно поручиться, что они выросли из когда-то затоплявших пещеру глубинных горячих вод. И то же самое — с друзами малорастворимых минералов.

Теперь пора взять назад оговорку насчет общего случая. Прорывы гидротермальных растворов в пещеры — явление не такое уж и редкое, и в Кап-Кутане мы видим следы подобных процессов в изобилии. Выраженные в реликтах почти растворенных друз кальцита с кристаллами размером до метра и флюорита с кристаллами размером до пятнадцати сантиметров.

И — в порядке лирического отступления — можно припомнить, сколько копий было

сломано (да и сейчас ломается) в спорах, не являются ли натеки в той или иной пещере термальными. Непосредственно это определить не так просто. То есть, технология замера температуры кристаллизации по газовой-жидким включениям известна давно. Но — пару лет назад выяснилось, что с такими минералами, как кальцит и флюорит (с их высокой спайностью), — необходима и специальная технология подготовки препаратов, иначе анализ покажет год рождения бабушки. А просто посмотрев в лупу на механизм отбора и прикинув глубину под поверхностью — в трех четвертях случаев вопрос можно решить мгновенно и однозначно.

Пока — в одну сторону. То есть — установить термальность. В обратную — установить «холодное» образование — тоже можно, хоть и несколько реже. Исследовав в ту же лупу уже не закономерности срастания кристаллов, а сами кристаллы. Рост в приповерхностной зоне озер (а озера в пещерах почти всегда «холодные» — термальные раствор, как правило, заполняет пещеру целиком) имеет интересную особенность. Конвективные течения, удаляющие углекислый газ, резко ослабляются в зазорах между растущими кристаллами. Возникает конфликт между способностью кристалла к быстрому росту (общее пересыщение) и способностью среды к поддержке этого быстрого роста (скорость конвекции). Получается быстрый рост, но с малым отложением материала — то есть рост по остриям вершин и ребер, но не по плоскостям граней. Вроде роста сорной травы, которая для победы в условиях жесткой конкуренции за почву становится тонкой и ветвистой. И результат подобного роста — так называемые скелетные кристаллы. Каждый кристалл оказывается построен из тонких иголок и пластинок строго по его ребрам и граням. Если кальцитовая друза оказывается состоящей из скелетных кристаллов, то почти наверняка она выросла в приповерхностной зоне холодного озера. Кроме того — если убрать лупу в карман и взглянуть пошире — сразу становится видно быстрое убывание толщины друзовой корки по мере удаления от поверхности воды в озере.

А дабы не создалось впечатления, что разобраться можно всегда и легко — приведу пример с пещерой Фата-Моргана, расположенной на соседнем с Кугитангом хребтике. И — с тем самым Степановым. Заметившим в пещере крупнокристаллический друзняк гипса и объявившим о таком неслыханном чуде природы, как рост гипса в гидротермальной пещере. Как позже выяснил Белаковский, гипсовые друзы оказались действительно выросшими из горячих растворов, но — безо всякого гидротермального процесса в пещере. Да и природа оказалась ни при чем. А при чем оказался тогда еще экспериментальный метод добычи серы из Гаурдакского месторождения подземной выплавкой. Вместо проходки карьера бурили несколько скважин, в одну закачивали кипяток, а из соседних — откачивали водно-серную эмульсию. И когда закачную скважину умудрились зафитилить прямо в пещеру, не заметить этого и недельку гнать в нее кипяток — в пещере появилась удивительная и даже поразительная минералогия.

* * *

Следующую остановку сделаем на поверхности озера, куда мы уже и так почти добрались. Забереги. Пожалуй, единственные натеки, размеры и красота которых в Кап-Кутане уступают тому, что можно видеть в пещерах Гваделупских гор в США.

Вполне естественно, что кристаллизация путем газообмена сквозь поверхность резко усиливается на самой поверхности, — и возникают тончайшие кальцитовые корочки, удерживающиеся на плаву силой поверхностного натяжения. Там, где корочка примыкает к берегу (или затопленному сталагмиту, или доросшему до воды сталактиту), она не тонет несколько дольше — и успевает обрасти снизу скелетными кристаллами из озера, а сверху — покровным натеком из раствора, стекающего с берега или сталактита. И — уже не утонет, а к ней начнет прирастать следующая корочка. Получается до удивления похоже на листья кувшинок. Подобные забереги, достигая в некоторых пещерах многометровой ширины (правда, в гваделупских пещерах механизм роста гигантских заберегов чуть сложнее — с

берега стекает раствор другого состава, непосредственно дающий кристаллизацию при смешении с раствором в озере), являются наиболее «видимым» украшением пещерных озер. Иногда они срastaются, покрывая озера как бы каменным «льдом», подчас не уступающим в прозрачности обычному.

Вдали от берега плавучие корочки принимают участие в образовании еще одного интересного агрегата. Если в озеро падают капли, то (в пещере все настолько стабильно, что даже капли тысячелетиями падают в одни и те же точки) плавающие пленки в точках капли тонут, собираясь на дне в холмы или даже колонны. Потом, после осушки озера, такая колонна обрстет (из тех же капель) покровной корой — и станет удивительно похожей на обычный сталагмит. В Кап-Кутане такие «конуса» невелики, но в некоторых пещерах Северной Америки они достигают десятка метров высоты. И состоят внутри из этих тончайших корочек, утопленных каплями.

Корочки в том или ином виде распространены чрезвычайно широко, хотя их нужно уметь увидеть. Пожалуй, можно даже сказать, что их образование сопровождается любой «пещеро-подобный» процесс, даже если самой пещеры и нет. Погода — штука неустойчивая. Сухие годы сменяются влажными — и под землей сухие полы сменяются озерками, с соответствующей сменой роста натексов любого типа на рост корочек. Любой натечный пол содержит в себе включения корочек, но пока нет излома — их не увидеть. Очень показательные вещи можно наблюдать, например, в Крыму. Во многих местах южнобережная дорога проложена сквозь оползни — и во вскрытых щелях между глыбами масса совершенно «пещерных» натексов, причем весьма разнообразных. Но больше всего — именно корочек.

* * *

После ухода больших озер пещера вступает в эпоху подземных рек и ручьев. В струях которых механизмы кристаллизации, связанные с потерей углекислого газа, становятся предельно наглядны.

Хотя камни преткновения и не входят в компетенцию минералогии, поговорим немного и о них. Если такой камень оказывается в ручье, около него создаются турбулентные завихрения. Впрочем, тот же эффект возникает и от любых других препятствий, даже просто уступа дна. А что такое турбулентность? В частности — быстрое создание маленьких зон повышенного давления, и таких же — разрежения. А разрежение ведет к сильной разбалансировке раствора по углекислоте. И — выделение углекислого газа происходит взрывным порядком, с образованием пузырьков, вызывая столь же взрывную кристаллизацию. А обратное растворение в соседних зонах повышенного давления отстает — обратная диффузия из пузырька происходит гораздо медленнее. Разумеется, кристаллизация происходит на препятствии, вызвавшем турбулентность, и — увеличивает его. Возникает положительная обратная связь. Так вырастает каменная плотина — гур. Гур растет вширь и вверх, дорастает до поверхности воды и подпруживает ручей. Течение в образовавшемся озерке становится совсем спокойным, и натексы в нем расти перестают, а на самом гуре рост в зоне перелива идет очень быстро, поднимая и поднимая его. Опять же, для Кап-Кутана гуры не характерны за недостатком рек, но, тем не менее, несколько внушительных каскадов имеется. В некоторых же пещерах каскады гуров достигают многосотметровой длины с отдельными плотинами высотой в десятки метров. И — подчас создают труднопреодолимые препятствия, поднимая воду до потолка. Образованные таким образом цепочки сифонов проходятся единственным разумным способом — переливанием воды между озерами посредством системы клистирных трубочек. С многочасовым ожиданием (сидя в луже) на каждом этапе.

Вооружимся опять лупой и посмотрим, как устроен гур внутри. А ведь совсем не похоже на озерные агрегаты. Никакой упорядоченности мы не обнаружим — все кристаллы будут очень мелкие, скелетные, и — хаотически расположенные. Это — так называемый

известковый туф, возникающий при кристаллизации не только на поверхности роста, но и в объеме раствора. Верный признак механических причин — либо турбулентности, либо вызванных иными причинами резких скачков давления.

* * *

Так. Подводные пещеры позади, озера позади, ручьи позади. Что еще у нас осталось из возможных водоемов? Правильно. Луги. Заглянем. Если повезет — увидим редчайшие образования — пещерный жемчуг, он же пизолиты. Это — иногда правильной, а иногда неправильной формы кальцитовые шарики, свободно лежащие в маленьких озерах и имеющие точно такое же строение, как обычный жемчуг — песчинку или маленький камешек посередине, на которые правильными тонкими слоями нарастает кальцит. Правда, в отличие от настоящего жемчуга, в пещерном практически отсутствует органика, а потому — перламутрового блеска он не имеет.

Пещерный жемчуг является одним из лучших примеров многолетних заблуждений в науке, порожденных чрезмерной специализацией и неумением мыслить системно. А заодно — нашим первым достижением в минералогии пещер. Известный еще в прошлом веке, пещерный жемчуг всегда считался классикой — что в раковине жемчужницы, что в пещерной лужице, вертится случайно попавшая песчинка — и законы обрастания ее кальцитом одни и те же. В раковине ее вертят и не дают прирасти к стенке движения моллюска, а в пещерной ванночке — ручеек, через эту ванночку текущий.

Еще не чувствуете, что что-то не так? Правильно. Источников, откладывающих разные минералы, и на поверхности земли полно, ванночек в них много, песчинки тоже есть, а вот жемчуг-то именно пещерный. Не встречается он в этих источниках. Потому что ручеек-то здесь как раз и ни при чем.

На самом деле, когда теорию его образования стали переосмыслять, соображения были совсем другие. Главное из них — то, что ручеек, достаточно сильный для того, чтобы вращать жемчужины в сантиметр ростом, имеет очень высокую турбулентность, то есть движение воды в ванночке должно быть не спокойным, а вихревым. Иначе жемчужина очень быстро найдет себе устойчивую точку и прирастет. А турбулентность Вот именно. Уже проходили. Вызывает рост не структурированных агрегатов, а известкового туфа. И другое соображение — что в тех ванночках, где жемчуга много, при вращении он должен стачиваться друг об друга быстрее, чем расти.

То, что жемчуг часто находили там, где ручья нет, а только капель, было известно давно, но в расчет практически не принималось. Просто вместо слова «ручеек» стали употреблять «ручеек или капель». А именно капель и оказалась единственным фактором.

Когда мы заинтересовались этой проблемой, то концепцию ручейка исключили из вышеизложенных соображений сразу. Остались падающие капли, которые падают как в изолированные ванночки, так и в ванночки на ручьях. Капли в пещерах падают практически везде. Элементарный расчет энергии показал, что падения капли с высоты всего двух-трех метров вполне достаточно, чтобы произвести в такой несжимаемой среде как вода, сотрясение, достаточное для отрыва от субстрата начавшей прирастать жемчужины размером даже более сантиметра.

Несколько сложнее было с механизмом передачи энергии. Энергия капли делится на пять составляющих — энергию брызг, акустической волны (продольной), поверхностной волны (поперечной), ламинарных потоков и турбулентных потоков. То, что только волны, причем только акустические, могли донести энергию на требуемое расстояние и глубину и передать ее жемчужине без создания излишней турбулентности, было совершенно очевидно. Но — очевидность еще не означает истинности. Нужно было доказать, что они получают достаточную часть общей энергии. Смешно, но общего решения сей тривиальной задачи в современной физике не обнаружилось. Зато — в одной из книг по фотографии обнаружилась реклама новой аппаратуры скоростной съемки, на которой в качестве иллюстрации

возможностей приводилась серия фотографий этапов падения капли красной воды в стакан с синей водой. И просто замерив хорошо видимые на фотографиях высоты разлета брызг и фронты течений и волн, мы получили все нужные соотношения даже не прибегая к высшей математике.

* * *

Вот мы и добрались до того состояния пещеры, при котором вода уже только капает и струится по стенам — состояния, образующего «классическую пещеру» со сталактитами и сталагмитами, столь любимыми в большинстве классификаций и популярной литературы. На первый взгляд разнообразие форм здесь грандиозно — это и покровные коры, и разнообразные сталактиты подчас многометровой длины, и сталагмиты, и всевозможные драпировки и занавеси. И в то же время структурно все это практически одно и то же — сферолитовая корка, загнанная геометрией потоков в разные формы. И главное отличие от форм подводной кристаллизации состоит в том, что там толщина коры постоянная, а здесь — переменная. Каждая струйка воды имеет свою специфику стекания, образуя совершенно индивидуальной формы сталактит или драпировку.

Разумеется, есть и другие отличия. Вызванные участием уже знакомой нам механики. Если капля и струйки сильны — появляется турбулентность, и — вместо структурированных сталактитов появляются туфовые. Между прочим, практически все гигантские натёки в основной массе приспособленных к туризму пещер относятся к этому типу — и потому у них нет ни чистоты, ни прозрачности, ни звонкости.

Но и при медленном поступлении воды без механики не обходится. Присмотримся к любому чистому сталактиту, лучше — к так называемой «макаронине», тонкому и почти прозрачному трубчатому образованию. На первый взгляд все просто. Вода поступает из дырочки в потолке, вокруг дырочки начинается кристаллизация, постепенно геометрический отбор уменьшает количество кристаллов, и — остается единственный кристалл в форме тонкостенной трубочки. Собственно, до самого недавнего прошлого их рост именно так и трактовался. Только вот почему дырочка в потолке всегда оказывается именно в той точке, откуда воде удобно капать? Статистически не проходит. Достанем лупу и внимательно посмотрим на кончик сталактита. Ага На кончике-то не грани головки, а целая поросль уже знакомых нам скелетных кристаллов, свидетельствующих о разбалансированной среде кристаллизации. Откуда дисбаланс степени насыщения и скорости перемешивания? Из той же механики — гидродинамический удар при отрыве капли. А монокристаллическое тело трубочки? Оттуда же. Пульсация давления в канале, вызываемая отрывом капель, вызывает собирательную перекристаллизацию — растворение мелких кристаллов с одновременным ростом крупных. Вот и получилась вся структура сталактита. А куда делось питание по каналу? Да оно просто не нужно — центральный канал сталактита есть не причина, а следствие. Кстати, можно заметить, что диаметр трубки — прекрасный индикатор изменения состава растворов. Ничтожные вариации отображаются в поверхностном натяжении, которое контролирует диаметр капли — и трубка заметно меняет свой диаметр. Между прочим — пора восстановить некоторую справедливость, а то уж больно получается, что всех ругаю, а себя хвалю. Так вот на тему макарон — в первом черновике этой главы я привел именно ту теорию, которую сейчас и раздолбал. И подобных мест в этой главе, где трактовка с момента написания первого черновика изменилась радикально — не менее четырех. Собственно, именно из нежелания пичкать читателя устаревшими представлениями, эта глава — единственная во всей книге — практически полностью переписана в последний момент перед печатью. Хотя — как там у Савченко сказано в «советах начинающему гению»? Кажется, так: «Не спеши объяснять другим то, что сам только что понял: ты понял далеко не все». Проигнорирую. Ибо гениев здесь нет, а у него же сказано: «Доставляет удовольствие еще раз вникнуть в дело, растолковывая его другому».

На сталагмитах происходит примерно то же самое: рост мелких скелетных кристаллов

на ударах капли с их последующей перекристаллизацией. Но здесь перекристаллизация уже устроена по-другому, так как может происходить только на поверхности — у сталагмита нет канала. И потому при перекристаллизации возникает ориентированный геометрический отбор, при котором лучше выживают вертикальные индивиды. И — достаточно высокий и тонкий сталагмит, начиная с некоторой высоты, тоже становится монокристаллическим.

Сталактиты и сталагмиты, несмотря на свою очевидную простоту, вообще чрезвычайно поучительны в смысле всевозможных заблуждений. Один пример я уже привел, приведу и второй. Если кто уже читал что о пещерах, даже в специальной литературе, — помнит наверняка. На потолке растет сталактит, на полу под ним — сталагмит, дорастая друг до друга, они срастаются, и получается колонна — сталагнат. Опять вопрос на засыпку: а почему же там, где растут самые крупные сталагмиты, никаких сталактитов над ними нет и в помине? И наоборот — под макаронами не бывает сталагмитов. Тот же Максимович, классификацию которого я охаял, еще в шестидесятых додумался померить расходы воды — и обнаружил, что сталактиты растут при меньших расходах, чем сталагмиты. Причем — и для тех и для других есть жесткая корреляция формы с интенсивностью питания. По мере убывания интенсивности выстраиваются сталагмиты-холмы, потом сталагмиты-пагоды, потом сталагмиты-палки, дальше идут конические сталактиты, и наконец — макароны. Остается лишь добавить, что сталагмиты первых двух типов — туфовые, и часть конических сталактитов — тоже. Так вот до сих пор практически везде описывается опровергнутая схема с одновременным ростом. И — на экскурсионных маршрутах в оборудованных пещерах предлагается представить себе, за какой срок мог вырасти вот этот вот десятиметровый сталагмит из тех вон изредка падающих капель. А из капель-то в действительности вырос только крошечный сталактитик над ним. Сам же сталагмит давно прекратил свой рост, а когда рос — с потолка шла довольно мощная струя.

А еще интереснее становится, когда вмешивается химия. Понятно, что описанный механизм имеет смысл только для кальцита. Если же обратиться к сталактит-сталагмитовым агрегатам других минералов, для которых газовый обмен не актуален, так их большинство спелеоминералов вообще за таковые не признает — настолько разительна разница.

Например, знаменитые гипсовые «люстры» из Кап-Кутана, Фата-Морганы, Lechuguilla Cave и Torgac Cave. Трудно в этих висящих с потолка кустах трех-четырёхметровых ограненных кристаллов опознать обычные сталактиты. Но — тем не менее. Гидродинамика не работает, и сталактит растет за счет постепенного испарения струящейся по его поверхности воды. И — кристаллы начинают ограняться. А ограняясь — начинают влиять на распределение пленочных потоков на собственной поверхности. Возникает обратная связь — и сталактит «расцветает» пучком сверкающих кристаллов.

Кристаллография тоже может подбросить загадок. Взять, например, арагонитовые сталактиты. Цепочки из висящих друг на друге сферических сегментов безо всякого канала. Как в зале «Дамские Пальчики», который так и назван именно из-за их вида — непривычного, если не неприличного. Хотя химия в точности та же, что и для кальцита. А дело в том, что арагонит в обычных условиях всегда растет кристаллами, расщепленными до слабосвязанных пучков «ежей». И перекристаллизация скелетов идет не в монокристалл, а в эти пучки. Которые за счет своей пористости перераспределяют все питание (опять обратная связь), растя сегментом до тех пор, пока хватает капиллярных сил на удержание перекристаллизующего раствора, а потом — «схлопываясь» в каплю и начиная новый сегмент.

* * *

Заговорив о капиллярных силах и силах кристаллизации, мы органично дошли до той стадии в развитии пещеры, когда вода уже не течет и не капает — теперь она вся связана капиллярными силами в тонкие пленки, тем самым — практически не подчиняясь силе тяготения.

И вот здесь возникают, пожалуй, наиболее эффектные агрегаты — кораллиты и кристаллиты. Механизм их роста — один из наиболее показательных, и он даже легко моделируется в домашних условиях (естественно, на более растворимых веществах). В наше время выращивание дома кораллитов и кристаллитов из какого-нибудь медного купороса было весьма популярным школьным развлечением. Медленно испаряющаяся капиллярная пленка имеет очень своеобразную структуру массопереноса, управляемую законами физики испарения. Как известно, испарение с поверхности идет весьма неравномерно и зависит от локальной кривизны. Чем меньше радиус кривизны, тем интенсивнее испарение. На выступающих частях оно гораздо сильнее, чем на плоских или вогнутых. И — пленка подтягивается к ближайшему острию. Здесь уже разница между кальцитом и другими минералами нивелируется — все равно, происходит кристаллизация как непосредственный результат испарения, или опосредованно — через капиллярную пленку. Результат один — самый быстрый рост будет на самых острых выступах субстрата.

А что есть растущий кристалл? Тоже выступ, причем даже более острый. Да еще и снабженный не менее острыми ребрами по бокам. Опять обратная связь. И — на каждом гребешке, на каждой камешке расцветает ветвистый кустик — кристаллит. С очень своеобразной конкурентной схемой, при которой выживают кристаллы, растущие с выступов в сторону самого свободного пространства. И «кустик» здесь — не аллегория, а именно аналогия. Ровно такую же геометрию конкуренции между ветвями имеет и самый настоящий живой куст какой-нибудь черники. И тоже на кочке растет. Природа едина и подчиняется одним и тем же законам физики.

Если кристаллы расщепляются, то вместо кристаллитов растут несколько более распространенные кораллиты, более похожие на виноградные грозди. Несмотря на столь различный вид, при внимательном рассмотрении можно убедиться, что геометрическая схема у них в точности такая же.

Две ветви кораллитового или кристаллитового куста никогда не срастаются — при их сближении получается вогнутость, в которой испарение заблокировано. Словом, и в этом каменный куст ведет себя чрезвычайно похоже на обычный, живой. У того тоже там, где ветви начинают стеснять друг друга, их рост прекращается, а глобально куст растет именно собирая воду с окрестностей и испаряя ее. У морских кораллов, давших название этим агрегатам, сходства с ними как раз меньше: коралл берет материал для постройки из окружающей воды, и потому форма и поведение у него контролируются совсем другими законами.

Отдельность ветвей в кораллитах и кристаллитах может доводить до членовредительства. Как-то раз в Хайдаркане мы отбирали по пещеркам, вскрываемым рудником, материал для музея. И — Витя Слетов, лежащий под низким потолком с роскошными кораллитами, — подозвал меня, попросив ткнуть молотком по кусту, который он придерживал. Кустик, разумеется, откололся по самой тонкой ножке, которая оказалась гораздо глубже, чем Витя предполагал. Придавленного стокилограммовым «кустиком» Витю пришлось освободить втроем. А потом — еще и чинить автобус. Так как Бартенев, на которого в итоге взвалили рюкзак с сим экспонатом, выйдя из штольни, так разогнулся с пригорка, что не смог вовремя остановиться. Повезло, что хоть развернуться успел перед впечатыванием в крыло автобуса — иначе окончилось бы существенно хуже.

Кажется, уже образовалась некоторая традиция: в каждом разделе немного поиздеваться над недавними заблуждениями. Продолжим сие приятное и небесполезное развлечение, тем более, что кристаллиты такую возможность подбрасывают, причем — шикарную. Особенно — Хайдарканские, на которых выпасались многие поколения подрастающих геологов и минералогов.

Понимание реальной роли гидротерм в образовании разнообразных натеков, описанной в начале главы, пришло в процессе интеллектуальной дуэли Степанова с множеством оппонентов. На тему именно Хайдарканских кристаллитов. И, что самое существенное — как раз эта дуэль и сподвигла Степанова на углубленное изучение процессов кристаллизации

в пещерах.

Долгие десятилетия никто просто не хотел верить тому, что изумительные по красоте каменные кусты, украшающие многие музеи, могут образоваться как продукты только простейших процессов. И предлагали всякие разные теории о том, что в их образовании виноваты те же горячие растворы, которые откладывали ртутно-сурьмяные руды Хайдарканского месторождения. Хотя для того, чтобы понять полную несостоятельность этих теорий, не требовалось ничего, кроме здравого смысла. Гидротермальные воды — они восходящие, и это значит, что если они есть, то полости залиты ими до потолка. А сплошная водная среда — штука однородная, и если из нее что-то растет, то с одинаковой скоростью на всех поверхностях. В термальной пещере в принципе не может образоваться никаких выделяющихся в ландшафте кустов. Устойчивая привычка в каждой необычной формы кусте видеть гидротермальное вмешательство — примерно то же самое, что нынешняя мода винить НЛЮ во всем, что не есть понятно немедленно и без напряжения мозгов. Впрочем, сейчас вместо гидротермальной появилось еще две моды того же типа — во всем, что лень понять, винить радиоактивность или аэрозоли, но до этой хохмы мы еще доберемся.

* * *

Кораллит-кристаллитовые формы иногда демонстрируют нам совершенно поразительные примеры самоорганизации минеральных тел. К примеру — комбинированные кустики (мультикораллиты), распространенные по всем северным районам Кап-Кутана. С виду — ничего особенного, хоть и красиво. Кальцитовые кораллиты, обросшие арагонитовыми ²⁸ кристаллититами, а на самых кончиках — маленькие шарики гидромагнезита. ²⁹ Классическая последовательность выделения нескольких минералов. Только вот почему-то такие мультикораллиты встречаются в Снежной на Кавказе, в Carlsbad Cavern, еще в десятке пещер — и везде последовательность полная. Ни одной «незавершенки». В чем дело?

Да в том, что никакой последовательности на самом деле нет. Растущий мультикораллит взаимодействует со своей питающей средой. Двигающаяся пленка раствора по мере испарения обогащается магнием — и возникают зоны роста трех минералов. От минимума магния у корня куста (кальцит) до максимума у кончиков ветвей (гидромагнезит). А по мере роста — гидромагнезит, «ушедший» от острия, растворяется обратно, вводя магний в цикл. То есть — последовательный рост имеет место в каждой отдельной точке куста, но для куста в целом — рост сугубо одновременен. Опять похоже на биологию? Еще как!

Точно такая же самоорганизация с дифференциацией по магнию вызывает рост и псевдогеликтитов — длинных прямых кальцитовых «палочек» с арагонитовой иглой внутри. Между прочим, проклятье для спелеологов. Сколько «тупиков» в перспективных местах пришлось оставить, только чтобы не ломать сплошные заросли метровых псевдогеликтитов!

Или — арагонитовая «солома», обладающая тем же проклятым свойством расти длинной, красивой, и обязательно — в узостях. Особенности кристаллографии арагонита мы уже отмечали для сталактитов. Здесь — то же самое. Умение расщепленных кристаллов арагонита «подменять» поверхностное питание поровым — и приводит к тому, что из кораллитов «выстреливаются» во все стороны длинные и тонкие сектора-соломины.

Но, конечно, самой вершины в «умении» самоорганизоваться достигают классические

---

²⁸ Химически арагонит — то же самое, что кальцит — карбонат кальция. Но кристаллическая решетка другая, причем менее стабильная. Для кристаллизации арагонита необходим один из ряда возможных инициирующих факторов, и в описываемом случае это — присутствие в растворе магния. Который служит катализатором, но сам остается в растворе.

²⁹ Гидратированный карбонат магния.

геликтиты — вытянутые каменные «палочки», растущие в совершенно произвольных направлениях, причудливо и произвольно изгибающиеся и ветвящиеся. На тему роста которых было сломано рекордное количество копий, и только десять лет назад Слетов, наконец, смог разобраться. Впрочем — не только он. Несколько десятилетий подряд выяснение механизма роста геликтитов и попытки вырастить *in vitro* хоть один были чрезвычайно популярным видом спорта. Были выдвинуты десятки теорий. Что забавно и вообще-то нетипично для подобных развлечений — так это то, что практически все эти теории оказались верны. Как постепенно стало ясно, геликтитов как таковых нет, а есть несколько десятков типов натеков чрезвычайно различной структуры и с совершенно разными механизмами образования, обладающих весьма близкой внешней формой. Только в Кап-Кутане насчитывается более десяти принципиально разных типа геликтитов. Но речь у нас сейчас — исключительно о классических геликтитах, описанных Слетовым.

Собственно механизм зарождения классического геликтита понятен не совсем. Кроме, правда, частного случая — геликтита-шпоры, о котором чуть ниже. Но дальнейшее — красиво и просто. Пакет из трех-пяти параллельных сферолитов, между ними — очень тонкий каналчик. По каналчику идет раствор, растекаясь капиллярной пленкой вокруг устья. Опять срабатывают свойства кальцита. Точка (точнее, кольцо) окончательного испарения — снаружи, а вот кольцо максимальной потери углекислого газа — еще внутри устьевого воронки. Соответственно вектора тяги пленки и скорейшего роста не совпадают, и вот это-то несовпадение начинает творить чудеса. Вектора роста наклонены к оси — значит, канал удержится узким, пакет останется слитным, капиллярные силы — достаточными для подачи раствора. Совсем же каналчик сомкнуться не может — некуда углекислому газу выходить. Вектора тяги пленки наружу — значит геликтит «чувствует» близость препятствий. И начинает от них плавно уклоняться (или скользить по их поверхности). Попала случайная песчинка в канал — сферолиты прекрасно умеют делиться, и — геликтит ветвится. А самая изюминка — в том, что принудительное питание по этому каналчику вовсе не обязательно. Стоит геликтиту начать расти — и дальше создаваемая им капиллярность сама будет подсасывать воду с поверхности в канал. Так, в зале имени Морозова известны громадные геликтиты, по полметра длиной, которые в принципе не могут иметь принудительного питания — потому, что растут на рыхлом глиняном полу. Система не только самоорганизующаяся, но и самоподдерживающаяся.

А вот с зарождением — повторюсь, что понятно только для «шпор». Последние — это геликтиты, растущие на трубчатых сталактитах — макаронах. И здесь механизм нагляден и ясен. Каждая макаронина монокристаллична, а значит — всегда имеет трещины спайности. И вот на пересечении пары таких трещин и начинает расти шпора. Само пересечение — всегда бугорок, дающий возможность испарения. Четыре чуть сдвинутых друг относительно друга блока вокруг — «затравки», на которых начинается рост в сторону максимума испарения. То есть — в двойниковой³⁰ позиции по отношению к исходному сталактиту. Еще до того, как может начаться ветвление образующегося кристаллитита — на первых миллиметрах — происходят два события сразу. «Отмирает» один из четырех кристаллов — потому, что система из трех устойчивее (вспомните никогда не качающиеся трехногие табуретки). И — накопившиеся к острию примеси начинают расщеплять кристаллы в сферолиты. Геликтит готов к труду и обороне.

* * *

Итак, наша следующая остановка — в той эпохе, когда пещера высохла уже настолько, что воды нет даже в пленках — она держится только в глубине тонких пор вмещающей

---

³⁰ Двойникование — процесс, при котором кристаллическая решетка как бы отражается относительно определенной плоскости и кристалл начинает расти по двум главным направлениям сразу, ограняясь двумя головками.

породы. И вот теперь — вслед за льдинками заберегов, утесами сталагмитов, кустами кораллитов — наступает пора каменных цветов — антолитов. Других ассоциаций нет. Более общий русский термин «выцветы», английский «gypsum flowers», международные «antholites» и «anthodites», множество других на всех языках — все происходят от одного корня. И обозначают класс агрегатов, растущих непосредственно в порах и как бы выдавливаемых из них. Характеризующихся отсутствием конкурентного отбора между кристаллами (одна пора — один кристалл), а также тем, что рост происходит не на конце, торчащем из субстрата, а на конце, который утоплен внутри.

Разумеется, антолиты возможны только из достаточно растворимых минералов — гипса, эпсомита, тенардита, селитры.³¹ Количество раствора, помещающееся в тонкой поре, просто не может удержать столько, скажем, кальцита, чтобы его хватило на что-нибудь видимое глазу.

Объяснить на словах, что такое антолит — примерно то же самое, что объяснить, что такое стакан (да простят меня Стругацкие за плагиат, но другого сравнения просто невозможно придумать). Нужно смотреть фотографию. А вкратце — это группа пучков из сросшихся нитевидных кристаллов, причем каждый пучок растет отдельно, заворачиваясь во что-то типа бараньего рога или, что более похоже, — лепестка лилии. Причем обычно он заворачивается в сторону от общего центра антолита, и с тем более крутым завитком, чем дальше от центра он находится, Получается чрезвычайно похоже именно на цветок именно лилии — круто завернутые внешние лепестки, слабее завернутые внутренние, и даже тычинки в центре — центральные пучки растут почти прямыми. И тычинки даже могут быть с «пыльниками» — прилипшими к кончикам пучков выломанными из материнской породы кусочками (вспомните про рост основанием!). Идея здесь опять же проще валенка — рост в различных порах идет с различной скоростью, причем, как правило, скорость роста довольно равномерно падает при удалении от центра. А нитевидные кристаллы в пучках между собой срастаются, и такая неравномерность «выдавливания» приводит либо к закручиванию, либо даже к расщеплению пучков. Совсем прямые они просто невозможны. Точно так же как невозможно из тюбика с зубной пастой выдавить ровную палочку — из-за неоднородности давления она обязательно закрутится.

Антолиты — одна из главных достопримечательностей пещер системы Кап-Кутан. Как гипсовые, так и эпсомитовые антолиты размером до десятков сантиметров, причем зачастую стеклянноподобные, отнюдь не редкость, а местами встречаются и целые «клумбы» из них по несколько метров в диаметре. Правда, самые крупные антолиты (в зале Ямы Таш-Юрака, зале Куриной Лапы Хашм-Ойика и Змеином Промежуточной) полностью уничтожены, а ведь там были совершенно замечательные экземпляры свыше метра размером. Но и те, что остались, — весьма впечатляют.

Собственно антолиты — еще не все. В пещерах системы Кап-Кутан встречается довольно много родственных им и ничуть не менее красивых выцветов. Например — гипсовые иглы, растущие большими кустами из глины высохших озер. В некоторых кустах иглы достигают метровой длины при толщине в несколько миллиметров. А внутри самих глин — сплошь и рядом встречаются прослойки волокнистого гипса — селенита, возникающие, когда антолит начинает расти не в воздух, а в трещину. Сила кристаллизационного давления по мере роста расширяет эти трещины, «взламывая» плоский массив глины и превращая ровное озеро в кучу черепков вперемешку с кусками селенита.

Более редкие, но не менее эффектные агрегаты — не слипающиеся в пучки тончайшие нитевидные кристаллы гипса и эпсомита, космами висящие с потолка. Длиной до двух метров. Зрелище совершенно феерическое. В точности та самая паутинка из «Пикника на обочине» Стругацких, которая слабо так серебрится в углу, и то ли она есть, а то ли ее и

---

³¹ Гипс — водный сульфат кальция, эпсомит — водный сульфат магния, тенардит — безводный сульфат натрия, селитра — смесь нитратов щелочных и щелочноземельных металлов.

вовсе нет. И не заметить ее вовремя — столь же губительно. Правда — только для паутинки. Стоит быстрым шагом пройти мимо — и воздушная волна ее снесет. С расстояния в несколько метров. Из трех мест, где такая паутина была найдена, в двух ее уже нет — уничтожена неосторожными спелеологами. В третьем, слава Богу, ей ничего не угрожает — она растет в боковых нишах узкого лаза, по которому можно только очень медленно ползти. А если снесут и там — совсем катастрофа, так как это, пожалуй, единственный тип натеков, который нельзя сохранить хотя бы на фотографиях — нет в природе такого объектива и такой пленки, чтобы зафиксировать метровой длины и микронной толщины каменные «волосы». Иногда, впрочем, нитевидный гипс дает получающиеся на фотографиях полуплотные пучки — с не слипшимися, но часто растущими «волосами», Это — так называемые «гипсовые бороды». К сожалению, они были известны только из единственного зала на севере Промежуточной — и их там больше нет. Не сломали, не снесли воздушной волной. Просто штольня, пробитая в Промежуточную, изменила микроклимат — и бороды растворились.

* * *

Как известно, единство времени и пространства лучше всего чувствуется в форме приказа фельдфебеля рыть канаву от забора и до обеда. И точно так же — ряд принципиально различных свойств натеков может иметь одно и то же объяснение, причем не менее неожиданное и парадоксальное. К примеру, рассмотрим три таких закономерности:

а) всевозможные антолиты и иглы имеют любопытнейшую «привычку» расти на субстратах, неспособных поставлять материал для их роста — например, гипсовые агрегаты растут на глине или просто на известняке;

б) они же, согласно всем теориям, растут за счет фильтрации раствора сквозь поры субстрата — что по самым элементарным подсчетам скорости и продуктивности подобной фильтрации исключается категорически;

в) более или менее все прочие гипсовые образования — типа люстр и сталагмитов — тоже нарушают законы физики. При такой высокой растворимости, какой обладает гипс, погодные флуктуации не статистически запрещают многостолетнюю стабильность состава поступающих растворов в требуемых рамках — обязаны быть и периоды интенсивной коррозии.

Казалось бы, что общего у этих трех не связанных друг с другом явлений? Только то, что во всех трех фигурируют высокорастворимые минералы. Но — очевидного физического явления, «переводящего» это свойство в столь разные формы, не просматривается.

В одной из предыдущих глав я жаловался, насколько ненаблюдательны биоспелеологи. В спелеоминералогии эта болезнь тоже есть, хотя обычно в менее острой форме. И мы более десяти лет даже не попытались систематизировать некоторые совершенно очевидные вещи. Для понимания потребовалось, чтобы спелеолог из Львова Игорь Турчинов, показывая мне пещеру Джуриная, буквально сунул меня носом в гипсовые кристаллы, которых год назад не было. И все немедленно встало на свои места.

В пещерах, имеющих несколько входов, всегда дует ветер. Зимой от нижнего входа к верхнему, летом — от верхнего к нижнему. Натёки, форма которых контролируется наличием ветра (анемолиты), были известны всегда. Но ветер — это ведь не только движение воздуха, но еще и изменение влажности. А заодно и температуры. В радиусе нескольких сотен метров от входа ветер с поверхности весьма значительно снижает влажность, подхлестывая процессы испарения, и тем самым — кристаллизации. Ветер, идущий из глубины системы, наоборот, несет с собой избыточную влагу, конденсирующуюся на стенах и легко растворяющую гипс.

В Джуриной это приводило к тому, что за сухой сезон на потолке вырастал тонкий гипсовый пушок, а во влажный он растворялся и осыпался, давая тот самый загадочный гипсовый снег, рассыпанный на полу галерей в пещерах Подолии, об образовании которого

выдвигалось не меньше бредовых теорий, чем о НЛО. На Кугитанге эти формы тоже были, но не они были главным. Слегка доработанная идея прекрасно объясняла и все три вышеперечисленных феномена.

Гигантские гипсовые люстры и сталагмиты. Вспомним еще раз физику испарения и конденсации. Испарение идет преимущественно с выпуклых поверхностей и острий, и не идет во впадинах. Конденсация — строго наоборот. Возникает ориентированный сезонный массоперенос и сопутствующая перекристаллизация. А в итоге — сталагмит или люстра становятся полыми внутри, основная часть их массы выводится из прямого контакта с капелью, и — появляется своеобразный «механизм сглаживания» концентрации раствора. Сталагмит теперь начнет растворяться только если питающий раствор станет «недосыщенным в среднем». К тому же — растворение изнутри и кристаллизация снаружи превращают сталагмит в полуу внутри и ветвистую «заснеженную ель», «лесами» которых и славилась в веках пещера Хашм-Ойик. Протянувшись на километры. С «елками», достигающими десяти-двенадцати метров в высоту. И все — из-за слабенького ветерка между входами.

С антолитами — даже проще. Тот же сезонный цикл испарения-конденсации, но с участием пористого буфера. А все остальное делают капиллярные силы: загоняют конденсат в поры и вытягивают из него на поверхность все растворимые соли. В точности так же, как происходит засоление чрезмерно поливаемых почв.

Но самое интересное — так это то, что сезонный цикл делает с более рядовыми образованиями — например, просто корками на стенах. Вся конденсирующаяся во влажный сезон вода оказывается в щели между коркой и стеной. Получившийся раствор отнюдь не стекает, а впитывается в пористый гипс, далее испаряясь в сухой сезон с внешней стороны. Корка как бы отъезжает от стены, растворяясь внутри, дорастая снаружи и иногда образуя ложные стены в пещере. Это если процесс идет медленно. Если же он идет быстро, как в местах турбулентности воздушного потока (в узких «горлышках»), корочки часто отпадают, образуя целые сугробы. Поняв механизм, мы срочно приспособили сугробы из гипсовых корочек в качестве поискового признака на новые продолжения. И — одного из самых эффективных, так как картина ветров в наше время серьезно нарушена штольнями, вскрывшими пещеру, а сугробы показывают ветра, доминировавшие в недавнем прошлом.

Впрочем, осмысление концепции переменности ветра превратило и некоторые кальцитовые натеки в указатели продолжений. Уже упомянутые анемолиты — изогнутые в одну и ту же сторону геликтиты или сталактиты — всегда трактовались как растущие под контролем ветра. Первое, что приходит в голову. А если ветер сезонен? Правильно. Преимущественный рост происходит в сторону, с которой дует «сухой» ветер. То есть — в сторону ближайшего входа. И — спелеолога, заинтересованного в открытиях, должно интересовать сугубо противоположное направление. Опять проведем аналогию с живой природой. Асимметричные кроны деревьев. В которых преимущественное направление ветвей задается не просто направлением ветра, а направлениями животворного (теплого и влажного) и неблагоприятного (холодного, или наоборот, иссушающего) ветров. Законы природы — они едины.

* * *

Последнее, на чем хотелось бы остановиться, завершая описание физики в минералогии пещер и переходя к описанию химии, это, пожалуй, на одном из хорошо сохранившихся и до сих пор имеющих большую популярность мифов.

Миф об аэрозольных механизмах образования некоторых типов натеков существует уже несколько десятилетий: сейчас даже трудно восстановить, кем он был впервые предложен, и на него списывают чуть ли не все наблюдаемые феномены, разобраться в которых оказывается трудно или просто лень.

Достоин удивления, с каким упорством этот миф поддерживается и сколько сил

тратится на попытки доказательства абсолютно недоказуемого. Естественно, на дневной поверхности капли дождя и тумана, находящиеся в воздухе, могут переносить вещества, не умеющие держаться в воздухе сами по себе. Например, серную кислоту — кислотные дожди широко известны. Но все это — продукт деятельности человека. Источник той же серной кислоты — исключительно дымовые трубы, и до развития индустрии кислых дождей просто не было. Дождевая вода всегда была дистиллированной, способной только к растворению минералов, но уж никак не к их образованию. Единственное исключение — соли морской воды, попадающие в туман из высыхающих на лету брызг, срывааемых штормовыми ветрами с гребней морских волн. Фабрик в пещерах, слава Богу, пока нет, воздух чист абсолютно. Не зря же воздух пещер используют для лечения астматиков — он чище любого горного. Штормовых ветров тоже нет. В Кап-Кутане мне известен ровно один проход, в котором ветер так силен, что может поднять пыль с пола. Но — сухую пыль, из осаждения которой кристаллы никак не вырастут.

Впридачу ко всему пещеры — в принципе очень спокойная и стабильная среда, отнюдь не способствующая образованию каких бы то ни было аэрозолей. Даже легкий туман, наблюдаемый во многих пещерах — результат вмешательства наблюдателя. Атмосфера пещер очень тонко сбалансирована, и дыхания, да и даже просто выделения тепла от одного человека хватает на то, чтобы наполнить туманом огромный зал. Не могу, конечно, поручиться, но думаю, что именно этот туман и лежит в основе мифа. Кроме, конечно, тривиальной идеи, что если нечто смахивает на иней, то и расти должно тоже из воздуха. А в условиях ненарушенной пещеры никаких следов никаких аэрозолей никем и никогда отмечено не было, да и вряд ли это возможно — никакой физической модели для их образования нет.

Немного вру — моделей предложено более одной, но бестолковых до изумления. Просто ради анекдота расскажу одну из последних, недавно появившуюся во вполне уважаемом журнале. Дабы дать читателю понять, до чего может довести привычка не думать. Потому что эта модель по количеству логических и фактических ошибок на каждое утверждение бьет все мыслимые и немыслимые рекорды. А заодно — продемонстрировать простоту применения элементарной физики для контроля гипотез. Итак, идея заключается в том, что молекулы гипса выбиваются из стен альфа-частицами, испускаемыми при распаде радона, который в большинстве пещер присутствует в слегка повышенных против дневной поверхности концентрациях. Молекулы гипса подбираются каплями тумана, и при осаждении капель на стены происходит кристаллизация. И этим механизмом объясняются чуть ли не половина гипсовых агрегатов пещер Подолии, большие полые гипсовые сталагмиты пещер Кугитанга и многое другое.

Посмотрим на предложенную идею чуть поближе. Первое соображение. Распад одного атома радона дает одну альфа-частицу, пробег которой в воздухе не превышает двух сантиметров, а способность выбить в воздух молекулу гипса сохраняется на первых миллиметрах, и то лишь при соответствующем попадании, вероятность чего менее одного процента. Учитывая эту вероятность, а также значение числа Авогадро, получаем, что для того, чтобы выбить в воздух один грамм гипса, нужно порядка 1000000000000000000000000 распадов в непосредственной (миллиметры) близости от стены. Имея в виду, что для многих из описанных агрегатов (например, гипсовый снег) скорость роста чуть ли не грамм на квадратный метр в год, получаем, что в пещере должен быть такой радиоактивный фон, что человек помрет в ту же секунду. Как в эпицентре атомного взрыва. Второе соображение. При каждом распаде радона образуется, причем именно в аэрозоле, атом свинца, полония или висмута. Словом, тяжелых металлов. Учитывая вероятности и соотношения атомных весов, на один грамм перенесенного по воздуху гипса придется около трехсот грамм образовавшейся в воздухе смеси этих металлов. То есть — описываемые агрегаты должны получаться не гипсовыми, а свинцовыми с совсем малюсенькой примесью гипса. Пожалуй, достаточно.

В начале главы я уже отмечал, что спелеоминералогия занимается практически только минеральными агрегатами, но не самими минералами, разнообразие которых в пещерах весьма невелико. В общем случае это верно, но в отношении уникальных пещер, и, в частности, пещер системы Кап-Кутан — не совсем. В этих пещерах встречается большое количество минералов, представляющих серьезный интерес, причем не только для минералогии пещер, но и для минералогии в целом.

Не буду описывать всю чуть ли не полусотню найденных в Кап-Кутане минералов, сделавших эту систему второй в мире по минеральному разнообразию, и остановлюсь только на самых интересных и показательных.

Первая интересная находка была сделана только в 1985 году, опоздав почти на десять лет. Пещера Промежуточная сыграла со всеми нами шутку такого свойства, что до сих пор смешно и немного стыдно.

Немного выше я уже распространялся про существовавшую в недавнем прошлом моду валить на гидротермальные процессы все то, что сейчас валят на аэрозоли, и кое-что еще. Кораллиты и геликтиты Промежуточной были настолько необычны, что вызвали достаточно естественную для того времени реакцию многих исследователей срочно объявить ее гидротермальной пещерой. Долго и доблестно боролись мы на всяких конференциях и в научной периодике с этой ерундой. Пока не обнаружили, что гидротермальная активность в пещере все-таки была. Правда — существенно раньше, чем образовались все те натёки, о которых шел спор. Они-то абсолютно нормальные, и к термальному процессу никакого отношения не имеют.

Причем следы гидротермальной активности и образовавшиеся в то время натёки в Промежуточной видны настолько явно, что, пожалуй, это чуть ли не самая показательная из гидротермально обработанных пещер мира. И мимо этих следов можно пройти, не заметив их, только в двух случаях: когда человек слеп и когда он вообще никуда не смотрит, даже под ноги.

Как это ни прискорбно, но именно второй вариант и имел место быть. Красивые залы пещеры со всякими сногшибательными натёками — это одно. В них хочется ходить, смотреть и изучать. Галереи, по которым к ним нужно идти — совсем другое. Красот в них нет, жарко, душно. Хочется побыстрее дойти до красивых мест. Никому просто и в голову не приходило присмотреться к пустым каменным стенам или пошарить на полу. Как позднее обнаружилось, в экспедиции 1981 года, когда мы брали с собой Степанова и я ему сам показывал Промежуточную, мы с ним именно ходили ногами (в прямом смысле) по роскошным крупным кристаллам флюорита — минерала для пещер чрезвычайно редкого и, как тогда считалось, во всех случаях имеющего гидротермальное происхождение. Чрезвычайно приметного ярко-фиолетового цвета. А такие цвета в пещерах практически никогда не встречаются.

И — для того, чтобы мы все это заметили, потребовалось, чтобы меня в этот флюорит сунули носом. Для полноты картины — не иначе, как Степа Оревкин, спелеолог спортивного-топосъемочного толка, принципиально не интересующийся никакой геологией. Просто когда его с напарником занесло на топосъемке в очередной тупик и напарник затеял там отрисовку пройденного, Степа с нечего делать заинтересовался, почему бы это все камешки под ногами такие прозрачные и фиолетовые. А заинтересовавшись — взял образец, привез в Москву и спросил меня. После чего и началось нормальное исследование «пустых» галерей, и находки посыпались как из рога изобилия.

Что там флюорит! Его, в конце концов, было достаточно мало, а вот то, что никто не замечал, что стены почти всех больших «пустых» галерей инкрустированы реликтовыми кристаллами заведомо гидротермального кальцита размерами до нескольких метров, да еще покрытыми металлически блестящими «зеркалами» из рудных минералов — позорище чрезвычайное. В обнатеченных галереях понятно — там все эти штуки спрятаны под

современными натеками, но здесь они в такой степени на виду, что яснее просто не бывает. Словом, единственным оправданием подобной ненаблюдательности может быть разве что соображение классика физиологии Павлова, что пока в голове нет идеи — факты не видны.

* * *

Все составляющие спелеологии построены на парадоксах. Пещера опять побила нас нашим же оружием, заставив изучать следы гидротермальной активности и хитро запрятав именно среди них следы гораздо более интересных процессов так, что потребовалось еще почти семь лет, чтобы стало более или менее понятно хотя бы с чем мы имеем дело.

Несмотря на множество любопытных находок, хорошей интерпретации они долго не поддавались. Еще в 1985 году мы нашли первый странный минерал. При проползании по шкурничку между залом Варан и залом Водопадный волей-неволей приходилось задевать локтем гипсовые натёки типа крупных почек на стенке. И натёки от этого рушились. Гипсовой была только верхняя корочка, а внутри гипс был замещен чем-то другим. Вероятно, мы бы этого в жизни не заметили, не будь на полу шкурничка озера. А падающие в воду кусочки не тонули. Причем не просто плавали, а по типу пенопласта. И на ощупь были похожи на пенопласт! Что для минералов, то бишь камней, совсем даже не характерно.

Мы до сих пор не довели до ума исследование этого минерала, заведомо являющегося новым — мы любители, и получив ту сумму информации, которая наш интерес удовлетворила, продолжать дальше не стали, просто передав образец музею ВИМСа. А полученная информация была очень и очень интересной. Мы имели очень плотную и очень пористую путаницу из тончайших волокон даже не одного минерала, а двух, причем — силикатов состава, категорически исключающего их образование при температурах, допустимых даже для гидротермальных пещер. То есть — полная чушь получается! Забавно, но мы практически сразу выдвинули правильную гипотезу о том, что здесь без каких-нибудь бактерий не обошлось. Но смотрели, конечно, совсем не туда.

Второй звонок прозвенел, когда мы откопали район Зеленых Змиев в Промежуточной — и там вперемешку с нормальными росли натёки из совершенно удивительных минералов, к тому же окрашенных в чрезвычайно редкий для пещер зеленый цвет. Два из них определили почти сразу — соконит и фрепонтит. Оба тоже силикаты, но из той группы, которая особо высоких температур не требует. Но — требует исходных материалов, напрочь в пещере отсутствующих. К тому же — первый из них никогда и нигде не встречался иначе, чем в виде тонких примесей в глинах, а здесь — крупные мономинеральные агрегаты. А второй и вовсе известен из менее чем десятка мест на Земле.

Стало совсем очевидно, что химия в Кап-Кутане даже не просто весьма своеобразная, но скорее уникальная, и даже какая-то непостижимая.

Находкой, которая должна была все расставить на свои места, стало опять же обнаружение флюорита, но уже не гидротермального, и даже не просто образовавшегося в «нормальных» условиях, а образовавшегося очень недавно и очень быстро. Кристаллы размером до миллиметра были рассыпаны на поверхностях кальцитовых геликтитов и гипсовых кристаллов. Естественно, всего в нескольких залах. Если бы обнаружилось, что мы проворонили и такую вещь, я бы бросил спелеологию. Но углядеть эти кристаллы было действительно трудно.

Химически флюорит — фтористый кальций. То, что кристаллы росли на гранях гипсовых кристаллов, подверженных сезонным изменениям, давало возраст не более пятидесяти лет. В воде он растворим очень плохо и единственный способ образования этих кристаллов с такой скоростью — тройное взаимодействие гипсовых и кальцитовых натёков, содержащих кальций, пленки воды на их поверхности и плавиковой кислоты в воздухе. Плавиковая кислота — штука жутко агрессивная, и ее подток из глубины по трещинам просто невозможен — она бы прореагировала со стенками вся, причем очень быстро. Следовало сразу же задуматься, откуда она может взяться, но опять-таки этого сделано не

было. Тем не менее, выстроилась некоторая концепция о присутствии в пещере сильных кислот. Доказать ее прямым способом невозможно — плавиковую кислоту в малых концентрациях никакой анализ не берет, но косвенных данных уже хватало.

Второй конец палки — то, откуда берутся кислоты, оказался прост. Решение давно уже свербило в носу, скрипело на зубах и валялось под ногами. И то, и другое, и третье в самом буквальном смысле. Но для того, чтобы все это выстроилось в одну цепочку, ни у кого из нас мозгов не хватило. Для начала нужно было поверить в совершенно сумасшедшую теорию проработки пещер на серном цикле, которую мне еще в ранге гипотезы рассказал на перекуре между заседаниями международного спелеологического конгресса ее автор — Паоло Форти, один из лучших спелеоминералогов мира. А еще нужно было сообразить, что Форти зацепил не просто некоторый конкретный механизм, совершенно невозможный в Кап-Кутане (нужны были очень большие озера), а нечто гораздо более универсальное, могущее проявляться в совершенно различных ипостасях.

Идея была проста, как все гениальное. В природе существуют две совершенно особые группы бактерий — сульфатредуцирующие и сероокисляющие. Первые умеют разлагать минералы — сульфаты и сульфиды, выделяя газ сероводород. Вторые умеют из сероводорода делать серную кислоту. Которая, реагируя уже по собственной инициативе с известняком (карбонатом кальция), дает гипс (сульфат кальция). Который опять может быть пожран бактериями, и так далее.

То есть, если занести в пещеру достаточное количество серы, а также культуры этих бактерий (нужно еще некоторые мелочи, типа органики, железа, марганца, но этого во всякой пещере хватает), и пойдет циклический процесс, построенный на сере и превращающий известняк в гораздо более растворимые вещества. И — пещера, в которой все вышеописанное есть, может наращивать свои объемы очень быстро, практически без участия воды.

Мы давно уже заметили, что потревоженные рукой стены пещер начинают пахнуть сероводородом. Равно как и то, что вообще все стены Кап-Кутана, не покрытые натечками, покрыты очень специфической субстанцией — чрезвычайно пушистой и окрашенной в ярко-красные цвета глиной. Все это по традиции валилось (увы, и нами) на гидротерму, пропитавшую известняк вокруг пещеры рудными минералами. Конденсирующаяся вода растворяет известняк и стекает тонкой пленкой, оставляя «на месте» привнесенные гидротермой силикаты и сульфиды. А те в свою очередь окисляются, выделяя и сероводород, и красные окислы железа. Глинка эта в просторечии (хотя мы сейчас это вводим в качестве вполне научного термина) называется «охерь», ибо красная как охра, да не охра. А от того, что в нее намешано, так и просто охереть можно.

До некоторых пор это почти все объясняло, но после идеи Форти все самые разнообразные вещи связались воедино. Если в пещере действительно работают бактерии, то:

- Охерь должна пахнуть сероводородом — имеем.
- В охери должен образовываться и сыпаться вниз гипсовый песок — имеем.
- Висящие на стенах реликты гигантских кристаллов гидротермального кальцита должны не просто растворяться, а переходить в гипс — мы как раз долго удивлялись гипсовым оторочкам вокруг них.
- Серная кислота должна растворять рассыпанный по полу «старый» флюорит, а также флюорит, высыпавшийся из прожилков в известняке. Что и наблюдается — весь такой флюорит сильно растворен.
- При растворении флюорита серной кислотой выделяется плавиковая кислота — имеем.

— При реакции плавиковой кислоты с силикатами, содержащимися в охери, кремний и алюминий захватываются в легко растворимые и даже летучие соединения. При достижении газами или растворами с этими соединениями имеющихся в некоторых уголках свинцово-цинковых сульфидных жилков, на них должны образовываться силикаты,

обогащенные свинцом и цинком — имеем (соконит, фрепонтит и некоторые пока не определенные минералы).

— И многое, многое другое.

Объяснялись и другие странные явления — например, почему приколотенные к потолку алюминиевые топографические бирки могут полностью исчезнуть за два-три года, а на их месте окажутся гроздь стеклстых сферолитов аллофана (гидроокись алюминия). Плавиновая кислота съедает защитную окисную пленку на алюминии, и он немедленно начинает «ржаветь». И срок жизни фотоаппарата под землей, исчисляемый несколькими месяцами, и свойство лестниц, собранных на стальном тросе, рваться так часто, что нам пришлось перейти на использование лестниц, собранных на тянущемся как сопля капроновом шнуре, и всякие разноцветные поросли на валяющихся старых батарейках, от которых у человека, разбирающегося в химии, волосы дыбом встают — все вставало на свои места.

То есть — за немногими исключениями оказались одновременно объяснимы все химические фокусы пещеры. Оставалось найти колонии бактерий и оценить по их размерам, могут ли они давать такие мощные эффекты.

Вот здесь и возник вопрос. Предложенный Форти вариант возможен только в пещерах с затопленным нижним этажом. Сероокисляющие бактерии могут быть обнаружены где угодно, в том числе и в охери, но все сульфатредуцирующие бактерии — анаэробны, то есть они не могут жить в присутствии газообразного кислорода. Обычно они живут в воде, с которой в Кап-Кутане большая проблема. Да и если бы где-то на нижних этажах и были бы озера с колониями сульфатредуцентов, запах сероводорода чувствовался бы повсеместно. То есть — было абсолютно очевидно, что серный цикл работает, но самой его «машины» не просматривалось. Эстафету приняло следующее за нами поколение спелеоминералогов. В 1993 году ребята из студенческой группы Виктора Коршунова предложили рассмотреть вариант, что именно охерь и является местом обитания и тех и других бактерий, но что сульфатредуцирующие живут «внутри», и тем самым отрезаны от кислорода воздуха колониями сероокислителей, живущих в верхнем слое.

Доводить модель до ума пришлось совместными усилиями. И все сработало. Частичную разомкнутость цикла (гипс уносится конденсирующейся водой, и тем самым нужен компенсирующий источник серы) восполняли включения битумов в известняке, а также гипс из перекрывающих известняк гипсоносных толщ в сочащихся по трещинам водах. Все механизмы работали.

Теперь объяснился даже цвет охерей — красный с чернотой верхний слой, желтый средний и черный нижний. В биохимический цикл сероокисляющих бактерий, живущих в верхнем слое, в обязательном порядке входят железо, дающее желто-красные цвета, или марганец, дающий черный цвет. Эти бактерии способны улавливать их из растворов и накапливать в себе. И то, что отвалившиеся с потолка корки охерей быстро теряют цвет, — объяснялось именно тем, что при гибели колоний железо и марганец, присутствующие в виде растворимых соединений и удерживаемые только живыми клетками, немедленно уносились водой. Даже то, что известняк под охерями был на несколько сантиметров в глубину разрыхленным, оказалось совсем даже не гидротермальным эффектом, как раньше думали, а эффектом частичного проникновения колоний сульфатредуцентов в толщу известняка.

Лучшее мерило любых теоретических построений — эксперимент. И он был поставлен. Та же группа Коршунова взяла с многих мест пробы охерей и попыталась на специальных питательных средах вырастить из них чистые колонии тех и других бактерий. Это была рискованная затея — идентификация подобных бактерий обычно занимает месяцы, да и очень часто встречаются новые виды — словом, все шансы были за то, чтобы сил и энтузиазма студенческой группы не хватит. А хватило. Колонии дружно взошли, и бактерии оказались даже не просто известными, но чуть ли не самыми распространенными, и их определение не составило никакого труда.

* * *

Возникает любопытный вопрос. Насколько атмосфера, в которой присутствует сероводород, серная и плавиковая кислоты, да еще и четырехфтористый кремний, безопасна для здоровья спелеологов — вроде бы все эти вещества страшно ядовиты?

На самом деле не особенно. Плавиковой кислоты и четырехфтористого кремния, возникающего при ее реакции с остаточным материалом в охерах, в воздухе чрезвычайно мало — они настолько агрессивны, что немедленно (в пределах минуты) реагируют со всем окружающим, а скорость их поступления более или менее понятна и низка. В самых фтористых районах системы (например, районе Зеленых Змиев), количество «старого» флюорита на полу — единственного источника плавиковой кислоты — не превосходит килограмма на квадратный метр, возраст его россыпи не менее миллиона лет, а растворено не более пятой части его количества. То есть — в самых «опасных» участках на квадратный метр пола пещеры за миллион лет образовалось около ста грамм плавиковой кислоты. Пересчитав на время пребывания спелеологов в пещере, получаем исчезающе малые и совершенно не опасные цифры.

Сероводород поопаснее, но в нормальных условиях он за пределы охери не выходит, да и опасные его концентрации просто чувствуются по мощному запаху. А то, что получает спелеолог за месячную экспедицию, примерно соответствует тому, что он вдохнет, разбив на сковородку одно тухлое яйцо.

С серной кислотой еще проще. Она не летуча и потому, если охерь не кушать, попадает только на кожу, причем в абсолютно не опасных количествах. Кушать охерь, правда, приходится — она вездесуща — но весьма понемногу. И это уже не так безобидно. Хотя дело тут скорее даже не в серной кислоте, а в том, что местами в охерах все-таки немало гидротермальных продуктов, в том числе минералов, содержащих весьма не безобидные металлы, вплоть до свинца и ртути.

Так что страхи по поводу того, чем мы в пещере дышим, не обоснованы совершенно. Но — разумная осторожность в районах с хорошо сохранившимися гидротермальными продуктами — абсолютно необходима. А при наличии оной — порядок, и залог тому — например, мое собственное здоровье, на котором почти двадцать лет экспедиций в Кап-Кутан отразились только в лучшую сторону.

* * *

Забавно, но, как я уже отмечал, все эти перипетии вокруг охерей были абсолютно излишни: в отличие от геологов и минералогов, для биологов было абсолютно очевидно наличие чего-либо в этом роде. По зияющим дырам в кормовой цепи биоценоза пещер. Чрезвычайно прискорбно. Спелеология тем и приятнее других наук, что в ней еще не совсем потерялось из-за чрезмерно узкой специализации понимание того, что все в природе взаимосвязано и что нельзя изучать минералы отдельно, а животных отдельно. И вместо привноса узкой специализации из других наук очень хотелось бы видеть некий органичный сплав, в котором подобные «очевидности» не терялись бы на долгие годы.

Микробиологические аспекты геологии и минералогии пещер только недавно начали изучаться, и похоже, что скоро станут одним из важнейших и интереснейших направлений. Вероятно, что описанный вариант серного цикла отнюдь не уникален для Кап-Кутана. Сходные с охерью субстанции имеются, например, на верхних этажах пропасти Снежная на Кавказе и в нескольких других пещерах.

Причем серным циклом дело не ограничивается. Чуть ли не во всех пещерах, и даже в катакомбах Подмосковья, образуется исключительно любопытная субстанция, называемая лунным молоком, или горным молоком, натеки консистенции примерно воска, при сильном нажатии превращающиеся в совсем жидкую белую кашу. Полвека назад ее трактовали как

загустевший коллоидный раствор кальцита, но за последние двадцать лет обнаружилось, что в большинстве исследованных случаев без деятельности бактерий также не обошлось. Причем следы бактериальной активности совершенно явственны, но что за бактерии поработали, кажется, до сих пор не выяснено.

Что любопытно — еще в античные времена отмечались лечебные свойства лунного молока, и чуть ли не Гален всячески его пропагандировал как средство от довольно многих болезней. И, похоже, что это действительно так — когда мы еще в студенческие времена заинтересовались лунным молоком из Никитской катакомбы, мы были поражены, насколько его структура и химический состав похожи на уникальные лечебные грязи Крымских лиманов (типа озера Саки). Тот же спутанно-волоконистый каркас из нитевидных кристаллов гипса и кальцита, заполненный высокожелезистым коллоидом, обогащенным всевозможными микроэлементами, да еще и с какими-то органическими примесями. Ни в коем случае не призываю пробовать — лунного молока в природе существенно меньше, чем идентичной ему вышеуказанной грязи, а свойства должны быть чрезвычайно близки. Возможно другое. Пещеры — система простая и потому легко моделируемая. Вполне реально создать искусственные условия роста минерально-бактериальных субстанций типа лунного молока, причем с управляемыми свойствами. Это было бы гораздо интереснее.

* * *

Еще раз вернувшись к нашим баранам, то бишь минералам пещеры Кап-Кутан, стоит отметить, что далеко не все найденные минералы исследованы. Пещерному минералогу каждый раз приходится решать для себя нравственную задачу: брать или не брать образец для исследования или для эталонной коллекции. Натёки — штука слишком красивая и слишком редко встречающаяся, чтобы рушить их для удовлетворения собственного любопытства или страсти коллекционирования.

В обычных спелеологических кругах бытует мнение, что при проведении спелеологических экспедиций из пещеры нельзя выносить ничего, кроме фотографий, а если пещера интересна минералогически — то нужно запустить в нее команду профессиональных ученых с общепризнанным авторитетом, чтобы они сделали все сборы.

Против первого тезиса возразить трудно — людей, интересующихся минералогией, среди спелеологов хватает, но способных провести систематическое исследование — единицы. Образец же, отобранный абстрактно взятым спелеологом, практически наверняка разрушится еще в пещере за отсутствием упаковки и навыков транспортировки, а если вдруг и доедет — повалится лет десять на серванте, а потом отправится на помойку. Чего допускать нельзя категорически.

Второе же соображение неверно в корне. Во-первых, минералог, не являющийся спелеологом, будь он трижды доктором наук, видел в своей жизни одну, две, максимум три пещеры, причем все уникальные — в другие он не полезет. У него нет и не может быть системы ориентиров в уникальности тех или иных образований. У него на глазах не разрушались красивые залы — а ведь подчас достаточно отломить пяток натёков, чтобы изумительной красоты подземный дворец превратился в рудник. И наконец, то, что мы неоднократно испытывали на собственной шкуре, — красота некоторых натёков, представляющих весьма слабый научный интерес, может полностью затмить собой не очень красивые, зато совершенно уникальные. Для того чтобы замечать их, нужно так привыкнуть к красоте, как это возможно только для опытного спелеолога.

Более того — минералогия пещеры теснейшим образом связана с ее геологической историей, флорой и фауной. Вероятно, описанная выше история с серным циклом достаточно хорошо иллюстрирует, что узкому специалисту в минералогии пещер делать нечего.

В нашей команде выработалось собственное понимание этих проблем, и, соответственно, собственный стиль действий. Не скажу, что он так уж уникален — как я

понимаю, у исследователей практически всех уникально красивых пещер есть нечто подобное, но почему-то держится «за пазухой». По моему разумению, это — совершенно страусиная политика, ни к чему хорошему, кроме плохого, не приводящая — каждой новой команде, откопавшей интересную дыру, приходится все постигать на собственных ошибках, что для пещеры далеко не всегда полезно.

Мы считаем, что образец может быть взят только при одновременном выполнении следующих условий. Первое. Образец может быть взят только с такого места, где вероятность его уничтожения (например, сшибания чьей-либо головой) достаточно высока, или же — с такого, где он валяется отломившийся и упавший. Если образец, который берется, представляет собой нечто большее, чем маленький кусочек для анализа, то его допустимо брать только с расчищаемой тропы. Второе. Должна быть полная гарантия, что образец будет вынесен и доставлен. Если это — не просто аналитический материал, должна быть обеспечена гарантия его попадания в крупную коллекцию типа музейных, открытую для изучения всеми желающими. Третье. Должно быть понимание, зачем образец отбирается.

Последнее необходимо пояснить. Обычно в геологии и минералогии образцы берутся по первому подозрению, что там может оказаться что-то новое. В пещерах так нельзя. Образец следует брать не с подозрением, а с уверенностью в новом, причем только в том случае, если это новое нельзя понять неразрушающими способами. И более того — желательно составить некоторые представления о том, чем это может оказаться, и брать образец уже под готовую программу его лабораторного изучения.

Разные команды действуют слегка по-разному. За рубежом сейчас популярна аппаратура для предварительного анализа на месте по спектрам люминесценции. У нас такой аппаратуры нет, и нам пришлось восстановить методики начала века экспресс-анализа минералов методами прокрашивания и травления поверхности. Во всяком случае, суть одна — всемерное использование неразрушающих экспресс-методов и взятие минимального количества образцов для принятия или отвержения уже готовой гипотезы.

У читателя могло сложиться впечатление, что мы против сотрудничества с профессиональными минералогами. Это глубоко не так. Без их знаний, без их аппаратуры, без их возможностей обойтись нельзя. Мы сотрудничаем с несколькими музеями, и еще более тесно сотрудничаем с отдельными их сотрудниками — так, Дмитрий Белаковский из Минералогического музея Академии наук регулярно участвует в наших экспедициях. Просто нас интересует гораздо более широкий круг вопросов, чем того же Белаковского, но те вещи, которые оказываются в пределах его компетенции — он решит и сделает гораздо лучше любого из нас.

Собственно, я все это излагал, чтобы читателю стало понятно, почему самые интересные минералы, найденные в Кап-Кутане, остались не исследованы совсем. А их немало.

Приведу в качестве примера один из шести не определенных до сих пор минералов — тот, про который нет ни одной идеи, чем он может быть. Кустик кристаллов, самый большой из которых — размером примерно с фильтр от сигареты. Растет в самом центре огромного и невероятно красивого куста кальцитовых геликтитов в галерее ОСХИ. Блеск этих кристаллов многократно сильнее, чем любых других в пещере, так что мы впервые обратили на них внимание именно из-за блеска. Сверкающий кустик был виден даже при очень слабом свете уже с пятидесяти метров. При близком рассмотрении прекрасно видно, что кристаллы, просто по своей форме, не могут быть ни одним минералом, известным в Кап-Кутане. Более того — ни одним минералом, известным в пещерах мира. Ни один минерал, обладающий такой формой кристалла (например, скаполит), по своим условиям образования в пещерах встречаться не может. Этот кустик кристаллов висит на своем месте. Иметь такую роскошную загадку гораздо приятнее, чем добавить к списку минералов пещер еще один, а потом долго рассказывать в порушении такой красоты. И мы — будем ждать, пока не найдем еще один такой кустик. В допустимом для отбора пробы месте.

* * *

Вполне естественно, что описанный подход к минералогическим исследованиям не совершенен, — достаточно часто весьма интересные минералы вызывают только легкое подозрение, и потому не исследуются.

Так, мы чуть ли не пять лет подряд прицельно искали в пещере эпсомит (водный сульфат магния). Судя по химическому составу воды в некоторых озерах, он должен был быть не особо редким минералом в Кап-Кутане, но как-то все не попадался в руки. Найден он был опять-таки случайно, хотя предсказать именно такой способ его нахождения было легко. Андрей Марков, отдыхая во время топосъемки в одном из верхних лабиринтов Кап-Кутана Главного, заинтересовался обсосанным видом висящих над головой кристаллов, и ради интереса тоже пососал один. Потом долго плевался — у эпсомита чрезвычайно неприятный, да еще и жгучий, вкус. А все было просто до чрезвычайности. Эпсомит еще более растворим, чем гипс, и потому растет полностью аналогично гипсу, но в несколько более сухих местах. Точно такие же корки, мелкие люстрочки, антолиты, иглы. Единственное визуальное отличие — то, что поверхность кристаллов эпсомита выглядит всегда обсосанной (у гипса это тоже бывает, но редко) из-за его чрезвычайно высокой растворимости и гигроскопичности. Эта обсосанность позволила его обнаружить, и она же долгое время препятствовала обнаружению, скрывая небольшие различия в форме кристаллов.

Точно так же от нас долго скрывался церуссит — карбонат свинца. Тоже было понятно, что он должен быть — геохимия пещеры этого прямо-таки требовала, но где и как — тот еще вопрос. А растет он в северных районах Кап-Кутана вперемешку с арагонитом, от которого по форме кристалла практически не отличается. Прошла пара лет, пока мы обратили внимание, что остатки арагонитовых кустов в одном из залов хрустят под ногами гораздо громче, чем в соседних. На чем он и попался — особо громкий, специфического тембра хруст при раздавливании является одним из главных его диагностических признаков.

И точно так же от нас до сих пор скрывается карбонат стронция — минерал стронцианит. Про который понятно даже не только то, что он есть в пещере, но даже и то, в каких районах его следует искать. Однако прошло уже пять лет, а находки так и нет. Стронцианит визуально еще сложнее отличим от арагонита, чем церуссит, а выкашивать все арагонитовые газоны опять же не хочется.

Рано или поздно попадется все. В том и есть еще одно преимущество существования спелеологии как науки любительской, что спешить некуда. Диссертация не уплывет, потому что ее и так не будет, конкуренты открытие не перехватят, потому что они не конкуренты, а друзья и коллеги — так что ни одного основания для спешки нет. Спустимся с пригорка медленно-медленно и переоплодотворим все стадо.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Новое — это хорошо забытое старое.

Народная мудрость.

В пещерах оно, конечно, здорово, но сами собой пещеры не открываются, особенно на Кугитанге. Поиск новых пещер составляет одну из интереснейших частей спелеологии, хоть он и лишен главного спелеологического атрибута — темноты. Практически все спелеологи время от времени устраивают целые экспедиции специально ради поиска новых пещер.

Как говаривал Винни-Пух, дыра — это нора. А раз нора, значит в ней кто-то живет. Вопрос в том, кто этот кто-то. Для Кугитанга важно, чтобы это был дикобраз. Идея здесь в том, что дикобраз, пожалуй, единственный зверь, которому для устройства гнезда нужен примерно тот же комплект удобств, что и спелеологу для наслаждения пещерой — по

возможности узкий вход, галерея не короче ста метров, расширение размером не меньшее, чем обычная комната, и где-нибудь подальше питьевая вода. То есть в гротах и коротких тупиковых пещерах, которых в каньонах миллионы, и которые спелеологам совершенно не интересны, дикобразы тоже жить не будут.

Воспринимать буквально тезис, что поиск пещер есть поиск и разорение дикобразных гнезд, разумеется, нельзя. Дикобраз — зверь далеко не глупый, и выбирает такие дыры, что для пролезания в них кувалдой не обойдешься. Да и постоять за себя умеет, несмотря на очень мирный характер. Я знаю ровно один случай, когда кто-то из спелеологов попытался выдернуть из пробежавшего мимо дикобраза иголочку на сувенир. Бедняга потом недели две лежал в больнице — зверь даже не пустил в ход своих игл, а просто немного покусал его. Зубы же у дикобраза вполне соответствуют его статусу грызуна — примерно как у крысы, увеличенной до размера крупной собаки. Связываться не стоит. Хотя, с другой стороны, если их непосредственно не обижать — никакой агрессии. Можно даже загнать дикобраза в какую-нибудь щель и, наступив на него, уговорить подождать, пока распаковывается фотоаппарат — Лев Кушнер пару раз такое проделывал, причем совершенно безнаказанно.

Так что дикобразьи гнезда, хорошо опознаваемые по старым иголкам и свежим туалетам возле входов, свидетельствуют о наличии пещеры, но не входа в нее. Вход, скорее всего, обнаружится совсем в другом месте, причем как правило — будет выкопан. Впрочем, еще вероятнее он так и не будет найден совсем. Известен всего один случай, когда раскопка норы непосредственно привела в пещеру — Таш-Юрак. И один, когда это потенциально возможно — Дальняя.

* * *

Кугитанг — сложнейшее место для поиска новых пещер, и объясняется это главным образом тем, что карстовый процесс, создавший пещеры, очень древний и полностью потерял всякую связь с карстовым процессом на поверхности. В Крыму, на Кавказе, на Урале — словом, везде, где есть пещеры, они связаны своими водотоками с водотоками поверхности. Если есть воронка, в ней обычен вход. Если есть источник — вход тоже весьма вероятен. Само присутствие крупной пещеры, равно как и чуть ли не половина ее структуры, всегда легко читаются по распространению водопоглощающих воронок.

На Кугитанге кое-чего из перечисленного просто нет, а остальное ведет себя так и просто наоборот. Воронки отсутствуют полностью — вся эта часть просто уничтожена возникшими существенно позже пещер гигантскими каньонами. Пещеры не разгружаются в каньоны, а находятся ниже их русел и забирают из них воду. Безо всяких воронок, просто через щели. В процессе горообразования (пещеры на Кугитанге даже старше самих гор) известняк подвергся таким изменениям, что обычный карстовый процесс без участия сильных кислот их просто не берет, а кислоты нарабатываются уже только в пещерах. Обычные источники, расположенные у подножия хребта (Чинджирский, Аб-Даринский), тоже вывернуты наизнанку. В них выходит вовсе не вода пещер, а снеговая вода, поглощенная в верхней части хребта большими тектоническими разломами и прошедшая до подножия хребта вдоль этих разломов по трещинам под большим напором. Часть этой воды забирается у разломов соседними пещерами, поэтому возникает парадокс — чем крупнее источник у «оголовка» разлома, тем меньших размеров пещеру следует ожидать в непосредственной близости от этого разлома. Вода же, забранная пещерой у разлома и у каньонов, появится только в подгорных провалах. Подчас на расстоянии километров от «ограбленного» источника.

Добавим крайнюю техническую сложность поиска, когда приходится скакать вверх-вниз по совершенно отвесным стенам каньонов до нескольких сот метров глубиной и по уступам в руслах каньонов, тоже подчас достигающим сотни метров. Например, расположенный в самой посещаемой части Кугитанга каньон Булак-Дара не опоскован совсем. При расстоянии от его верховьев до «устья» всего пятнадцать километров, длина по

руслу составляет свыше пятидесяти, к тому же вдоль русла имеется несколько десятков уступов, совершенно непроходимых без снаряжения. А спусков в каньон на всем его протяжении — всего четыре. Во всех остальных местах — отвесные стены высотой от ста до четырехсот метров. Причем в середине семидесятых годов, до начала развития спелеологии на Кугитанге, путь от равнины до середины Булак-Дары был — несколько новых уступов, отрезавших всю среднюю часть, появились буквально у всех на глазах в результате мощного дождя: подмытые и рухнувшие со стен глыбы заклинились между стен вблизи дна и стали препятствием для глыб поменьше и гальки, несомых по каньону селевым потоком. Один час — и готов водопад шестидесяти метров высотой, да еще и с нависающим козырьком.

Еще одно осложняющее обстоятельство — практическая невозможность получения реальной помощи в поиске со стороны местного населения. На том же Кавказе любой охотник или пастух немедленно покажет все подозрительные дыры в пределах своих угодий. В средней Азии, причем не только в Туркмении — нет. И не по злой воле. Наоборот, местное население чрезвычайно добродушно, гостеприимно, и готово оказать любую посильную помощь, но пещер они не знают. Горы в Средней Азии по сравнению с тем же Кавказом не в пример серьезнее и опаснее, а потому — местный охотник гор боится. Охотник или пастух, прокладывающий новую тропу — явление чрезвычайно редкое. Таких знают по именам далеко за пределами своего кишлака и помнят столетиями. А все остальные никогда не сойдут с известной тропы, даже будь она заведомо сложнее, чем соседний путь по «целине». Возможно, здесь больше даже не страха, а уважения к чужому труду. Тропа — творение человека, точно так же, как сложенный около родничка очаг и положенный рядом с ним кумган.³² В горах почтение к таким пусть и минимальным следам человеческой деятельности необычайно велико. В любом случае плодотворное сотрудничество с охотниками — вещь чрезвычайно редкая, и потому, при удаче особо ценная.

И, пожалуй, самое главное «отягчающее обстоятельство» — наличие огромных, красивых и не до конца исследованных пещер системы Кап-Кутан. Неудачный поиск, а другим он как правило и не бывает, уже через пару дней вызывает желание его бросить и перебазироваться в какую-нибудь из главных пещер. В частности именно поэтому — чтобы иметь возможность быстро перебазироваться — свыше девяноста пяти процентов всех поисковых выходов производятся на территории водосбора системы Кап-Кутан, уже осмотренной не раз, не два, и не три. Другие пещерные системы Кугитанга, а их более двадцати, причем в трех из них уже есть небольшие исследованные фрагменты, так до сих пор и ждут своей очереди.

По всем этим причинам поиск новых пещер на Кугитанге чрезвычайно редко бывает успешным. Забавно, но даже когда вокруг Кугитанга уже возник спелеологический бум, в 1983 году, экспедиция из Челябинска, работавшая на соседнем хребте Байсунтау и организовавшая трехдневную поисковку на Кугитанге, отметила в своем отчете, что на Кугитанге пещер нет и быть не может за полным отсутствием карста. Это, конечно, крайний случай. Но — до сих пор нахождение новой пещеры на поисковом рейде является скорее исключением, чем правилом. И тем самым поисковые выходы и экспедиции устраиваются скорее как дань традиции, чем в серьезной надежде что-либо найти. Но в то же время поисковые операции бывают интересны до чрезвычайности. А еще — те из них, которые проводятся все-таки за пределами системы Кап-Кутан, часто оставляют небольшие, но многообещающие пещеры, как правило никем и никогда по второму разу не посещаемые и постепенно уходящие в забвение.

Между прочим, последний тезис имеет вполне глобальный смысл во всей спелеологии, а в Кугитангской — вдвойне. Практически каждая вторая «новая» пещера когда-то и кем-то уже была найдена и затупикована, и только спустя годы пала под свежим взглядом новых людей. Если под землей мы имеем дело со сплошной *terra incognita*, то сам вход в пещеру

---

³² Тип чайника.

все-таки относится к миру подлунному, в котором нехоженных мест уже столетия, как более или менее нет. Многие пещеры, серьезное исследование которых началось сравнительно недавно, уходят своей известностью во тьму веков. Я даже не имею в виду просто известность пещер как курьезных больших дыр. Хашм-Ойик был известен еще более полутора тысяч лет назад именно как грандиозный подземный лабиринт с чудом природы — гипсовыми люстрами, о чем даже было написано в своеобразной естественнонаучной энциклопедии своего времени — монументальном труде Диодора Сицилийского «Историческая Библиотека». И — прочно забыт на эти полторы тысячи лет.

В этой главе я, пожалуй, не буду рассказывать о технике, тактике или стратегии поиска пещер. Думаю также, что тех двух историй о нахождении пещер, ставших знаменитыми, которые я уже привел, вполне достаточно. Лучше я расскажу о нескольких наиболее интересных поисковых мероприятиях из безрезультатных, а также о нескольких найденных пещерах, выбивающихся из общего ряда, и, возможно, перспективных для будущих исследований. Главным образом — о «потерянных», или незаслуженно забытых пещерах. Так что эта глава будет, кроме всего прочего, и в некотором роде «путеводителем» для тех спелеологов, которые не удовлетворятся системой Кап-Кутан и захотят, приложив немало усилий, найти совершенно новую пещеру не меньших размеров, и — очень надеюсь — не меньшей красоты. Но — совсем другую.

* * *

Одна из самых интересных пещерных систем, обещающая быть не похожей ни на что другое на Кугитанге — система пещеры Ходжаанкамар. Геологически Кугитанг представляет собой единую антиклиналь — «выпуклую складку горных пород», осевая часть которой сработана поверхностной эрозией до нерастворимых горных пород — гранитов. Известняки, в которых могут быть найдены пещеры, тем самым сохранились только на крыльях складки, причем все известные крупные пещеры сосредоточены на западном крыле. Впрочем, их там и должно быть несколько больше — западное крыло сохранилось полностью, а от восточного остались только небольшие горки-останцы. Но это отнюдь не означает, что на восточном крыле больших пещер не может быть совсем, и потому периодически предпринимаются усилия по их поиску и там.

Единственная значимая пещера, которую до сих пор удалось найти на восточном Кугитанге — Ходжаанкамар. И эта находка, сделанная более пятнадцати лет назад, несмотря на две специально проведенных туда экспедиции, так до сих пор и вызывает ощущение незавершенности и неправильности.

В 1978 году, когда я еще работал в самоцветах, очередной начальственный идиотизм забросил наш поисковый отряд на восток Кугитанга. Деньги под геолого-поисковые работы выделяются, как известно, согласно площади поисков, и потому в проекте поисков на мраморный оникс фигурировала не только известняковая часть Кугитанга, а весь хребет. Все равно в главке никто разбираться не будет. Был даже такой случай: экспедиция затеяла составить сводную карту месторождений камнесамоцветного сырья на Памире площадью столько-то квадратных километров — и при перепечатке возник лишний нолик. А главк немедленно уцепился за такой масштабный проект и немедленно поставил его на контроль. Для того чтобы цифры сошлись, на карте Памира (административно — часть Таджикистана) оказался весь Таджикистан, вся Туркмения, почти весь Узбекистан, весь Афганистан, и по здоровенному куску Пакистана и Китая. Рисовали целый месяц всей экспедицией. Примерно то же произошло и в этот раз. Кто-то в главке таки заинтересовался проектом, и пришлось нам, беднягам, мотать сотни километров поисковых маршрутов на мраморный оникс по гранитным горам, где его в принципе быть не может.

Зато какое развлечение! Если западный Кугитанг — пустыня, то восточный — просто рай земной. Густые арчовые леса, ручьи, звери, птицы, регулярные дожди. Облака как бы застревают на Кугитангской стене, создавая на восточном склоне удивительно приятный и

мягкий климат. И никакой работы — описывай себе за каждый день пару сотен точек наблюдения, хоть никуда не выходя из лагеря. То, что на них сплошной гранит и никакого оникса — гарантировано. Впрочем из лагеря, конечно, выходили — по интересам. Кому охота, кому грибы, кому до кишлака за водкой. А мне — до ближайшей известняковой горюшки посмотреть на предмет пещер.

Последняя стоянка во время всей этой эпопеи была около кишлака Кызылалма. Громкая и вкусная. Громкая — потому, что леса там не было — только два абрикосовых дерева, растущих на берегу крошечного ручейка. А на этих деревьях обитала совершенно немыслимая колония цикад. Мне про такую и читать-то нигде не доводилось. Все ветви были покрыты цикадами в два-три слоя. Они дохли и сыпались вниз — слой дохлых цикад под деревьями достигал двадцати сантиметров! А звон живых был слышен за километры. Дохлые цикады периодически сметались ветром в ручей, и потому в нем обитало кошмарное количество рыбы. То есть традиционная аналогия с селедкой в банке не возникала только по причине исключительной мутности воды. Из каждой ямки размером не более обычной домашней ванны, вода между которыми еле перетекала тонкой струйкой, можно было руками набрать ведро крупных маринков. Объедение!

Поблизости от лагеря, ввиду отсутствия леса, делать было решительно нечего — жарко и скучно — и уже на третий день я спланировал экскурсию к известняковым горкам километрах в пятнадцати от лагеря, в которых, кроме всего прочего, согласно топопланшетам было три пещеры — две в одном ущелье, и третья — в другом.

Опять сработала интуиция, и я зачем-то взял с собой кроме света, фляжки и перекуса, еще и тридцатиметровую веревку с комплектом самохватов.

Первые две пещеры разочаровали. Они оказались просто гротами в стенках ущелья, и я так и не понял, что они делали на карте, на которой сотни других таких же гротов не отмечены. Сильно позже выяснилось, что раскопки в этих гротах (Гешикташ и Зарауткамар) в свое время принесли богатейшие археологические находки, вошедшие во все справочники, но я как-то никогда особо археологией не интересовался. Меня привлекали пещеры только такого размера, в которых первобытным людям делать было нечего.

Третью пещеру — Ходжаанкамар — я искал часа два, и так и не нашел. Пришлось идти в ближайший поселок, точнее строящийся пионерлагерь, и без особой надежды опрашивать местных. На удивление, хоть названия такого они и не слышали, но сразу сказали, что знают две больших пещеры далеко и одну маленькую рядом. И даже вызвались к маленькой провести.

Судя по всему, это была именно пещера, указанная на карте. Но она не была пещерой! Я уже пару раз проходил мимо нее. Представьте себе крошечную лужайку, на которой сливаются три ручейка. Между двумя из них лежит большая скатившаяся с горы скала, а под одной из ее сторон небольшая щель. В общем, совершенная безнадега. Чтобы не разочаровывать местных, пришлось попрощаться с ними и залезть в эту щель. Тем более, что жара далеко за сорок, и посидеть полчаса в прохладе совсем бы не помешало.

Полчасика не вышло. Как только глаза слегка привыкли к темноте, я обнаружил, что сижу в весьма небезопасной позе на краю семиметрового вертикального колодца. Все-таки неисчерпаема фантазия природы. Скала действительно просто свободно лежала, но лежала, застряв во входе пропасти!

На этот колодец снаряжения хватило, но за коротким коридором пещера обрывалась следующим таким же. А видимое его дно было небольшой площадкой на краю следующего, и существенно более глубокого. Из глубины тянуло отчетливым ветром.

Расклад становился интересным. Образование такой пещеры, к тому же сухой, прямо в вилке двух ручьев на расстоянии десятка метров от каждого было полным нонсенсом. Вертикальные пещеры прорабатываются потоком поглощаемой с поверхности воды, и ручьи должны были исчезать во входе. Единственная просматриваемая возможность — пещера старше ущелья, в которое уходят слившиеся ручьи, и раньше служила стоком для всей котловины. А ущелье образовалось только когда климат стал настолько влажным (такие

периоды в геологической истории местности были), что пещера перестала справляться со своими дренажными функциями.

Эта идея давала богатейшие возможности. Котловина, с которой ручьи собирали воду, имела размеры три на восемь километров. Пещера, монополюно обслуживавшая водосбор такой площади, должна быть реально огромна. К тому же ближайшие родники, через которые возможна была разгрузка, находились более чем в десяти километрах по расстоянию, причем километром ниже. То есть, вполне можно было ожидать глубокой вертикальной пещеры типа крупных кавказских, и впридачу — с перспективой на интересные и красивые натечи.

Из всех этих соображений я и пытаться не стал спускаться дальше, да и веревки не было, а по возвращении в Москву рассказал о такой интересной штуке Вятчину, как раз собиравшемуся на Кугитанг с группой студентов МФТИ. Но Вятчинская экспедиция тоже не прояснила ничего. Пещера прошла тремя стволами в одну и ту же галерею на глубине тридцати метров, и — затупиковалась полностью. Кроме единственной вертикальной щели вниз, расположенной поперек галереи, из которой только слегка тянуло воздухом, но расширить которую до проходимого габарита не было ни малейшей возможности.

Единственное, что оставляло надежду — тот факт, что все, описанное Вятчиным между первым и вторым колодцами, решительно не совпадало с первоначальной информацией. Даже складывалось устойчивое впечатление, что пещера расположена «крестом», с двумя перпендикулярными продолжениями со дна первого колодца, и мы с Вятчиным были в разных. Поперечная щель на дне подтверждала гипотезу о таком кресте, а не заметить узкий лаз наверху вполне было можно — дно колодца покрыто хорошо маскирующей все дырки прошлогодней листвой, которую мне и в первый раз пришлось разгребать.

Пришлось планироваться на экспедицию 1983 года так, чтобы выкроить хотя бы четыре дня на Ходжаанкамар. Это было не просто: пешком идти не хочется, дорога в объезд хребта — более ста километров проселка с очень редкими попутными машинами. Поэтому спланировали так, чтобы эту дорогу проезжать только в одну сторону — основная часть экспедиции забрасывается нормальным путем в главные пещеры, а мы малым составом сходим с поезда в Карши, едем двести километров автобусами и попутными, сравнительно удобно добираемся до Ходжаанкамара, и после завершения обследования переезжаем вокруг хребта на главные пещеры.

Это я все объясняю на предмет того, что сроду не было такой забавной заброски по принципу «коготок вытащил — хвост увяз». Главная идея состояла в том, чтобы на Ходжаанкамар попал компактный, но ударный состав — я, Бартенев и Степа. Причем Степе, как технарю, отводилась весьма существенная роль. Но — Степа есть Степа. Для начала он умудрился опоздать на поезд. До последнего момента, то есть до Карши, мы были убеждены, что Степа догонит самолетом и будет встречать нас на перроне. Чего не произошло, и потому пришлось, пока поезд стоит, переиграть Степу на Андрея Маркова, благо собрать рюкзак он мог быстро. Немедленно выяснился весь идиотизм затеи. Дело было в начале ноября, а в этот сезон во времена развитого социализма вся Средняя Азия собирала хлопок. Вплоть до водителей автобусов, которые, соответственно, не ходили. То есть, на коротких линиях они все-таки ходили один-два раза в день — ровно столько, чтобы мы не стали догонять основную группу ближайшей электричкой, а решили попытать счастья на перекладных.

Первые сто километров мы проехали относительно легко, но дальше застряли капитально. Как-то до нас не сразу дошло, что те автобусные маршруты, которые действовали, были внутриобластными, а нам предстояло пересечь границу двух областей. И вот там-то не ездило уже совсем ничего. Час сидим на обочине, два сидим, три сидим, четыре сидим. Появляется Степа. Опоздавший и на самолет, а потому добиравшийся перекладными самолетами аж через Ташкент. Час сидим, два сидим. Ура! Автобус! Дальний! И места есть. Маркова, правда, нет — пошел искать туалет с полчаса назад. Держим автобус. Десять минут держим, двадцать минут держим. Нет Маркова. Шофер дальше ждать уже

никак не может. Ладно. Хрен с ним с Марковым, догонит. А его рюкзачок для стимула заберем. Поехали.

Идея насчет рюкзачка была не лучшей. Когда автобус нас сгрузил в десяти километрах от пещеры, мы это поняли быстро. Попутку ждать оказалось безнадежно — тот же хлопок, втроем с четырьмя стратегическими рюкзаками тоже далеко не уйти, так что все равно придется Маркова ждать. Спелеология резко отличается от других разновидностей путешествий именно количеством груза — снаряжения и света нужно очень много. Если экспедиция сложная, перетаскивать все приходится в несколько ходок, а если простая — со своим рюкзаком еле-еле, а уж любой добавочный вес будет тем самым последним мешком, который ломает спину ишаку. В образе человеческом.

И так всю дорогу! И на пути до пещеры, и на пути последующей переброски к главным пещерам, мы всего километров двадцать ехали вместе. Остальное время — то втроем, то попарно, то поодиночке. То кто-нибудь отстает, то в попутке места мало — цирк, да и только.

А пещера так ничего нового и не показала. Вероятно, идея все-таки была верна — ход был не тот, а чуть ли не половина торчавшей во входе скалы осела на дно первого колодца и полностью погребла под собой «тот» ход. Идея с подпруживанием была тоже верна, хотя и не совсем. На натеках — совершенно экзотической разновидности кораллитах — было отчетливо видно, что в некоторый момент в пещеру пошли восходящие гидротермальные воды, и она превратилась в горячий источник, прекратив дренировать котловину и вызвав образование ущелья и ручья. Единственное обнаруженное продолжение, потребовавшее двух дней на расширение узкой дырки кувалдой и реквизированным в пионерлагере ломом, заткнулось очень быстро. Больше всего жалко тех акробатических этюдов, под которые исполнялся этот долбеж. Рубиться пришлось, держась в трех метрах над полом в широком распоре — одна нога в одну стену, другая в другую, практически на шпагате, лом в руках. Любой циркач позавидует! Поиск других входов по окрестностям тоже ничего не дал, да и не мог дать — согласно механизму образования пещеры, больших притоков в верхней части она иметь не должна. Так и осталась маленькая пещера Ходжаанкамар, под которой, возможно, скрывается одна из крупнейших пещер Кугитанга.

* * *

Одна из старейших известных на Кугитанге пещер — пещера Прелесть, найденная еще Ялкаповым, тоже совершенно не заслуженно оказалась в разряде забытых. А зря. Возможно, эта пещера является «окном» в самую северную, самую высотную и самую большую подземную гидросистему хребта.

Известная часть пещеры невелика — шестидесятиметровая наклонная шахта, проходима даже без навески и приводящая в большой зал, отгороженный от всего дальнейшего грандиозным завалом, из щелей которого обычно дует мощный ветер. В зале был единственный натек — сталагмитовый «холм» пятиметровой высоты. Был — потому, что до него добрались самоцветчики, а добравшись — извели на оникс. А заодно с натеком, похоже, уничтожили и третью на Кугитанге пещерную стоянку первобытного человека. Во всяком случае, когда натек был сработан, уже в Душанбе при разборке материала в блоках из нижних слоев натека были обнаружены включения древесного угля. Возраст натека измеряется во всяком случае не менее, чем десятками тысяч лет, так что костер был с гарантией древний.

Никакой достоверной информации о дальнейших исследованиях этой пещеры (после ухода самоцветчиков) нет. По слухам, какая-то из самаркандских групп, не публикующих своих результатов, прокопалась в одном из возможных направлений сквозь завал и вышла на фрагмент верхнего этажа протяженностью около двух километров. Причем без ветра, то есть не главный. Больше никто в Прелести не был и ни подтвердить, ни опровергнуть информацию не может. А та самаркандская группа быстро распалась, и никого из нее так и

не удалось найти.

* * *

Еще одна крошечная, но многообещающая полость — пещера Штаны, расположенная в каньоне Шильвы немного ниже урочища Кушум-Чак. Как и Ходжаанкамар, она потребовала трех посещений, и так ничего и не прояснила. Название ее проистекает из глубокого соответствия внешнего вида и внутреннего содержания — дырка в стене каньона, строго выдержанная в форме жопы, ведущая в зал, из которого идет две почти вертикальных «штанины», каждая из которых заканчивается зальчиком опять же в форме башмака. И больше — ничего. Пока.

Начать с того, что по своему расположению это — одна из самых многообещающих полостей. Вспомним про уже упоминавшееся явление — транспортировку снеговых вод с верхнего плато вдоль специального вида разломов, и перехват этих вод пещерами. Как следствие такой нестандартной гидрогеологии, прорисовывается, пожалуй, единственная серьезная закономерность расположения крупных пещер на Кугитанге. Опять-таки я уже упоминал, что пещеры эти — древние, существовавшие еще до подъема гор. Устояли при подъеме они по единственной причине — полной забитости глинистыми отложениями. И именно воды, перехваченные у разломов, и отмывали их от древних глин. То есть — наиболее отмытые объемы должны располагаться вдоль транспортирующих разломов с той стороны, в которую идет перехват. А именно — с запада, куда наклонены и плато, и пласты известняков. Причем закономерность эта тем более важна, что транспортирующие разломы являются до сих пор активными взбросами, и по этой причине они прекрасно выражены в рельефе. Каждый такой разлом трассируется по поверхности плато цепочкой небольших пригорков, с любого из которых вся остальная часть разлома видна как на ладони. Между прочим, вполне официальное название расположенного немного выше пещеры Штаны пастбища с летовкой — Кушум-Чак — проистекает ровно отсюда. Урочище заметно со всей равнины именно по двум таким пригоркам, подсеченным каньоном и имеющим вполне ассоциирующуюся и запоминающуюся форму. Для справки. Кушум-Чак по узбекски — не вполне приличное слово для обозначения женского бюста.

Пещера Штаны расположена как раз «под крылышком» у одного из крупнейших таких разломов — Аб-Даринского, имеющего очень большую площадь водосбора и очень маленький нижний источник. А кроме того, у пещеры весьма многообещающий вход.

Одна из главных проблем поисковой спелеологии на Кугитанге состоит в том, что главные этажи пещерных систем расположены существенно ниже русел разломов. «Нелюбовь» пещер Кугитанга к вертикальным соединениям между этажами, совершенно необъяснимая с точки зрения науки, практически исключает все варианты соединения пещер с поверхностью «дорастания» обвальных залов до днищ каньонов. А так как обвальный зал — штука низкая и с очень зацепистым за счет глыб полом, время жизни образовавшегося таким образом входа — только до ближайшего селя. Дальше он намертво блокируется притащенным по каньону каменным материалом.

Проходимые для человека входы образуются в единственном случае — если в большом зале (много шире каньона) одноразовым образом сел завал такого размера, что его кровля оказалась много выше дна каньона. В этом случае можно, в некоторых случаях, впрочем, с подкапыванием, спуститься вдоль завала — селевые потоки до его верха не поднимаются и не забивают щелей. Разумеется, какой-либо зал может вообще прорасти мимо каньона — на поверхность плато, но устроенный таким образом вход на всем массиве только один — Хашм-Ойик.

Пещера Штаны устроена именно наилучшим образом — вход в стенке каньона, причем не бешено высоко, спускающийся сразу ниже русла и в сторону от русла каскад колодцев и наклонных галерей, заложенный как раз по кровле завала.

И, наконец, последнее достоинство — то, что пещера имеет шансы распространиться

сразу на обе стороны каньона. Чуть ли не главная проблема первопрохождений — то, что каньонов очень много, фрагмент любой пещеры в каждом межканьонном блоке всегда мал, а под каньонами пещеры обычно тупикуются — перекрываются обвалами, галькой, глиной, и это понятно. Из десятка подходящих к каньону галерей дай Бог, если одна пройдет под ним, да и то скушав одну или две экспедиции на раскопки.

Только в последние годы мы, наконец, поняли, что существует чрезвычайно простой способ оценить шансы пещеры на проходимое пересечение каньона — посмотреть на сам каньон. Если в точке предполагаемого прохода пещеры каньон «разваливается», имеет плоское галечное дно — крест можно ставить сразу. Широкий каньон с плоским дном свидетельствует об ослабленной зоне, в которой завалы и встречаются чаще, и из более мелкой дряни состоят, а такие почти всегда непроходимы. Кроме того, в плоском дне почти всегда скрываются щели и провалы, по которым галька засасывается в пещеру и забивает ее полностью.

Совсем другое дело, когда каньон — узкая щель, а дно идет уступами из отполированного водой камня. Если под таким местом пещера и будет завалена, то это будет крупноблочный, а следовательно — проходимый завал. И никакой гальки, возможно, не будет.

Буквально тремя метрами ниже входа в Штаны каньон приобретает именно такое поведение, притом — чрезвычайно ярко выраженное. И если пещера там есть, а ее главные направления совпадают с главными направлениями других пещер этого участка плато, она попытается пересечь каньон именно в этом месте.

С первого подступа пещера, найденная мной в 1977 году, особого интереса не вызвала. Все вышеизложенные соображения стали появляться много позже, а тогда пещера была просто одной из сотен маленьких полостей. Разве что она была не совсем затупикована. Одна ее штанина была глухая совершенно, но другая выводила в широкую наклонную щель, засыпанную мелким щебнем, по которой можно было спускаться в десятке разных мест. Но везде — вниз головой, впритирку, разгребая щебень перед носом, и каждую секунду ожидая, что нога нечаянно столкнет одну из нагретенных куч себе же на задницу. То есть, оно, конечно, не совсем закопает, но на выскребание могут уйти часы. Поэтому при первом обследовании меня хватило только на спуск по одному из маршрутов, уткнувшись в стену.

Вторая попытка спланировалась сама собой. В 1981 году спелеосекция МЭИ устроила недельную поисковку с лагерем на Кушум-Чаке, и пещера попала в поисковый радиус, а потому — подлежала перепроверке, которой и занялся Миша Переладов, на чьем участке она оказалась. Переладов, несмотря на некоторое раздолбайство, впрочем, характерное для абсолютного большинства спелеологов, один из наиболее серьезных в моем окружении исследователей, поставляющий только абсолютно достоверную информацию. Так что, несмотря на строго противоположные результаты третьей (Войдаковской) попытки, я предпочитаю держать за достоверные именно Переладовские данные.

Итак, Переладов, спустившись в щель по другому маршруту, оказался перед узким очком. Из очка дул сильный ветер, просунув руку, можно было прощупать расширение, и — колодец, в который камень падал достаточно долго, заведомо достигая уровня главного этажа. Можно было попытаться раздолбить очко кувалдой — для этого требовалась пара-тройка часов с упреждающими двумя днями на выкапывание в щебне углубления достаточного размера, чтобы этой кувалдой можно было размахнуться. Что и было решено начать уже со следующего дня.

И сорвалось ввиду несчастного случая. В тот же день Переладов, вылезая из пещеры, пошел пройти дальше вниз по каньону и на одном из сливов сделал совершенно дурацкий ход — навесил лестницу за чей-то старый скальный крюк. И, конечно, сорвался. Пролетев метра три вниз головой, приложился к выступу стены, на чем расквасил морду. Но зато перевернулся, и еще пятью метрами ниже совершил достаточно мягкую посадку на задницу.

Забавнее всего были последствия. Пару часов отлежавшись, Миша встал, влез на слив по скале, и сам дошел до лагеря. Где, правда, залег на весь остаток поисковки, а

экспедиционные дамы кормили его кашкой через трубочку.

Скрытые возможности человека поистине удивительны. Вставший через неделю Миша уговорил остальных членов группы провести переброску на главные пещеры не по дороге, а напрямик — с пересечением каньона Булак-Дара. Три дня сложнейшего скалолазания, да еще со спелеологическими полстакилограммовыми рюкзаками привели его в полную форму, и до самого конца экспедиции он опять вкалывал наравне со всеми, а подчас и поактивнее. Подозрения, что не все в порядке, возникли только по приезде в Москву, когда Миша наконец задумался — почему морда зажила, ребра тоже не болят, а задница побаливает. На чем и пошел в травмпункт. Откуда его категорически не хотели выпускать и часа два подряд пытались убедить его, что вся экспедиция ему просто приснилась — человек с подобным переломом головки бедра ходить вообще не может.

Третью попытку сделал через пару лет Женя Войдаков. Как человек основательный, немного военный, и по одной из своих многочисленных специальностей — взрывник, решил он обойтись без кувалды, зато захватить немного взрывчатки. Взрывчатка была самодельная, пластичная — шпуры бурить было нечем и предстояло действовать накладными зарядами. Специальность взрывника нужна была в основном именно для расчета накладных зарядов — изготовить взрывчатку может любой дурак, немного знающий химию, и взрывать с пробуриванием шпуров — тоже.

Добравшись до пещеры, Женя решил сначала испытать все вместе на поверхности — заряд, детонатор и шнуры. На чем и выяснилось, что взрывчатка все-таки не работает. Как оказалось, дело было в аммиачной селитре. Завод, выпускающий ее в качестве удобрения, освоил новую технологию гранулирования с оплавлением гранул. Оформленная таким образом селитра в почве растворяется не сразу, а в течение пары месяцев, растягивая процесс на весь период вегетации, что гораздо эффективнее. Зато для взрывчатки она оказалась совершенно непригодной — оплавленные гранулы пропитываться соляром отказались.

Расстроенный срывом Войдаков в пещеру все-таки полез. И не нашел Мишкиной дыры, хоть и облазил весь периметр трижды. Скорее всего, он сам ее и завалил щебнем, хотя возможно, что просто понимал под периметром нечто иное — щель сужается постепенно, Войдаков малость потолще Переладова, да и после такого камуфлета со взрывчаткой особого рвения от него тоже вряд ли можно было ожидать. В любом случае, оснований не верить Переладовской информации все-таки нет.

В отличие от других забытых пещер, попытки раскрутить Штаны не прекратились — с периодичностью в пару лет то одна, то другая группа включает оную пещеру в свою поисковую программу, но все эти попытки пока глохли в зародыше. Все они планировались с одновременным охватом Безымянной, Дальней и Штанов. И, так как Штаны располагались несколько дальше от лагеря, чем две другие пещеры, а Безымянная и Дальняя к тому же шли, до Штанов в итоге так никто и не добрался. Хотя даже от входа в Кап-Кутан Главный до Штанов можно дойти пешком всего за день.

* * *

Последняя из сильно перспективных пещер, информация о которых достоверна — Безымянная Вторая. Она же — единственная пещера из этой категории, уже имеющая размеры, сопоставимые даже с Кап-Кутаном, и она же — единственная не затупикованная даже в первом приближении.

Найдена она в 1984 году группой красноярцев под руководством Шахматовой в верховьях каньона Аб-Дара, и расположена тоже «под крылышком» интересного разлома, питающего Чинджирский источник. Причем это — единственная известная полость в Чинджирской гидросистеме. Красноярские спелеологи вообще народ суровый, но здесь явно превзошли себя — нашли в однодневном поисковом выходе пещеру, расположенную от равнины, где они стояли лагерем, в пятнадцати километрах. И с более чем километровым превышением. И с подходами по каньону с несколькими десятками сливов, на

которых приходится применять скалолазание, причем в двух случаях — сложное. С битьем крючьев и навеской перил. Практически ни один нормальный человек не пройдет за день в два конца такой маршрут, тем более с ненулевым грузом. А они не просто прошли — просмотрели несколько десятков потенциальных входов, а в этой пещере — еще и оттопосъемили полтора километра.

По всей видимости, такой выход доломал даже могучих красноярцев, потому что больше они в эту пещеру так и не пошли. Что вообще-то удивительно — первопроходец, нашедший пещеру и не затупиковавший ее, обычно просто обречен возвращаться туда снова и снова, пока она не кончится — психология у людей такая. Тем не менее, красноярцы не вернулись.

Пещера во многом непонятна. Огромный обвальный зал, соединяющий вместе лабиринты не то трех, не то четырех этажей сразу. Нехарактерное заложение пещеры выше дна каньона. Огромное озеро с сифоном в конце, в десятки раз превышающее по своим размерам все озера пещер Кугитанга кроме, разве что, озер в гипсовых провалах равнины. Причем расположенное на расстоянии менее ста метров от стенки каньона. Как вода из него не выливается в каньон по трещинам — а там ее нет ни капли — совершенно не укладывается в голове. Кучи мумифицированных трупов горных козлов по всему главному залу. В той же Вертикальной это понятно — упали в колодец-ловушку, как в тысячах других пещер по всему миру. Но здесь-то пещера горизонтальная!

Традиции Кугитанга из каких-то неведомых соображений гласят, что пещера посещается либо один раз, либо три, либо много. Безымянная Вторая, так же, как и предыдущие, описанные в этой главе, вынесла еще две попытки посещения, правда одна из них была неудачной.

Неудачной была Вятчинская. Долго он допрашивал красноярцев о точной привязке, забрасываясь с кучей снаряжения и большой командой мало не трое суток, и — пещеру не нашел. То есть он однозначно и безо всяких сомнений дошел до последнего поворота, за которым на склоне должен был быть виден хорошо опознаваемый вход. Собственно, все так и было — с поправкой на то, что на указанном склоне чернелась чуть ли не сотня совершенно однотипно выглядящих дыр. И никакой беды бы не было, если бы это были просто гроты — на то, чтобы осмотреть их все, Вятчинской команде хватило бы дня, так ведь почти все они оказались именно пещерами. Длиной от пары десятков до полутора сотен метров. То есть совершенно неоднозначные, и в большинстве своем требующие топосъемки. На чем и пролетели три выделенных дня, а до пещеры, имевшейся в виду, очередь так и не дошла.

Следующим в Безымянную Вторую двинулся Кутузов. Ожидать от него серьезного исследования было нельзя — не тот он был человек, но после Вятчинской неудачи нужно было срочно подтвердить или опровергнуть информацию красноярцев. Кутузов подтвердил, найдя пещеру по той же привязке без малейших проблем и точно выйдя по топосъемке к сифону, который его и интересовал в первую очередь (как подводника). Запланированной второй попытки, уже с аквалангами, он сделать не успел, разбившись на дельтаплане, что вообще-то было даже не просто жалко, но стало очень большим ударом по всему движению в защиту пещер Кугитанга. Будучи местным жителем, и тоже пройдя весь путь от профессионального грабителя пещер до спелеолога (правда, грабил он только пещеру Фата-Моргана в Гаурдаке, с самого открытия обреченную на полное уничтожение серным карьером), он стал одним из самых активных борцов за сохранение пещер Кугитанга, способным даже на то, чтобы ради этого потерять работу — после самоблокады в Геофизической его уволили за прогулы.

А пещера — так и ждет следующего исследователя.

* * *

Естественно, вышеописанными полостями интересные и перспективные участки

массива не исчерпываются. Так, я практически совершенно не упоминал о системе пещер Летучая Мышь — Безымянная, а также о Дальней, исследование которых хоть и медленно, но продолжается. Не упоминал я и о приблизительно десятке перспективных дыр, ведущих в неизвестные части системы Кап-Кутан — рано или поздно, но до них обязательно доберутся.

Не упоминал — специально. По моему разумению, гораздо интереснее полости, относящиеся к принципиально новым пещерным системам, и даже не только потому, что они зачастую таят в себе различные сюрпризы. А пишу я эту главу с мыслью не только поразвлечь читателя, но и немного сориентировать тех, займется пещерами Кугитанга в будущем. И вот здесь зарыта собака, причем не мелкая. Если спелеолог или группа слишком сильно привыкли к какой-то одной системе пещер, они не могут эффективно действовать в другой. Каждая система индивидуальна, и излишняя привычка может «зашоривать». В то же время для нахождения нового продолжения в хорошо известной системе ее нужно не просто знать, но и чувствовать, что нарабатывается годами. Новая в регионе спелеологическая группа имеет гораздо больше шансов на успех в новых же системах, подчас больше, чем давно работающая на Кугитанге. И наоборот — имеет сильно мало шансов в системе Кап-Кутан. То есть — для всякой новой группы выбор стратегии, заниматься ли Кап-Кутаном, или искать свое, возможен лишь в самом начале. Разумеется, если хочется, чтобы стратегия была эффективной.

Итак, в предлагаемом варианте стоит начать с чистого поиска, лишь изредка разбавляемого экскурсиями в основные пещеры массива. Который и сам по себе, особенно в высокогорных частях хребта, может доставить массу удовольствия. Природа Кугитанга совершенно потрясающая, особенно весной. На нижнем плато — ранней, на верхнем — поздней. Необозримые поля тюльпанов, реликтовые арчовые леса, глубокие отвесные каньоны, богатейший животный мир. За один дневной выход можно отнаблюдать до десятка прелюбопытнейших ситуаций. Например, метрового варана, упавшего в колодец и не могущего выбраться. Тот, кто видел варанов только в зоопарках, не видел их совсем. В зоопарке это неповоротливая, серая и некрасивая ящерица. В природе — могучий зверь с шелковистой, переливающейся всеми цветами радуги кожей, под которой играют стальные мускулы. Или — отбившуюся от стада и заблудившуюся овцу, около которой уже сидят в ожидании ее смерти несколько сов и грифов. Надменно плюющих на все попытки их отогнать. Не говоря уж о черепахах, змеях, зайцах и прочих куропатках. Как вариант — падающих с неба. Это не в порядке анекдота. Бомбометание килограммовыми черепахами по приبلудным спелеологам вполне входит в привычки орлов, сам разок еле увернулся. Никогда до Кугитанга не приходилось мне видеть синюю птицу, оказавшуюся совсем даже не сказочным персонажем, а вполне реальной и очень красивой животиной. Причем с привычкой кружиться над головой у путника. А один раз даже довелось увидеть на свежем снегу около палатки следы леопарда.

К тому же среди местных охотников бродят устойчивые слухи о присутствии на Кугитанге животных, не известных науке. И не стоит ухмыляться — ишь, куда, мол, занесло. Например, слепой голец — реальность, так почему бы не оказаться реальностью и черному варану, которого якобы видело довольно много охотников? В моем активе тоже есть встреча со змеей, определить которую я не берусь, хотя и кое-что в этом понимаю. То есть я абсолютно уверен, что это не была ни одна из змей, описанных для нашей страны. Но для более точного определения не хватило времени — мы столкнулись нос к носу в узком лазе, и я был слишком озабочен тем, как бы удрать. А на первый взгляд, какой ахинеей это ни кажется, она была похожа на американских гремучих змей — размером с хорошую гюрзу, она лежала, свернувшись в клубок и выставив вертикально вверх хвост с отчетливо видимой погремучкой. И — именно трещавшей. Причем треск я слышал еще до залезания в шкурник, но принимал его за треск иголок дикобраза, следов которого в этой пещере хватало.

* * *

И, наконец, последнее, что привлекает в поисковых идеях на Кугитанге — обилие легенд, причем периодически подтверждающихся. Я имею в виду не исторические легенды, связанные с пещерами — их в традициях местного населения просто нет, хотя ни один местный житель в этом не признается и сочинит на ходу хоть десяток. Я имею в виду легенды спелеологические, причем в большинстве своем базирующиеся на фактах. О том, как недавно умерший пастух показал недавно порвавшему с пещерами спелеологу 140-метровой глубины колодец. О том, как в середине семидесятых к устью каньона Аб-Дара каждое воскресенье подъезжал газик с коллекционерами, они на день уходили в горы и возвращались с ярко-красными гипсовыми люстрами. О том, как в начале семидесятых Ялкапов привозил в пещеры массива японских кинематографистов, а спустя несколько лет лампочки с иероглифами на цоколе обнаруживали около узких входов в самых разнообразных каньонах. И вообще о том, сколько пещер, найденных Ялкаповым, он же и закопал, увидев, во что самоцветчики превращают пещеры. И многие, многие другие.

Причем для меня именно проверка такого сорта легенд и представляет наибольший интерес. Если идешь к известному входу, особенно если его нужно копать, не наступает полного раскрепощения души — конкретность цели не дает в полной мере наслаждаться пейзажами и природой. Идти по легенде — дело другое. Здесь цель одновременно и достаточно расплывчата, чтобы не мешать всему остальному, и достаточно конкретна, чтобы мероприятие не выродилось в пустую прогулку. И — да здравствуют слегка сумасшедшие, как и сама спелеология, предприятия!

НУЖНО БЫТЬ ЗЕЛЕНЫМ ЗМИЕМ

Это была какая-то акушерская спелеология...

Норбер Кастере

— Здорово, мужики! А у вас нынче что — вечер или утро? И как, клещи еще не заели?

— Ходят тут всякие, будят... Чаю хотите?

Этим диалогом началась, пожалуй, самая продуктивная из моих экспедиций в Промежуточную после ее первопрохождения — экспедиция весны 1988 года. А диалог произошел, когда мы с Володей Детиничем и Леной Миньковичем подошли ко входу в пещеру и с удивлением обнаружили лагерь группы Свистунова во входном гроте вместо предполагаемого его местоположения полукилометром ниже по каньону. Была ранняя весна, жара еще не особенно донимала, программа у Свистунова была без серьезных раскопок, с экскурсионной пробежкой по главным пещерам, так что подземного лагеря ставить и не предполагалось. Но лагерь во входе?

Завязка со Свистуновым была не случайной — в его экспедиции участвовал первый в истории Кугитанга импортный исследователь, причем минералог — сотрудник Софийского музея «Земля и Люди» Мартин Трантеев. Так что перехват его на последние два дня экспедиции в нашу группу был вполне запланирован.

Планы о двух днях рухнули немедленно. Мы собирались заняться западной частью Промежуточной, сепулять лагерь до Антолитового зала было полной ерундой, и потому немедленно после его постановки устроили экскурсию в открытый несколько лет назад неподалеку от этого лагеря район ОСХИ.

ОСХИ — самый нетипичный район во всей системе как по своему устройству, так и по тому, что в нем растет, а в особенности — по способам ползания и лазания, которые нужно применить, чтобы туда добраться. В начале это — мини-вариант Свинячьего Сыра, чуть поуже, чуть покороче, чуть менее грязный — но со строго той же сутью. Хорошо, хоть ползти надо без сепулек. Сразу за ним — зал Двухэтажный. Совершенно не понимаю, почему Степа его так назвал — этажей в нем существенно более двух, но — это право первооткрывателя. К тому же все подобные названия неверны по традиции. В Кап-Кутане Главном имеется зал, названный Ялкаповым Залом Двух Колодцев. В нем имеется два зала и

три колодца. Найденный Вятчиным, и тоже в Промежуточной, зал Трех Колодцев содержит этих самых колодцев уже не менее восьми. А Двухэтажный действительно устроен оригинально. Основные его объемы распределены по трем параллельным наклонным щелям, нижняя из которых наполовину засыпана всякой мелкой дрянью. В дополнение к щелям в зале устроена пара десятков сферических камер, соединяющих щели между собой, а северная и западная части зала плавно переходят в громадный завал. В результате ни с одной точки месте этот, в общем-то большой и единый зал, не смотрится ни большим: ни единым объемом, и первоначально он даже определялся не как зал, а как лабиринт. Зал чрезвычайно красиво раскрашен всевозможных ярких оттенков пушистыми глинами, а в отдельных углах — пообрастал всякой экзотикой типа стеклянно-прозрачных гипсовых антолитов. Не говоря о высыпках древнего густо-фиолетового флюорита, нигде, кроме этого района пещеры не известных. К слову. Даже среди геологов мало кто знает, что один из первых литературных ужастиков — Конан-Дойлевский «Ужас расщелины Голубого Джона» — был написан под впечатлением от посещения сходного места. Blue John — реальное название фиолетового флюорита, росшего в одной из английских пещер, и добывавшегося сто лет назад в качестве поделочного камня. Насколько я понимаю, Кап-Кутан — вторая пещера в мире после пещеры Голубого Джона, в которой флюорит встречается в значимых количествах.

В дальнем левом углу зала начинается собственно проход в ОСХИ, и начинается он узкой трещиной в потолке, которую не просто углядеть и до которой еще менее просто добраться. А добравшись — нужно поосновательнее распереться и метров тридцать двигаться по горизонтали, потому что вниз трещина смыкается. Причем лезть нужно в неудобном распоре плечо-локоть. Такой метод передвижения как-то не характерен для системы Кап-Кутан и скорее ожидается где-нибудь в лабиринтах Подолии, но — пути пещеры неисповедимы. Постепенно в трещине появляется пол, и даже начинают появляться натеки. Одновременно гипсовые и кальцитовые, причем весьма разнообразные. Наконец, впереди — проломленная Степой стенка из гипсовых кор, начисто перекрывавшая проход, и — первый зал.

Зал тоже не похож на «обычный» Кугитанг — сводчатой формы, без обвальных отложений на полу, без цветных глин на стенах — словом, пещера как пещера. И даже экзотические натеки приобретают более привычный вид, начиная удивлять только при более близком рассмотрении. Сталагмиты оказываются очень хитрой структуры гипсовыми кустами — кристалликами, большой сталактит на потолке — вытянутым сверху вниз сплетением геликтитов. Наступить практически не на что. Весь пол порос чем-то очень красивым, и идти приходится след в след, благо это возможно — не нужно балансировать или карабкаться.

И сразу следующий сюрприз в виде слегка наклонного щелевого колодца длиной метров десять, шириной полтора и глубиной около восьми. Спускаться в который нормальным образом, повесив лестницу или веревку, нельзя — внизу совершенно замечательные гипсовые заросли. Единственный приемлемый путь — спуск в распоре до половины глубины, горизонтальный траверс в распоре же метров на семь вперед, и — окончательный вертикальный спуск. И вся эта акробатика принципиально без страховки — все равно сорвавшемуся, если жив останется, поотрывают яйца за угробление экстраординарных красотей, а до них он и со страховкой долетит. Так зачем в таком разе путаться в какой-то страховочной веревке?

А внизу начинаются чудеса, и именно того сорта, которые больше всего нравятся. Точно такие же интерьеры из гипсовых сталагмитов, колонн и люстр, как в гигантских залах Хашм-Ойика или Геофизической, но — пропорционально уменьшенные до «комнатных» габаритов. Десятиметровая галерейка чуть ниже человеческого роста и метра полтора шириной оставляет не меньше впечатлений, чем любой большой зал.

Дальше — больше. Зал, чрезвычайно похожий на один из залов разгромленного лабиринта Великолепие. Озера. Причем — с гипсовыми заберегами, чего в природе быть не должно: гипс слишком уж легко растворимый минерал, чтобы давать такие формы, как

забереги. Опять галерея гипсовых люстр, к тому же поросших розетками удивительно крупных и удивительно насыщенного голубого цвета кристаллов целестина.

Галерея, вдоль обеих стен которой идут сплошные хитросплетения метровых псевдогеликтитов, а в самом большом их кусте сверкает сросток кристаллов до сих пор не определенного минерала.

Последний зал. В нем слилось все — возможное и невозможное. В одном углу торчит гигантский «бубен» — тарелкообразный натек, растущий при высачивании раствора из трещины под большим напором, в другом — гипсовые люстры (требующие абсолютной сухости) растут поверх кальцитовых кор и кристаллов явно подводного роста, в третьем — густые заросли всех тех же, а заодно и совсем других, геликтитов. Причем все это в сравнительно небольшом объеме — зал имеет диаметр не более десяти метров и высоту метра четыре.

А дальше — лабиринт узких лазов, в которых приходится извиваться между кустами геликтитов, приводящий в маленькую дальнюю камеру, ставшую на две последующих экспедиции чуть ли не главным фронтом раскопок. Дело в том, что в массивном натечном полу камеры была небольшая дырка. Из дырки периодически поддувал ветер, сама камера расположена чрезвычайно близко к тектонической зоне, по которой пещера хорошо идет, и именно от этого места должна идти в сторону Хашм-Ойика, до которого всего несколько сот метров. Словом, перспективы налицо и достаточно радужны. Но — все раскопки дали дополнительно только десять метров, после чего стало совсем тяжело. Это было чем-то вроде ныряния в бывший сифон — раздолбание толстой корки на поверхности исчезнувшей воды, проползание между обросшими массивными кристаллами кальцита скалами, опять раздолбание корки, но уже над головой, и — чрезвычайно сложно разбирающийся завал.

Вообще ОСХИ — место уникальное и прелюбопытное. Странное название происходит от исследовавшей ОСХИ группы, которая была из спелеосекции Оренбургского сельскохозяйственного института, не додумавшейся ни до чего более оригинального, чем назвать систему аббревиатурой своей alma mater. На сейчас первоначальный смысл названия совершенно потерялся за новой трактовкой вполне в духе кап-кутанской терминологии. Когда новичок спрашивает, что это за название такое — ОСХИ, ему на полном серьезе объясняют, что ОСХИ — это такое место, где растут ОСХУевины. И в самом деле, более меткого названия для не поддающихся никакой классификации ОСХИ-шных геликтитов придумать трудно.

* * *

Экскурсия в ОСХИ и нарушила все составленные планы — Свистунов уже лет пять как на Кугитанге не был, и потому не мог показать Мартину ни одного действительно достойного места — все они были открыты позже. То есть, Мартин по итогам экскурсий, состоявшихся до нашего приезда, был в полном восторге, но то, что он увидел в ОСХИ, повергло его в шок. И он решил наплевать на всю распланированную поездку со всякой Бухарой и прочим Самаркандом, оставшись с нашей группой на условиях обычного участника до тех пор, пока позволяла степень свободы обратного авиабилета. Замечу, что права участника в моих экспедициях не шибко широки. Основное время идет на раскопки, первопрохождения и топографию, и только три дня за две недели идет на «произвольную программу» — фотографию, минералогию и так далее. Словом, перетащили Мартина к себе и отправили Свистунова домой.

Срывать свою программу я не привык и распорядок экспедиций держу по-диктаторски железно. Собственно, это и привело к тому, что Мартин в результате получил от этой экспедиции гораздо больше впечатлений, чем ожидал. Вероятно, пещера сжалилась именно над ним и приоткрыла перед нами самый минералогически интересный из своих лабиринтов.

Ладно, буду по порядку. Дальний запад пещеры не исчерпывался Двухэтажным Залом и районом ОСХИ, а имел еще одно продолжение — лабиринт Сказка-Дальняя. Это —

достаточно длинный и более чем достаточно шкурный лабиринт, возникший «на руинах» дальней части Двухэтажного Зала. В смысле — это лабиринт щелей и камер вывала, оставшихся над крышей полностью заваленного зала. В порядке исключения — красиво обнатеченный. Несколько его углов, судя по рисовке карты и по разговорам с членами открывшей его Вятчинской группы, были более чем подозрительны и явно требовали перепроверки. Мой принцип — никогда не бывать на периметре без крайней необходимости, поэтому в первый же собственно экспедиционный день я решил сачкануть, взять фотодень, аппаратуру и Мартина, и рвануть на восток пещеры, а Володя с Леной двинулись на рекогносцировочный выход — осмотреть перспективные точки.

Вечером ребята доложились — из шести точек нашли пять. Из них две сомнительных, еще в двух копать можно, а в последней — нужно. Но, возможно, долго — завал основательный. И с забитыми гипсовыми корками промежутками между глыб. Так что ничего не видно, но по всем структурам — пойти должно, да и сами гипсовые корки — хороший признак. Не говоря уж о явном ветре.

* * *

На следующий день сменили расстановку игроков — Леня с Мартиным на рекогносцировку в дальние хвосты ОСХИ, а мы с Володей — копать. Туда, где нужно. Много копать не пришлось — ребята просто плохо смотрели. Или же хорошо смотрели, но копать не начинали. Даже без молотка, просто ударами кулака, все мешающие выступы за пять минут убрались, и появилась вполне проходимая дыра. Сначала ход не просматривался просто из-за двух резких поворотов. Зато метрах в четырех от первого прижима встала серьезная проблема. За маленьким полукруглым очком видны были существенное расширение и ходы как минимум в двух направлениях, но само очко было в монолитном известняке. Том самом, от которого кувалда отскакивает с чистым и мелодичным звоном, а также пучком искр. И длиной около метра, и без единого острого угла, в который можно было бы упереться зубилом. Словом, динамиту бы, да нету.

А ничего — после двухчасового долбежа удалось-таки стесать миллиметров пять с самого узкого места, и этого было уже достаточно, чтобы попытаться пропихнуть туда кого потоньше (то есть Володю), а с той стороны замах для удара виделся не в пример удобнее. Так и вышло — после десятиминутных усилий и раздевшись до трусов, Володя пропихнулся. Даже без вазелина. И немедленно сообщил, что ходы действительно идут, причем достаточно далеко, чтобы сразу заводить топорьем. Это настолько окрылило, что еще через полчаса очко стесали так, чтобы мог попытаться пролезть и я. Впрочем, настолько впритирку, что давно такого не попадалось! Пожалуй, в сопоставимую дрянь вообще приходилось лазить только в Подмоскovie — в Полушкино, и то только в детстве, а позднее я туда перестал вписываться. Но Полушкино — это экскурсия, а здесь — первопрохождение. Азарт подхлестывает. Так что можно и попытаться вернуться в прошлое, хотя бы по толщине и гибкости.

Ассоциации с Полушкиным не очень радовали. Там пещера уж больно сильно устроена по принципу ниппеля — внутри прослизываешь под собственным весом, а обратно без посторонней помощи практически никак невозможно. Практически каждый наш визит в Полушкино заканчивался однотипно. Пока мы отдыхали после вылезания, к берегу Москва-реки причаливала байдарка, на берег десантировалась команда здоровенных жлобов, спрашивала, где тут пещера, и — исчезала внутри. Не оставив никого на поверхности. А через пару часов из входа начинали нестись вопли — спасайте, мол, кто может. Это даже стало восприниматься как добрая традиция — съездить в Полушкино и подергать из пещеры каких-нибудь чудаков.

Хотя, с другой стороны, именно Полушкино продемонстрировало мне в полной мере, насколько неисчерпаемы возможности человека в критических ситуациях, и насколько вредно запугивание будущих спелеологов и альпинистов последствиями нештатных

ситуаций. А произошло в тот раз в Полушкине вот что. Двое относительно малолетних балбесов поехали в пещеру зимой, при температуре минус пятнадцать градусов. Первый из них полез. В форме одежды — ватник, а под ним три свитера. И зачем-то в позе вниз головой. Разумеется, мимо пупыря — натечной блямбы на одной из стен, создающей главную узость, он не пролез. И так же само собой разумеется, что когда он дал задний ход, вся эта амуниция скаталась у него под мышками и заклинила его в щели вмертвую. А его напарник — такой же балбес — вместо того, чтобы порезать на парне одежду и подпихнуть его вперед, начал дергать за торчащие из входа ноги, заклинивая его еще сильнее, а чтобы за ноги было удобнее держаться — снял с них ботинки и носки. А мог бы пробежать всего километр до деревни и организовать подмогу. И развлекался подобным образом сутки подряд. Пока наш спасотряд не вызвали обеспокоенные родители застрявшего. Приехали. Имеем: человек висит вниз головой сутки подряд, голой спиной и голым животом на камнях (минус пятнадцать!), неподвижные голые ноги торчат вверх (опять же минус пятнадцать!), на вытянутой вперед «нижней» руке напрочь пережаты основные сосуды. По всем законам альпинистским, спелеологическим и медицинским, парень должен был часа через четыре помереть от переохлаждения, а еще часов через десять — второй раз — от инсульта. И обычно так и бывает — спелеолог, порвавший гидрокостюм в холодной и мокрой пещере, и не имеющий возможности устроить обогрев и заклеиться, так и помирает. Но здесь был особый случай — парень всех этих законов не знал, и помирать не собирался. И — не просто выжил, но даже не поплатился ни единым пальцем!

Так что кому-кому, а мне на собственном опыте было хорошо известно, что страхи всевозможных застреваний сильно преувеличены. Да и ребята знали, где мы. В случае чего максимум через сутки появились бы нас спасать. А все равно было не по себе. Сколь угодно узкая щель — это одно. В ней есть свобода действий хотя бы для одной руки, и тем самым надежда на себя самого. Очко, по габариту точно объемлющее тело, никакой свободы действий не оставляет, и если сам не пролез и не вылез назад, придется дергать извне. А это чревато чем-нибудь сломанным или раздавленным, что может сделать всю обратную дорогу чрезвычайно неприятной. Несмотря аптечку, которую нам, как всегда, комплектовала Галя Куланина и в которой было все, вплоть до промедола. До сих пор не понимаю, как ей это удавалось.

* * *

Ладно, пролез. И зря себя запугивал — дырка достаточно широкая и комфортная. Перекур, перекус, рулетку размотать, компас проверить, и — в путь.

В топосъемочной двойке я всегда иду вторым, и даже не потому, что не хочу видеть тупиков, а просто меряю и рисую лучше других. Так что все интересные находки в этот раз достались Володе. Открывшийся район не прятал своих интересностей, а даже прямо-таки хвастался ими, выпячивая все в таких формах и цветах, чтобы пройти мимо, не обратив внимания, не мог никто — даже самый далекий от геологии человек. Впрочем, Володя к таким как раз не относится — хоть и физик, а человек чрезвычайно наблюдательный.

Уже через полсотни метров спереди донеслось многообещающее дзинь-бля-дзинь-бля. Дополз. Впечатляло. Новое издание ОСХИ, да и только. А спереди, со следующего пикета, уже доносились совершенно странные звуки, из которых ничего, кроме интонации крайнего удивления, не дешифрировалось. И было с чего. Геликтиты там были уже существенно длиннее и красивее ОСХУевых, и к тому же половина их была окрашена в ярко-зеленый цвет, прямо бьющий по глазам непохожестью ни на какие цветовые оттенки, ранее виденные в пещерах. И, между прочим, так и было — во всех известных пещерах мира зеленый цвет натексов, крайне редкий и сам по себе, появляется от примеси меди. А здесь — никеля, что и обуславливает немного другие оттенки.

Если в любых других интересных районах пещеры нечто принципиально новое приносил в лучшем случае каждый следующий зал, то здесь — каждый следующий пикет, то

есть прогон до ближайшего поворота или, в идеальном случае, до конца десятиметровой рулетки. Уже на следующем пикете Володя обнаружил совсем странные дела — кучки зеленоватых скорлупок-осколков. Как будто сферолит из какого-то странного минерала вдруг увеличил свой объем и от того полопался и осыпался. И опять же первое впечатление и было верным — минерал оказался впервые встреченным в пещерах и вообще очень редким соконитом, действительно вспучивающимся при увеличении влажности.

Не вполне понятно было, как двигаться дальше. Если, конечно, не пойти по пути последовательных приближений и не уменьшить на этот раз свой рост. Над озером глубиной по колено было бы вполне достаточно пространства, но — занятого пышными сплетениями геликтитов, оставляющими свободной только щелочку в метр высотой и сантиметров сорок пять шириной. Впридачу ко всему дно озера было выстелено такими роскошными цветными натеками, что их и пачкать как-то совсем не хотелось. Но пещера шла, ветер дул, шансы пройти и ничего не поломать были, и мы — рискуем. К сожалению, залитый озером ход делал пару поворотов, так что зрелище было доступно для наблюдения только частично. И совсем недоступно для вразумительного фотографирования. А зря. Спелеолог, растягивающийся в «ласточку», да еще вбок, передвигающийся на полусогнутой «нижней» ноге мелкими прыжками, да еще и по колено в воде — просто прелесть. Особенно если дополнить картину грязным комбезом, ботинками и компасом в зубах, сепулькой, повешенной на «заднюю» ногу, а заодно вписать все это в окружение совершенно непредставимой красоты каменных кружев.

Озеру повезло. Это был первый и последний день, когда оно служило сепулькарим. На следующий же день был найден и прокопан обход. Но и в первый же день один из самых длинных и красивых геликтитов над озером погиб.

За озером чувства уже немного утряслись, привыкнув к новым темпам поступления информации. Ничто дальнейшее уже не вызывало такого полного изумления, хотя интересного все равно было немало. Были и озера, над которыми нужно было передвигаться в распоре, чтобы не покалечить снежно-белых заберегов. Между прочим, тоже та еще картинка. Распор прост, когда оно достаточно узко, и эффектно выглядит, когда достаточно высоко. Распор в галерее высотой чуть больше полуметра и шириной метра полтора являет собой и акробатический этюд недюжинный, и зрелище слегка со сдвигом по фазе.

Хотя еще один проход устроил-таки нервное потрясение. Это тот, который был вымощен совершенно прозрачными и до черноты фиолетовыми кристаллами флюорита с кирпич размером. И потрясение было вызвано даже не просто их существованием, а тем, что при нажатии пальцем они рассыпались в мелкие дребезги. Вообще-то в геологии такое явление называется выветриванием — под воздействием сезонных перепадов температур и влажности в камне копяты внутренние напряжения, а трещинки распирает замерзающая в них вода. Но мы-то были в пещере, причем глубоко — в той зоне, где сезонные изменения температуры измеряются сотыми долями градуса, да и влажность меняется очень незначительно. Словом, в условиях, исключающих выветривание категорически.

Десять часов работы. Для второго, еще акклиматизационного, дня вполне достаточно, да уже и не верится, что впереди еще далеко до серьезного препятствия. Около двухсот метров по прямой без единого зала, где можно было бы встать, и без малейших тенденций к расширению. Все равно скоро закончится. Не хочу видеть тупик. Трубим отступление.

* * *

Забазированные в сторонке на пути туда и собранные на пути обратно минералогические редкости и удивительности произвели в лагере фурор. Мартин, насмотревшись ОСХИ и прочувствовав, что видел самую фантастическую пещеру в мире, был повергнут в шок вторично. Тем более, что соконит он тоже определить не смог. А у любого профессионального минералога образец чистого минерала размером со спичечный коробок может вызвать инфаркт, если не поддается немедленной диагностике хотя бы в

первом приближении. На вечернем трепе долго придумывали название для нового района. Не вспомню, чья была идея, но предложенный вариант назвать район Зелеными Змиями была просто роскошна. Потому что:

а) В некотором приближении геликтиты похожи на змей. И именно зеленых.

б) Ходить во всей новой части можно во весь рост, но — в горизонтальном положении. Причем извиваясь именно на манер змеи между всеми этими геликтитами.

в) Растет там такое, что и в страшном сне не привидится, а разве что в состоянии белой горячки, вызванной неумеренным поглощением того самого зеленого змия.

г) И, наконец, последнее: физиономии и эмоции у вернувшихся оттуда нас, равно как и у изучившего образцы Мартина, вполне вызывали ассоциации с той же самой белой горячкой.

* * *

И — праздновали победу. А ради праздника в первый раз попытались обороть Ленин кекс. Вообще-то эпопея с кексом была одним из самых замечательных событий в экспедиции и вполне достойна отдельной главы, но книга все-таки о пещерах, а потому — попробую историю кекса слегка ужать.

Началось с эффекта испорченного телефона. Леня появился в составе экспедиции буквально за пару дней до отъезда, и стандарты на закладку модулей ему пришлось диктовать по телефону. И вместо гексы послышалось — кекс. А так как Леня — человек дисциплинированный, то, даже не выразив удивления, он побежал в магазин и напихнул во все модули по полтора кило сухого полуфабриката кексов. А для себя оправдал это соображением, что спелеологи — они все странные и разные, и хрен нас знает, вдруг мы из этого кекса лепешки научились печь. На примусе и вместо хлеба.

Хорошо, что хоть без гексы не остались — была у нас заначка всяких плюшек от прошлого года, и гексы там было навалом. Но как оприходовать кекс в условиях подземного лагеря — было серьезной проблемой. А выбрасывать — жалко.

Гекса горит слабенько, в пещере не жарко и достаточно влажно, а единственная посуда, пригодная для выпечки — алюминиевая миска — еще и обладает большей теплопроводностью, чем кекс. Так что крышка всегда холодная, и все тепло имеет место быть только в нижнем слое. Пожалуй, выпечка кекса на такой технике — единственная в истории инженерная задача, с которой мы не справились.

Ни замешивание в кекс стратегических количеств какао и сухофруктов для компенсации его малосъедобности, ни организация теплопроводности внутри (утопленными ложками), ни теплоизоляции сверху (сложенный комбез на крышке), ни периодическое перемешивание — ничто не помогало. При любом раскладе внизу оказывалось пара сантиметров угля, сверху — пара сантиметров жижи, в середине — дай Бог, если на сантиметр чего-нибудь пропеченного.

Боролись с кексом даже не одну, а три экспедиции подряд, и немалое его количество так до сих пор и забазировано. И, по всей вероятности, даже мыши с этих упражнений словили кайф и принципиально кекс не трогают. Борьба с кексом в некотором роде вошла в традицию. Раз мы даже попробовали вытащить часть запасов кекса на поверхность, дабы испечь на костре, но что из этого вышло — уже совсем другой рассказ.

* * *

На следующий день Зеленых Змиев штурмовали вчетвером. А еще точнее — втроем, так как у Мартина появилось индивидуальное, совершенно особое занятие. Как-то вследствие вчерашней эйфории совершенно потерялось ощущение пропускной способности входного очка. И если мне, Володе и Лене оно было вполне по формату, то уж никак не Мартину, превосходившему нас габаритами чуть ли не вдвое.

Так что проблема возникла немедленно. По очку было совершенно однозначно видно, что мы сделали все, что можно было сделать без взрывчатки, но Мартин туда не пролезал ни под каким соусом. Вообще-то мужественный человек. Я бы в такой ситуации сдался, да и практически любой другой тоже. Вариант, предложенный Мартином и заключавшийся в том, чтобы мы его вдвоем с той стороны со всей дурацкой мочи дергали за руки, а третий сзади опрavlял на нем зацепляющуюся одежду, был слегка самоубийственным. Равно как из соображений непосредственных травм — сам видел, как такие попытки могут заканчиваться серьезными повреждениями грудной клетки — так и из такой маленькой, но пикантной подробности, что нечто от ниппеля было и в этой дыре. Она устроена чрезвычайно физиологически и воспринимлет вставленное в нее человеческое тело ровно в единственной ориентации, в той самой, когда проходить дыру в обратном направлении приходится лежа на спине, ногами вперед и несколько вверх. То есть — чуть ли не в самой неудобной из возможных. У Володи и Лени «запас тонкости» для возвращения был очевидно достаточен, у меня — под вопросом, у Мартина — очевидно отсутствовал.

После получасового дерганья, пожалуй, отличающегося от соответствующей операции над Винни-Пухом только звуковым фоном, включающим в себя сочные выражения на нескольких языках сразу (мы из чувства солидарности тоже подключили свои неприкосновенные запасы), Мартина протащили. Причем в чистом виде предложенная технология не сработала — пришлось в качестве дополнительного стимула³³ выложить на полу перед Мартином пяток набранных поблизости интересностей. И вот только теперь Мартин, наконец, испугался. И заявил, что пока мы будем делать систему дальше, он немного поковыряется с минералогией в ближней части, после чего возьмет кувалду и займется раздолбайством в надежде учинить этому очку (далее совсем непечатно). Потому что еще один такой сеанс извращенного секса он вряд ли выдержит.

И все дальнейшее прохождение сопровождал раздававшийся сзади мерный стук кувалды. К сожалению, прямой ход, как и интуичилось вчера, метров через сорок заткнулся завалом, опять же переходящим в уменьшенное подобие Свинячьего Сыра, однако на этот раз уменьшенным не только в длину, но и по всем направлениям. Так что в дыры лабиринта еле проходила рука.

Зато боковые варианты предоставили большое количество возможностей и устроили изрядно сюрпризов. Были здесь и вертикальные участки со щелями того же типа, что в ОСХИ, и лабиринты совершенно круглых труб по полметра диаметром, равномерно обмазанных глиной, и самые разнообразные хитросплетения всевозможных красотей. Но — свободно проползаемые места быстро кончались, и дальше нужно было опять рубиться. Лопаты не хватало, а кувалда — у Мартина. Пора было сворачиваться.

Возможно, у болгар слегка другая анатомия. Во всяком случае, никакой йогой Мартин не занимался, равно как и тренировками по методу ниндзя. Тем не менее попробовал встаться в очко не ногами вперед, а головой, и — пролез. Не без труда, но безо всякой посторонней помощи. Никому из более тощих нас повторить этот трюк не удалось, хотя очко и расширилось местами аж на пару миллиметров. А позже выяснилось, что на минералогию у Мартина тоже хватило времени, и с хорошим запасом — мало того, что он обнаружил на геликтитах пропущенные нами кристаллы барита, так ведь еще и отобрал пробы всех подозрительных глин и высыпок. С того времени прошло пять лет. Мартин примерно через полгода после этой экспедиции ушел из минералогии в политику — ситуация в Болгарии становилась весьма напряженной — но догадался раздать привезенный материал по другим исследователям, и результаты до сих пор продолжают поступать. И это — еще одно из достоинств любительщины в спелеологии — вместо конкуренции имеет место быть сотрудничество.

---

³³ Вспомним, что в первоначальном значении стимул — палка для подгоняния ослов.

* * *

А Зеленые Змии шли дальше, открывая новые небольшие участки и добавляя все больше вопросов и загадок. На район был потрачен практически весь остаток этой экспедиции и половина следующей, причем в следующей был предпринят беспрецедентный эксперимент с заброской штурмового лагеря из одного человека. Больше было нельзя — и сепулять лагерь на двоих по всяким красотам не хотелось, и единственное возможное место для штурмового лагеря было не сказать, чтобы с хорошей вентиляцией.

Забавно, но ветер, дувший во входном очке, мы в итоге так и потеряли — он расплылся по лабиринту, перестал на этом ощущаться, и больше не появился ни в одном из тупиков. Более того — это произошло не только с ветром из входного очка, но и с еще одним, даже более сильным — дувшим через непроходимое второе соединение Зеленых Змиев со Сказкой-Дальней (в той точке, где «копать было можно»).

Поиски потерянного ветра дошли до логического конца — до попыток копать там, где хода нет и в помине, но есть косвенные указания на его существование в прошлом. Так, в последней камере перед завершающим «микросыром» на полу был большой сугроб гипсовых корок, не примыкающий ни к одной стене. И полусумасшедшая идея, что под этим сугробом может скрываться забитый ими вертикальный колодец, была взята в разработку. Впрочем, колодец там действительно оказался, и за ним было даже продолжение длиной целых пятнадцать метров, но — утыкающееся в очередной завал.

Скорее всего, именно в этой точке и расположен один из основных проходов в сторону Хашм-Ойика — уж больно то, чем заросла последняя галерейка, напоминает Ход Бешеных Собак, через который идет чуть ли не половина протяжек воздуха между Промежуточной и Кап-Кутаном Главным. Тем более — все это существенно ближе к Хашм-Ойику, чем даже ОСХИ, и ровно в такой же близости от несущего разлома, с которым связаны основные надежды на соединение. Прискорбно только, что постановки таких горных работ, как в Б-подвале, Зеленые Змии не выдержат — слишком узко, хрупко и красиво. В общем — не вариант.

Второй вариант — периодически посещать Змиев, укарауливая усиление ветра до такой степени, когда он сам смог бы провести нас по лабиринту к той узкой дырочке, которую мы прошляпили, несмотря на двадцатикратный прочес периметра. Или — к той мощной щели вниз в центре района, которую расчистить без динамита от расклиненных в ней глыб все равно нельзя.

Так или иначе, но до тех пор, пока источник ветра не станет совершенно понятен, никакие активные действия в Зеленых Змиях нежелательны, и район поставлен на самую жесткую консервацию. Модернизованы карты, сложена даже не одна искусственная пробка, а три, и на пыльных полах Сказки-Дальней затерты тропы, сворачивающие в нужную сторону. Примерно раз в год все это вскрывается, когда ветер в Антолитовом зале становится особенно силен, но пока безуспешно.

* * *

Экспедиция, в которой были открыты Зеленые Змии, этим открытием отнюдь не исчерпывалась. Мартина, правда, пришлось отправить, уже с риском опоздания на самолет и просрочки визы, но и оставшихся троих хватило еще на многое. Не на вскрытие новых продолжений — дважды за экспедицию такого не бывает — а на локализацию дальнейших перспектив. Так, например, была найдена и слегка подкопана щель, превратившаяся через полгода в район Первоапрельский. А в северной части пещеры были найдены новые залы с гипсовой паутиной, считавшейся утраченной с тех пор, как кто-то из экскурсантов снес ее заросли в Двухэтажном. И немало другого.

Нашлись и некоторые, правда, требующие больших раскопок, варианты прокапывания в системы, параллельные Змиям. Хотя до собственно раскопок в них никто из нас не дозрел и

до сих пор. Забавно, но в процессе поисков обхода выяснилось, что с чисто минералогической точки зрения Зеленые Змии не являются уникалом. Глаз, наметанный на найденные там новинки, немедленно обнаруживал практически все то же самое по всей Сказке-Дальней. Просто там и зелень, и барит, и хитрые силикаты не кричали о себе во весь голос, а прятались в уголках. Но — росли.

И более всего приятно было именно то, что в этой экспедиции получалось все. Как в случае с Зелеными Змиями — трех часов на рекогносцировку по теоретическим наметкам полностью хватило на нахождение той единственной точки, где система пошла. Как в случае с Первоапрельской, где тоже трехчасовой рекогносцировки хватило на то, чтобы в таком огромном и не просто устроенном зале как Низкий, с уверенностью указать на единственную перспективную щель. Как и в случае со столь же скоростным нахождением той единственной щели на севере пещеры, через которую мы, как только проблема с охраной пещеры отпадет, вскроем быстрый и легкий проход в Страну Дураков.

А еще приятны были мелкие детали быта, пронизанные таким тонким юмором, какого, пожалуй, со времен достопамятной экспедиции с Колей, ходящим за водой, так и не было. Здесь и особенности подземного лагеря в Антолитовом, единственная возможная планировка которого подразумевала кухню, совмещенную с туалетом. Зато на воду впервые за много лет был полный коммунизм. Здесь и совершенно уникально подобранный набор плюшек, превращающих каждый ужин в пир. Здесь и увлекательная борьба с мышами, донимавшими на этом лагере существенно больше, чем на любом из предыдущих. И увлекательное развлечение с кексом, не желающим поддаваться выпеканию. И, конечно, мурмули, встретившиеся после высепуливания и нагрузившие нас таким количеством своих плюшек, которые они как раз ввиду перегруза базировали в каньоне, что их в аккурат хватило для полной компенсации модуля, истраченного на Мартина.

И особенно — сцена отправки того же Мартина, до деталей напомнившая Колин вещей сон. Запад Промежуточной — очень пыльный район, а пещерная пыль чрезвычайно эффективно снимает верхний слой кожи, делая ее очень нежной и чувствительной. Поэтому не только обувь, но и одежда, одеваемая после выхода из пещеры, первые несколько дней приводит ко всяким массированным потертостям и мозолям, пока кожа обратно не огрубеет. Так вот на поверхности было уже сильно жарко, эффект набрал достаточные обороты, и уже на половине дороги Мартин начал жаловаться провожавшему его Володе, что у него жутко чешутся самые разнообразные места, особенно — причинные. Володя естественным образом отшучивался — мол, это все в предвкушении всякого разного женского пола, поджидающего Мартина в ближайшем центре культуры и цивилизации. И — так и остался на дороге с открытым ртом и выпученными глазами, когда уловленная для Мартина попутка оказалась газиком, до ушей набитом возвращавшимися с купания на Кайнаре КГРЭ-вскими девицами. Бедняге за неимением свободного места на сиденье пришлось ехать разложенным поперек машины на коленках у трех девиц сразу!

АНАТОМИЯ ПЕЩЕРЫ

Ну-у-у, доктор! Вы прямо сексуальный маньяк!

Из анекдота

Пещеры многообразны, многолики, и во многом похожи на людей. Многие пещеры, проектируя свою архитектуру и интерьеры, дают при этом такую волю воображению, что впору гусарам из роты поручика Ржевского. И примерно с той же степенью наивного и безобидного, слегка даже детского, похабства, столь ценимого в достаточно широких ограниченных кругах исследователей пещер. А те — подчас с большим удовольствием подыгрывают.

Не буду советовать дамам пропускать эту главу — как известно, самые неприличные анекдоты рассказывают именно дамы в дамском же обществе, а в самых похабных анекдотах

нет ни одного матерного слова. Даже не буду советовать пропустить ее школьникам — анатомию они и так изучают. Собственно, здесь будет примерно то же самое — анатомия во всех подробностях, но без намека на эротику. Возможно, некоторым даже это покажется неприличным — так вот пусть именно они и пролистнут несколько страниц. Но — упустят многое. Без этой главы рассказ о пещерах полон не будет.

Среди спелеологов сексуальных маньяков обычно не встречается. Во всяком случае, мне не попадались ни разу. И даже в экспедициях, имеющих исключительно мужской состав, при вечернем трепе и травлении анекдотов, сексуальная тематика занимает чуть ли не последнее место. Что само по себе удивительно, но речь не совсем о том. А о том, что она тематика гораздо чаще возникает при непосредственном общении с пещерой на выходах.

И возникает не просто так. Даже в быту, среди не-спелеологов, достаточно распространено мнение, что любой сталактит похож на фаллос.³⁴ Оно, конечно, полный бред — среди различных типов натеков на вышеупомянутый член менее всего похожи именно сталактиты, но суть схвачена в целом верно. И даже более — двусмысленное, а подчас и совершенно однозначное толкование вызывают не только натеки. Похабным видом подчас отличаются самые разнообразные элементы архитектуры пещер, причем бывают похожи отнюдь не только на фаллосы, а степень неприличия наблюдаемого иногда может переходить все мыслимые и немыслимые рамки.

Даже при абсолютной нелюбви спелеологов к сравнению форм натеков с чем бы то ни было, обойтись без сравнений со всякими неприличными частями тела ну просто нельзя. При всей фантазии природа не смогла ограничиться только формами, которые интересны сами по себе. Может быть, ей захотелось просто поразвлечься, а может быть, в этом есть какой-либо глубокий смысл, но только в убранстве отдельных залов встречаются настолько фантастически натуральные предметы, что просто не по себе становится.

И особенно это распространено именно в пещерах Средней Азии. Может быть потому, что местное население, несмотря на мусульманскую мораль, лелеет в душе некоторый культ фаллоса, и природа решила им подыграть. Возможно, причина другая. Но такой степени натуралистичности и символичности, как в пещерах Средней Азии, нигде больше наблюдать не приходилось.

* * *

Первое мое столкновение с суровой реальностью произошло в Хайдаркане. Мы тогда поехали на одну заброшенную штольню, вскрывающую очень интересную небольшую пещерку, к тому же, по слухам, не до конца разграбленную. Так оно и оказалось, и даже интереснее. Когда проводник привел нас в последний зал и объяснил, что вот здесь у пещеры конец, он на самом деле там и оказался. Только минут через пять наш начальник Таня захлопнула обратно рот и начала комментировать. По-моему, проводник ничего такого не имел в виду, но слово «конец» совершенно идеально подходило к полутораметровому причиндалу, росшему горизонтально с дальней стены тупика. И раскрашенному в нежно-розовые цвета.

И когда рабочие на действующем руднике, давясь от хохота, повели нас показывать недавно вскрытую на 32-й штольне и пока еще живую пещеру, мы ее осмотрели, а потом две недели подряд только и делали, что изобретали предлоги, чтобы не вести туда Таню, как она того не требовала. Если дама настолько впечатлительна, что в мужской компании комментирует свои впечатления от конца пещеры Красной, то вести ее в пещеру Тысячех...вую мог только маньяк. Потому что там со всех потолков обоих залов пещеры

---

³⁴ Даже в Минералогическом Музее АН СССР на эту тему произошла замечательная история — сочиняя этикетку к весьма откровенной формы пиритовой конкреции, мужской персонал музея так и не смог придумать ничего, кроме как «конкреция пенисовидная». На что женский персонал учинил бунт, и заставил переименовать «конкрецией сталактитовидной».

действительно свисали тысячи предметов, размером от сантиметров до метров, исполненные со всеми анатомическими подробностями и в натуральном цвете.

Сказав — предметов, я не оговорился. Потому что с точки зрения науки это были штуки абсолютно невозможные, необъяснимые и даже невообразимые. Они не были сталактитами, они не были геликтитами, и то, как они выглядели на срезе, оставляло полное впечатление, что мы опять же имеем дело с анатомией, а не минералами. Питающие каналы по центру были совершенно бесформенные, извивающиеся и ветвящиеся, со стенками, лишенными какой бы то ни было кристаллической структуры. Головка оформлялась совершенно непонятного происхождения радиально-лучистым агрегатом. И все это было одето в никак не согласующуюся с внутренней частью морщинистую «кожу» из непрозрачного подкрашенного кальцита, еще и подрастворенную на кончике. То есть — абсолютно непонятно и натурально до неприличия.

О пещере этой до сих пор ходят легенды. Как и все пещеры Хайдаркана, она была обречена на скорое уничтожение рудником, и затем мы туда и приехали, чтобы собирать музейный материал, да и не мы одни. Так вот подобные предметы оттуда до сих пор являются жемчужинами многих музейных собраний, но никогда не экспонируются на публику, а хранятся в запасниках на специальной полочке с традиционной коллекцией на тему «земля и муди». Кстати, непонятно, почему. Однако даже организаторы московских выставок «Удивительное в камне» ни разу не выставили ни одну из таких подборок.

* * *

До некоторых пор пещеры системы Кап-Кутан сохраняли строгую мораль. В них не было известно ни единого натека, наводящего на подобные мысли. Но, как известно, в тихом омуте черти водятся. И со временем Кап-Кутан показал все, на что способен. Но не сразу. С тем самым постепенным нарастанием эффекта, по которому угадывается чудовищная скрытая мощь. И в то же время — с удивительным чувством меры.

Первые признаки грядущего изобилия появились на первопрохождении Промежуточной. Зал Ишачий. Название уходит своими корнями к главной достопримечательности зала, к сожалению, ныне полностью уничтоженного. Весь декор зала был спланирован так, чтобы выделить и подчеркнуть эту достопримечательность — идеально натуралистичный ишачий фаллос, горделиво висящий с потолка посередине зала. Который нельзя было не заметить, и нельзя было проинтерпретировать каким бы то ни было иным способом.

Этот зал мы тогда нашли последним. И изумительной красоты зал с эдаким чудом посередине был глубоко символичен — вот вам, мол, ребята, последняя порция красот, и вот вам хрен чего больше. Большой, толстый, красивый и гордо выделяющийся из пейзажа.

Собственно, Ишачьим не все ограничивалось. В районе Сказка висело найденное за пару часов до того совершенно изумительное по натуральности формы, цвета и размера коровье вымя. Но оно тогда не произвело особого впечатления. Пещера, занявшись моделированием на анималистические темы, упустила из виду, что в животных для людей похабно не все, что похабно в самих людях. А заметив ошибку — с блеском ее исправила, предъявив Ишачий.

Несколько лет все было тихо, и зал Ишачий даже успел войти в легенду как единственный неприличный зал в пещерах системы. И к 1993 году ностальгия спелеологов, особенно фотографов, по чему-нибудь эдакому начала перерастать в непристойные поползновения разглядеть нечто там, где ничего нет. Пещера опять отреагировала весьма своеобразным образом — нате, мол, вам, ребята, кушайте на здоровье, только смотрите, не лопните. И открыла небольшой лабиринт за залом КАФ в Кап-Кутане Главном. С десятком узких шкурников и единственным небольшим залом.

Кап-Кутан — пещера вообще необычная, и очень любящая подбрасывать сюрпризы и загадки даже опытным спелеологам. И то, что повешено в зале Сексуальных Кошмаров,

является одним из ярчайших проявлений этой закономерности. Голый натурализм, дополненный разнузданной фантазией художника-авангардиста. Примерно так. Во всяком случае, творения типа абсолютно реалистичного фаллоса натурального размера, снабженного мошонкой длиной в метр, в которой болтается полтора десятка яиц, очень трудно воспринимать иначе. А подобных там висело несколько десятков, в самых разнообразных вариациях.

И если бы только на темы фаллосов. Отрицательные, так сказать, формы рельефа, в этом зале наводят на совершенно аналогичные размышления и ассоциации. С поправкой на другой пол. И исполнено все с той же степенью гротескности и абстракции. Сроду не представлял, что такое распространенное в анекдотах и поговорках понятие, как п...а с зубами, может существовать в реальности. Причем когда и она, и зубы изваяны исключительно натурально, но — такого размера, что бегемоту впору. Как говорится, каждый понимает все в меру собственной испорченности. В этом зале данная теория совершенно не работает. Несмотря на сильные отступления от натурализма, никаких иных ассоциаций, кроме описанных, ни у кого не возникает. Мы даже специально ставили эксперименты, приводя туда новичков обоего пола, ни о чем их не предупреждая. И ловили большой кайф, наблюдая и слушая возникающие реакции, но так и не смогли заметить никакой корреляции с уровнем испорченности, который, по понятным причинам, у всех различен. Реакция известных похабников ничем не отличалась от реакции скромных молодых девиц, и все потому, что это — не похабство, а именно анатомия, хоть и слегка сюрреалистическая.

Этого зала хватило лет на пять. Потом понемногу началось пресыщение. К тому же аппетиты наблюдателей были вполне удовлетворены, но фотографов — никак нет. То, что в натуре выглядело совершенно потрясающе, на снимках полностью терялось. Вероятно, это свойство всех авангардистских произведений искусства — невозможность даже частичного их восприятия по копиям. Да и физически зал с его небольшими объемами просто не позволял снять наиболее крупные и интересные элементы с достаточной глубиной резкости.

Так что следующая, еще более натуралистичная, версия, должна была появиться. Что и не замедлило произойти. И опять в Промежуточной, решившей переквалифицироваться с рассказов о животных на более человеческую тематику. И опять с глубоким символизмом.

Мы тогда исследовали район Зеленых Змиев, по своей минералогии самый интересный, необычный и непонятный в системе. Более или менее сразу стало ясно, что мы имеем дело с чем-то совершенно уникальным. Новые для пещеры минералы сыпались, как горох. И было ясно: нормально изучить, откуда они берутся, мы не сможем никогда — для того, чтобы в любом месте добраться до питающих трещин, пришлось бы снести огромное количество совершенно феноменальных красот. Рука на это не поднималась. Оставалось только строить всякие гипотетические модели, да и то они никак не хотели связываться воедино.

И пещера решила с присущим ей юмором в сочетании с наглядностью проиллюстрировать тот тезис, что хрен мы когда пойдем Зеленых Змиев. Собрав самые экзотические из этих минералов воедино и вылепивши из них самый реалистичный фаллос, который мне когда-либо приходилось видеть в пещерах. Даже с рыжей шерстью на лобке, капелькой на кончике и лужицей внизу. И на этот раз — вполне поддающийся фотоаппарату. И даже, можно сказать, позирующий с удовольствием — сбоку как специально устроено сиденье для фотографа и полочка для раскладывания запасных пленок и объективов. А главное — отнесенный вбок от основных красот Зеленых Змиев. Видимо, специально, чтобы не смешивать ощущения.

Это чудо природы полностью затмило предыдущего кумира. В сравнении с творениями из Зала Сексуальных Кошмаров, оно воспринималось как вечные ценности, как картины старых мастеров. В моих последних экспедициях в Промежуточную не было никого, кто бы не совершил туда паломничества. И то, что для взгляда на эту единственную картину нужно пару часов ползти по весьма костоломным шкурникам, воспринималось совершенно как должное.

* * *

Как я уже отметил, самые похабные анекдоты матерных слов не содержат. В пещере мы имеем то же самое. Если формы натеков иногда оказываются даже чересчур реалистичными и откровенными, то это все равно еще цветочки — самые неприличные аналогии и аллегории возникают как раз там, где ни одного неприлично выглядящего натек нет и в помине.

Практически невозможно ни описать словами, ни передать на фотографии ту однозначность ассоциаций, которая возникает в большинстве вертикальных участков пещер. Иного определения, чем «половая щель», для многих узких колодцев придумать просто невозможно. Даже если иметь в виду только внешний вид. То, насколько их внутреннее устройство это впечатление дополняет, а еще в большей степени то, как спелеологу приходится приспособливать всю свою собственную анатомию к анатомии данной конкретной щели, уподобляясь при этом понятно, чему, не поддается уже никаким описаниям. То есть, абсолютная физиология получается. Вплоть до того, что при застревании в подобной щели для самоподбадривания используется не традиционный многоэтажный мат, а именно строго научные анатомические термины. Описывающие каждый отдельно взятый мускул и каждую отдельно взятую кость данной щели вместе с предполагаемыми способами мимо них просочиться. И с комментариями, в каких частях оной щели расположить при этом собственные кости и мускулы. Особо узкие лазы не любят почтительно относиться к анатомии спелеолога. Ситуация, когда в некоторый шкурник вроде бы пролезается, но при этом застревает левое яйцо, не есть анекдот, а самая что ни на есть суровая реальность. И гораздо более часто возникающая, чем можно было бы предположить. Это в принципе мало понятно. Теоретически, у человека есть три ограничивающих пролезаемость элемента — череп, грудная клетка и тазовые кости. Все остальное есть мягкие вещи, которые могут упаковываться и перетекать. И если вы лезете в очко, длиной в несколько сантиметров, или в ровную узкую щель, так оно и есть. Рекордсмены среди спелеологов могут пролезть в короткие дырки невероятно малых размеров. Евгений Стародубов, к примеру, при мне пролезал в прямоугольную дыру размером семнадцать на тридцать сантиметров. Но если это — шкурник, имеющий ненулевую длину, да еще и изогнутый — расклад совсем иной. Длинные кости рук и ног вписываются в повороты, как правило, в единственном положении, причем обычно самом неудобном. Когда в миллиметры, оставшиеся свободными, мягкие ткани уже не пропихиваются. Может застрять все, что угодно, вплоть до уха или нижней губы.

Непристойное поведение пещеры совсем не обязательно имеет именно сексуальный характер. Пещеры на выдумки богаты и могут предложить самые разнообразные варианты. Тот колодец, который приходится проползать в Ходжаанкамаре для попадания в нижнюю галерею коротким путем, никаких непосредственно похабных ассоциаций вызвать не может. Ну что может быть особо похабного в унитазе? А именно этот сантехнический шедевр и смоделирован во всех подробностях, разве что в чуть увеличенном масштабе. Ровно настолько, чтобы быть проходимым, но не настолько, чтобы выглядеть проходимым. И полез в него Володя Шандер только из принципа, безо всякой надежды в самом деле пролезть. Что и добавило ситуации пикантности, до чрезвычайности оживив в памяти геройский подвиг просочившегося в канализацию майора Пронина. Особенно — по бессмысленности. Потому что Володя, промучившийся два часа в потрохах этого унитаза и выпавший в магистральный канализационный стояк, оказался под потолком главной галереи нижнего этажа, в которой прямо под ним сидела и пила чай группа топосъемки. А забавно. Что просочиться в унитаз можно единственным способом — находясь спиной к бачку, вставить ноги в сифон, постепенно их выгибая назад до упора, потом в этой позе повернуться вокруг собственной оси и продолжить движение, лежа на спине. Так что не только знание анатомии, но и знание сантехники может оказаться вполне полезным.

Вообще понятия, связанные со всякой канализацией и ее наполнением, существенно чаще встречаются в спелеологическом обиходе, чем вариации на сексуальные темы. Даже в шестидесятые годы, когда всячески блюлась чистота русского языка и любой физиологизм был апокрифом, в любой спелеологической книге можно было встретить живописание, почему одна из галерей Красной Пещеры в Крыму называется Клоакой, а также почему одна из интереснейших Хайдарканских пещер называется просто и незатейливо Жопой. Потому что другого не дано. Нельзя в анатомии обойти скользкие темы.

А в канализационной тематике все это еще и вдвойне актуально, потому что происходит одновременное воздействие на гораздо большее количество органов чувств. Если пещера даже в строго научном смысле является в некотором роде канализационной системой для некоторого карстового района, то вполне понятно, какая роль отводится полужидкой глине, заливающей чуть ли не половину галерей. Особенно учитывая, что природный продукт к ней часто тоже добавлен. Летучие мыши — они твари прожорливые, и если их много, то на полу может быть до нескольких метров никакого не символического, а вполне настоящего гуано. Которому тот же Норбер Кастере разок долго воспевал славу после того, как сверзился вниз головой с пятиметрового уступа. Оставшись в живых только потому, что вместо камней попал в кучу оногу гуано и воткнулся вполне по пояс.

* * *

Последний, и, пожалуй, наиболее важный штрих — это то, что во взаимоотношениях с пещерой ну просто никак нельзя обойтись без такого приспособления, как презерватив. Опять же, как в переносном, так и в самом прямом смысле.

Масштабы закупок спелеологами презервативов в аптеках повергают продавцов в изумление. Оговорюсь — повергали. Сейчас они стали слишком дороги, и в большинстве случаев приходится использовать другие, гораздо менее удобные и надежные, средства типа полиэтиленовой пленки.

А жаль. Потому, что ничего более удобного для герметизации всего, что может отсыреть, так и не придумано. А в пещере это просто жизненно важно. Оставленный на десять минут коробок спичек размокает даже просто от влаги воздуха вполне достаточно для того, чтобы спички перестали зажигаться. О сигаретах и говорить не приходится. А гекса активно пожирает влагу из воздуха до тех пор, пока полностью в ней не растворится и не утечет. Поэтому каждый коробок спичек, каждая пачка сигарет, каждый столбик гексы — упаковываются в отдельные презервативы.

Нельзя утверждать, что спелеологи здесь оригинальны — подобные «нештатные» применения презервативов весьма распространены и многообразны. Как-то мы ради интереса попробовали их подсчитать, и получили более тридцати. Поистине, нет среди человеческих изобретений более универсального приспособления, кроме, разве что, колеса. Но более жизненно важной роли, чем в спелеологии, презерватив не играет ни в одной другой отрасли человеческой деятельности.

И не случайно всевозможные аналогии и ассоциации на презервативную тематику тоже составляют неотъемлемую часть спелеологии. Взять, к примеру, такой предмет обихода, как гидрокостюм. Учитывая, чему уподобляется спелеолог, лазая по всяким разным половым щелям, воспринять гидрокостюм иначе, чем презерватив-переросток трудно. В особенности если принять во внимание его резиновую сущность, основное предназначение и жизненную важность. В холодных мокрых пещерах человек может прожить без гидрокостюма от силы несколько часов, а зачастую в нем приходится безвылазно находиться даже сутками. Спелеолог относится к устройству и состоянию своего гидрокостюма с трепетной нежностью. Большинство даже не удовлетворяются фабричными, а строят самодельные.

Проблемы спелеологов довольно часто имеют параллели с проблемами космонавтов. Одним из главных технологических достижений в спелеологии последней четверти века, вошедшим во все туристические энциклопедии, явилось отнюдь не изобретение новой

техники для вертикалей, и не новых источников света, и даже не новой подводной техники. А изобретение общедоступной методики организации гульфика у гидрокостюма. Такого, чтобы и расстегнуть было можно за разумное время, и чтобы вода не протекала. Даже если нырять придется.

Очевидно, что всякая пустая сепулька — тоже в определенном смысле презерватив. Особенно, если она — гидросепулька, то есть приспособленная для протаскивания в воде или под водой. Сходство формы, конструкции и идей просто поразительное, а титанический размер впечатляет. И особенно впечатляет тот факт, что большинство сепулек просто как в том анекдоте — заплата на заплате. А так как в лагере пустая сепулька, дабы не быть затоптанной в грязь и забазированной, надевается на ближайший сталагмит, это опять же дает прекрасную почву для трепа и шуток.

Кстати, что интересно. Практически в любом языке для обозначения презерватива имеется два слова — приличное и неприличное. Не очень понимаю, почему, но среди зарубежных спелеологов чаще используются менее приличные варианты, а среди наших они совершенно не в ходу. Вид сепулек, надетых на сталагмиты, при международных составах экспедиций всегда является поводом к обмену опытом в смысле непечатных слов и выражений. Так вот объяснить, что слово «презерватив» отнюдь не является в русском языке неприличным, бывает трудно до чрезвычайности.

* * *

Ясно, что при таком обилии живых ощущений пещеры воспитывают в человеке немного нестандартное восприятие всякого анатомического и физиологического похабства. С хорошим таким креном в полудетскую непосредственность, что и делает жизнь много приятнее. А еще — сильно ее облегчает.

О МУРМУЛЯХ И ПОГРАНИЧНИКАХ

*Видишь, там сивая кобыла?
Кобылу подними-тка ты,
Да неси ее полверсты.
А. С. Пушкин*

Выход из пещеры. Возможно, самые прекрасные сутки в экспедиции, конечно, за исключением тех случаев, когда пещера серьезно пошла и приходится со страшной силой спешить на поезд. Для того чтобы экспедиция вспоминалась годами, ее подземная часть должна прийти к некоторому логическому завершению, оставив задел на будущее, а также приблизительно сутки на послевылезальный балдеж.

Спелеологи, ставящие базовый лагерь на поверхности, совершенно лишены этого совершенно необыкновенного ощущения возврата в мир подлунный, от которого за две-три недели человек успевает отвыкнуть практически полностью. Даже если спускаться в пещеру на несколько дней с мобильными штурмовыми лагерями, нить, связывающая человека с внешним миром, не рвется. Как нельзя прочувствовать всю прелесть пещеры, сходя в нее на день большой толпой, так и нельзя ощутить всю прелесть выхода на поверхность, не пожив в пещере. Именно пожив, причем именно на стационарном лагере, оборудованном с максимально возможным комфортом и начавшем восприниматься домом.

Среди всевозможных путешественников это поразительное ощущение достается только спелеологам. Ни в море, ни даже в космосе, нет такой полной оторванности от всего привычного, и, следовательно, такой степени отвыкания от всего. Когда после недели под землей человек весь следующий месяц, проснувшись ночью, начинает, не открывая глаз, хлопать вокруг ладонью в поисках своего фонаря, а проснувшись утром, искренне удивляется яркому свету и тончайшим запахам. А привычка, докурив сигарету, положить

окурков в карман вместо поисков урны, остается на годы.

Пещера — мир мягкий и малоконтрастный. Поразительно красивый, поразительно спокойный, но — совершенно лишенный острых ощущений и резких переходов. Мир, в котором действующим лицом являешься только ты. В котором не нужно искать себе место. Оно есть всегда, и ты с поразительной гармонией в этот мир вписываешься. Мир, практически ничем не похожий на нормальный, что и дает совершенно потрясающий контраст при выходе.

У многих спелеологов есть глубокое подозрение, что в основе всяких восточных сказок про пещеру Али-Бабы лежат именно ранние исследования Хашм-Ойика, достоверно известного в те времена и служившего основой для многих и многих легенд и слухов. Хоть это и недоказуемо, но, по всей видимости, так и есть. Но вот удивительно: в этих сказках прекрасно опознается реальная пещера, но ни в одной из них совершенно не пропечталось того, что она делает с человеком — насколько она обостряет все чувства и меняет все мироощущение. А если подумать, так эта тема для фольклорного творчества и богатая, и очень мало разработанная.

Я всегда предпочитаю строить высепуливание не несколькими длинными ходками, а множеством коротких. Для того чтобы не размазать во времени момент выхода на поверхность, когда уже на последних метрах галереи со всех сторон наваливаются запахи, от которых просто дуреешь, когда от ослепительно яркого света становится больно глазам, а уши слышат шелест листвы на одиноком дереве метрах в ста от входа. А на самой поверхности встречает мягкая волна жары, причем той жары, которая не выдавливает из тела пот, а просто ласкает кожу, и заставляет немедленно снять комбез, и вообще расстаться со всей одеждой, набравшейся пота и пещерной пыли. Впрочем, природа на выдумки богата, и пару раз наверху встречала вовсе не жара, а сплошной снежный покров, что не менее забавно, особенно в пустыне.

Пожалуй, из всех путешественников нечто подобное, хотя явно менее выраженное, описал только Тур Хейердал в своем «Путешествии на Кон-Тики». Контраста между реалиями путешествия и реалиями жизни на островах там конечно, гораздо меньше, но одно безусловное сходство с нашей ситуацией есть. Это — то, что состав экспедиции, несмотря на наличие основательной физической нагрузки, лишен изнуряющей работы, а также ограничен в подвижности. И прибывает на место в великолепной физической и психологической форме.

После нескольких недель подземной жизни тело набирает такую натренированность, что наверху, когда есть, где развернуться, происходит невероятный выброс энергии. Хочется лазить по вертикальным стенкам каньона, играть в футбол, словом одолевает тот самый кураж, который и придает особую прелесть жизни. К вечеру, когда багаж вчерне освобожден от подземной пыли и частично упакован, кураж достигает наивысшей точки. И начинается пугание мурмулей.

* * *

Мурмули — понятие глубокое и тонкое, и обозначает оно особую категорию туристов. Тех, кто на самом деле практически не интересуется природой, не имеет чувства туристского коллективизма, но имеет соображения, что надо «быть не хуже других». И мотаются такие по знаменитым местам толпами порой немерянными. Исходно понятие мурмульства связывалось чуть ли не исключительно с прибалтийскими туристами, монополизовавшими на территории СССР эту разновидность туризма в середине восьмидесятых. Собственно, само слово «мурмуль» происходит именно оттуда. Это какое-то прибалтийское, по-моему, эстонское, ругательство, используемое чуть ли не в половине оных групп в качестве обращения друг к другу. Означает оно что-то типа козла вонючего, но суть отнюдь не в этом. И, безусловно, не в прибалтах — типично мурмульские команды несколько позже появились и у всех прочих народностей, причем в не меньших количествах, а подчас и даже в больших.

Если в восемьдесят пятом году можно было держать пари, что встреченная банда мурмулей — из Риги или Таллина, то уже в девяностом — что из Владивостока или Новосибирска.

Мурмули не ограничиваются глазетельным туризмом. Среди них немало и «спортивных» групп, смотреть на которые даже еще более противно, чем на глазетельные. Пещеры Кугитанга таких, слава Богу, не привлекают, но, скажем, в Крыму уже довольно регулярно приходится встречать какого-нибудь мурмуля, шкандыбающего в одиночку с плато на трех конечностях. Вполне новый подход — после осмотра грохнувшегося и поломавшегося группа решает, что не критично, сам добредет до автобуса. И смывается. Дабы не нарушать программу.

Для мурмулей Кугитанг очень привлекателен, причем как в части пещер, так и в части каньонов. В начале весны иной раз можно наблюдать одновременно до десятка мурмульских групп от дюжины до сотни человек в каждой. Попервоначалу они не вызывали у нас никаких чувств, кроме тихой ненависти, но постепенно мы поняли, что более эффективного приложения для послевылезального куража, чем мелкие издевательства над мурмулями, придумать трудно. Уж до того эта публика неуклюжая, беспомощная и легковверная, да еще и как правило без чувства юмора, что просто сам Бог велел! И теперь мы, пожалуй, уже не мыслим удачной экспедиции без участия мурмулей на последнем этапе.

А началось все случайно. Вылезли мы как-то из Промежуточной, отнаблюдали роскошный закат, расплюшили оставшиеся модули, и закатили вечерний пир. Куражу выход нужен, поэтому на любое карканье куропатки и любой хрюк дикобраза, компания отзывалась жуткими воплями. На подземном лагере это удовольствие не в ходу. И акустика совсем для другого предназначена, и стиль жизни не тот. В каньоне с его эхом с десяти сторон — самое то. Тем более, что ночи на Кугитанге сказочные, потребность выть на луну у человека ничуть не меньше, чем у волка, и пара недель неудовлетворенности по вытью на луну полностью изливается этим первым вечером на поверхности.

Долго ли, коротко ли, но вдруг обнаруживаем, что на небе что-то не то. Вместо одного Млечного Пути — два. А пить вроде бы еще и не начинали — хороший кураж этого не выносит. Выпить нужно будет попозже, ближе к отбою, когда кураж начнет уступать место расслабке. Минут десять тарасились наверх, пока не поняли, в чем дело. Мурмули. Штук сто пятьдесят. Стоят с фонарями наверху вдоль обреза каньона. Пришли пещеру посмотреть, а спускаться, слыша наши вопли, боятся. Хотя заведомо видят, что нас внизу всего пять фонарей, не считая костра. Ладно, раз так, прибавляем громкости и разнообразия. Зашевелились, перегруппировались.

Через час сверху скатываются парламентареры. Один подходит, десять с дубьем за границей темноты остаются. Точно. Группа из Тарту. Козел-инструктор привез полтора десятка туристов в пещеры Кугитанга, ни разу сам не побывав вообще ни в одной пещере, и не имея ни одной даже грубой схемы. Уши — огромные. Лапша виснет замечательно. Заряд бодрости на следующий месяц обеспечен, особенно в предвкушении того, что они в пещере по нашим советам увидят.

Именно с этого случая и началась традиция пугания мурмулей. Правда, собственно пугание удается редко, но скучать все равно не приходится. Практически каждый раз, в какой бы сезон ни проводилась экспедиция, как минимум одна группа мурмулей обеспечивает радостное настроение. То они не могут найти в пещере воду, и за показание тропинки к ближайшей луже полдня собирают по всей привходовой части мусор, набросанный предыдущими мурмулями. То они просто идут вверх по каньону, не имея никаких планов в отношении пещер, но — как раз на траверзе Промежуточной понимают, что перегрузились и начинают расплюшивать рюкзаки. То их лагерь обнаруживается уже при сброске — не смогли найти пещеру, встали в самом дурном из возможных мест, а за водой бегают аж в Карлюк, причем за соленой из арыка.³⁵

---

³⁵ Традиционно для Средней Азии устраивать все водоснабжение посредством открытых каналов — арыков, проведенных от ближайшего источника или ручья.

Особый кайф всему придает то, что мурмули практически во всех случаях ездят «на арапа». Дважды в одно и то же место они попадают чрезвычайно редко, а в первый и единственный раз никогда не дают себе труда изучить, что их ждет. И большинство спелеологов заботятся о том, чтобы их ожидало как можно больше приятных сюрпризов. В смысле, приятных больше для себя. Например, запустить их на экскурсию вдоль Б-подвального водопровода. Или прицелиться в практически непроходимый шкурник, имеющий прекрасные обходы. Или даже устроить им встречу с парой привидений.

При первом опыте общения с мурмулями Володя Детинич попытался немного переборщить — тряхнуть стариной и поставить им волок. К счастью, не удалось. То есть волок он поставил, но — самому себе. Потому что занялся этим на рассвете, когда направление ветра меняется. Что было еще забавнее.

Я ни в коем случае не хочу сказать, что мурмули — плохие люди. Как говорится, мурмуль не виноват, что он мурмуль, и большинство из них — вполне приятные ребята. Их даже немного жалко. Но пугать — все равно надо. В этом есть и воспитательное значение, и чистая, почти детская радость. Тем более, что большинство из них даже не против. Как в той экспедиции, когда открыли Зеленых Змиев. Мурмули нас даже спросили, можно ли им рядом с нами палатки поставить, а мы даже ответили, что вряд ли стоит, потому что поспать мы им все равно не дадим — будем выть на луну, да их пугать. Не поверили. А мы — и не дали. А когда взрывы гомерического хохота по случаю новых приключений кекса достигли апогея, один из них даже вылез из палатки и принес нам бутылочку исключительно приятного домашнего ликера.

Вероятно, институт мурмульства уже отжил свое. В странах с рыночной экономикой публику такого рода обычно берут в оборот коммерческие туристские агентства, и предлагают им несколько более осмысленные и организованные мероприятия. А жалко. Без пугания мурмулей жизнь не полна.

* * *

До недавнего прошлого Кугитанг был пограничным районом с особым режимом въезда, и чрезвычайно любопытно выглядели взаимоотношения пограничников с сочащимися изо всех щелей мурмулями, естественным образом, никакими пропусками не обеспокоенными. Причем сочащимися не только через Чаршангу, но и пешком через горы, и на нанятых машинах по слабопроезжим дорогам в объезд хребта. Для того чтобы контролировать ситуацию, понадобилось бы много больше пограничников, чем было на Чаршангинской заставе.

И привело все это совершенно закономерным образом к чрезвычайно оригинальному раскладу. Пограничники самоограничились контролем въезда в Чаршангу на поезде, полностью закрыв глаза на все остальное. Въехав любым нелегальным образом, дальше можно было по наглomu идти прямо на заставу и договариваться, скажем, о ночлеге или бане. А ничто человеческое им, естественно, не чуждо, и хорошая беседа или даже лекция — лучшая плата за баню или ночлег.

Советская дисциплинарная система сыпалась на глаза. И возможно, что последнюю точку в отношениях с пограничниками, после которой те уже наплевали абсолютно на все, поставили даже не мурмули, а именно мы. Пробивать пропуска себе мы уже умели и предпочитали, если позволяло время, этим не пренебрегать. Первый случай откровенного наплевательства произошел в 1990 году, когда в нашей экспедиции, да и во всей истории Кугитангской спелеологии, впервые появились спелеологи из капстран, а именно англичанин Чарли Сэлф. Пропуск в район Кугитанга ему достать удалось, но в саму Чаршангу — нет. А уже в поезде выяснилось, что Чаршанга — путь единственный, так как из-за сильного снегопада перевал в Дехканабаде закрыт, и в объезд через Карши не добраться.

Меры безопасности были утроены. Группа, выехавшая на день раньше, была проинструктирована по телеграфу, чтобы по прибытии в Чаршангу для Чарли была организована машина прямо к вагону поезда, самому дальнему от вокзала и пограничников.

На пути назад мы до последнего момента отсиживались дома у одного из местных шоферов, не светясь в городе, и к поезду вышли за три минуты до его прибытия. И тут оно и началось.

Чаршанга — городок маленький и патриархальный. Все друг друга знают, и начальник вокзала узнал наших ребят, бравших билеты. А узнав — рассказал зашедшим к нему попить чайку начальнику погранзаставы и местному КГБэшнику. А те меня уже год как не видели. Вот и решили подойти поздороваться и потрепаться. Безо всяких задних мыслей.

Уезжали мы вместе с группой Володи Андрусенко — одной из самых бестолковых команд, пробовавших себя на Кугитанге. И Володю, страшно стеснявшегося во время всех пересечений наших групп, прорвало наконец побеседовать с Чарли. И именно в тот самый момент, когда упомянутая пара начальников подошла ко мне пообщаться. А у них — по штату ушки на макушке.

— Это у вас что — немцы с собой?

— Да нет, англичане.

— Слушай, а как ты на них пропуска сюда пробивал?

— Да никак.

— Как никак?

— Да вот так. Взял и привез.

В этот момент подошел поезд, и мы в него влезли, оставивши на перроне двух совершенно обалдевших от такой наглости майоров с раскрытыми ртами. И с этого момента нас больше никогда и никто не проверял.

* * *

Двухнедельное ползание по узким щелям и ежедневное сливание нескольких литров пота воздействует на организм совершенно невероятным образом. Здесь и великолепная натренированность всех мышц, сколько их ни есть в человеческом теле, и полное выведение всевозможных шлаков. Результат — все нипочем, и все возможно.

Вообще-то я терпеть не могу таскать на себе рюкзаки, особенно — тяжелые. И не люблю дальние сепуляния по пещере, особенно — если они происходят в быстром темпе. И поэтому наиболее показательным примером того, как воздействует на человека длительная подземная экспедиция, будет мой собственный пример 1987 года, когда я заканчивал работу на севере Кап-Кутана в одиночку.

Естественно, я договорился с местным спасателем Игорем Кутузовым, что он в условленное время встретит меня у входа на мотоцикле — пилить до автобуса двенадцать километров с тяжелым рюкзаком было сильно лениво, да и в конце апреля месяца уже основательно жарко.

Рассчитывал высепуливание так. С хорошей натренированностью и парой сепулек — больше по проушинам не проходит — до выхода часов пять. Налегке — три. У меня три сепульки основных, тяжелых, да две с помойкой, да две пустых канистры. Итого — шесть. Ползая туда-сюда, часов за шестнадцать должен вылезти. Рассчитал время, выспался, и — вперед.

Я совершенно не представлял себе, что могу абсолютно свободно ползти по любым узостям, прицепив по десятикилограммовой сепульке к каждой ноге и перебрасывая остальные четыре перед собой. Путь до верху занял чуть больше трех часов, и ни на одной самой гнусной проушине не пришлось ползать несколько раз. Сепулька забрасывалась чуть ли не движением одного пальца, из самого неудобного положения, метра на четыре вперед, с точным попаданием в любую узкую дырочку.

Короче, на поверхности я оказался вместо утра вечером. Переоделся, вымылся,

собрался, поужинал, чаю попил, пробежался по каньону на тюльпаны полюбоваться. Больше делать нечего. И спать не хочется. И тут осенило. Ночь-то прохладная впереди. Чего я тут ждать буду, и на кой ляд Игорь утром будет лишний бензин жечь? А спущусь-ка я до равнины пешочком, и ночевать теплее будет.

Сказано-сделано. Рюкзачок кил под шестьдесят. Зато пешком, а не ползком. Какая ерунда. Идти даже приятно. Цветы вокруг, на равнине машины ездят, красивый закат намечается. Может быть, даже с зеленым лучом, который вопреки распространенному мнению, в пустынях наблюдается гораздо чаще, чем в океане.

Через километр сообразил — что-то не то. На равнине ночевать, а как же чай? Воды-то там нет. Оставляю рюкзак, беру фонарь и канистру, и — назад в пещеру. И чего там мелочиться. Канистра на пятнадцать литров — так всю ее и наполню. И начхать на лишние пятнадцать кило — сил нынче немеряно, почти как у трех богатырей вместе взятых. Приятно чувствовать себя титаном. Хотя это и не так уж надолго — стремительно набранную физическую форму организм почти так же стремительно теряет. Месяц, максимум два — и все.

Так на равнину и вышел, со стратегическим рюкзаком за плечами и канистрой в руке. И только когда расположился на ночлег, обнаружилось очередное безобразие — забыл вытряхнуть на помойку один из помойных мешков и так полным на станок и пристегнул. Теперь придется как минимум Ижбаю доставлять.

И опять пешком. Потому как утром стало жарко уже часа за три до ожидаемого приезда Игоря, а на равнине без тени не так уж комфортно. И солнце добивает, и москиты. А до Ижбая час ходу вчерашним темпом, а там — чай, айран, прохлада, беседа опять же приятная. С местными бывает тяжело при первых разговорах из-за несколько даже навязчивого любопытства и гостеприимства, но если с кем-нибудь общаться достаточно регулярно, все уже совсем по другому. Размеренно, неторопливо, и без ничего чрезмерного. И Игорь мимо не проедет. А как только он присоединится, Ижбай очередной цирк устроит — начнет его расспрашивать, причем по-узбекски, чтобы я не понял, о том, сколько у меня народу и сколько времени я здесь пробуду. Дабы немедленно доложить всем местным властям сию агентурную информацию, а мне еще раз продемонстрировать, какой он хитрый.

* * *

Естественно, что когда из пещеры вылезает группа, дурные мысли о ночевке на равнине не возникают. Слишком много развлечений, даже если абстрагироваться от мурмулей.

Играющая во всех мышцах сила сподвигает вылезших спелеологов на совершенно нетривиальные мероприятия, невысказанные в любое другое время. Например, сбегать вечером искупаться на Кайнар — восемнадцать километров в один конец. При этом и мысли не возникает, чтобы попутно добросить часть груза до Ижбая. Завтра донесем и в одну ходку, а в такой прекрасный вечер отягощать себя чем-нибудь и портить тем самым удовольствие просто нельзя.

Или устроить поисковую пробежку по хребту. Или сбегать в магазин в Карлюк. Или попробовать найти новое инженерное решение для выколачивания из комбезов и фотоаппаратов пыли. Типа торжественного выдувания ее с помощью недоиспользованного акваланга. Струя воздуха под давлением в полтора атмосферы — штука могучая и работает не хуже любой стиральной машины.

Но наиболее популярное развлечение — просто разглядывание того, от чего под землей отвыкли. Травы. Птиц. Цветов. Ящериц. Насекомых. Неба. Южная ночь и так впечатляющая, но после пещеры — вдвойне. Ощущение, что над головой может светиться что-нибудь кроме отблесков на кристаллах, совершенно непривычно. И освещенный лунным светом склон каньона виден гораздо лучше, чем стена подземного зала даже при массивном освещении в три фонаря.

Острота ощущений такова, что фотоаппараты откладываются. Сама мысль, что эта масса всего вокруг может быть зафиксирована на какой-то паршивой пленке, кажется просто кощунственной. Ни одному не только фотографу, но даже величайшему художнику, не дано отразить в своих творениях такой насыщенности чувств и ощущений, а обрезать хотя бы часть из них — значит предать всю идею. Так что, если и будем снимать что-то на поверхности, то — завтра, перед сброской.

* * *

Заветные плюшки, оставленные специально для этого вечера. Чистая посуда. Под землей воды на мытье посуды обычно не хватает, и ее просто вытирают туалетной бумагой. И реально она не чище того, что этой бумагой положено вытирать. Главные правила хорошего тона в пещере — не смотреть собеседнику в глаза (чтобы не слепить его своим налобником), и не смотреть в его тарелку, чтобы не испортить ему аппетит. С момента выхода все это немедленно отменяется. Посуда драится до блеска чуть ли не первым делом, и сервировка импровизированного стола устраивается чуть ли не как в хорошем ресторане.

Зелень. Не только та, на которую смотрят, но и та, которую едят. Десяток разновидностей дикого лука и чеснока. Дикий ревень — кислячка. Прочие вкусные съедобности, которых мы долго были лишены — миндаль, иногда даже фисташки, если урожай. Грибы изредка.

И, после того как закончится активная часть пугания мурмулей, застольная беседа. Иногда даже с преферансом или бриджем. Чистая послевылезальная радость и обострение чувств, в том числе и чувства юмора, бесподобны. Любая мелочь немедленно находит совершенно поразительную интерпретацию. Как с тем же злополучным кексом. Который мы собирались опробовать на поверхности, увлеклись пуганием мурмулей, забыли, в темноте вспомнили, первую порцию успешно сожгли, остальное оставили до утра. На столе. А Ленья, чтобы не размочило росой, пересыпал этот остаток в банку из-под заветной Володиной плюшки — мармелада «Лимонные дольки».

Черт меня дернул предположить, что в банке могли остаться мармеладные крошки, и в перерыве между раздачами опрокинуть ее себе в рот. Причем результат-то был очевиден, и не то, чтобы особенно смешон — ну, весь в муке, ну и что. Обычно при такой оказии вспоминается как максимум анекдот про слона и пельмень. Но после пещеры — все по-особому. И Володя с Ленией, мужики серьезные и не очень молодые, в ту же секунду синхронно вспомнили детсадовский похабный стишок и, сговариваясь, хором задекламировали:

— Здравствуй, дедушка Мороз, борода лопатой! Ты подарки нам принес, п...с горбатый?

Чем и учинили такой дружный рев восторга, что из лагеря мурмулей примчался депутат с бутылкой. Очень вкусной, а главное — своевременной, потому что свою уже прикончили.

Что не меняется, так это чай. Один из главных талисманов моей команды — четырехлитровый алюминиевый чайник возрастом около пятнадцати лет. Заваривать чай в котелке совершенно противоречит всему мироощущению, поэтому чайник необходим. А то, что ему за долгую жизнь пришлось вынести, делает его чуть ли не одушевленным существом, полноправным членом команды. Он выстоял даже во время Ходжаанкамарской эпопеи. Когда после полудневого ожидания очередной попутки грузились во время обеда. В кузов грузовика, в котором на растяжках был закреплен перевозимый электромотор тонны в полторы весом. По дороге все были озабочены тем, чтобы держаться от мотора подальше самим, а также не пускать под него рюкзаки с фотоаппаратурой. Так что мотор лихо отплясывал лезгинку на наспех погруженной посуде с обедом. И когда мы доехали и слезли, единственное, что поддалось восстановлению — чайник. Сплюснутый в совершеннейший блин, он был сделан из такого мягкого алюминия, что был легко перекован геологическим

молотком в форму не то, чтобы первоначальную, но более или менее отвечающую его определению и назначению как чайника. И с тех пор, несмотря на то, что у него вечно отваливается ручка и кто-нибудь на этом время от времени не слабо обжигается, чайнику прощается все, и не возникает даже мысли о его замене.

* * *

Сброска. Восемь километров пешком до Ижбая. Иногда, конечно, на машине, но это уж когда спешить приходится. Пешком проще, а там за полдня попутка всегда найдется.

Сброска сильно зависит от погоды. Если прохладно — она легка и скучна. Если жарко — трудна, но врежется в память надолго. Обычно прогулка с грузом по жаре не доставляет ни малейшего удовольствия, но здесь — дело другое. Ощущение, что в самое пекло пота идет гораздо меньше, чем при спокойном и неторопливом передвижении по пещере, не позволяет воспринимать жару как врага. И иногда это даже становится опасным. Просто можно перегрев схватить, что и происходит весьма регулярно. Хотя в моей группе до критической ситуации дело дошло только однажды. Когда пала Сивая Кобыла.

Я очень надеюсь, что Игорь Турчинов, один из наиболее интересных и вдумчивых украинских спелеологов, и лучших моих друзей, простит меня за этот пассаж, но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Когда Игорь единственный раз принял участие в нашей экспедиции (сам он специалист по пещерам Оптимистическая и Поросячка в Подолии), любимым его развлечением в лагере по вечерам было сравнивать устройство и жизнь лагеря в зале Пустынном с устройством и жизнью лагерей в Оптимистической, ставящихся в зале Сивая Кобыла. Понятно, что когда по три раза за вечер в исполнении Игоря звучала ария «Вот у нас на лагере Сивая Кобыла, а кстати, я уже рассказывал, почему он так называется?», никак иначе, чем Сивой Кобылой его уже никто не называл. Опять же повторю: не из желания его обидеть — просто нельзя таким обстоятельством не воспользоваться. И окончательно закрепилось сие прозвище именно когда Игоря хватил такой перегрев за километр до Карлюка, что его пришлось долго уговаривать идти дальше, а потом просто разгрузить и вести чуть ли не под руки. На фоне начинающих ощущаться симптомов серьезного перегрева и у всех остальных. И выглядело это именно так, как валится от усталости старый заслуженный конь — просто ложится на землю и грустно сообщает, что вы, ребята, идите, а я как-нибудь потом доползу. А Игорь отнюдь не слабак — просто привык к несколько иному. Когда я был у него в гостях в пещере Поросячка, мы вполне даже поквитались — двенадцатикилометровый ночной галоп к поезду сквозь свекловичные поля и дождь со снегом уложил меня с такой простудой и температурой за сорок, что в Тернополе он меня под руки пересаживал на другой поезд.

Между прочим, между украинскими спелеологами и московскими есть одно очень интересное сходство, оно же различие. Лабиринтовые пещеры Подолии настолько похожи на наши родные подмосковные катакомбы и по размерам, и по структуре, и по психологическому климату в группах, что можно только удивляться. Но катакомба — это катакомба, а пещера — все-таки пещера. И если москвичи, взрослея и начиная лазить в пещеры, с катакомбами расстаются, то на Украине (кроме Крыма) истинно катакомбенный дух не выветривается даже из спелеологов старшего поколения. В мельчайших деталях.

И одним из следствий этого было то, что желудки наши, воспитанные на домашних настойках и грузинских винах, не приняли привезенной Игорем бутылки отборного коньяка «три буряка» (то есть свекловичного самогона высшей пробы). Ни в качестве наркомовских, ни в качестве послевылезальной плюшки. И пришлось бедняге везти бутылку обратно в славный город Львов.

* * *

Дерево. Тень. Здоровенная раскидистая шелковица, под которой сходятся три

проселочных дороги. Здесь и будем ловить машину. До Ижбая — всего метров сто, но эти сто метров — по тому же пеклу, и даже налегке уже кажутся непроходимыми. Конечно, если за полчаса не погрузимся и не уедем — успеем оклематься, оставим дежурного и пойдем в гости. Но до того — только лежать и наслаждаться тенью. Не замечая никаких мух. И рассматривая единственное, что здесь наличествует кроме выжженной земли и подгорелого навоза — всяких сбившихся в тень насекомых.

Интересная вещь — насекомые пустыни. В горах, даже низко, есть тень от скал. Здесь же, кроме как под отдельными посаженными человеком деревьями и редкими кустиками верблюжьей колючки, тени нет совсем. И вся живность к этому приспособлена. У любого жука или муравья ноги имеют совершенно несусветную длину, а задница завернута вверх. Как для того, чтобы быстро пересекать открытые участки, так и для того, чтобы туловище ни в коем случае не касалось раскаленной земли, на которой летом впору жарить яичницу. Даже более крупные животные, типа изредка встречающихся ящериц, другие. Сто метров в горы — и там в основном живут агамы, которые хоть и корявы, и похожи внешне на каких-нибудь динозавров, разве что ростом поменьше, но по повадкам и стати — обычны. Здесь чуть ли не единственная ящерица — круглоголовка. Не бегающая, а именно прыгающая на своих длинных ногах с задранной кверху и даже закрученным колечком на спину непропорционально коротким хвостом. Единственная живность, ведущая себя привычно — та, что выходит из нор только весной или по ночам: змеи, тушканчики, черепахи.

Кстати о змеях. Вообще-то Кугитанг — признанный змеюшник, причем ядовитых змей здесь гораздо больше, чем безобидных. В большом ассортименте: гадюки, эфы, кобры, гюрзы, щитомордники. Но если их не искать специально, на глаза они попадаются чрезвычайно редко. Из всей моей команды не более половины видели хоть по разу какую-нибудь змею. Насекомая сволочь гораздо неприятнее, а часто и опаснее. Паук каракурт здесь вовсе не редкость, а всяких скорпионов и прочих фаланг — в хороший сезон просто тучи. Однако тоже — не настолько они опасны, насколько неприятны. Самая жуткая паника, возможная на Кугитанге, возникает, если ночью в палатку залезает фаланга. Воздействие этого огромного, жуткого с виду, но достаточно безобидного паука изумительно. Самый крепкий мужчина, проснувшись от того, что по лицу пробежала такая тварь, будит своим воплем все окрестности. Причем ничем ее, гаду, не прихлопнуть — скорость и маневренность страшные, поэтому вся палатка немедленно эвакуируется.

Интересно, что местное население фаланг не боится совсем, и свободно терпит их в своих домах, даже радуясь тому, как они изводят мух и тараканов. И в то же время панически боятся маленьких и очень симпатичных ящериц — гекконов, которые с мухами справляются с гораздо большей эффективностью, не кусаются совсем, да и в домах селятся с гораздо большим удовольствием.

* * *

Здесь же, под шелковицей, устраивается импровизированный госпиталь. Отученные от жесткой обуви ноги основательно стерты, спины и плечи обожжены солнцем, на плечах рубцы от лямок рюкзака. Наследие пещеры — тысячи царапин, нанесенных шариками и кристаллами — от агрессии солнца и ветра тоже воспаляются. В пещере с ними было проще — клею медицинским залил и пополз дальше. Наверху отнюдь не так просто. И последнее — губы. Тоже отвыкшие от ветра и сухости, а потому обветривающиеся и трескающиеся со страшной силой. Вообще самые важные элементы аптечки — клей и губная помада. Для использования в пещере и после выхода соответственно.

Если предпринять правильные меры, то все это безобразие начнет реально доставать только завтра, а завтра мы уже будем спокойно ехать в поезде, если, конечно, не завернем в Самарканд пошататься. А сейчас оно только позволяет скоротать оказанием первой помощи время ожидания, поиздеваться друг над другом и еще раз почувствовать, что все нам нипочем в этом простом, прекрасном, но не очень дружелюбном мире.

Постепенно рассасываемся по машинам. Найти пустую и вписаться всем сразу удается редко, а на самосвалах, возящих из устья Булак-Дары гравий для дорожного строительства, по одному человеку вполне помещается. Так что до Чаршанги обычно удается добраться еще до закрытия магазинов с плюшками.

* * *

Встреча даже с минимальной цивилизацией примерно так же ошеломляюща, как и просто с поверхностью. Остаток дня до темноты проходит в продолжении куража, но уже с переносом его в городские условия. Контраст между только что приехавшими и не доставшими еще машину мурмулями и вернувшимися с массива спелеологами поразителен. И по виду и по поведению. Благостные физиономии возвращающихся, озаренные полным отсутствием любых забот и проблем, распознаются за сотню метров. Равно как и манеры, проникнутые обстоятельностью в любой мелочи, и — полной независимостью от суетности окружающих реалий. То есть — просто как у апостолов на иконах.

Чаршанга — очень любопытно спланированный город. При всего пятнадцати тысячах жителей, его главная улица, на одном конце которой находится вокзал, а на другом — почта, имеет длину около восьми километров. Безо всякого муниципального транспорта. Так что в дневное время все как спелеологи, так и мурмули, в основном мотаются большими и маленькими группками вдоль этого своеобразного бродвея (позвонить домой все равно хочется) с большими сепульками плюшек. В поезде ехать трое суток с гаком, так что плюшек нужно много. А больше делать все равно нечего. Поезд — глубокой ночью, на вокзале скучно, пиво в местных кафешках соленое и мерзкое. И остается продолжать пугание мурмулей. К большому удовольствию местных жителей и пограничников. Вечер на вокзале — единственное, что омрачает экспедиционные впечатления. Чаршанга — прекрасный городок, и аборигены там прекрасные, но все-таки это город. Со всеми его болезнями. И то, что вокзал по вечерам используется в качестве клуба местной «золотой молодежи» — накачавшихся анашой и сексуально озабоченных ублюдков — к сожалению, тоже реальность. Хоть их в целом и немного, но попортить жизнь они могут ощутимо, даже если до драки и не дойдет. Никакой милиции на вокзале нет и в помине, пограничники появляются за пять минут до прихода очередного поезда, начальник вокзала — за пятнадцать. Так что рассчитывать приходится только на собственные силы, и поэтому приходится организовывать круговую оборону. Отгораживать в углу вокзала редут из скамеек, усиливать его рюкзаками, закладывая женщинам спать, чтобы не светились. Словом, предпринимать все меры, чтобы при возможном появлении всяких подонков мы их не заинтересовали. Отмахаться, конечно, всегда можно, но мы — пацифисты и предпочитаем избегать провокаций.

Хотя иногда все это оказывается более безобидным, чем кажется на первый взгляд. Туркмения — страна удивительная, и подчас оказывающаяся гораздо более цивилизованной, чем многие другие части бывшего СССР. Не так давно Грише Пряхину пришлось заночевать с женой и дочкой на развилке дорог посреди пустыни — за весь вечер так и не прошло попутки в нужную сторону. Уже поздно вечером к перекрестку подъехал автобус, идущий тоже не в ту сторону, и стряхнул десяток молодых ребят. Возвращающихся с какого-то праздника и потому — основательно пьяных, и по виду — тех самых. Гриша уже начал осматриваться, куда прятать жену, куда — дочку, и каким колом отмахиваться. Как вдруг кто-то из этих ребят громко объяснил: «Друзья! Здесь есть люди, которые по-нашему не понимают, так что давайте все разговаривать по-русски». И — никаких проблем.

Еще лет пять назад мирное разрешение подобной ситуации было принципиально невозможно. На среднеазиатов спиртное действует совершенно особым образом, и от пьяных, слава Богу, достаточно редко встречающихся, нужно держаться как можно дальше. Не потому, что они агрессивны. Скорее слишком занудны и назойливы. Русский человек, если перепьет, либо спать ложится, либо драку учиняет. Тот же узбек не отключится и

первым в драку не полезет никогда. Но если реально переберет — забодает всех оказавшихся поблизости уговорами выпить, требованиями сыграть в карты, волочением за дамами. И единственное, чем его можно остановить — это по морде. Чего обычно делать не хочется. Воистину, не зря Аллах пытался оградить мусульман от пьянства строжайшими запретами.

Когда в начале восьмидесятых, в переходный период Кугитангской спелеологии, мы проводили дальние поисковки с лагерями, чуть ли не основной проблемой было поставить лагерь так, чтобы его не нашли местные алкаши и не начали ездить в гости с мешками бутылок. У них почему-то русский человек ассоциируется с пьянью, а так как компанию на пьянку среди своих найти трудно, приезжие русские представляются им идеальными собутыльниками. Нам несколько раз приходилось даже эвакуировать обнаруженные ими лагеря. Потому что не пустить в гости нельзя — приезжают ведь трезвые и хорошие, да и азиатские обычаи обязывают. А раз пустить — сразу выпивка, отрубаящая начисто, и наутро уже к семи часам опохмелиться везут. Кошмар. Даже если абстрагироваться от того, какую дрянь там продают в магазинах под видом вина. Не знаю, из чего ее делают, но кайфу никакого, а голова с первого стакана трещать начинает. Да и местная манера пить не позволяет контролировать себя. На столе всегда одна бутылка — как только она закончится, так немедленно убирается, а из машины тащится следующая. После пятой уже совершенно невозможно оценить, сколько их было.

* * *

Поезд. Если за полуминутную стоянку разгрузиться со всем спелеологическим скарбом легко — можно заранее подготовиться, то загрузиться уже существенно менее просто. Во-первых, из-за некоторой неопределенности положения нужного вагона, во-вторых, из-за того, что проводник вполне может проспать и не открыть дверь, что приводит к галопу вдоль поезда с поиском хоть какой-нибудь открытой двери. А в третьих — потому что нет никакой гарантии, что места будут. Азиатские поезда — они веселые, даже если скорые, и никакого строгого понятия «место» в них обычно не существует. Так что как минимум полчаса уходит на то, чтобы устроиться. И — спать.

Как я уже писал, иногда мы заезжаем по дороге в Самарканд проветриться и побродить по древним городам Азии, но не часто. Чаще — сразу едем до Москвы, а это далеко и долго. Опять же, по пути туда время проходит быстро — слишком много снаряжения по дороге приходится ремонтировать, да и выспаться после сумасшедшей городской жизни ох, как не лишне. На обратном пути, когда энергия играет, трое суток в вагоне переносятся существенно хуже. Изредка, если компания мала и имеет достаточно близкие интересы, можно найти достойное занятие — например, написать серию научных статей, которые из-за проживания соавторов в различных городах и странах иначе никогда не были бы написаны. Немного выручают и книги. Как ни странно, в среднеазиатских городах издается порядком хорошей литературы, почему-то пренебрегаемой российскими издателями, а книжных киосков — по пять штук на каждом вокзале. Так что протрясение на каждой крупной станции окрестностей вокзала на предмет книг и плюшек — тоже традиция.

Если компания большая, тем паче студенческая, как оно обычно происходило в начале восьмидесятых, все гораздо сложнее. Удержать такую компанию в рамках приличий — то же самое, что не пустить в кабак вернувшихся из рейса матросов. Весь вагон в этом случае превращается в совершеннейший вертеп, так что даже проводники, бывает, сбегают. В 1981 году даже дошло до того, что публика распивала скорпионовку, восседая на ветерке на крыше вагона. А скорпионовка — напиток уникальный. Многие в тот раз были в Средней Азии впервые и были настолько поражены изобилием скорпионов, фаланга, сколопендр и прочей мерзости, что назапиртовали их целые бутылки. Дабы по приезде в Москву залить эпоксидной смолой, отполировать и соорудить красивые сувениры. Только вот, как уже понятно из вышеописанного, до Москвы вся эта живность не доехала — выпили, когда кончилось все остальное. И с большим удовольствием.

Кстати о Самарканде. Пожалуй, самое любопытное отличие наших спелеологов от всяких импортных проявляется именно там. И заключается в манере переодеваться. Любой из отечественных спелеологов при выходе из пещеры переодевается в нечто менее грязное, но того же типа. Зато переобувается в хорошие ботинки. И если по дороге домой попадает в город, форму одежды не меняет. Европейский или американский спелеолог не переобувается. Зато, если по дороге возникает город, переодевается чуть ли не в смокинг, оставаясь в тех же ботинках, в которых лазил по пещере, и из которых во все стороны торчат пальцы. Что создает при наблюдении со стороны весьма своеобразный контраст, впрочем, полностью гармонирующий с Востоком.

* * *

Приезд домой отнюдь не означает окончания экспедиции. Еще несколько дней будут достаточно напряженными. Нужно проявить пленки, нужно дообработать топосъемку. Отрисовать итоговые карты. Нужно, в конце концов, так забазировать снарягу, чтобы она спокойно пролежала до следующего года. И нужно, хотя бы в первом приближении, истребить в себе наиболее трудновоспринимаемые в обществе пещерные привычки. Только после этого возникает некоторое ощущение завершенности. А заодно — состояние ожидания следующей встречи с пещерой.

ВПЕРЕДИ — ТЬМА

Эта глава — вместо эпилога. Но так как связного действия в книге, в общем-то, не было, да и история исследования пещеры Кап-Кутан, не говоря об остальных пещерах Кугитанга, еще не закончилась, равно как и мои спелеологические искания, итог, приличествующий в эпилоге, подводить нечему. Да и вообще в спелеологии итогов не бывает — как заметил еще Кастере, в мире нет ни одной сколько-нибудь большой пещеры, про которую можно было бы с уверенностью сказать, что она исследована до конца. И потому я посвящаю эту заключительную главу тому, что составляет непрменный атрибут всей спелеологии — тьме.

Что впереди у данной конкретной пещеры? И что впереди у Кап-Кутанской спелеологии? И спелеологии вообще? И у чего угодно, имеющего к спелеологии хоть малейшее касательство? А ведь одно и то же — тьма. И чем она гуще, тем радужнее следует рассматривать перспективу. Как в прямом смысле, так и в любом из переносных.

Первозданная тьма пещер не поддается никакому описанию. Глаз человека — настолько тонкий инструмент, что способен видеть чуть ли не отдельные фотоны. И поэтому в обычных условиях настоящая пещерная тьма практически не может быть воссоздана. Всегда найдется какой-нибудь луч от какой-нибудь лампы или звезды, пусть просочившийся по тонким щелям, пусть отразившийся по пути пять раз, но оставшийся светом. Как в том анекдоте — чтобы гарантированно уберечься от СПИДа, наденьте четыре презерватива, обмотайте в шесть слоев синей изоляцией, наденьте пятый презерватив — и не допускайте никаких половых сношений.

В пещере стоит только выключить свет, и вас поглощает полная, первозданная, ни с чем не сравнимая тьма. Ее воздействие на человека чрезвычайно разнообразно и интересно, и по нему всегда можно сразу отличить опытного спелеолога от новичка. Новичка немедленно начинает одолевать или словесный понос, или непреодолимая тяга к производству максимально возможного шума иными методами. Мозг, лишенный привычного органа чувств, испытывает просто физиологическую потребность к увеличению информационного потока через другие шлюзы. Опытный же спелеолог умеет при наступлении тьмы добиться равновесия не искусственной перегрузкой чувств, а их обострением. Начинает вслушиваться в капель, звучащую на расстоянии сотни метров, в шелест крыльев летучих мышей, в эхо от ударов собственного сердца. Даже кожа на руке

при движении ощущает отбойный ветер от стен и тончайшие перепады температуры. В ограниченном объеме узких лазов вполне может создаться впечатление, что и без света все видно — настолько точно слух и осязание могут вырисовывать картину ближайшего окружения.

И если спелеолог вдруг остался в одиночестве без света, именно последнее обстоятельство наиболее опасно. Правило ждать спасателей, не двигаясь с места, в основном продиктовано именно способностью человека «увидеть» кожей и ушами такие щели, в которые при свете ни один псих не полезет — обычное зрение имеет тенденцию к завышению сложности прохождения. И более того — уползти по этим щелям в самый дальний, а зачастую и вообще неизвестный район пещеры. Гораздо эффективнее, чем со светом. Если бы ему для проползания нужно было ощупать каждый камень, постучаться о каждый неожиданный выступ головой — далеко бы не уполз. Но в том и состоит проклятье спасателей, что если у объекта спасения не хватило выдержки на то, чтобы дождаться на месте, то уж чувства стен и ходов ему заведомо хватит на то, чтобы вместо часа его искали двое суток.

Но в отсутствие аварийной ситуации практически все спелеологи тьму очень любят, хотя и в не очень больших дозах. Это как алкоголь. Остаться во тьме минут на пять — процедура, с совершенно необыкновенной эффективностью приводящая и мысли, и чувства в порядок, остаться на час — притупить и то, и другое.

* * *

Тьма облегчает поиск пещер и новых продолжений. Если перед вами стена каньона, и на ней чертова прорва всевозможных дыр, смело начинайте осмотр с той, которая чернее всех. Вероятность того, что если хоть одна из них ведет в пещеру, то это именно она, достаточно велика. Конечно, настоящей тьмы так не увидеть. Тьма и темнота — вещи очень разные. Темнота имеет разумный предел, диктуемый окружением. Тьма — нет. Она всегда слегка иррациональна. Немножко тьмы, подмешанной в темноту, означает неизвестность. И натренированный взгляд всегда этот оттенок видит.

Внутри пещеры — то же самое. В любой трещине, любой узкой дыре есть кристаллы, есть капли воды, и все они отражают свет. Если они его отражают меньше, чем должны — значит, дыра дальше расширяется. Если в углу зала вы видите сверкающую великолепием кристаллов галерею, можете быть уверены, что это пусть красивый, но тупик. Если вы видите темную щель — встают вопросы. Но если в темноту узкого лаза подмешано немного настоящей тьмы — немедленно вперед! И часто хваленая интуиция спелеолога во время первопрохождений именно на том и основана, что глаз различает тончайшие оттенки темноты, а мозг уже на уровне подсознания определяет ту грань, за которой темнота приобретает оттенок тьмы, означающей новый неизвестный объем.

Тьма иногда и разочаровывает. Самая перспективная и самая темная дыра может неожиданно заткнуться. Буквально за следующим поворотом. Иногда — на год, иногда — навсегда. Но практически всегда — честно. Подлости за пещерами просто не водятся, и если пещера не хочет кого-то пускать, она просто не пустит, но водить за нос не будет.

* * *

Чуть ли не главное достоинство спелеологии в ее слабой предсказуемости. В любой нормальной науке многое видно на два-три шага вперед. В пещерах и во всем, что с ними связано — на один. Дальше все равно тьма, способная скрыть что угодно и преподнести любой сюрприз. И в этом — величайшее наслаждение. Можно предсказать, что скоро галерея расширится и будет зал. Но его размеры всегда будут неожиданными. Можно предсказать, что зал должен быть красивым. Но то, что в нем обнаружится, превзойдет всякое воображение. Можно даже предсказать какую-нибудь экзотическую минералогическую

ожидаемого нового участка. Но и она преподнесет сюрприз, оказавшись зависящей не от физико-химических, а от каких-нибудь биологических процессов.

Проводимые после завершения каждой экспедиции капустники, они же слайдтвики, радикально отличаются от таковых, проводимых какими-либо туристами. Главным образом тем, что служат не только для оживления старых и обсасывания свежих воспоминаний, но и для построения планов на будущее. Пещерная тьма, в отличие от всех прочих иррациональных явлений, вполне фиксируется фотоаппаратом, а также проявляется на новых отстроенных и увязанных картах. Конечно, не черными пятнами. Тьма — многолика. Она может приобретать любые цвета и формы, оставаясь в то же время тьмой. Приобретая вид замеченных только на слайде неизвестных кристаллов. Или нелогичного поведения галерей на карте. Или — противоречия в рассказах двух человек об одном и том же тупике. Совместный поиск и обсуждение таких отражений тьмы и составляет главную цель капустника. А главное — составление планов, как эту тьму на том или ином участке развезать. Не в смысле объяснить. Всякая наука, попытки смоделировать и объяснить эти отражения тьмы, будут уже потом. И уточнение исследовательских планов — тоже потом. Но главное — фиксация проявлений тьмы и первичное черновое планирование — делается сейчас.

Поэтому капустник превращается в некоторое мистическое действо, проводящееся в соответствующей обстановке. Растормаживающая экзотика необходима. Например, пара ведер живых раков и ванна, наполненная пивом. Или — жженка по древнему гусарскому рецепту. Для успеха мероприятия необходим свежий взгляд на вещи, а для этого должен быть создан непривычный фон по максимально большему количеству органов чувств. И — свежие люди. А потому капустники — не закрытые мероприятия. Гости на них вполне бывают, но — избранные. И у спелеологов — большая честь быть приглашенным на послеэкспедиционный капустник какой-либо чужой группы. Это — признание интуитивного видения не хуже своего, но отличного по сути. Обеспечивающего хороший дополнительный взгляд со стороны, ставящий многое на свои места.

* * *

Тьмой пронизана и сама спелеология в своем глобальном смысле. Во всем своем развитии. И во всем мироощущении спелеологов. Такого количества иррациональностей как в спелеологии, трудно себе представить в любой другой группе по интересам или социальной группе. Не могу, впрочем, уверенно ручаться в этом за эпоху ее становления, но в наше время это безусловно так. Чем радужнее кажутся перспективы, тем они хуже в реальности. И чем хуже они кажутся, тем они радужнее на самом деле. И это вселяет определенный оптимизм, так как перспектив хуже, чем просматриваются в данный исторический момент, просто невозможно придумать.

В качестве примера опять вернусь к «перевороту» в отечественной спелеологии, который я частично затронул в главе «Эпоха вандализма». И копну его хоть и немного, но — вглубь. Волна спелеологических открытий конца семидесятых и начала восьмидесятых, третья в истории отечественной спелеологии, была во многом обусловлена совершенно иррациональным противостоянием двух величайших российских спелеологов того времени — Владимира Илюхина и Александра Морозова. Боровшихся за одно и то же — за охрану пещер, за безопасность подземных экспедиций, за развитие спелеологии и как науки, и как спорта. Но — друг против друга. Потому что Илюхин начал чуть раньше. И, что совершенно закономерно в обстановке отсутствия конкурирующих подходов при давлении государственных структур, пришел к содранному с альпинизма армейско-казарменному варианту организации всей спелеологии. Который вариант, несмотря на очевидный его идиотизм, привел-таки ко второму периоду расцвета отечественной спелеологии. И немедленному обратному затуханию. И вследствие распространения которого Александру Морозову, человеку на самом деле той же целеустремленности, что Илюхин, той же

бескорыстной любви к пещерам, и вероятно, даже тех же жизненных принципов, пришлось начинать в «подполье». И этим двум людям, ненавидящим любые военные действия, по совершенно иррациональному стечению обстоятельств, пришлось воздвигнуть между собой баррикады, развести спелеологов на разные их стороны и заставить воевать. По сути — под одним и тем же флагом, с одними и теми же лозунгами, не испытывая вражды друг к другу и не желая ничего завоевывать. И вот именно этот бред и привел к третьему, наиболее плодотворному, периоду расцвета спелеологии в стране.

И точно то же самое можно сказать о пещерах Кугитанга. Не были бы пещеры разгромлены самоцветчиками — их бы просто тихо уничтожили геологи и туристы. К сожалению, в условиях Средней Азии, лишенной спелеологических традиций, иного исхода быть не могло. И тихо уничтоженные пещеры так же тихо потеряли бы свою привлекательность, и не собрали бы той критической массы спелеологов, которая нарушила бы застой в их исследовании. И не было бы того каскада открытий, которыми мы так гордимся, равно как и тех новых залов, открытием которых может гордиться все человечество.

* * *

В любой науке, в любых исследованиях, в любом туристическом походе, в любой жизни есть путь. Более или менее определенный, но путь. В пещерах — нет. Только тьма. И это отсутствие пути — чуть ли главная прелесть спелеологии. Отсутствие пути — это и отсутствие необходимости этот путь расчищать, кого-то с него спихивать. Как только на короткое время появляется подобие пути, приятный климат заканчивается до тех пор, пока опять не сгустится спасительная тьма. Тьма в качестве своеобразной эмблемы спелеологии, пожалуй, сейчас даже более популярна в мире, чем традиционная летучая мышь. С одной стороны, пришло понимание важности именно тьмы, а с другой, с летучими мышами спелеологи теперь встречаются не так уж часто. И пещеры пошли вглубь, так что далеко не всякая летучая мышь залетит. И просто, как это ни прискорбно, летучих мышей распугали. Привходовые части многих пещер уже настолько посещаемы, что эти милые животные теперь предпочитают селиться в других, более тихих местах.

И, так как тьму в качестве эмблемы не нарисуешь, она нашла себе другое выражение. Максимально возможная на поверхности темнота, символизирующая пещерную тьму, наступает, как известно, в момент лунного затмения. И лунные затмения являются праздниками для всех спелеологов мира. К ним даже обычно привязываются сроки и места проведения спелеологических конгрессов. Которые, к слову, совсем не похожи на любые другие научные конгрессы. Во-первых тем, что научная программа в них всегда сопровождается технической и спортивной, а также всевозможными фотовыставками и конкурсами, выставками снаряжения, киноконкурсами и многим другим. Во-вторых — своим особенным психологическим климатом, в котором полностью отсутствует конкуренция, уступающая место чистому и бескорыстному сотрудничеству. И в-третьих — тем, что неформальное общение превалирует над официальным. В этом они даже чем-то похожи на туристские слеты, хотя публика в массе и постарше, да и основа мероприятия в первоисточнике научная. Но спелеолог — он только до тех пор спелеолог, пока лазит сам, а раз так — его интересуют и снаряжение, и фильмы, и рассказы, и, конечно, грандиозный праздник лунного затмения.

* * *

Сейчас в спелеологию пришло новое поколение. От моего остались единицы. Многих уже просто нет, а многих отсеки от пещер трудности, переживаемые страной. И опять впереди — тьма. Новое поколение практически оторвано от предыдущего и живет своими идеями и интересами. Но оно есть. И то, что оно местами труднопонимаемо, еще ничего не

значит. Пещеры накладывают свой отпечаток на человека, и если человек несовместим с пещерами — он уйдет. Если же совместим — его обязательно ждут открытия. А какие — посмотрим. И — да здравствует тьма!

Москва, март 1994

Владимир
МАЛЬЦЕВ

Размышления
спелеолога
в форме
вольного тирена

ПЕЩЕРА
МЕЧТЫ
ПЕЩЕРА
СУДЬБЫ

«АСТРЕЛЬ»